МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т.А. Бычкова

СТРАНЫ АЗИИ НА ПУТИ ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ (XVII – начало XX в.)

Учебное пособие

Редактор – д-р ист. наук В.П. Зиновьев

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

УДК 94(5)”17/20”(075.8)
ББК 63.3(5)5
Б95

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф., зам. директора ИДВ РАН **С.Г. Лузянин**;
д-р ист. наук, проф. **В.Г. Дацишен** (Сибирский федеральный университет);
канд. ист. наук, доц. **Л.С. Решетникова** (КемГУ)

Бычкова Т.А.

Б95 Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.) : учеб. пособие / под ред. В.П. Зиновьева. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – 460 с.

ISBN 978-5-9462-1436-0

В пособии излагается период истории стран Азии, связанный с трудным, болезненным переходом подавляющей части государств Востока от реалий традиционного общества к реалиям общества индустриального, с негативными и позитивными проявлениями и отдаленными последствиями эпохи колониального развития этих стран.

Для студентов исторического факультета, студентов-международников, студентов-заочников.

УДК 94(5)”17/20”(075.8)
ББК 63.3(5)5

ISBN 978-5-9462-1436-0 © Бычкова Т.А., 2014

ВВЕДЕНИЕ

Термин «Восток» является достаточно условным и в экономическом, и в политическом, и в культурном смысле. Это не столько географическое понятие, сколько историко-культурный ареал. Государства Дальнего Востока объединяет конфуцианская цивилизация; страны Южной Азии – синтез индо-буддийской и мусульманской цивилизаций; государства Ближнего и Среднего Востока – исламская цивилизация. В изучаемый нами период подавляющее число стран Востока попадают в колониальную или полуколониальную зависимость от стран Запада, и это становится их общей судьбой.

В определении **хронологических рамок** «новой истории» стран Востока существуют разные точки зрения, единой позиции пока не сложилось. Авторы многотомной серии коллективных монографий «История Востока» выделили в отдельный III том «рубеж средневековья и Нового времени», отнеся сюда период XVI–XVIII вв. как время становления колониальной системы. Они отмечают, что хронологические рамки глав по странам не всегда совпадают, ибо «история не укладывается в «прокрустово ложе» искусственных рубежей». Четвертый том «Истории Востока» озаглавлен «Восток в Новое время», и хронологические рамки определены с конца XVIII в. по начало XX в. Верхняя граница периода новой истории – начало Первой мировой войны – была избрана авторским коллективом как «рубеж между восходящей и нисходящей линиями развития колониальной системы». В этом томе даются описание и анализ восходящей линии колониализма, общие тенденции вхождения стран Востока в мировую систему, некоторые общие закономерности процесса модернизации.

Авторский коллектив учебника «Новая история стран Азии и Африки» в трёх частях под редакцией д-ра ист. наук, проф.

А.М. Родригеса придерживается того мнения, что в качестве рубежа между Средними веками и Новым временем следует рассматривать эпоху Великих географических открытий, начало которой положили плавания Христофора Колумба (1492 г.) и Васко да Гамы (1498 г.). Именно эти открытия, полагают авторы, коренным образом изменили не только географическую, но и экономическую, и политическую, и социальную картину мира. «Революция цен» на Западе стала мощнейшим катализатором развития капитализма и превращения большинства европейских держав и США в метрополии. На Востоке же замедлились темпы развития из-за кризиса феодальных структур, что превратило когда-то высокоразвитые восточные страны в колонии и полуколонии. Впервые возник общемировой экономический рынок с подчиненной ролью в нем стран Востока и впервые история стала единой. Рубежом Новой и Новейшей истории авторы обозначили грань XIX и XX вв. Аргументация авторов учебника такова: на Западе в конце XIX в. свободный капитал стал превращаться в монополистический, а на Востоке именно с конца XIX в. начинается развитие собственных капиталистических отношений, которые породили новые классы и группы общества, буржуазное революционное движение и последующие буржуазные революции («пробуждение Азии»), ставшие прологом к развалу колониальной системы.

Л.С. Васильев, ученый-китаевед, в своем двухтомном учебнике «История Востока», выдержавшем несколько переизданий, делит всю историю Востока на такие периоды: древний Восток, средневековый Восток, период колониализма и современный Восток. Период европейской торговой экспансии на Восток, который начался в XVI в., Л.С. Васильев не относит к периоду колониализма на том основании, что он не вел к кардинальным изменениям и существенной деформации экономик традиционных восточных обществ – европейцев на этом этапе привлекали лишь пряности и рабы, а к торговому обмену Восток был привычен. Он считает, что

целесообразно хронологически начинать период колониализма на Востоке с XIX в., ибо именно с этого времени начинается колониальная экспансия промышленного капитализма, когда страны Востока быстро превращаются в источники сырья для европейской промышленности и рынки сбыта готовой продукции. Именно в это время терпят крушение традиционная экономика, привычные нормы бытия, слабеет государственная власть. Концом периода колониализма Л.С. Васильев считает середину XX в., когда Восток освобождается от колониальной зависимости. Таким образом, он ограничивает этап колониального развития стран Востока рамками с середины XIX столетия по середину XX столетия, полагая, что «предлагаемые рамки более адекватно отвечают реальному историческому процессу, нежели те, которые исторически мало с ним связаны, хотя и имеют всемирно-историческое значение».

Американский Центр Ф. Броделя, объединивший леворадикальных западных исследователей, предложил отодвинуть нижнюю границу новой истории стран Востока ко второй половине XVI в., а верхней границей считать 60-е гг. XX в. Аргументация ученых, относящих себя к школе Ф. Броделя, сводится к следующему. Весь период Новой истории един и для стран Запада, и для стран Востока, поскольку его главное содержание – это создание новой мировой капиталистической системы, в которую включаются страны Востока через развитие в условиях колониальной и полуколониальной зависимости. С точки зрения этих исследователей, «мироэкономика» как некое мирохозяйственное единство представляет собой систему с центром в виде Запада и разными уровнями периферийности развития остального мира (полупериферия, периферия). Этот подход более продуктивен, нежели другие точки зрения, поскольку позволяет раскрыть своеобразие процесса «включения» восточных обществ в международное разделение труда. Он позволяет более четко определить исходный момент Новой истории и выделить основные этапы в процессе модернизации Востока.

Историки школы Броделя подразделяют весь период Новой истории для стран Востока на три этапа.

Начальным, исходным рубежом этой эпохи следует считать Великие географические открытия конца XV – начала XVI в., давшие начальный импульс к созданию мировой капиталистической системы. Первый этап длился со второй половины XVI в. до середины XVIII в. В этот период времени существовали сильные, отнюдь пока не распадающиеся восточные империи: Китайская, Османская, Сефевидская (Иран). Объем торговли между самими странами Востока был гораздо больше, чем со странами Запада. Объем торговли с Европой составлял 10–20%. Запад вывозил сырье для своих мануфактур.

Второй этап длился с середины XVIII в. по 70-е гг. XIX в. На протяжении этого периода страны Востока начинают включаться в становящуюся мировой систему капитализма. Это происходит через давление, понуждение, насилие со стороны европейских стран во главе с Великобританией. Подавляющее число государств Востока становятся колониями и полуколониями. Внутренние экономические процессы должны были подчиняться потребностям западного капитализма. Европа поначалу больше покупает, чем продает, и пассивный торговый баланс в торговле с Востоком продолжает наблюдаться до 30-х гг. XIX в. В этот период времени в странах Запада завершается промышленный переворот, возникает избыток товаров и потребность в расширении рынков сбыта. К 70-м гг. XIX в. Восток становится частью мирового капиталистического рынка, его периферией. Политическая система стран Востока обретает характер колониального или полуколониального режима. Полного включения в мировое хозяйство пока не произошло.

Третий этап продолжался с 70-х гг. XIX в. до 60-х гг. XX в. При продолжении процесса включения стран Востока в организм мирового капитализма происходит качественно важное изменение: страны Востока в этот период уже сами строят капитализм и ста-

новятся органичной частью системы капитализма. Включаются стимулы к саморазвитию, уже не только внешние, но и внутренние. Потребность в насильственных методах приобщения восточных государств к капитализму иссякает – и колониализм как таковой исчерпывает себя, отмирает. В 60-е гг. XX столетия происходит крах колониальной системы как естественная точка в новой истории стран Востока.

Аргументация ученых Центра Ф. Броделя является, по мнению автора данного пособия, наиболее убедительной. Но при этом следует оговориться, что тем не менее хронологически пособие доводится только до начала XX в. Это объясняется тем, что на данный момент принято читать курс новейшей истории стран Востока как «Историю стран Востока в XX веке».

Если придерживаться деления всей истории человечества на три периода – традиционное или доиндустриальное общество; индустриальное общество; постиндустриальное или информационное общество, то ***главное содержание*** новой истории стран Востока – это ***переход от традиционного общества к индустриальному***. В этот период времени происходит встреча еврохристианской цивилизации с конфуцианской, индобуддистской и мусульманской цивилизациями, двух мировых систем – системы традиционных восточных обществ (феодальных) и динамично развивающейся, набирающей силу капиталистической системы. Выявляются разные ритмы исторического развития: скачкообразный, прерывный – западный и непрерывный, плавный, постепенный переход из одного состояния в другое – это путь традиционализма как перманентное стремление воспроизвести «изначальный образец». ***Сущностные признаки традиционализма*** – это ***охранительность, патернализм, этатизм***. Происходила серьезная трансформация восточных традиционных обществ, хотя глубинные структуры их долго сохраняли свою жизнеспособность (в чём-то они сохраняют её до наших дней). Противостояли друг другу

политические империи Востока и экономические империи Запада. Доиндустриальное, докапиталистическое общество встает лицом к лицу с промышленным обществом. Командно-административно-распределительная экономическая система сталкивается с системой, в которой господствуют обмен, рыночная экономика. Взаимодействие этих разных систем развивалось между их неприятием друг друга, преобладающим в начальный период, и относительным сближением через взаимопроникновение, взаимообогащение, взаимодополнение в более поздний период.

Ключевым процессом эволюции традиционных обществ Востока становится ***процесс модернизации***, вхождение в мировую капиталистическую экономику и международные отношения. Этот процесс оказался для стран Востока тяжелым и болезненным, поскольку феодализм на Востоке развивался в течение 1,5 – 2 тыс. лет и не исчерпал себя к моменту прихода колонизаторов – в Китае, например, он существовал до 50-х гг. XIX в. на экономически более развитом побережье и до конца XIX в. в глубине страны. Страны Азии сопротивлялись модернизации, наблюдались и движение вспять, и прорывы вперед. Модернизация не была естественным, эндогенным процессом, она была навязана извне и проходила в условиях насилия, полуколониальной и колониальной зависимости.

Для стран Востока характерны длительные, болезненные переходные периоды от феодализма к капитализму, от традиционного общества к индустриальному. Эти переходные периоды были настолько длительными, что некоторые исследователи предпочитают говорить о них как о самостоятельных периодах развития. Так, Китай переходил от традиционного общества к индустриальному с середины XIX в. до середины XX в., причем национальный капитализм так и не успел стать ведущим и главным способом производства к этому времени – произошла революция 1949 г., прервавшая переходный процесс. Национальный капитализм стал

свершившимся фактом только на о. Тайвань, где продолжился и успешно завершился естественный процесс перехода. Индия переходила к рыночным отношениям эпохи капитализма в течение 150 лет в условиях колониального правления британцев. Страны Азии вступили на путь так называемого «догоняющего» развития. Это были страны «второго эшелона», или «периферийного» развития, страны поздней индустриализации.

Реакция традиционных обществ на их включение в мировую капиталистическую систему имела двоякий характер: была ***реакция «сверху»*** и ***реакция «снизу»***. Реакция «сверху» исходила от государственной правящей элиты и вылилась в реформаторскую деятельность, имевшую целью предотвратить ослабление позиций государства из-за усиления центробежных тенденций феодалов, из-за обогащения посредников-купцов, из-за участившихся восстаний – все это вместе взятое уменьшало налоговые поступления и грозило утерей контроля и власти правящей элиты. Реформы были призваны укрепить пошатнувшиеся позиции бюрократического центра, государственные институты, не отдать функцию распределения и перераспределения, с одной стороны, и удовлетворить претензии и навязываемые условия западных государств – с другой. Единственной стране Востока – Японии – удалось провести успешные по своей эффективности реформы в середине XIX в. Китай пережил две волны реформ, одну за другой: первая волна прокатилась в 1861–1895 гг. под названием политики «самоусиления», вторая – вслед за ней, в 1895–1898 гг., под названием «движение за реформы в Китае». В Османской империи реформы проводились почти весь XIX век: с конца XVIII в. по 70-е гг. XIX в. В Иране была осуществлена кратковременная и неудачная попытка реформ в середине XIX в.

Реакция «снизу» – это реакция крестьянства, ремесленников, мелких торговцев, вылившаяся в целую серию народных восстаний, прокатившихся практически одновременно – в середине

XIX в. – сразу в нескольких странах Азии: крестьянская война тайпинов в Китае в 1850 – 1868 гг.; бабидские движения в Иране в 1844 – 1852 гг.; индийское народное восстание (сипайское) в 1857–1859 гг. В конце XIX – начале XX в. прокатилось мощное разрушительное восстание «ихэтуаней» в Китае.

Реакция «снизу» – это и серия ранних буржуазных революций эпохи «пробуждения Азии», произошедших тоже практически одновременно: Иранская революция в 1905 - 1911 гг.; Младотурецкая революция в 1908-1909 гг.; Синьхайская революция в Китае в 1911 – 1913 гг. В Индии и Индонезии дело ограничилось революционным подъемом, не переросшим в революцию.

В результате революций буржуазия не смогла удержать власть в своих руках, и политическая система в странах Востока практически осталась традиционной, т.е. командно-административно-распределительной, несмотря на появление новых политических институтов – конституции и парламента. Возникает дихотомия: новая экономика пробивает себе дорогу и в то же время фактически сохраняется традиционная политическая система. В этом проявляется специфика периферийного развития.

Внешние – экзогенные – факторы в течение длительного времени играли ведущую роль в развитии стран Азии, которые стали ***объектами*** исторического процесса, перестав быть его субъектами. Судьбы стран Востока стали определяться западными государствами и зависеть от них.

При изучении новой истории стран Востока надо иметь в виду, что многие их институты значительно отличались от западных. Прежде всего следует обратить внимание на то, что религиозные верования, учения на Востоке представляли собой не столько и не только свод догматов, но являлись образом жизни, мировосприятием. Во многих странах, несмотря на проведенные реформы, сохранялась ***неразделенность светского и духовного начала***. Религия и политика тоже не разделялись. Отношение к власти как та-

ковой было не таким, как на Западе. Если в странах Запада иерархическая структура власти выхолащивается, формализуется и право на власть всегда под вопросом, то на Востоке иерархические отношения наполнены смыслом, наблюдается вовлеченное служение. Обязанностей перед обществом и государством на Востоке всегда было больше, чем прав. В течение длительного времени сохраняется **примат государства над обществом.** Сформированное на протяжении столетий **групповое или общинное сознание** превалирует над индивидуальным. Заимствованные на Западе институты демократии «работают» на Востоке по-другому, не так, как на Западе.

Раздел 1. КОЛОНИАЛИЗМ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ СТРАН ЗАПАДА И ВОСТОКА

Колониальная экспансия в XVI–XVIII вв.

Время существования колониальной системы – это целая эпоха в истории многих народов – и неевропейских, и европейских.

История Нового времени – это история распространения, утверждения и доминирования европоцентристского мира в пределах практически всей планеты. Последние пять столетий инициатива в создании и расширении эффективной и динамичной цивилизации, отождествляемой с капитализмом, принадлежала европейцам, а затем Западу в целом. Эпоха колониализма – это период подавляющего превосходства индустриального Запада над традиционным (доиндустриальным) Востоком. Рывок вперед Запад совершил на рубеже средневековья и Нового времени.

Для капитализма присуще распространение вширь. **Капитал не признает национальных границ.** Он проникает в самые удаленные уголки земного шара, изменяя характер и динамику мировой экономики и системы политического правления. Да и всякая созревшая цивилизация, как и всякая великая империя стремятся к экспансии. «Расширение – это все», – говорил Сесиль Родс.

Хронологически формирование европоцентристской капиталистической цивилизации совпало с началом Великих географических открытий – двухвековым периодом гигантского географического и торгового расширения мировых связей.

Колониальная экспансия была начата **Португалией и Испанией** – странами, которые трудно назвать провозвестниками новой капиталистической эпохи, ибо они были самыми «феодальными» странами Западной Европы. Но в это время Португалия обладала

сильным флотом, и ее морское превосходство было неоспоримым. Золото и серебро, по господствовавшей тогда **доктрине меркантилизма,** являлись главными показателями национального богатства. Эта доктрина предусматривала государственное регулирование экономики с целью наращивания богатств и мощи государства. Для этого нужен был благоприятный торговый баланс, т.е. преобладание экспорта над импортом. Колонии должны были обеспечить рынок и доступ к дешевым или просто дармовым сырьевым ресурсам. Они избавляли страны Европы от необходимости тратить деньги на покупки сырья у других стран. Перепродажа некоторых продуктов, например восточных пряностей, сахара, приносила большие прибыли. Испанские и португальские конкистадоры отправлялись за моря и океаны, движимые жаждой наживы или духом приключений, не предвидя последствий, к которым приведет их деятельность. Они начали первыми колониальную экспансию из-за своего географического положения на крайнем западе Европы – им нужны были новые морские пути через Атлантический океан. Королевской власти, мелким и средним дворянам нужны были средства, католическая церковь надеялась приобрести новую паству и новые доходы, купечество приморских городов жаждало занять место итальянских и ганзейских купцов в европейской торговле.

Начальный этап колониальной экспансии на Востоке связан прежде всего с португальцами, т.к. Испания в Азии утвердилась только на Филиппинах, а основные усилия сосредоточила на Америке. На протяжении XVI в. португальцы закрепили за собой цепь опорных баз от восточного побережья Африки до Малаккского полуострова: о-в Сокотра у входа в Аденский залив, Ормуз в Персидском заливе, Гоа, Даман, Диу, Бомбей на западном побережье Индии, Малакка в Юго-Восточной Азии. Португальские крепости и фактории появились на Малайском архипелаге, в Сиаме, Китае, Японии, Бирме. К середине XVII в. Португалия утратила почти все

свои владения в Азии, сохранив лишь Восточный Тимор в ЮВА, Гоа и Даман в Индии и Аомынь (Макао) в Китае.

Португальская и испанская колониальная экспансия имела много общего с крестовыми походами: идея распространения христианства, идея борьбы с «маврами» (т.е. с мусульманами) – таковы были идеологические обоснования колониальных захватов португальцев и испанцев. **Испано-португальская эпоха колониальной экспансии существенно не повлияла на внутреннюю жизнь стран Востока**. Хотя Португалия и Испания проложили дорогу европейской колониальной экспансии на Восток, плодами их деятельности воспользовались **Голландия и Англия**, которые с конца XVI – начала XVII в. стали ведущими державами-колонизаторами (при этом, следует заметить, Голландия в сер. XVII в. имела на Востоке в 70 раз больше кораблей, чем Англия). Ведущая роль в их колониальной политике принадлежала **торговому капиталу**. Территориальные захваты в этот период совершались не ради эксплуатации местного населения, а для обеспечения монопольного положения торговых факторий и вытеснения или недопущения европейских конкурентов. Последовательность действий была такова: торговый корабль как странствующая торговая точка, затем фактория как экстерриториальный участок на побережье какой-либо страны Востока, затем оккупированная территория. Появляясь в новой стране, европейцы выступали вначале в роли простых купцов, затем прибирали к рукам ключевые позиции во внешней и внутренней торговле, скупали сырье и продукты для вывоза. После этого они начинали диктовать свои цены и условия, вмешиваться во внутренние дела.

Главными проводниками колониальной политики становятся монопольные торговые компании, **а не государства.** Таковыми были нидерландская Ост-Индская компания, появившаяся в 1602 г., английская Ост-Индская компания, возникшая в 1600 г. и французская Ост-Индская компания, основанная в 1664 г. Англий-

ское правительство поддерживало свою Ост-Индскую компанию всем авторитетом своей власти, дипломатии и военной мощи. Была создана разветвленная сеть консулов: в 1830 г. у Англии было 107 заграничных консулов – они находились во всех важных торговых пунктах мира. За экономическим внедрением следовало политическое.

Со второй половины XVII и до конца XVIII в. прошли четыре англо-голландские торговые войны, в результате которых Голландия постепенно утратила свое морское и колониальное могущество. Борьба начинается между **Англией и Францией** и продолжается в течение XVIII в. и значительной части XIX в. Французская Ост-Индская компания выясняла отношения с английской Ост-Индской компанией в Северной Америке, на Антильских о-вах и в Индии. Индия стала главным объектом борьбы между Англией и Францией. В результате Семилетней войны (1756–1763) Англия, вступающая на путь промышленного переворота, нанесла феодально-абсолютистской Франции тяжелое поражение. По Парижскому миру 1763 г. Франция отказалась от своих владений в Индии, и Англия приступает к завоеванию и утверждению своего владычества в Индии (1757–1849).

Колониальная система связала мир, история становится всемирной. История нового времени – это история распространения влияния и утверждения PAX EUROPEANA, т.е. европоцентристского мира. Гегель говорил, что мир стал для европейцев круглым. Но одновременно колониальная система и разделила мир на две группы стран: метрополии и колонии.

На вопрос о том, повлияла ли колониальная экспансия в начальный период, т.е. в XVI – XVIII вв., на развитие капитализма в Европе, и если повлияла, то насколько серьезно, исследователи отвечают по-разному. Ряд ученых полагают, что колониальная торговля не играла решающей, а некоторые полагают, что даже сколько-нибудь заметной роли в процессе первоначального накоп-

ления, поскольку в XVI–XVIII вв. Восток не был реальным рынком сбыта для европейских товаров, и торговый баланс был активным для стран Востока, а не Европы.

Колониальная экспансия для Голландии, с одной стороны, и для Англии – с другой, привела к разным результатам. Формирование промышленной буржуазии в Голландии было задержано засильем торгового капитала, осуществлявшего торговлю с колониями и их эксплуатацию через Ост-Индскую компанию, интересы которой тесно переплелись с интересами правящего дома Оранских и патрициата крупных городов. Голландия пришла к промышленному капитализму позже тех стран, которые совсем недавно отставали от нее. В Англии торговый капитал уступал место промышленному капиталу гораздо быстрее, и колониальная экспансия, принося рост доходов от торговли с Востоком, которая напоминала скорее грабеж («торговля со шпагой в руках»), способствовала накоплению капитала, техническому прогрессу, росту городов, особенно портовых, развитию транспорта и т.д. Стали создаваться колониальные империи.

Период с XVI до середины XVIII в. можно назвать «торговым колониализмом», сутью которого была погоня за «колониальными» товарами для вывоза в Европу. Колониальная политика проводилась под лозунгом: «Золото, бог, слава». С упадком испанской и португальской империй появляются идеи свободной конкуренции и свободной торговли (laissez-faire и laissez-passer).

Вторжение европейцев на Восток в XVI–XVIII вв. изменило внешнеторговую и внешнеполитическую ситуацию для стран Азии и Африки, не затронув традиционной структуры их обществ. Элементы модернизации наталкивались на огромное сопротивление, внедрялись очень медленно.

Колониальная система в XIX – начале XX в.

Это – период наивысшего развития колониализма. Со второй половины XVIII по конец XIX в. основным методом эксплуатации колоний и полуколоний стал **вывоз европейских товаров** в страны Востока, и этот период называют **«колониализмом эпохи промышленного капитала»**. С конца XIX до начала XX в. наступает время **«колониализма периода монополистического капитала»**, когда к прежним методам использования ресурсов зависимых стран добавился вывоз в страны Азии европейского капитала. Рост инвестиций положил начало их промышленному развитию.

Промышленный переворот в Англии и в Европе в целом привел к развитию современной промышленности на европейском континенте, что повлекло за собой расширение территориальных захватов и освоение стран Азии в качестве рынков сбыта европейских товаров и источников промышленного сырья. Главными объектами экспансии и агрессивной политики становятся страны Востока, не пожелавшие подчиняться.

Это – время «опиумных» войн Англии и присоединившейся к ней Франции в Китае (1839–1842 и 1856–1860 гг.), насильственного «открытия» американцами Японии (1853–1854 гг.). Англичане отняли у голландцев мыс Доброй Надежды, расположенный на южной оконечности Африканского материка и игравший роль крепости на пути в Индию. Они сделали его своей собственностью в 1815 г. К сер. XIX в. англичане завершили завоевание Индии, которая стала «жемчужиной Британской короны». Они расширили свои владения, покорив Бирму. Три попытки покорить Афганистан (1838–1842, 1878–1880, 1919 гг.) оказались неудачными. Мыс Доброй Надежды стал трамплином и для продвижения англичан вглубь африканского континента: в 1843 г. они аннексировали Наталь, в 1852 г. установили фактический протекторат над бурскими республиками Трансвааль и Оранжевой. Голландцы подчи-

нили почти все острова Индонезии, которая стала с тех пор называться Нидерландской Ост-Индией. Франция в 1830 г. захватила Алжир, положив начало колониальному разделу Африки, покорила Индокитай. Германия имела сферы влияния в Африке, Тихом океане, Китае. Выражение «империя, над которой никогда не заходит солнце», которое сначала повторяли испанские колонизаторы, становится излюбленным припевом английских публицистов. **Очень важно отметить, что завоевания совершались не столько руками самих европейцев, сколько отрядами и армиями местных правителей, которые нанимались, вооружались и обучались колонизаторами.**

Территориальные захваты привели к значительному увеличению доходов европейцев, которые стали превышать расходы на управление этими территориями. Колониальная «дань» обогащала не только Ост-Индские компании, но и метрополии. Европейские капиталисты навязывали странам Азии договоры, которые освобождали их товары от пошлин, давали им право неподсудности местным судам. Навязав договоры, можно было не прибегать к военным экспедициям и извлекать прибыли, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь подчиняемых стран. Такие страны становились полуколониями: Османская империя, Иран, Китай после «опиумных войн».

Объем торговли между Азией и странами Запада стал превалировать над объемами внутриазиатской торговли, особенно после открытия Суэцкого канала (1869 г.) и широкого применения пароходов. Основную долю в европейском экспорте занимали ткани и пряжа, гораздо меньшую долю составляли машины и оборудование. Переориентация внешней торговли привела к развитию **плантационного хозяйства.** Египет стал специализироваться на выращивании и экспорте хлопка. На Филиппинах экспорт состоял из пеньки, сахара, табака и кофе. Индонезия вывозила сахар и кофе, Малайя – олово и каучук. Вся экономика Цейлона специализиро-

валась на кофе, чае и каучуке. Индию не удалось превратить в одну сплошную плантацию, но здесь резко падает вывоз тканей, индиго, опиума, растет экспорт риса, пшеницы, джута, хлопка, чая. Ост-Индская компания ввела высокие экспортные пошлины на индийские ткани, которые сводили на нет их сбыт: 10% – на хлопчатобумажные, 20% – на шелковые, 30% – на шерстяные. Импортные же пошлины устанавливались на очень низком уровне.

Благодаря активному внешнеторговому балансу европейских стран колонизаторы выкачивали из стран Востока довольно значительные средства. Наводнение рынков зависимых стран европейскими товарами приводило к упадку местной кустарной промышленности, к аграризации экономики, к сокращению городского населения – пустели ремесленные центры, разрастались, по сути дела, только портовые города.

Разрушительные последствия контролирования внешней и внутренней торговли стран Востока проявились и в том, что после заключения целой серии неравноправных договоров суверенитет этих стран был ограничен и большая их часть попадает в так называемую полуколониальную зависимость. Рушилась традиционная экономическая система. Рушилась привычная «ниша» государственных, семейных, духовных институтов. Накапливался взрывчатый материал, и произошло много массовых кровавых восстаний. Но в то же время во многих странах Востока началось **первоначальное накопление капитала**. Местное купечество приняло самое активное участие в развернувшейся торговле с европейцами. Накопив торговый капитал, оно постепенно стало вкладывать его в промышленность.

Колониальная система благоприятно воздействовала на европейскую экономику в целом. Из колоний и полуколоний выкачивались большие деньги. В периоды кризисов перепроизводства туда «сбрасывалось» лишнее население, быстрее шел процесс урбанизации и индустриализации европейских стран. Ввоз продо-

вольствия и сырья помогал сгладить диспропорции в европейской экономике, вызванные отставанием сельского хозяйства от нужд экономики. Когда появление избытка капиталов стало приводить к кризисам, излишки этих капиталов можно было «сбросить» в колонии и полуколонии. «Нам нужны колонии для того, чтобы иметь покупателей и поле приложения излишков нашего капитала и труда…Это – единственная цель сохранения наших колоний», -писал английский публицист Ч. Буллер в 1840 г. «Каждая новая колония, каждое увеличение населения и каждый шаг в освоении тех колоний, которыми мы уже владеем, обязательно ведут к расширению рынка, готового к принятию английских товаров», – констатировал другой публицист. Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства, усиленному накоплению капитала.

Период конца XIX – начала XX в., или период империализма характерен тем, что стремление к овладению чужими территориями приняло маниакальные черты. **Владение колониями стало предметом международного престижа.** Мало-мальски уважающей себя европейской стране стало «неприлично» не иметь колоний. Державы действовали, взяв на вооружение кредо лорда Дерби: «оккупировать, укреплять, хватать и хвастать». Начался раздел Африки. Французы устремились в восточный Индокитай. Англия и Франция поделили сферы влияния в Юго-Восточной Азии в 1896 г. В 1907 г. Япония и Россия поделили на сферы влияния Маньчжурию, Япония и Франция – Восточную Азию, Англия и Россия – Иран. Соединенные Штаты подчиняют Гавайи (1887), которые расположены на стратегически выгодном пересечении морских путей из США в Азию, Филиппины (1898), о-ва Пуэрто-Рико и Гуам в Тихом океане, оккупировали Кубу**. К началу XX в. был завершен территориальный раздел мира и начался его передел.** В первой половине XX в. колониальная система охватила весь земной шар.

В экономике этого периода начинает превалировать **вывоз капитала** из метрополий в колонии и полуколонии. Это означало, что на первый план вышли **экономические методы подчинения стран Востока, а военно-политические методы ушли на второй план.** Вывоз капитала имел целью улучшить систему ввоза и вывоза товаров: строились порты, железные дороги, каналы (Суэцкий в первую очередь), совершенствовалась связь. Вывоз капитала решал и проблему расширения производства продовольственных и технических культур на плантациях и создания промышленных предприятий для их переработки (джутовые, чайные и т.д.). **Ввоз капитала в конечном счете привел к началу индустриализации в странах Востока**. Часто вопреки субъективным желаниям колонизаторов (они не хотели развивать местную промышленность и предпочитали, чтобы местный капитал работал только в торговле, а население было принуждено покупать все необходимые промышленные товары у европейских государств) создавались условия для модернизации экономики и дальнейшего развития индустриализации в странах Востока. «Чем больше капитала мы вывезем, тем большим капиталом мы будем располагать», – утверждал представитель классической школы политической экономии Дж.С. Милль. Капиталовложения в колонии и полуколонии были относительно безопасны и тем привлекательны. Кроме того, капитал в зависимых странах приносил более высокий процент прибыли (в литературе приводится пример: средний процент увеличения годового дохода в самой Англии не превышал 3%, а в восточной стране можно было смело рассчитывать на 20%). Страны Востока выполняли функцию источников обогащения, рынков сбыта товаров, приложения капиталов и объектов заселения.

Заокеанские владения выполняли и **политико-идеологическую функцию.** Зависимые территории упрочивали международный престиж и влияние метрополий. Британцы ставили первостепенной задачей своей внешней политики сохранение и приумножение

колониальных владений. «Взгляните на некогда цветущие и могущественные королевства Испании и Португалии: в какое печальное состояние упадка пришли они после потери своих колоний, за которой последовала потеря ими флота, торговли и процветания», – писал английский журнал в 1841 г.

В тогдашней Европе, и в первую очередь в Британии, господствующей идеологией был **европоцентризм**, т.е. убеждение в том, что именно европейцам уготована руководящая роль на земном шаре, что именно они – светоч разума и цивилизации во мраке язычества и дикости. Экономическое могущество, обладание огромным морским флотом подкрепляли европоцентризм как мировоззрение большинства европейцев. Масштабы колониальной системы служили дополнительным подтверждением этого мировоззрения. Мир устроен иерархически, считали европоцентристы. Человечество, по их мнению, как бы располагается на ступенях огромной лестницы. На самой верхней ступеньке находятся европейские народы, которых возглавляют англичане. У подножия ее располагаются отсталые, «первобытные», народы. Все остальные расы и народы находятся на разных ступеньках воображаемой лестницы в зависимости от достигнутого ими уровня развития. Прогресс в данном случае отождествлялся с уровнем развития материального производства, который как бы автоматически подразумевал прогресс и в области политической, духовной, культурной. Ступень, достигнутая тем или иным народом, оценивалась в соответствии с тем, насколько его культура, быт, духовное развитие приблизились к европейским, насколько они стали похожими. Духовная культура других стран и народов рассматривалась не как вариант мировой культуры, а как отклонение от нее.

Миссия англичан и европейцев в целом понималась как необходимость возглавить народы, оказавшиеся под их властью, и повести их по пути прогресса, приобщив их к благам цивилизации. Главным благом цивилизации считалась «истинная» религия –

христианство. Сотни европейцев отправлялись в колонии нести «слово Божия» и европейские языки. Убеждение в безусловном превосходстве всего европейского порождало высокомерное, пренебрежительное отношение к неевропейским народам. Упрощенные представления об уровне культуры «туземцев» питали идеологию колониализма. Колонизаторы были убеждены в отсутствии у туземцев какой-либо истории. Они отказывали народам Азии и Африки в способности к прогрессу. Существовало представление, что эти народы остановились в своем развитии. Они предпочитали видеть не столько то, что там действительно было, сколько то, что они предполагали увидеть, еще не покинув пределов Европы. Навязывалось представление о «детском» уровне интеллектуального развития неевропейских народов, и идеологи колониализма призывали свои правительства «действовать, как добрый, но твердый отец». Заметную роль в закреплении и распространении идеологии колониализма сыграл литературный талант Р. Киплинга, который в своих стихах и прозе живописал определенный стереотип индийца и жителя Азии вообще. В его произведениях имеется вся гамма ходячих представлений англичан об Индии и индийцах. Широко известно его стихотворение «Бремя белых»:

Твой жребий – бремя белых!
Как в изгнанье, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли,
На каторжную работу –
Нету ее лютей –
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей.

Киплинг проводил идею, что англичане взяли на себя управление колониями и заботу об их населении вовсе не из корыстных соображений, а исключительно в интересах «полудетей» и «упрямых варваров», которые не умеют управлять собой. Ради этой бла-

городной цели англичане подвергают себя всем невзгодам, трудностям, неудобствам, разлуке с семьей и влиянию нездорового климата. Ими движет долг, а не стремление обогатиться. Это бремя белого человека – плата за принадлежность к избранной расе.

Идеология колониализма побуждала мириться с колониальным подчинением других народов во имя распространения и насаждения самой прогрессивной цивилизации.

Развитие рыночных отношений по-капиталистически в условиях колониального подчинения приводило к серьезной трансформации восточных обществ, но глубинные структуры их цивилизаций сохраняли свою жизнеспособность. Цена, которую заплатили народы Востока за модернизацию своей экономики, была непомерно высока, но без влияния колониализма преобразования на Востоке были, очевидно, невозможны – так распорядилась история.

Оценка роли колониальной системы в исторических судьбах государств Востока является предметом острых дискуссий историков и политологов. Если в советской историографии особо подчеркивалась грабительская и разрушительная роль стран Запада по отношению к странам Востока, то начиная с 90-х гг. ряд отечественных авторов стали утверждать, что о такой роли вообще не приходится говорить, поскольку колониальная система принесла немало позитивных результатов для стран Востока. Очевидно, следует взвешенно говорить о двойственной роли колониальных империй – и разрушительной, и созидательной, как это делал в свое время К.Маркс. Собственно говоря, почти любое деяние колонизаторов можно рассматривать с двух сторон – и как негативное, и как позитивное. Особенно отчетливо это можно показать на примере колониальной политики Англии в Индии (что будет сделано в соответствующем разделе по Индии).

К позитивным результатам деятельности западных держав на Востоке в период колониализма можно отнести строительство железных дорог, портов, мостов, каналов, телеграфных и телефонных

линий. Трудно переоценить экономическую и иную значимость Багдадской железной дороги, Трансиранской железной дороги или Суэцкого канала. Хотя колонизаторы создавали все это для удобства транспортировки сырья на Запад, они тем самым стимулировали экономическое развитие стран Востока.

Образованная по-европейски национальная элита, появление национальной буржуазии, обученного офицерства, студенчества, интеллигенции, их активная заинтересованность в улучшении качества жизни народов их стран – это тоже можно отнести к позитивным последствиям колониальной политики Запада.

В глобальном смысле вклад европейских государств в развитие Азии достаточно весом. Это – рыночная экономика, институты представительной демократии, светское право, светское образование, светское государство, идеи гуманизма, научная мысль.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какова была эволюция распространения и утверждения колониализма как системы?
2. В чем суть идеологии европоцентризма?
3. Чем была колониальная система для народов Азии?
4. Чем была колониальная система для государств Европы?

Раздел 2. КИТАЙ ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ ЦИН В XVII–XIX вв.

Тема 1. ЗАВОЕВАНИЕ КИТАЯ МАНЬЧЖУРАМИ

В XVII в. происходит весьма важное по своим последствиям событие для будущих судеб Китая – завоевание его маньчжурами. Само по себе завоевание трона в Китае чужеземцами не было необычным событием. На территории Китая создавали свои империи кидани (Ляо), чжурчжэни (Цзинь), монголы (Юань). Последние правили страной с 1271 г. по 1368 г. Затем, с этого времени и до нашествия маньчжуров, правила собственно ханьская (т.е. китайская) династия Мин.

30–40-е гг. XVII в. стали для Китая кризисным периодом завершения очередного цикла развития (китайские историки, а вслед за ними с некоторых пор и ряд отечественных китаеведов, полагают, что историю Китая проще всего представить через развитие сменяющих друг друга циклов – чаще всего династийных. В начале цикла все развивается по восходящей: экономика оживляется, население растет, армия крепнет, государство начинает процветать. Затем какое-то время продолжается плато, и наконец наступает кризис, когда все начинает развиваться по нисходящей: экономика приходит в упадок, налоги растут, население бунтует, государство резко ослабевает). В результате кризиса, обрушившегося на страну в XVII в., резко ухудшилась ситуация и внутри государства, и вовне. Начались опустошительные набеги кочевников, восстания, бунты, мятежи внутри страны. Ослабленное государство перестало справляться с задачей сохранения стабильности внутри страны и на ее рубежах.

В это время разразилось одно из самых продолжительных и мощных в истории Китая народных восстаний – крестьянская война 1628–1644 г. Образовалось 36 крестьянских отрядов, которые объединились и создали фактически армию в 200 тыс. человек. Возглавил восставших пастух **Ли Цзычэн.** Восставшие приняли решение в 1635 г. идти на Пекин, чтобы свергнуть правившую династию Мин и основать новую династию. В 1643 г. они захватили г. Сиань, и в этом городе лидер восставших Ли Цзычэн был провозглашен императором, а в 1644 г. он взял девиз правления – Юнчан (вечное изобилие). Повстанческая армия быстро продвигалась к столице, не встречая особого сопротивления правительственных войск. В апреле 1644 г. повстанцы вошли в Пекин. Последний император Минской династии Чунчжень покончил с собой – он повесился на ясене, предварительно приказав сыновьям бежать из города, а своему гарему – покинуть этот свет. Его похоронили в гробу для нищих, положив под голову камень и накрыв простой циновкой. Последнюю преданность императору продемонстрировали 80 тыс. его подданных, покончивших с собой, следуя традиции. Столичный престол занял Ли Цзычэн.

Произошла смена «мандата Неба» - мандат перешел от Минов к крестьянскому императору. Это означало, что восставшие крестьяне, представлявшие фактически основную часть населения империи, в полном соответствии с традиционной доктриной отстранили от власти императора, не сумевшего правильно «считывать письмена с небес» и соответственно правильно управлять государством, и поставили во главе государства нового императора, который должен был наладить стабильность и гармонию в обществе. Победившие повстанцы стали привлекать к суду коррумпированных минских чиновников, освобождали из тюрем узников. Они отменили было налоги и повинности, но очень скоро поняли, что для содержания армии и нового аппарата управления требуются значительные средства, и вынуждены были восстановить этот

главный источник поступления денег в казну. Это был непопулярный шаг, и он поставил прочность завоеванных позиций под угрозу. Между тем самой большой опасностью для новой династии становится внешняя угроза с севера со стороны маньчжуров.

Маньчжурские племена, являвшиеся потомками воинственных чжурчженей, некогда завоевавших Китай, в начале XVII в. только-только образовали собственное государство, и в 1616 г. правитель этого государства военачальник **Нурхаци** объявил себя ханом по воле Неба. Его сын Абахай девизом правления новой династии в 1636 г. объявил «Цин» (чистая), а народ должен был принять название «маньчжу» вместо «чжурчжэн». Маньчжуры жили на территории современной провинции КНР Цзилинь – это были земли, расположенные к северо-востоку от Великой Китайской стены, – северная часть Ляодунского полуострова. У них была сильная конница, разделенная на восемь армий (знамен), и потому армия получила название восьмизнаменной.

Маньчжуры с упорным постоянством начиная с 1622 г. совершали непрерывные, опустошительные набеги на территорию Китая, за Великую Китайскую стену, все больше убеждаясь в том, что можно успешно попытаться завоевать весь Китай. Их правители придерживались правила: «Когда наше государство свободно от насущных забот – совершать два похода в год, когда оно не свободно, то совершать один поход в год». В ходе этих набегов в составе цинских войск были дополнительно сформированы восемь армий, состоявших из монголов, и восемь армий из китайцев, пожелавших служить маньчжурам. Маньчжуры не торопились с захватом столицы, они выжидали, когда «яблоко само упадет к их ногам», т.е. китайцы сами свергнут Минскую династию, передерутся между собой и трон достанется им. Расчет оказался верным.

В **1644 г.** минский генерал **У Саньгуй,** командовавший армиями, которые охраняли подступы к Великой Китайской стене, предложил маньчжурам беспрепятственно пропустить их конницу на

китайскую территорию. Некоторые историки предполагают, что этот генерал рассчитывал использовать маньчжурскую конницу для разгрома армии «крестьянского императора» Ли Цзычэна, чтобы самому оказаться на троне. Пропустив маньчжуров за Великую стену, У Саньгуй присоединил свою армию к маньчжурам, и объединенное войско двинулось на Пекин. При этом маньчжуры потребовали, чтобы У Саньгуй признал власть маньчжурского хана, став его вассалом. Чтобы подтвердить искренность своих намерений, У Саньгуй приказал своим воинам обрить голову спереди, а оставшиеся на затылке волосы заплести в косу – такой была прическа маньчжуров. Эта прическа вместо мужского шиньона (длинные волосы скручивались на затылке в пучок и закреплялись шнурком, шпилькой или палочкой) – традиционной китайской прически – до конца правления династии Цин становится символом подчинения китайцев новой власти. Маньчжуры издали указ заменить прически в десятидневный срок. Не сделавший этого или опоздавший считался «сопротивляющимся разбойником», и ему отсекали голову. Тогда родилась пословица: «Хочешь сохранить голову – должен лишиться волос! Сохранишь волосы – лишишься головы!». Действия генерала У Саньгуя стали символом национального позора и предательства, а его имя – символом измены родине.

Весной 1644 г. состоялось сражение между армией Ли Цзычэна и объединенными армиями У Саньгуя и маньчжуров. Армия Ли Цзычэна, несмотря на численное превосходство (400 тыс. человек против 280 тыс.), была вынуждена отступить и покинуть Пекин. Современник этих событий сообщал, что «трупы лежали поперек более чем на 80 ли (т.е. 40 км). Лошадям некуда было поставить копыта. Войска бросили столько обозов, что невозможно сосчитать». После вступления в Пекин маньчжуры провозгласили императором шестилетнего сына хана Абахая, которого звали **Фулинь**, и он стал править Китаем под девизом Шуньчжи. В 1644 г. власть Цинов простиралась лишь на район столицы и окрестные места, но

дело было сделано. С этого времени в Китае на 268 лет у власти утвердилась и правила династия **Цин (1644–1912 гг.)**.

Цинам понадобилось еще 37 лет, чтобы покорить всю страну. Они встречали сопротивление на казалось бы уже завоеванных территориях, и им не давали управлять собой восставшие крестьяне, горожане. Формировались многочисленные партизанские отряды, которые называли «войсками из вязовых рощ». Иногда отказывались им служить генералы, ранее принявшие их власть. Кстати, одним из них был и У Саньгуй, который с 1644 и до начала 70-х гг. громил антиманьчжурские силы, завоевывал для династии Цин западные провинции, получив за свои заслуги титул князя первой степени и провинцию Юньнань и сопредельные ей земли на юго-западе. А в 1673 г. У Саньгуй поднял «Восстание трех вассалов». «Тремя вассалами» были три генерала (в том числе У Саньгуй), которые добились было обещания со стороны маньчжуров на автономное правление во вновь завоеванных провинциях – они контролировали несколько больших провинций на юге Китая, но маньчжуры взяли назад свои обещания и приняли решение о роспуске их армий. Генералы подняли восстание. Так разразилась ожесточенная война трех князей-данников, охватившая десять провинций и длившаяся восемь лет (1673–1681). У Саньгуй даже успел создать в 1678 г. собственное государство Чжоу и провозгласил себя его императором. Однако через полгода он умер, а через три года цинские войска вернули себе контроль над этим «государством». Возродилась армия Ли Цзычэна, которую после его гибели возглавил его племянник.

В середине 70-х гг. из-под власти Пекина вышли 6 из 15 существовавших тогда провинций в Китае. Но единого центра сопротивления не возникло, произошел раскол антицинских сил, началась междоусобная борьба, и они стали терпеть поражение за поражением. Дольше всех «держали удар» южные провинции Китая. В **1683 г., с завоеванием последнего оплота сопротивления**

о. Тайваня, Китай был окончательно завоеван маньчжурами. Можно сказать, что в определенном смысле Китай был завоеван руками самих же китайцев. Китайские и монгольские армии, перешедшие на службу к маньчжурам, всегда шли впереди маньчжурских войск и были фактически «пушечным мясом».

Если мы попытаемся разобраться в том, как и почему немногочисленному народу (по некоторым данным, маньчжуров насчитывалось в то время около 300 тыс. человек, а китайцев – 100 млн человек) удалось завоевать огромную по территории и многочисленную по населению страну, то обнаружим целый ряд благоприятствовавших этому факторов.

Во-первых, как уже было сказано выше, Китай переживал **общий кризис** – экономический, политический, социальный – и потому был особенно уязвим и для внутренних, и для внешних бед.

Во-вторых, **в военном плане Китай не был готов противостоять противнику**. Дело в том, что в Китае традиционно не уделяли войскам должного внимания. Во время инспекций обнаруживалось, что вместо пороха в бочках оказывался песок, что военная форма отсутствовала, оружие было заржавелым, и т.д. Кроме того, армия была рассредоточена таким образом, что во время военных действий каждый поселок, деревня, город вынуждены были рассчитывать только на собственные силы – и их было легко завоевать поодиночке. Конница же маньчжуров представляла собой динамичное, боеспособное, дисциплинированное войско.

Третьим фактором было то, что **антицинские патриотические силы – и военные, и политические – не могли договориться между собой, мешали амбиции**. Большинство руководителей крестьянских армий, князей-данников, наследников минского престола, не мыслили в общегосударственном масштабе, не выразили общенациональную идею сопротивления – они старались не допустить завоевания маньчжурами только их района, их города. Как уже было сказано, впереди маньчжурской армии всегда шли ки-

тайские армии, перешедшие на сторону Цинов. Так маньчжуры убеждались в верности перешедших на их сторону полководцев-изменников, берегли малочисленное маньчжурское войско, уменьшали градус ненависти населения именно к этническим маньчжурам-завоевателям и, наконец, завоевывали Китай руками самих китайцев.

Четвертым фактором являлась политика самих Цинов, которые по ходу завоевания Китая старались проводить гибкую политику в отношении покоренного населения. Они **сократили налоговое бремя.** В первую очередь были отменены чрезвычайные налоги, затем наиболее обременительные налоги и повинности, введенные еще при Минах, а потом при Ли Цзычэне. Правительство Цинов простило недоимки по налогам. Маньчжуры **стали наделять крестьян землей** – это было нетрудно сделать ввиду того, что население значительно уменьшилось во время завоевания страны – разные авторы называют разные цифры погибших китайцев – от 10 до 50 млн человек. Есть такие данные: с 1600 по 1683 г. численность податного населения Китая сократилась более чем в 2,5 раза – со 160 до 63 млн человек. Количество же занятой под посевы земли сократилось ненамного. В 1650 г. вышел закон об освоении целинных и незанятых земель, по которому **переселившиеся на новые, неосвоенные земли крестьяне освобождались от налогов на 6 лет**. Эта политика несколько сгладила противоречия между маньчжурской династией и населением завоевываемой страны.

К тому же Цины периодически объявляли амнистию «непокорным», жаловали бывшим противникам почетные титулы и звания, давали обещания не трогать их земельные владения. **В пропагандистском плане они объявили о политике не истребления, а «умиротворения»** непокоряющихся и мятежников. На самом же деле они придерживались принципа «сдаются – убивай, не сдаются – тоже убивай» и нередко истребляли поголовно население непокорных городов и деревень. Массовая резня имела место даже в

таких крупных городах, как Гуанчжоу, Нанкин, Гуйлинь. В небольшом городе Цзянъинь, по китайским источникам, в живых осталось 53 жителя. Почти все жители были уничтожены в Янчжоу, Шаочжоу, Цзядин.

Маньчжурское нашествие принесло много бед Китаю. Многие ранее густонаселенные, богатые торгово-ремесленные города пребывали в руинах, множество мастерских и мануфактур было разрушено. Снизилась роль городов, ремесла и торговли в экономике страны. Опустели деревни, поля были заброшены и зарастали кустарником, население сократилось на несколько десятков миллионов человек – это были не только убитые в боях, но и умершие от голода, холода, эпидемий и стихийных бедствий. Завоеватели, а также китайские, монгольские и корейские перебежчики оставили после себя пепелища, горы трупов, развалины, скелеты убитых вдоль дорог. Массовое истребление населения должно было вселять ужас перед завоевателями, парализовать любую попытку неповиновения.

Экономика страны была отброшена на целое столетие – до середины XVIII в. Китай восстанавливал тот уровень экономики, который был до завоевания страны маньчжурами.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какую роль сыграло восстание Ли Цзычэна в завоевании Китая маньчжурами?
2. Какую роль сыграл У Саньгуй в процессе покорения Китая маньчжурами?
3. Какие факторы содействовали завоеванию Китая маньчжурами?
4. Аргументируйте тезис: китайцы сами помогли маньчжурам завоевать их страну.
5. Каковы были последствия завоевания Китая маньчжурами?
6. Назовите даты правления маньчжурской династии Цин в Китае.

Тема 2. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В КИТАЕ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЦИН

Поскольку маньчжуры в культурно-цивилизационном плане развивались несравнимо меньший исторический срок, нежели китайцы, они вынуждены были приспосабливаться к более высокоразвитой цивилизации. И хотя маньчжурский император Цяньлун заявлял в одном из своих указов, что «маньчжуры – люди своей особой расы и являются гражданами своего особого государства», маньчжуры переняли китайский язык, китайские этические и философские учения. Форму государственного устройства маньчжуры оставили без изменений, оставив все более или менее ответственные посты в бюрократическом аппарате за собой. Практически все маньчжурское население ушло вслед за восьмизнаменными войсками в Китай и стало переходить на оседлый образ жизни, обучаясь у китайских крестьян земледельческому искусству. «Единственный обычай, который победители-маньчжуры не переняли от побежденных китайцев, – писал в 1904 г. Корсаков, долго живший в Китае, – это уродование ног у женщин. Остальное все, начиная от языка, одежды и культуры, вошло в жизнь победителей; маньчжурский язык совершенно забыт не только в правительственных учреждениях Пекина, но и в домах маньчжуров, потомков победителей-предков». Чтобы сохранить «свою особую расу», маньчжуры, опасаясь раствориться в этническом плане в «китайском море», запретили браки между маньчжурами и китайцами. «Восьмизнаменная» знать превратилась в особое высшее сословие, которое фактически стало закрытой кастой. Это была каста – сословие, куда ни один китаец ни за какие деньги или заслуги не мог проникнуть. В целом они приняли китайские традиционные ценности и быстро китаизировались.

Социальный портрет традиционного общества при Цинах

Для того чтобы сохранять и поддерживать неустанный контроль над покоренным населением, Цины официально закрепили социальное размежевание населения на **четыре сословия**. Эти сословия сформировались и существовали задолго до Цинов, но четкие перегородки между ними были проведены и закреплены именно при Цинах. Жесткая иерархия, регламентация взаимоотношений людей в обществе, закрепление их обязанностей – так понимали маньчжуры «порядок». Что собой представлял социальный портрет традиционного общества при Цинах?

Все население страны подразделялось на следующие сословия:

Ши, или шеньши, – «ученые мужи, носящие пояс».

Нун – земледельцы.

Гун – ремесленники.

Шан – торговцы, ростовщики.

Над этими сословиями возвышалась маньчжурская **знать**. Она имела особые права, выделявшие ее из остального китайского общества. У нее в распоряжении были необлагаемая налогами земля с прикрепленными к ней крестьянами, большое денежное содержание. Представители знати могли занимать государственные посты без сдачи государственных экзаменов, они были неподсудны и передавали свой статус по наследству. Знать подразделялась на родовую и служилую. Родовую знать представляли родственники императора и знатных фамилий маньчжурского и монгольского происхождения. Родственников императора было до тысячи человек. Самыми знатными были принцы императорской крови, т.е. прямые потомки императора, их звали «желтопоясными», затем шли боковые потомки, их звали «краснопоясными». Служилая знать – это обладатели почетных титулов, полученных по милости императора или за особые заслуги.

На самой верхней ступеньке иерархической социальной лестницы располагались так называемые «ученые мужи, носящие по-

яс», или **шеньши**. Это была правящая и интеллектуальная элита Китая. «Учеными мужами» их называли потому, что они были учеными-конфуцианцами, знатоками древних канонических книг. По мнению ортодоксов конфуцианства, «углубляясь в изучение древних откровений, следуя идеальным людям древности, человек выпрямляет свою природу, уничтожает все отклонения в себе самом, потом в своей семье, становится пригодным к управлению народом, руководит им и совершенствует государство». Португальцы, попавшие в Китай одними из первых среди европейцев, назвали шеньши **«мандаринами» (от португальского слова mandar – «править»)**.

Чтобы попасть в ученое сословие, надо было успешно сдать государственные экзамены. Система экзаменов на ученое звание сложилась окончательно к XV в., при Минской династии. Цины сохранили эту систему. Экзамены имели три уровня. Первый уровень – уездные экзамены. Они проводились ежегодно. Экзамены принимали столичные чиновники. При условии их успешной сдачи юноши шли в учителя, писари, литераторы и, как выражались они сами, «пахали кистью». Экзамены второго уровня проводились в столице провинции. Они проводились раз в три года. После успешной сдачи этих экзаменов получившие ученую степень имели право носить шелковый халат, ездить в паланкинах, занимать ответственные посты в государственном аппарате. Третий, самый высокий уровень экзаменов, проводился в Пекине, при императорском дворе в присутствии самого императора. Соискатели должны были знать основы конфуцианского учения, историю китайской философии, а также владеть литературным языком и каллиграфией. Главным экзаменом было написание сочинения на конфуцианские темы. Из сдавших экзамены формировалась высшая элита китайского общества.

На экзамены съезжалось множество народу. Успешно сдавали экзамены, т.е. получали ученую степень и должность чиновника,

лишь один-два процента из всей массы сдававших. Однако соискатели, не преуспевшие в экзаменах и не получившие никаких степеней и должностей, тем не менее пользовались уважением и почитанием общества – они были образованными людьми, они знали древние иероглифы, а ученость и образованность пользовались неизменным, традиционным уважением в китайском обществе. Деревенский житель, попытавшийся сдать государственный экзамен, становился старостой или писарем, и его мнение по всем вопросам становилось истиной в последней инстанции для всех жителей деревни. Попасть в ученое сословие можно было и путем покупки самых нижних разрядов должности шеньши.

При Цинах экзаменационная система деградировала. Темы экзаменационных сочинений полностью стали состоять из цитат классиков-конфуцианцев. Писали «восьмичленное» сочинение по каноническим книгам в трактовке школы Чжу Си. Полностью победили догматизм, начетничество и крайняя оторванность от практических нужд страны. Вместо многолетней подготовки к экзаменам теперь можно было воспользоваться протекцией, связями, взятками экзаменаторам, просто покупкой ученой степени. В середине XVIII в. более четверти вновь назначенных уездных чиновников купили ученую степень.

Китаеведы особо подчеркивают, что **сословие шеньши было открытым**, т.е. любой простолюдин мог попробовать свои силы и попасть в элитарное сословие. Бюрократическая машина обновлялась примерно на треть за счет людей из других сословий. Это была «свежая кровь», способные люди из числа простолюдинов. Обновляя собой государственный аппарат, эти люди укрепляли тем самым костяк государственного управления. В этом некоторые исследователи находят основную причину непотопляемости, особой устойчивости огромной бюрократической машины Китая. Две трети чиновников поставляли семьи самих шеньши – и это не удивительно, так как способному юноше предоставлялись благопри-

ятные условия для учебы – его освобождали от всех семейных обязанностей, он только учился, у него в наставниках были отец или дядя, он не испытывал материальных затруднений. Унаследовать статус шеньши было нельзя, его надо было приобретать заново каждому последующему поколению. Шеньши составляли 1,5% населения страны. За свою службу они получали жалованье, но оно отнюдь не являлось основным источником их доходов. Оно составляло лишь 1% всех его доходов, остальная «часть» доходов шла из нелегальных источников, складывалась из подношений, взяток. Кроме государственной службы, значительное число шеньши (около 40%) были заняты в сфере частного образования.

Шеньши имели особый правовой статус. Их не могли арестовать или осудить без санкции императора, по отношению к ним не допускались пытки, они могли откупиться от телесных наказаний. Земельные владения ученого сословия облагались пониженным налогом.

Существовали определенные внешние «знаки отличия» сословия шеньши от остальных сословий. Они носили длинные халаты с разным рисунком, соответствующим разным рангам, пояса с пряжкой из нефритов и рубинов, рубиновые шарики на шапочке. Высокоранговые чиновники, особо отличившиеся, носили павлиньи перья на головном уборе с одним, двумя и тремя глазками, низкоранговые чиновники в качестве награды носили вороньи перья. Самой высокой наградой для шеньши была желтая куртка, отороченная собольим мехом. Шеньши должны были ходить медленно, степенно, не поворачивая головы, говорить тихо, немногословно, весомо.

Поскольку в Китае **отсутствовал институт церкви**, а официальной идеологией в государстве было конфуцианство, шеньши выполняли функцию духовенства, они были конфуцианскими идеологами. Чиновничья элита соединяла в себе и духовно-жреческие функции, и власть, и науку, и материальную обеспе-

ченность. В Китае, таким образом, не родовитость и богатство, а знания и образование лежали в основе достижения высокого общественного положения, бюрократической карьеры (сравним с сутью исторического процесса в Европе, где доминантой развития было утверждение института частной собственности и рынка в качестве основных элементов перехода к буржуазному обществу. Роль бюрократии в Европе не выдерживает сравнения с ролью бюрократии в Китае).

Отсутствовало в Китае и военное сословие. Это объяснялось тем, что существование Китая как государства меньше всего зависело от армии. Соседи Китая были слабы и малочисленны, они подолгу не представляли для него серьезной угрозы. История сложилась таким образом, что независимость государства, стабильность китайского общества стали зависеть от качества и устойчивости именно бюрократического аппарата, т.е. от работы чиновничества.

Все остальные сословия – нун, гун, шан – считались простолюдинами, или «минь», что означает «народ». **Нун**, т.е. земледельцы, стояли на второй почетной ступеньке иерархической лестницы. Почетное место в социальной иерархии досталось земледельцам потому, что это были главные налогоплательщики страны – они пополняли бюджет на две трети. Это было самое многочисленное сословие (80% населения), объединявшее людей, занятых в сельском хозяйстве. **В сословие входили и крестьяне, и землевладельцы**. В деревне существовали пятидворки и десятидворки, связанные круговой порукой и плативщие налог-ренту государству. Налог был частично натуральным – рис, овощи, частично денежным.

При Цинах продолжал действовать классический конфуцианский тезис: «земледелие – ствол, основа; торговля, ремесло и иные занятия – ветви, второстепенное. Следует укреплять ствол и ограничивать ветви». Маньчжурские правители следовали этому правилу и уделяли первостепенное внимание именно сельскому хозяйству. В середине XVIII в. **Цины ликвидировали подушный**

налог, осталось только поземельное обложение. Цинское правительство установило достаточно умеренный поземельный налог, а императорским указом 1713 г. ставки налога были объявлены неизменными. Отмена подушного налога привела к бурному росту населения в Китае в XVIII в., поскольку теперь ставки налогов с пополнением семейства не возрастали, а одной из главных традиционных ценностей китайцев была большая семья. Еще одной причиной демографического взрыва в Китае было внедрение и распространение арахиса и сладкого картофеля – батата; их можно было выращивать на землях, неудобных для поливного рисоводства. Таким образом, значительно увеличилось количество пищи. К концу XVIII в. население Китая составило уже более 400 млн. человек. Возникло явление, которое называется аграрным перенаселением. Расширение пахотных земель отставало от роста количества едоков. Нехватка земли становилась хроническим явлением. Если в XVI в. на душу населения приходилось 8 му земли, то в середине XIX в. – менее 3 му (1 му = 0,06 га).

Хотя в Цинском Китае формально было запрещено увеличивать ставку налога, чиновники на местах облагали население дополнительными сборами. Примером грубого произвола может служить тот факт, что при сборе риса, отправляемого по Великому каналу в Пекин, с крестьян семи провинций вместо 4 млн. даней (дань – мера объема сыпучих и жидких тел, 1дань = 103,6 л) ежегодно взималось 14 млн, из которых 10 млн шло на личные нужды провинциального чиновничества. Чиновники прибегали к завышению курса серебра при перечислении натуральных сборов на денежные. Экономическая раздробленность страны, отсутствие единых мер площади, веса и объема давали повод чиновникам произвольно исчислять причитающиеся с крестьян платежи. К примеру, единица площади «му» разнилась на 100% в разных провинциях.

В Цинском Китае **доминировало частное землевладение**, т.е. собственников земли было больше, чем арендаторов (примерно

60% – собственники, 40% – арендаторы). Земля была главным богатством крестьянина, он был чрезвычайно привязан к родовой земле, видя в ней единственную основу существования многих поколений своей семьи. «Продать поле, – говорилось в китайской пословице, – все равно, что призвать смерть». Но распоряжаться своей землей ее владельцы не могли, т.е. они не могли передавать землю по наследству тем, кому хотели бы ее передать: они вынуждены были придерживаться традиции делить землю между наследниками поровну. Продажа земли была крайне редким явлением – это считалось безнравственным поступком, ее чаще всего закладывали. Практиковался заклад земли на долгий или даже на неопределенный срок с правом должника и его наследников на выкуп земли впоследствии, когда дела поправятся. Возвращение земли в собственность иногда происходило через многие десятилетия после заклада. Собственник земли, не сумевший расплатиться с долгами, взятыми под гарантии своей земли, терял право собственности на землю, но не терял права пользования, превращаясь в арендатора. **Взаимоотношения между собственником и государством (т.е. властью) были четко отрегулированы таким образом, чтобы все государственное оставалось первичным, а частное – вторичным**. Это характерно для всех традиционных обществ, в том числе и для китайского. Собственник должен был занимать ту нишу, которая соответствовала его месту и роли в жизни общества и не представляла угрозы государству. «Никто из восточных собственников никогда и не мыслил себя иначе, как покорным власти подданным, даже если он ворочал миллионами и был, выражаясь словами китайских источников, «богаче князей», – пишет известный китаевед Л.С. Васильев.

Маньчжуры принесли с собой **институт рабства**: рабами считались прежде всего многочисленные пленные. Все маньчжурские и военные чиновники, а иногда и простые солдаты, обзавелись рабами и слугами. Часть рабов была занята обработкой земли, другие

стали домашними рабами. Маньчжуры в своих указах именовали всех китайцев своими рабами, хотя на деле они приняли тот порядок вещей, который сложился у китайских земледельцев к XVIII в.

В городах и поселках жили **ремесленники – гун**. В XVIII в., с оживлением городской жизни, наблюдался подъем как казенного, так и частного ремесленного производства – или, как его еще называют, домашней промышленности. Прибрежные провинции становятся главными центрами ткачества. Изготавливали в основном хлопковые и шелковые ткани. Отличным качеством славились шелка императорских шелковых мануфактур. Мануфактурное производство оставалось в течение долгого времени – практически на всем протяжении новой истории – на одном и том же начальном уровне, не расширяя своих масштабов и не повышая уровень производства. История распорядилась таким образом, что во время народных восстаний – а их было немало – разрушению в первую очередь подвергались именно императорские шелковые мануфактуры. В промежутках между восстаниями их едва успевали восстанавливать в прежнем виде и количестве. Широко был известен за пределами Цинской империи знаменитый китайский фарфор. Ремесленники обрабатывали металл, добывали соль, изготавливали бумагу, сахар.

На последней ступеньке иерархической лестницы располагались **шан** – торговцы, ростовщики. Это было самое активное, предприимчивое и богатое сословие. Они кредитовали все остальное население и потому вызывали нелестные чувства по отношению к себе. Крестьяне искренне считали, что шан – это сплошь мошенники, наживающиеся на чужом несчастье, и что честным трудом нельзя нажить такие богатства, какие были у шан. Торговля как таковая на протяжении XVII–XVIII вв. развивалась в сторону подъема. Активно функционировали местные рынки – и на постоянной основе, и собирающиеся раз-два в неделю. На них преобладала мелочная торговля – торговали зерном, хлопком, шел-

ком-сырцом, чаем, табаком, деревянными, металлическими и фарфоровыми изделиями. Бассейн реки Янцзы и приморские провинции были самыми развитыми в экономическом и торговом отношении. В крупных городах устраивались ежегодные ярмарки, которые продолжались иногда по нескольку недель. Север и Юг Китая обменивались товарами: Север снабжал Юг продовольствием и сырьем, южные провинции поставляли в северные рис и ремесленные изделия. **Но единого национального рынка не было даже в XIX в.** На развитии внутренней торговли отрицательно сказывался тот факт, что крупные купцы вкладывали свободные деньги не в расширение торговли, а в сокровища, дома, земли и т.д.

За рамками сословий находились люди, занимавшиеся низкими профессиями или занятиями (с традиционной точки зрения). Их называли **цзяньминь (низкие люди, или подлый люд)**. К ним относили актеров, слуг в богатых домах – поваров, носильщиков паланкинов, кучеров. В эту категорию попадали домашние рабы – источником рабства могли быть осуждение человека по закону или самопродажа (самой распространенной была продажа малолетних дочерей, но при этом хозяин такой рабыни был обязан выдать их замуж по достижении совершеннолетия, а если такая рабыня рожала от хозяина сына, то ее сын получал долю хозяйского имущества). Сюда относились и жившие в лодках собиратели устриц. Но статус неполноправных не являлся пожизненным или наследственным, существовала возможность его изменения. Рабы получали личную свободу по достижении определенного возраста. Кроме того, регулярно издавались указы об освобождении или выкупе рабов. Все вместе «низкие» составляли примерно полтора процента от общей численности населения, и эта доля постепенно сокращалась к XIX в.

Сословная система просуществовала в Китае вплоть до Синьхайской революции (1911–1913 гг.).

Система «взаимной ответственности»

В китайском традиционном обществе существовала система круговой поруки, которую Цины не только восприняли, но зафиксировали законами и превратили в так называемую систему «взаимной ответственности». Это произошло в XVII в., когда был опубликован Закон о системе взаимной ответственности. По этой системе высшие сановники на местах несли личную ответственность за поведение и службу подчиненных им чиновников. Каждый член семьи нес ответственность за всех остальных родственников. Отец как глава семьи должен был отвечать за дурные поступки всех членов семьи. В свою очередь, если родители совершали неблаговидные поступки или преступление, их вина распространялась и на детей. Казнили не только обвиняемого, но и его родителей, братьев, сестер, детей.

«Литературная инквизиция», которая официально называлась «письменные судилища», стала важной частью «порядка», установленного маньчжурскими завоевателями в покоренной стране. Ее целью стало уничтожение инакомыслящих авторов и «крамольных» произведений. «Литературная инквизиция» в Китае практиковалась начиная с эпохи Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.), но только в эпоху Цинов она достигла невиданного размаха. Ее пик пришелся на 70–80-е гг. XVIII в. В эти годы было сожжено 14 тыс. «вредных» книг. Чаще всего гибли поэты, философы и историки.

В качестве примеров можно привести печальную участь китайских историков Чжуан Тинлуна и Люй Люляна. Первый из них написал ученый труд «Краткая история династии Мин». В нем в завуалированной форме осуждались маньчжурское правление и деятельность китайцев, пошедших к ним в услужение. Императору прислали донос, началось расследование. Пока шло следствие, Чжуан Тинлун умер. Тем не менее он, а также члены его семьи, издатели его книги, книготорговцы и даже покупатели его ученого

труда были приговорены к смертной казни. Тело историка было вырыто из земли, разрублено на куски, а кости сожжены. Его отец умер в тюрьме. Всего по его делу было казнено около 70 человек. Сочинения его собрата по профессии Люй Люляна были запрещены, поскольку он отказался служить маньчжурам и оплакивал гибель династии Мин. По приказу властей его труп также был вырыт из земли, разрублен, а его ученики и члены семьи казнены.

Система взаимной ответственности распространялась на все общество: все несли ответственность друг за друга. Цинские правители, оформив законодательно традиционный институт круговой поруки, облегчили себе управление покоренным китайским народом.

Духовный портрет китайца эпохи Цинов

Цины восприняли и взяли на вооружение китайское **Триединое учение**, в котором соединились три составляющие этого учения: конфуцианство, даосизм и чань-буддизм. Его трактовали как «три пути к одной цели», т.е. к праведной жизни (синкретизм трех учений окончательно сложился в период появления чжусианства как неоконфуцианства).

Конфуцианство – философское и этическое учение – стало официальной идеологией Цинов, которая помогала им править покоренным народом. Цины дали Конфуцию титул «древний учитель, великий и славный, совершеннейший мудрец», тем самым признав его самого и его учение. Конфуцианство – это автохтонное (т.е. не заимствованное, а созданное самими китайцами) учение, именно оно делало китайцев китайцами. Конфуцианство было мощной идеологической скрепой традиционного общества, его невидимым стержнем, который позволял стране сохранять целостность в течение тысячелетий. Сущностная формула конфуцианства может быть выражена отношениями: **человек – человек, человек – общество, человек – государство**.

Главное, что интересовало конфуцианство, – это отношения между людьми в рамках семьи, общества и государства, т.е. социальный аспект. Здесь ключевое слово – **отношения.** Многие исследователи-китаеведы считают, что конфуцианство неправомерно относить к религии, хотя в нем присутствуют религиозные элементы: вера в особую роль Неба, обожествление императора, культ предков. В центре внимания был все-таки человек. Это прежде всего этическое учение, развившееся из «Науки об управлении государством». Самого Конфуция больше всего интересовал вопрос: как управлять государством и какого качества люди должны помогать правителю в этом деле. **Конфуцианцы держали в руках монополию на образование и управление страной**.

Конфуцианство играло определяющую роль в духовной жизни народа – это был образ жизни и мировосприятия. Существовала целая система морально-этических норм, которые, упрощая, называют «китайскими церемониями». Отдельное ведомство – Палата церемоний – следило за соблюдением трехсот видов церемоний и трех тысяч правил поведения китайцев. Надо было всю жизнь соблюдать ритуал **Ли**. Это относилось ко всем сословиям, знатным и «низким» людям, без всяких исключений. Каждый должен был пребывать в своей нише и знать свое место, тогда ситуация в государстве будет стабильной: «Пусть отец будет отцом, сын – сыном, государь – государем, чиновник – чиновником. Пусть все в этом мире хаоса станет на свои места, все будут знать свои права и обязанности и делать то, что им положено… Общество должно состоять из двух категорий – верхов и низов – тех, кто думает и управляет, и тех, кто трудится и своим трудом содержит управителей».

В систему морально-этических норм входили: почитание предков, в первую очередь родителей, человеколюбие и прежде всего любовь к родственникам, уважение к старшим по возрасту и чину и подчинение им, культивирование внутреннего совершенствования. Нравственные аспекты ставились на первое место. Они вклю-

чали в себя «пять добродетелей»: человеколюбие, долг, нормы поведения, знание, верность. Сюда же включалась сыновняя почтительность.

Приоритет морали над правом позволил некоторым исследователям назвать это панморализмом. Мораль выполняла функции закона, регулировала поведение людей. Именно моральные нормы стали внешним насильственным началом в традиционном китайском обществе.

Конфуцианство поощряло почитание старины и традиций, культивировало стремление к знаниям, грамотность, создало знаменитую конфуцианскую этику труда.

Конфуцианство привнесло в общество уважение к власти и государству, иерархическое сознание. Оно закрепило систему соподчиненности, групповое сознание и групповой тип поведения. Император воспринимался как глава огромной народной семьи, а глава обычной патриархальной семьи считался представителем императора в семье, он осуществлял абсолютный контроль над имуществом, процессом производства и распределения на уровне своей семьи. Экономические отношения имели своей основой гуманный рационализм и коллективизм, воспитанные конфуцианской моралью (любое хозяйство, предприятие – это семья, никто не будет брошен на произвол судьбы). Конфуцианская этика труда утвердилась на долгие времена. Таким образом, все социальные отношения в Китае строились по патронимическому принципу. Конфуцианство веками культивировало стремление к стабильности и порядку. Оно внедряло в умы то представление, что интересы целого (т.е. государства) более важны, чем интересы индивида. Воля, чувства, индивидуальность отдельного человека могли проявиться только в рамках семьи, внутри группы.

Одним из самых ревностных последователей конфуцианства, сыгравшего большую роль в его популяризации и внедрении в массовое сознание, сыграл маньчжурский император Канси (1662–

1723), второй император династии Цин. Он сформулировал 16 основных норм поведения:

1. Уважай больше всего сыновнюю почтительность и братскую покорность, чтобы должным образом поднять общественные отношения.

2. Обращайся великодушно со всеми родственниками, дабы поддержать дух гармонии и смирения.

3. Поддерживай мир и согласие с соседями, чтобы предупредить ссоры и тяжбы.

4. Признавай важность земледелия и шелководства, дабы обеспечить достаточное количество пищи и одежды.

5. Цени умеренность и экономию, чтобы не допустить расточительства, растраты своих средств.

6. Высоко ставь школу и учебу, чтобы занятия ученых шли должным образом.

7. Порицай и изгоняй посторонние учения, чтобы возвысить учение истинное.

8. Излагай и объясняй законы, чтобы предостеречь невежд и упрямцев.

9. Проявляй благопристойность и учтивость, дабы упорядочить нравы и обычаи.

10. Усердно трудись на собственном поприще, чтобы все люди стремились к своей цели.

11. Поучай сыновей и младших братьев, чтобы удержать их от дурных дел.

12. Ставь преграду ложным обвинениям, чтобы покровительствовать честным и хорошим людям.

13. Предостерегай от укрывательства беглецов, чтобы укрыватель не подпал под наказание.

14. Вовремя и полностью плати подати, чтобы с тебя не требовали недоимок.

15. Группируйтесь в десятки и сотни, чтобы положить конец воровству и кражам.

16. Учись подавлять гнев и злобу, чтобы придавать должное значение личности и жизни.

Конфуцианство оказало существенное влияние на формирование национального характера и нравственных ценностей китайцев. Оно культивировало идею о превосходстве всего китайского над некитайским.

Даосизм как часть Триединого учения делят на философский и религиозный. Основателем **философского даосизма** считается **Лаоцзы**, живший на рубеже VI и V вв. до н.э. В его учении главное место отводится философской категории **Дао (путь)**, которое понималось как высшее начало мира, невидимая «пружина», дыхание, ритм Вселенной. Это начало всех начал, основа всего сущего. Но это – не бог, не сверхъестественная сила. Дао естественно, хотя и непостижимо. Лаоцзы так объяснял Дао: «Смотрю на него – не вижу, именем называю невидимое. Слушаю его – не слышу, именем называю беззвучное. Ловлю его – не обретаю, именем называю сокрытое. Эти три нельзя разграничить, потому как смешаны и образуют одно-единое. Его верх не светлый, его низ не темный, непрерывно вьется, его невозможно наименовать. Оно нашло пристанище в невещественном.Дао – таинственная основа мириад вещей».

Даосизм религиозный – это **учение о бессмертии**. Чтобы достигнуть бессмертия, полагалось с юных лет отказаться от нормальной жизни с ее радостями и горестями, во всем ограничивать себя, просто созерцать и находиться в состоянии «недеяния». Аскеты-отшельники уходили далеко от людей, в горы. Это было народное верование, в котором влиятельными людьми были врачеватели, гадатели, предсказатели. Суеверия, вера в потусторонние силы, обряды шаманов – все это было характерно для народного даосизма.

Даосизм проповедовал слияние с природой, естественность, свободу самовыражения. Даосы были «природными», естественными людьми в отличие от «людей нормы» – конфуцианцев. Сущ-

ностную формулу даосизма можно выразить так: **«Человек – Природа»**.

Лаоцзы порицал стремление народа к образованию. «Народом легче управлять, когда он глуп. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний – враг страны, а без их применения – счастье страны».

Буддизм пришел в Китай из Индии в первом веке н.э., «перевелся» на язык китайской культуры и утвердился как чань-буддизм в V–VI вв. н.э. Он стал составной частью Триединого учения. Фактически чань-буддизм – продукт синтеза индийского буддизма махаяны прежде всего с даосизмом, но частично и с конфуцианством. Формулу чань-буддизма можно представить как «**Человек и его сознание»** или «**Человек и его психика».** Мир, с точки зрения буддиста, психоцентричен, это – психокосмос, т.е. главное, что интересует буддиста, как строить свои отношения с миром с помощью психоэмоциональных «инструментов». Буддисты полагают, что бытие человека проходит в иллюзорном мире, и спасение живого существа понимается как уход от проблем суетной жизни. При этом мотив страдания человека в этом мире (человек рождается в муках, в течение жизни он переносит горе, беды, несчастья, смерть) в китайском буддизме не нашел особого развития. Буддистская идея повторных смертей и рождений акцентировала их внимание не столько на неудовлетворенности этой жизнью, сколько на надежде в каком-то другом рождении познать счастье. Китайские буддисты стремились, по выражению знатока буддизма Е.А. Торчинова, не столько к «освобождению от…», сколько к «освобождению для…». Идея Середины, идея диалога, а не конфликта, идея самосовершенствования, идея личной ответственности за свою судьбу были созвучны китайской традиции. Буддизм чань апеллирует к природному началу в человеке, защищает природу и естественное начало в человеке от насилия со стороны общества – это сближало буддизм с даосизмом. Буддисты

были выносливы, невозмутимы, культивировали непривязанность к жизни, людям, чувствам.

Таким образом, китайцы объединяли в Триедином учении совершенно разные учения и религии, и это им не мешало. Они все были конфуцианцами, немного даосами, немного буддистами – кто больше, кто меньше. Они терпимо относились к разным воззрениям и не были религиозными фанатиками – в Китае в традиционные времена (до появления на троне Цинов) не было религиозных войн. Они были открыты для других учений, в том числе для христианства (которое в середине XIX века в преломлении и понимании тайпинов привнесло чувство неприятия, отторжения всех других учений, кроме христианского). Цинские императоры отдавали предпочтение конфуцианству, что привело к падению престижа буддизма и даосизма. Бродячих буддистских и даосских проповедников стали относить к «подлому люду» и противопоставляли их «оседлому», т.е. монастырскому, духовенству.

Особую неприязнь официальный Пекин питал к исламу – мусульмане (чаще всего дунгане) не раз выступали против маньчжуров. Власти стали запрещать строить новые мечети, паломничество в Мекку. Маньчжуры подогревали и использовали для укрепления своей власти национальную и религиозную рознь, успешно натравливая ханьцев-конфуцианцев и монголов-ламаистов на дунган-мусульман.

Процесс проникновения и утверждения **христианства** в Китае был противоречивым и неровным. Европейские миссионеры познакомили китайцев с христианством в XVII в. При маньчжурах Шанхай и Пекин стали центрами римского католицизма. Император Канси в конце XVII в. официально разрешил исповедание христианства. Христианство – прежде всего католического толка – довольно широко распространилось в Китае. Принимали христианство в Китае поначалу калеки и брошенные дети-сироты. Позже его стали принимать и шеньши. Число новообращенных было не

так велико (в начале XVII в. их было всего 2,5 тыс. человек, в начале XIX в. – 300 тыс.). Иезуиты и францисканцы были доверенными советниками и переводчиками при дворе Канси. Они способствовали обучению китайцев науке литья пушек, точным наукам, переводам с европейских языков на китайский, знакомили с европейской дипломатией.

Наиболее дальновидные миссионеры сделали вывод: в Китай надо направлять талантливых миссионеров, а не просто хороших, так как, говорили они, «мы имеем дело с умным и знающим народом». Китайцы пытались осмыслить новое учение, в котором многое для них было непонятным. Они, к примеру, не могли понять, зачем надо умерщвлять плоть в ожидании небесного рая, если его можно найти и на земле? Они не могли понять, как можно иметь лишь одну жену и вести праведную жизнь – а как быть, если жена бесплодна или рождаются одни девочки? Они не могли уяснить, как взрослые люди могут верить в непорочное зачатие девы Марии. Миссионерам пришлось долго искать иероглифы в китайском языке, которые были бы адекватны понятию «Бог». Они стали использовать иероглиф «Небо», либо «Небесный владыка», либо «Верховный властелин». Была переведена Библия на китайский язык, служба велась на китайском языке. Однако единства в рядах миссионеров не было. Иезуиты не хотели подстраиваться под культурные обычаи и мировоззрение китайцев, они отвергали идею культурной адаптации. Склонные к религиозному синкретизму, китайцы сочетали культы Христа и Конфуция с поклонением предкам. Ватикан издавал указы, в которых запрещалось употреблять понятие «Небо», упоминать имя Конфуция. От императора потребовали запретить новообращенным сохранять китайские традиционные верования. В результате тот же император Канси, при котором христианство расцветает, в начале XVIII в. оставляет в Китае только тех миссионеров, которые признают возможность совмещения церемоний в честь Конфуция с христианской службой

и которые признают, что бог у китайцев такой же, как у европейцев. Остальных миссионеров он выдворил из страны, запретил проповедовать христианство и даже повелел разрушить некоторые христианские храмы. Во второй половине XVIII в. католическое христианство было полностью и окончательно запрещено, а число его последователей стремительно сократилось. Гонения на христиан продолжались до конца XVIII в. Только в конце XIX в. христианство в Китае вновь обрело силу.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что переняли и чего не переняли маньчжурские завоеватели у Китая и китайцев?
2. Зачем маньчжурским правителям понадобилось устанавливать жесткие границы между сословиями?
3. Какие функции в государстве осуществляли шеньши?
4. Почему земледельцы были поставлены на второе – почетное – место в социальной иерархии?
5. В чем состояла суть поземельных отношений в Цинской империи?
6. Чем объяснялось приниженное положение торговли и торговцев в цинском Китае?
7. Кто был поставлен за рамки сословий?
8. С какой целью Цины ужесточили систему взаимной ответственности? В чем ее суть?
9. Каковы составные части Триединого учения?
10. Каковы формулы конфуцианства, даосизма и чань-буддизма?
11. Какая судьба ожидала христианство в Китае?

Тема 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Принципы внешней политики Цинов

В Китае с древних времен существовала так называемая **китаецентрическая теория**, схематично представлявшая место и роль

Китая в мире следующим образом: изображался центральный квадратик – Китай, который включался в большой внешний квадрат – земля, и над этими квадратами изображалась дуга – Небо. Таким образом, Китай представлялся правителям Китая как центр земли, Срединная или Поднебесная империя, вокруг которой располагались периферийные земли, населенные «вассалами» и «варварами». Китай представлялся тем «Срединным царством», к которому можно примыкать другим народам, но которое ни к кому не примыкает, оно самодостаточно и сильно. По этой теории Китай являлся единственной в мире цивилизованной страной, которая распространяла на весь окружающий мир свое благотворное влияние, простирающееся «на 10 000 государств», и «озаряла светом все 10 000 земель», «пространство среди четырех морей», «все шесть направлений», т.е. существовало представление о мессианской роли просвещенного Китая. Всех чужеземцев в Китае именовали «варварами четырех сторон света». Император именовался «единым владыкой вселенной, территории как в пределах Китая, так и вне его».

Цины переняли и использовали опыт традиционной китайской внешней политики и дипломатии и сформировали маньчжуроцентристскую концепцию внешних сношений, скопированную с китайского образца. Эта традиционная концепция оказалась устойчивой потому, что Китай окружали в те времена небольшие по территории и численности населения народы и государства – Монгольские ханства, Корея, Тибет, Сиам, Бутан и т.д.

Китаецентризм в какой-то степени сопоставим с европоцентризмом, уже упомянутым выше. И тому и другому была присуща на первоначальном этапе географическая неосведомленность о народах, которые жили на земле кроме них. И тот и другой культивировали устойчивое представление о своей единственности, цивилизованности и миссионерской миссии. В XIX в. английский публицист Мартин писал: «Британия станет ядром, вокруг которо-

го все нации и народы земли в конечном счете образуют концентрические круги, в соответствии со степенью их продвижения по лестнице социального благополучия…».

До XVII в. у Китая не существовало четко фиксированных государственных границ с соседними народами. Существовали условные границы. По периметру Китая проживали народы, которых называли «вассалами». Установилась система вассальных отношений соседних народов с Китаем. «Вассал» по-китайски означал «забор», «плетень», т.е. этот термин понимался как преграда от нападений. Чем шире было пространство, занимаемое вассалами, тем спокойнее было Китаю. Все иноземцы считались «варварами», не имеющими понятия о цивилизации, т.е. конфуцианстве в первую очередь. Их настолько не принимали в расчет, что называли не иначе как «северные варвары», «южные варвары» и т.д., не удосуживаясь даже узнать, как они сами себя называют. Предполагалось, что вассалы должны быть покорны: «Там, где простерлось императорское влияние, нет ни одной мысли, которая не была бы покорна». По отношению к вассалам осуществлялся принцип «**и и чжи и»**, что в переводе означало «**руками варваров управлять самими варварами»**, т.е. использовался принцип «разделяй и властвуй». Власти тщательно следили за тем, чтобы вассалы не смогли противопоставить Пекину свою возросшую военную или экономическую силу, чтобы они не создавали объединений друг с другом, чтобы они оставались слабыми и покорными, чтобы они не сделались опасными.

В знак уважения и подчинения вассалы должны были прибывать ко двору в определенные сроки и присылать **дань**, а также оказывать помощь императору войсками. Они являлись в Пекин к Новому году, к дням рождения императора, его жен, сыновей, в дни траура. Больше всего ценились дальность расстояния, которое преодолевали вассалы, и точность прибытия ко двору. Дань использовалась как политический инструмент, средство давления на

вассалов. При этом экономическая сторона дани интересовала цинские власти лишь в связи с соответствием привозимых даров тому, что было установлено ритуалом. Важен был сам факт прибытия посольства. Если дань не принимали или принимали не всю, это был знак недовольства поведением вассала. Император по традиции должен был, в свою очередь, награждать вассалов «жалованьем», т.е. жаловать ответные дары, которые, как правило, были больше, ценнее, нежели привозимые вассалами. Этим правитель Китая показывал, что он является **главой огромной семьи народов,** он – опекун младших. На праздниках всегда демонстрировалось единство Китая и «внешних» земель: «внутреннее и внешнее – одна семья». Соседним народам внушалась мысль об их неразрывной связи с маньчжурами. Конфликты между ханьским и неханьскими народами в Китае и на его окраинах рассматривались как «семейные распри». **Китай не завоевывает чужих территорий, а просто «усмиряет» их**. Покорение монгольского Джунгарского ханства в 1755 г. Цины подавали не как завоевание одного государства другим, а как внутреннее дело Китая, как выяснение семейных отношений. Накануне походов в соседние земли в наказах военачальникам рекомендовалось говорить монголам, корейцам, аборигенам Дальнего Востока следующее: «Ваши предки были людьми одного с нами государства. Это ясно засвидетельствовано записями в книгах. Вы прежде не знали этого и, естественно, стремились отделиться от нас. Наш государь давно хотел послать к вам людей, чтобы подробно пояснить вам это, но был весьма занят и не сделал этого. Нынешний наш приход к вам совершен только в ваших интересах».

Европейские страны и посланники из них тоже рассматривались как «варвары» и «данники» императора. Им, как и всем остальным, не разрешалось постоянно жить в столице – они могли приезжать в Пекин с «данью» лишь в установленные сроки с изъявлением покорности.

После завоевания всей территории Китая Цины начинают проводить **политику изоляции** страны. Им надо было закрепить свою победу, удержать в повиновении огромное население. Чтобы лишить китайцев возможной поддержки с моря, уже в ходе завоевания цинские власти объявляют территорию вдоль побережья запретной зоной для торговли и любых контактов с иноземцами. Торговля разрешалась только в Гуанчжоу, Нанкине и Макао. Существовала и экономическая причина самоизоляции Китая: господство натурального хозяйства, которое закрепляло замкнутость каждого отдельного крестьянского двора, где производилось все необходимое для жизни – и пища, и одежда, и орудия труда. Самообеспечиваемость хозяйств порождала их самодостаточность, независимость от внешнего мира. Китайцы были искренне убеждены в том, что у них все есть для жизни и им незачем выходить на широкие контакты с соседними народами – варварами («Мудрец познает мир, не выходя со двора. Чем дальше он идет, тем меньше познает»). Поэтому в Цинской империи сложились весьма своеобразные внешнеэкономические связи: эти связи рассматривались как милость для сопредельных народов, как форма получения даров китайской цивилизации. Экономическая заинтересованность Китая в товарном обмене практически отсутствовала. Торговля считалась «низким» делом. Поэтому сложилась система рынков на границах империи, где разрешалась торговля с «варварами» и допускалось прибытие торговых караванов в Пекин – как правило, они сопровождали посольства в Китай. Изоляция подкреплялась и убеждением в том, что варвары – это невежественные люди уже потому, что не знают конфуцианства. Таким образом, Цины продолжили традиционно сложившуюся политику самоизоляции, но в своих интересах.

Политика изоляции в практическом смысле складывалась постепенно. Издавались специальные указы: в 1716 г. было запрещено торговать с иностранцами медью и цинком, в 1733 г. – железом,

в 1732 г. – вывозить железные котлы, в 1759 г. – шелковые ткани – и этот последний указ в дальнейшем многократно повторялся. Экономические отношения с соседними странами жестко лимитировались. С Россией, Кореей велась ограниченная пограничная торговля, по сути, безденежный натуральный обмен товарами. Японо-китайская торговля строго контролировалась, с одной стороны, цинскими властями, с другой стороны, японскими, так как Япония тоже придерживалась жесткой политики изоляции страны. Цины запретили торговлю с другими странами. Была запрещена и миграция в зарубежные страны. Те китайцы, которые отваживались нарушать запреты, не имели права возвращаться на родину. Они оседали главным образом в странах Южных морей – так тогда назывались страны Юго-Восточной Азии. Ограничения и запреты были сняты во второй половине XIX в., после второй «опиумной» войны. **В 1757 г. была запрещена торговля с иностранцами во всех портах, кроме Гуанчжоу**. Здесь европейцам не разрешалось селиться в пределах городской черты. Им запрещалось изучать китайский язык, а китайцев, которые тайком обучали языку «варваров», казнили. Китайцам запрещено было переселяться на прибрежные острова и распахивать там целинные земли: нарушителей возвращали на материк, а их дома сжигали.

Изоляция страны усиливала техническое, экономическое отставание от Запада, создавала своеобразную «китайскую стену» между Цинской империей и динамично развивавшимися странами Европы. Усугубление экономического и языкового барьера между двумя цивилизациями лишало традиционный Китай возможности познавать технические, научные, экономические достижения капиталистического Запада. Изоляция обрекала страну на дальнейшее отставание.

Под особым бдительным контролем маньчжурских властей находилось морское судостроение. **Под страхом смертной казни запрещалось строить большие суда**, способные уходить далеко

от берега, в открытое море. Таким образом, Цины связали руки китайским торговцам, что было на руку западным коммерсантам, поскольку послужило интересам первоначального накопления капитала европейцами и американцами. С этим связана еще одна особенность цинской внешней политики: принцип отделения политики от экономики. **Первостепенными считались и на самом деле были политические и идеологические цели**. Цинское правительство не испытывало давления изнутри, поскольку китайское купечество вело торговлю в строго заданных рамках и правительству не было необходимости обеспечивать для него торговые пути и рынки сбыта.

Цинская дипломатия являлась, по сути дела, маньчжуро-китайской дипломатией: маньчжурской по целям и задачам, китайской по формам, методам, средствам. «Усмирение» не подчинившихся воле Пекина, распространение на них китайских институтов и норм, приобщение их к «цивилизации» всеми средствами – вот суть внешней политики и дипломатии Цинов. Конфуцианство выработало мессианскую идею перевоспитания «варваров», перехода их на «китайскую ступень» развития. Главной целью было «приобщение варваров» к китайской цивилизации. Весьма эффективной считалась разработанная еще ханьским мыслителем Цзя И теория «гуманного» обращения «варваров» в «цивилизованных» и лояльных империи соседей. По этой теории император должен был поддерживать доверие «варварских» правителей дружественными словами, внушать им, что он действительно восхищен их культурой, ему нравится, как они выглядят внешне. Предполагалось одаривание «варваров» одеждой, хорошей пищей, организация представлений с музыкой, танцами, женским вниманием, предоставление им жилья в столице империи, оказание им всяческих знаков внимания с тем, чтобы, воздействуя на их чувства, победить их сердца. Но до тех пор, пока эти «кандидаты в китайцы» остаются неподчиненными чужестранцами, их следует «усмирять» военной силой.

Но и война должна вестись больше хитростью, чем просто пустив в ход армию. Военный мыслитель древности **Суньцзы** в своем знаменитом трактате «Стратегическое нападение», который стал своеобразным учебным пособием для китайских политиков и дипломатов, заложил в китайской военной доктрине основополагающую идею: дипломатические методы борьбы не только должны предшествовать военным, но они вообще предпочтительнее, выгоднее государству. Вот что он писал: «По правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целости, во вторую очередь – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, второе – разбить ее… Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска… Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию не сражаясь; берет чужие крепости не осаждая; сокрушает чужое государство не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целости и этим сохраняет власть в Поднебесной. Поэтому и можно, не притупляя оружия, иметь выгоду – это и есть правило стратегического нападения». Бескровная дипломатическая победа выгоднее военной – она сохраняет материальные ценности побежденного государства, военную силу государства-победителя, его власть в Поднебесной.

Суньцзы сформулировал главное умение дипломатов и полководцев – умение составлять и осуществлять **стратагемы**, т.е. умение программирования действий противника и навязывания ему поведения, которое выгодно замыслившему ту или иную стратагему. Стратагема – это военная хитрость, коварный долгосрочный план, хитроумный замысел, ловкий расчет, действие, которое вводит в заблуждение противника. Вот те правила, которые стали называть азбукой стратагемщика: «Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя

бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает». Китайские послы действовали по правилу: «сначала будь как невинная девушка – и противник откроет свою дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите». Вот некоторые из стратагем: «Убить чужим ножом», «В покое ожидать утомленного врага». «Грабить во время пожара», «На востоке поднимать шум, на западе нападать», «Извлечь нечто из ничего», «Увести овцу легкой рукой», «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти».

Искусство составления стратагем всегда высоко ценилось в Китае. Стратагемы были какое-то время секретным национальным достоянием, недоступным для иностранцев. Знание и составление стратагем стало особенностью национальной психологии, а не только делом дипломатов и военных. «Стратагемы существуют у всех народов, однако на Западе нет аналогов такого свода стратагем, который уже в течение почти трех тысячелетий характеризует традиционное китайское мышление и представляет собой своего рода зашифрованную таблицу умножения, известную каждому китайцу с детства и во многом организующую его поведение в различных жизненных ситуациях», – пишет академик В.С. Мясников в предисловии к книге Харро фон Зенгера «Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия» (М., 1995).

Китайская политическая культура практически исключала равенство в отношениях Китая с любой страной мира. Китай стремился выстроить все свои международные связи по иерархической вертикали – от высшего к низшему.

Китайскую дипломатию отличал исключительно развитый **дипломатический церемониал**, направленный на утверждение превосходства Китая над всеми, кто вступал с ним в контакт. Для иностранцев существовала унизительная процедура ритуала **«коутоу»**: надо было на четвереньках добраться до пустого трона, на котором красовалась табличка с именем правящего императора, по дороге три раза приложиться лбом к полу, а затем, не поворачиваясь спиной к трону, надо было так же, на четвереньках, найти выход.

Войны Цинской империи

Маньчжурские правители строили широкие захватнические планы. Их девиз был такой: «Прибегай к миру и дружбе, когда обстоятельства принуждают к этому. Но считай войну и оборону своей основной политикой». Их главной целью было закрепить победу не только над Китаем, но и наглядно продемонстрировать свою власть вассалам, а также попытаться расширить подконтрольные Пекину территории. Цины активно проводили карательные походы в соседние с Китаем земли.

Одним из первых объектов агрессивной внешней политики маньчжурских правителей стала **Монголия**. В то время существовали три монгольских ханства: Северная Монголия, или Халха, Западная и Южная. Первый поход в Халху в 1646 г., состоявшийся еще в ходе завоевания Китая, оказался неудачным. Не преуспев в военном плане, цинский двор стал оказывать дипломатическое давление с целью признания халхаскими ханами своего зависимого положения от Пекина. Цины направили ультиматум Халхе: либо принести клятву верности Цинской империи, либо не посылать своих послов в Пекин. В 1656 г. клятва была принесена. С этого времени многие, но пока не все ханы Халхи стали платить ежегодную дань из «девяти белых» (одного белого верблюда и восьми

белых лошадей). **В 1691 г. император Канси (1679–1722) окончательно присоединил Халху к империи**.

В середине XVIII в. маньчжуры перешли к завоеванию стран, расположенных к западу от империи – **Тибета** (1750–1751 гг.), **Джунгарии** (1755–1757 гг.) и **Кашгарии** (Восточный Туркестан) (1757–1759 гг.).

С 1715 г. началась длительная война с непокорными племенами Западной Монголии, где кочевали на просторах Джунгарии племена ойратов – сородичей монголов. В начале XVII в. здесь образовалось могущественное Джунгарское ханство. В 1757 г. состоялся окончательный захват Джунгарии, он завершился кровавой расправой над ойратским населением, которое было почти поголовно истреблено.

Захватив Джунгарию, маньчжуры стали готовиться к завоеванию Восточного Туркестана. В Кашгарии существовало теократическое уйгурское государство. Завоевание этого края облегчалось для маньчжуров тем, что его раздирали религиозные распри между двумя основными течениями мусульманского духовенства – «белогорскими» и «черногорскими» ходжами (новая секта мусульман называла себя «Белая гора», и ее приверженцы носили белые шапки – она настаивала на чтении Корана про себя, молча. «Старое учение» именовало себя «Черная гора», а его последователи носили черные шапки и призывали читать Коран вслух), а также между правителями городов – беками и ханской властью. Маньчжуры сыграли на этих противоречиях. К 1759 г. цинские войска овладели всей Кашгарией.

Территория Джунгарии и Кашгарии, где жили главным образом уйгуры и была распространена мусульманская вера, получила название **Синьцзян**, т.е. «Новая территория», или «Новая граница». Здесь были размещены маньчжурские и китайские войска. Синьцзян стал местом ссылки для противников цинских властей.

После подчинения Тибета, покорения Джунгарии и Кашгарии Цинская империя находилась в зените своего могущества. Маньчжуры расширили владения империи на 3 млн км^2 (что примерно

равнялось территории империи Великих Моголов в Индии). В середине XVIII в. Цинская империя была самым крупным и сильным государством Восточной Азии. Завоевания 50-х гг. XVIII в. привели к максимальному территориальному расширению маньчжурских владений – к границам, которые просуществовали вплоть до падения монархии в 1912 г. Ощущение всесилия внутри и вовне империи привело к дальнейшему усилению изоляции Китая от внешнего мира – «закрытию» страны для «заморских варваров».

Однако в 80-е гг. XVIII в., попытавшись завоевать южных соседей – Бирму (Мьянма) и Вьетнам (Аннам), цинские войска были наголову разгромлены. Это свидетельствовало о том, что наступательный, агрессивный порыв цинских завоеваний иссяк. Провал завоевательных войн против Мьянмы и Вьетнама стал началом загнивания маньчжурского режима и его ослабления под ударами участившихся восстаний крестьян и неханьских народов (мяо, яо, тун и др.). И хотя в 1792 г. была одержана победа над **Непалом**, могущество Цинской империи становилось все более сомнительным.

Тем не менее в результате войн, которые Цины почти беспрерывно вели на протяжнии XVIII в., новые пограничные территории были включены в сферу влияния Китайской империи. Возникло новое геополитическое пространство, подконтрольное цинской державе, и в сознании маньчжурских правителей закрепилось традиционное представление о Китае как центре Вселенной и об окружавших Китай народах и государствах как варварских, призванных признавать гегемонию китайской империи.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем состоит суть китаецентризма?
2. Что такое «и и чжи и»?
3. Чем объяснялся принцип изоляции Китая на международной арене?
4. Какую роль сыграла изоляция в судьбах Китая?
5. Что такое «коутоу»?

6. В чем состояла суть даннических отношений Китая с соседями?
7. Что такое стратагемное мышление и поведение?
8. Какие войны вела Цинская империя и каковы были их результаты?
9. Какие новые территории расширили Цинскую империю?

Тема 4. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ В XVII–XVIII вв.

К началу XVII в. между Русским государством и Китаем пролегала обширная – от нескольких сот до нескольких тысяч километров шириной территория, на которой жили аборигенные народы Сибири и Дальнего Востока (монголы, маньчжуры, уйгуры, казахи, киргизы) и не было ни китайского, ни русского населения. **Эти народы выполняли функцию медиаторов**, они оказались вовлечены в процесс становления отношений Китая с Россией, затем, в ходе формирования многонациональных империй – Российской и Цинской, постепенно включались в их состав. Эта территория стала контактной зоной двух цивилизаций, которая по мере расширения обоих государств постепенно сокращалась, поглощалась ими, что привело к постепенному формированию общей границы Китая с Россией. Существовала условная граница в этой буферной зоне, которую русская сторона называла «ивовый палисад».

Россия на протяжении двух с половиной столетий (XVII–XIX вв.) направила в Китай 18 дипломатических миссий разных уровней – от дипломатических агентов до великих и полномочных послов в ранге министра. Цинская империя направила в Россию лишь четыре миссии – одну в XVII в. и три в XVIII в. Только две из этих миссий посетили столицу, причем сделав это попутно, так как направлялись они к волжским калмыкам (за помощью в борьбе против монгольского Джунгарского ханства).

Первые дипломатические контакты Китая и России произошли в начале XVII века, еще в период правления династии Мин. Ини-

циатива принадлежала московскому правительству. Следует сразу сказать, что **Россия была и в дальнейшем активной стороной** в установлении связей с Китаем. Стремление войти в контакт с незнакомым «богдойским» государством возникло в результате продвижения российских землепроходцев на восток, к Тихоокеанскому побережью. После того как к России отошла Сибирь, русские владения приблизились к Китаю.

В 1608 г. последовал указ царя Василия Шуйского об организации посольства в Китайское государство. Посольству не удалось доехать до Китая. Вторая попытка была предпринята в 1616 г. Глава посольства Василий Тюменец добрался до Западной Монголии, установил с монголами дружеские отношения, но дальше не пошел и вернулся в Москву. Только с третьей попытки удалось добраться до Китая. Это произошло в 1618 г., когда было сформировано новое полуофициальное посольство **во главе с томским казаком Иваном Петлиным. В мае 1618 г.** «Ивашка Петлин со товарищи» (всего их было 11 человек) отправились в далекий путь. Им помогали монголы и буддийские монахи – они были и проводниками в пути, и помощниками в сборе сведений, и спутниками, знающими монгольский и китайский посольский церемониал. Монгольский язык был средством общения и в Монголии, и в Китае. 1 сентября 1618 г. посланцы прибыли в Пекин – т.е. через 3 месяца и 22 дня. На вопрос китайских чиновников о цели прибытия они ответили, что «великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии прислал их Китайское государство проведать и царя видеть». Но тут же выяснилось, что из-за скаредности посылавших их властей у посланников нет подарков, которые можно было бы поднести в качестве «дани» – «идти ко царю не с чем». Чтобы не уронить престиж своей страны, Иван Петлин и его спутники заявили, что они посланы не непосредственно московским царем, а из «Сибирского государства проведывать про великое Китайское государство, и с ними грамот и по-

минков (т.е. подарков) нет, а будет великого нашего государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии к вашему великому государю послы нарочно, и грамоты и дары с ними будут». В 1619 г. они вернулись в Томск.

В Москву Петлин привез «чертеж Китайского государства» и грамоту от минского императора Чжу Ицзюня. Грамоту не смогли перевести на русский язык до 1675 г., т.е. она оставалась непереведенной в течение 56 лет. Остальные документы тоже были похоронены в бумагах Посольского приказа. Когда грамоту перевели, выяснилось, что в ней предлагалось русским людям в дальнейшем приезжать «с торгом» и привезти «лист» от своего государя. Миссия И.Петлина привезла ценнейшие сведения о Китае. Отчет Петлина о поездке в Китай, или «Роспись», в XVII–XVIII вв. выдержал семь иностранных изданий. Но первый дипломатический контакт России и Китая не стал практическим стимулом к дальнейшему развитию связей. В начале 40-х годов XVII века вообще забыли о самом факте посылки русской миссии в Китай. В 50-е гг. XVII в. царской дипломатии пришлось заново начинать отношения с Китаем.

В 1649–1652 гг. Приамурье было окончательно присоединено к русским владениям, здесь действовала власть русской администрации. В Москве в это время представляли Цинскую империю как небольшое владение и собирались «принять царя Богдоя в русское подданство» и заставить его платить русским дань – ясак так же, как это делали десятки малочисленных сибирских народов.

В **1651 г. Т.Е. Чечигин** был отправлен посланником в Китай. Посольство Чечигина должно было оценить обстановку в районах к югу от Амура, прозондировать потенциальную силу сопротивления китайцев. Основная цель посольства – приведение китайцев в российское подданство – была нереальной, и миссия Чечигина заранее была обречена на провал. Цинская империя, в свою очередь, стремилась превратить в подданных своей империи любые госу-

дарства и народы, с которыми она вступала в контакт. Но пока ни в Москве, ни в Пекине еще не понимали, что произошло знакомство двух примерно равных государств, двух похожих дипломатий. Отличие состояло в том, что российская дипломатия предпочитала мирный путь установления отношений, а цинская решилась на разведку боем.

В 1652 г. состоялось вооруженное столкновение **отряда Е.П. Хабарова** и военной экспедиции маньчжуров. Хабаров нанес маньчжурам жестокое поражение. Несмотря на примерно равное вооружение и десятикратный численный перевес маньчжуров, русские уничтожили 676 человек, захватили две пушки и все огнестрельное оружие («у которых у них, богдойских людей, огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружье у них взяли»), а также весь обоз – «830 лошадей с запасы хлебными». Хабаровцы потеряли в бою 18 человек. Естественно, маньчжуров насторожил тот факт, что русские – неплохие воины и от них нужно ждать неприятностей. Послов миссии Чечигина убили дауры, не пропустив их в пределы Цинской империи. В 1655 г. состоялся очередной «карательный поход» против русских на Амур, закончившийся поражением маньчжуров. Таким образом, попытки наладить дипломатические отношения окончились неудачей. Москва стала готовить новое посольство в Пекин, Цины – новые войска для отправления на Амур.

Интерес к Китаю не только не исчезал, но возрастал по мере поступления в Москву информации о заманчивых перспективах и выгоде торговли китайскими товарами, осуществляемой купцами-«бухарцами» и татарами, монополизировавшими эту торговлю в те времена. Было решено организовать государственную торговлю с Китаем, а ее центром должен был стать Тобольск.

В **1654 г.** в Китай отправляется официальное посольство во главе с **Федором Исаковичем Байковым**. Оно должно было изучить возможности организации торговли между Китаем и Россией.

В Пекин послы добрались к 1656 г. Цинские чиновники оказали весьма прохладный прием посольству Байкова. В Москве Ф. Байков получил наказ «никакому порогу не кланяться», и он выполнял этот наказ. Цины держали посланников в изоляции («русских людей со двора ходить не пускали; заперты были, что в тюрьме»), пытались заставить их совершить обряд «коутоу», что означало бы признание вассалитета России. Но изоляция посланников была относительной, и Байков сумел собрать максимум информации в сложившихся обстоятельствах. Он перечислил товары, которые могла бы приобретать русская казна в Пекине, – жемчуг, бархат, драгоценные камни, выяснил спрос на русские товары (меха). Он сообщил о завоевании Китая маньчжурами, о смене династий на пекинском престоле. Поскольку Ф. Байков наотрез отказался выполнять церемонию коутоу и вручать подарки без аудиенции с императором, чиновники вынесли вердикт: «Так как посол не знает нашего церемониала, нельзя удостаивать его аудиенции», а цинский император повелел «поднесенную дань отвергнуть, а послу приказать вернуться в его страну». Покидая Пекин, Ф. Байков смело объявил китайцам: «Ваша империя велика, но и наша не мала».

Задачу установления торговых и дипломатических отношений на равной основе пока выполнить не удавалось. Признание равенства России в отношениях с Цинами означало бы и признание равенства их интересов на территории, где сталкивались устремления двух держав, – в Монголии и Приамурье. Русской политике хозяйственного освоения Приамурья маньчжуры противопоставили тактику превращения этой территории в зону «выжженной земли»: устраивая карательные походы, маньчжуры сгоняли местное население в глубинные районы Маньчжурии, чтобы затруднить русским поселенцам оседание на этих землях. Продолжались стычки с малочисленными русскими отрядами, иногда успешные для маньчжуров (в 1657 г. они разгромили отряд О. Степанова). «Но во всех этих сражениях наши войска не могли полностью

уничтожить русских. Поэтому русские продолжали появляться в этих местах», – констатировал цинский источник.

В 1660 г. в Пекин прибыло посольство И.С. Перфильева и С. Аблина. Маньчжурский император отреагировал на это так: «Россия находится далеко на западных границах, не просвещена. Но они смогли прислать посла с грамотой, и поэтому, очевидно, они стремятся к дружественным отношениям… мы должны быть снисходительны к ним и добрым отношением привлекать на свою сторону». Цины приняли «дань» и грамоту русского царя и даже устроили банкет в честь посланников из России. Результаты их торговых операций в Пекине были впечатляющи, они принесли казне огромную прибыль. Отныне можно было говорить об установлении какого-то подобия дипломатических отношений между Китаем и Россией.

Главной задачей цинских властей оставалось вытеснение русских из Приамурья, расширение зоны влияния маньчжурской империи. В начале 70-х гг. XVII в. маньчжурские войска заметно активизируют свои действия. Между тем из Приамурья в Москву шли донесения о «великой скудости» в воинских припасах и продовольствии, нехватке людей.

В **1673 г.** началось формирование нового посольства в Китай. Переводчик Посольского приказа **Николай Гаврилович Спафарий**, приглашенный на службу в Россию и знавший несколько европейских языков, имевший и европейский, и восточный дипломатический опыт (Париж, Константинополь), возглавил это посольство. Главной задачей посольства, как и всех других, было установление постоянных дипломатических и торговых отношений, сбор сведений о водном пути и сухопутных дорогах в Китай, наиболее удобных и близких («какой дорогой ближе и бесстрашно»). Весной 1676 г. посольский караван прибыл в столицу цинского Китая. Русское посольство изолировали, лишив возможности получать какие-либо сведения о состоянии дел в Цинской им-

перии и вести торговые операции. После выполнения всех церемоний цинские документы интерпретировали произошедшее следующим образом: «Русский белый царь прислал своего сановника Николая Гавриловича представить местные произведения в качестве дани и поднести грамоту. В грамоте пишет: «Русское захолустье находится очень далеко, с древности никогда не имели связей с Китаем, не знаем китайского языка, не знаем, в какой форме подносить грамоты. Ныне специально обращаемся к цивилизации и искренним желанием иметь сношения, направляя посольства с данью». Итоги пребывания русского посольства были предопределены: цинские дипломаты, добившись от Спафария выполнения придворного церемониала, который полагался для «даннических государств», не собирались серьезно обсуждать содержание предстоящих китайско-русских отношений. У маньчжуров отсутствовала заинтересованность в установлении нормальных отношений с Россией. Они надеялись решить «амурскую проблему» военным путем.

Итак, попытки установить торговые и дипломатические отношения с Китаем в XVII в. практически были безуспешны для России. Миссии Ивана Петлина, Федора Байкова, Николая Спафария и др. дали сведения о сухопутных дорогах в Китай через Монголию и Маньчжурию, о быте и культуре китайцев, о географическом положении Китая и ее политическом устройстве, о завоевании Китая маньчжурами, но не выполнили поставленных перед ними главных задач.

Русское проникновение в земли, сопредельные с границами Китая, расценивалось правителями Китая как главная опасность с севера. Места, «захваченные» русскими, по мнению маньчжурских правителей, находились «в чрезвычайной близости от мест возникновения нашей империи». Император **Канси** (Сюань Е) в начале **80-х гг. XVII в. разработал «русскую стратагему» под названием «Стратегические планы по усмирению русских»**. Это был

долгосрочный план по вытеснению русских из сопредельных земель, предусматривавший и дипломатические, и военные действия. Малочисленность русских сил на берегах Амура и в Забайкалье, удаленность дальневосточных владений от центральных районов страны были теми уязвимыми местами, которыми решил воспользоваться Канси.

Предполагалось создать буферную зону, которая бы отдалила русские поселения от приграничных земель Китая. Для этого готовилась продуманная военная операция – решено было построить две деревянные крепости, склады с продовольствием и обмундированием для маньчжурских воинов, провести разведку в Приамурье под видом «охотников на оленей» и т.д. Маньчжуры стали требовать ликвидировать все русские поселения в бассейне Амура, хотя эти земли никогда не принадлежали Китаю и здесь не было стабильного китайского населения.

В специальном послании-ультиматуме к русским в 1684 г. император объявил в серии посланий-ультиматумов, что, поскольку и Албазин, и Нерчинск «захвачены» у Цинской империи, он приказывает всем русским покинуть их. «Ныне наши войска водою и по суше выступили для того, чтобы истребить всех вас. Поскорее уходите, чтобы сохранить ваши жизни», – недвусмысленно угрожал Канси. «Вы углублялись в наши внутренние земли, захватывали у населения детей, постоянно творили беспорядки», – заявлял он. «Вам, русским, следовало бы побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей. Ловите там соболей и собирайте ясак и не вторгайтесь более в наши внутренние земли».

Не добившись от России уступок, маньчжуры решаются на военные действия. В **1685 г.** десятитысячное цинское войско осаждает **Албазин** – самый восточный острог России, который стал объектом главного удара, поскольку занимал ключевую позицию в этом огромном крае. Албазин защищали 450 человек, у которых было три пушки и четыре ядра к ним. Когда кончился порох и

свинец, албазинцы стали отбиваться камнями. Они были вынуждены капитулировать после того, как маньчжуры подожгли острог. Но им сохранили жизнь и оружие с условием, что они навсегда покинут эту территорию. Сохранение жизни албазинцам диктовалось и тем, что Цины не хотели длительного вооруженного конфликта, хотели смягчить ответную реакцию русского правительства на сам факт агрессии в Приамурье. Однако, осенью албазинцы вернулись, собрали урожай и восстановили крепость, окружив ее земляным валом с глубоким рвом. В 1686 г. вернулись и маньчжурские войска. После пятимесячной осады, несмотря на огромное численное превосходство, восьмитысячное цинское войско, понеся большие потери, отступило, но блокировало Албазин со всех сторон.

В это время для обеих сторон становится понятно, что мирная дипломатия оставалась единственным реальным средством, которое могло предотвратить войну, в которой не были заинтересованы ни Китай, ни Русское государство. Канси хотел провести переговоры, пока маньчжуры не растеряли тех преимуществ, которых они достигли внезапностью нападения на русские земли, и пока Русское государство не развернуло силы, которые были бы эквивалентны нападающей цинской армии. Центральным пунктом стратагемы Канси была идея ослабления и отбрасывания соседнего государства путем захвата ключевой стратегической позиции на его территории. Москва, не обладая достаточными ресурсами для затяжной войны с Китаем, приняла решение пойти на переговоры и хотела договориться об установлении границы по Амуру.

Переговоры проходили летом 1689 г. в районе Нерчинска. Они протекали в неблагоприятной для российской дипломатии обстановке: в гарнизоне Нерчинска насчитывалось несколько сотен человек, а китайская сторона окружила их десятитысячным войском, десятками судов и сотнями пушек. Достаточно сказать, что глава русской делегации **Федор Алексеевич Головин** поседел

за время напряженных переговоров. Обеими сторонами было решено, что главной целью переговоров является установление мира между двумя государствами и размежевание их владений. Поначалу китайская сторона выдвигала совершенно необоснованные территориальные претензии, угрожая войной, и Головину приходилось проявлять неимоверное терпение и дипломатическую мудрость, чтобы обуздать аппетиты Цинов. Цинская дипломатия действовала в русле издавна существовавшей концепции, согласно которой земли, хотя бы ненадолго входившие в состав Китайского государства или оказывавшиеся в любой степени зависимости от него, считались находящимися в сфере его юрисдикции, составляя как бы часть его территории. Цинские переговорщики убеждали Головина в том, что Албазин был когда-то местом обитания цинского подданного некоего Аэрбаси, а Нерчинск – «бывшим местом кочевий всех аймаков маоминъань».

27 августа 1689 г. был заключен первый русско-китайский договор, который вошел в историю под названием Нерчинского. Был определен первый участок границы между Россией и Китаем по верхнему течению Амура. Левобережье Амура и правый берег Аргуни по договору должны были «очиститься» от русских поселений и военных отрядов. Россия теряла обширные территории, освоенные и заселенные русскими людьми в течение нескольких десятков лет. Амур попал под контроль цинских войск, на его северном берегу образовывалась буферная зона пустынных земель, любая деятельность русских в этом районе должна была быть прекращена. Крепость Албазин подлежала срытию. Но цинская сторона заверила, что и Китай не будет создавать укреплений на утраченных Россией землях. Стратагема Канси была выполнена: Русское государство было вытеснено из Приамурья. «В этом деле все было сделано в соответствии с моими желаниями», – заявил император.

В Нерчинском договоре был особый пункт, в котором говорилось о том, что купцам «с проезжими грамотами из обоих сторон

приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать, и продавать, что им надобно, да повелено будет», т.е. подтверждался принцип равенства в торговых отношениях. Устанавливался мир между Китаем и Россией.

Нерчинский договор был крупным поражением России на Дальнем Востоке, он блокировал широкий выход к Тихому океану. Но именно он на целые столетия исключил из отношений Китая и России вооруженную силу как средство решения политических проблем. Договор действовал до середины XIX века.

После заключения Нерчинского договора отношения между Китаем и Россией продолжали развиваться. По общему признанию отечественных историков, отношения Китая и России в период правления Петра I были весьма плодотворными и впервые и Китай, и Россия признали друг друга равными государствами. Внешняя политика Канси сосредоточилась на задаче разгрома Джунгарского ханства и покорения Тибета. Поэтому он стремился поддерживать мирные дипломатические и торговые отношения с Россией.

Для установления границы между Халхой, которая вошла в состав Цинской империи, и Российской империей в Пекин было направлено посольство Саввы Рагузинского. **В 1728 г. был подписан Кяхтинский договор**, который был успешным для российской дипломатии и в котором устанавливались границы между Россией и землями, населенными монголами. Забегая вперед, надо сказать, что процесс установления границ между Китаем и Россией был в основном завершен только к 1915 г. В договоре русским торговым караванам разрешалось приезжать в Пекин каждые три года, число купцов не должно было превышать 200 человек. Разрешалось торговать на границе в двух пунктах: Цурухайту и Кяхте. В нем определялся и статус Российской духовной миссии в Пекине, созданной в 1715 г.

Религиозная деятельность **Российской духовной миссии** осуществлялась в очень ограниченных масштабах – она распростра-

нялась только на немногочисленных албазинцев. Москва запретила вести активную миссионерскую работу среди китайцев, чтобы не ухудшить отношений с цинским правительством. Духовная миссия была единственным постоянным и надежным источником информации о Китае. Она фактически выполняла дипломатические функции, часто будучи посредником между китайцами и европейцами. Она была первым торговым представительством России в Китае. Самым главным в деятельности миссии стало научное изучение Китая. Члены миссии были первыми китаеведами – они составляли словари, переводили труды китайских историков на русский язык, составляли карты, давали этнографические описания жизни, быта, ритуалов китайцев.

В XVII–XVIII вв. между Китаем и Россией велась сухопутная, караванная торговля, в основном в приграничном городе Кяхта. Деньги как эквивалент в этой торговле не применялись. Это был обмен товарами, в котором роль эквивалента играла сначала ткань «китайка», а позже – ящики с чаем.

Россия была первым неазиатским государством, которое посетили китайские послы. **В 1731 г. в Москву и в 1732 г. в Петербург прибыли китайские посольства**. Дело заключалось в том, что в борьбе с Джунгарским ханством цинское правительство надеялось на помощь России. Китайские послы просили разрешить использовать конницу калмыцкого хана Аюки, кочевавшего в Приволжье. И хотя китайские посольства были встречены пышными церемониями, а посланники одарены щедрыми подарками, Россия не пошла навстречу Китаю в этом вопросе – она не хотела портить отношения с монголами и подвергать ненужному риску торговлю России с Китаем, осуществлявшуюся в Кяхте и приносившую хорошую прибыль.

До середины XVIII в. сохранялась внешне дружественная политика Пекина в отношении России. Но после завоевания Джунгарии, бегства части ойратов в русские пределы и перехода на русскую сторону населения отдельных монгольских княжеств отно-

шение к Российской империи резко изменилось. Начались упреки и оскорбления в адрес России и ее представителей. Возникли пограничные споры, стали раздаваться военные угрозы. Неоднократно прерывалась торговля в Кяхте. Тем не менее **в 1792 г.** обе стороны подписали **Международный акт**. Китай и Россия подтвердили верность Кяхтинскому договору, мирные намерения и право каждой стороны наказывать нарушителей пограничного режима по своим законам: «Наблюдая согласие, крепко подтвердить, чтобы обоих сторон торгующих людей начальники содержали в строгости, дабы вечно не могло происходить ссор и споров... Естли же случится с стороны которой от немысленных и подлых людей, что явится кто с оружием, или зделается убийство, воровство или подобное сему какое дело, то немедленно, следуя прежнему положению, в то самое время здавать следы, сыскивать людей в положенный срок, а ежели кто будет поиман, то привесть ево на границу и, съехавшись, начальникам лично дело следовать, и по объяснении онаго Срединного государства над человеком во внутренности своей земли, по законам своим вершить приговор, и российским начальникам не показывать произшествия онаго; над человеком Российского государства делать осуждение по правам и узаконениям российским, и Срединного государства начальникам так же не смотреть деятельства сего». С этого времени восстановились нормальные соседские отношения между двумя странами.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Когда и кем был установлен первый контакт России с Китаем?
2. Каковы были цели и результаты российских посольств в Китае?
3. В чем состояла антироссийская стратагема императора Канси?
4. По каким причинам Китай и Россия пошли на переговоры в Нерчинске?
5. Что означал Нерчинский договор для Китая и России?
6. Какие функции осуществляла Российская духовная миссия в Китае?

7. Каковы были цели китайских посольств, направленных в Россию?

8. Какого типа торговля велась между Китаем и Россией?

9. По каким причинам ухудшились отношения между Китаем и Россией во второй половине XVIII века?

Тема 5. ВТОРЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В КИТАЙ. «ОПИУМНЫЕ» ВОЙНЫ

Первое описание европейцев, появившихся у берегов Китая, относится к 1506 г.: «Чужеземцы с запада под предлогом привоза дани прорвались…их одежда и волосы были красны, рост громадный, глаза голубые, глубоко утопленные во лбу…и своим странным наружным видом они пугали народ». Первыми к берегам Южного Китая прибыли **португальцы.** После нескольких неудачных попыток им удалось получить в аренду Аомынь (Макао). Их жизнь и деятельность в Макао жестко регламентировались. Следующими прибыли **испанцы,** которым не удалось получить каких-либо прав и привилегий. **Голландии** удалось на 40 лет захватить Тайвань (Формозу – что в переводе означает «остров цветов»). О голландцах китайцы составили такое представление: «У голландцев глаза впалые, носы долгие, волосы рыжие, ноги долгие, собой бодры». В середине XVII в. голландцам разрешили «привозить дань» раз в восемь лет, и голландская Ост-Индская компания основала свою торговую факторию возле Гуанчжоу.

В XVIII в. инициатива активного проникновения в Китай переходит к англичанам и французам. В 1715 г. английская Ост-Индская компания добилась разрешения основать торговую факторию возле Гуанчжоу, а французы – в Нинбо. Цинские правители, опасаясь за свою власть – иноземцы могли помочь оппозиционным силам в Китае с моря, в 1757 г. запретили прибрежную внешнюю торговлю, оставив открытым для торговли единственный

порт – Гуанчжоу. Тем самым Цинская империя начинает сворачивать свои контакты с внешним миром, в особенности с европейцами. Единственной корпорации «Гунхан» разрешалось вести торговые дела с иностранными купцами. Действовала жесткая регламентация поведения европейских купцов. Иностранным торговцам запрещалось селиться в пределах городской черты, переселяться на прибрежные острова, самостоятельно нанимать китайских слуг, пользоваться паланкинами и подавать жалобы китайским чиновникам напрямую, без ведома китайских торговцев. Торговля велась только в течение нескольких весенних и летних месяцев. Китайские власти не допускали распространения сведений о Китае среди иностранцев, поскольку таковые могли быть использованы для проникновения внутрь страны, минуя чиновничий контроль. Китайцам под страхом смерти запрещалось обучать иностранцев китайскому языку. Такова была политика изоляции в действии.

Европейцы того времени, например востоковед Гердер, называли Китай «мумией, завернутой в шелковую ткань и исписанной иероглифами», а К. Маркс называл его «живой окаменелостью».

До конца 30-х гг. XIX в. основными средствами «открытия» Китая для британской и мировой торговли были дипломатические переговоры. Англичане предпринимали настойчивые попытки пробить брешь в системе изоляции Китая и проникнуть на китайский рынок, они хотели добиться оформления договорно-правовой базы торговых отношений с Китаем и установления дипломатических отношений. С этой целью в 1793г. они отправили в Китай **миссию под руководством лорда Дж. Маккартнэя**. Миссия была послана на средства Ост-Индской компании, но представляла интересы правительства. Два судна были нагружены образцами английской промышленной продукции. Как только миссия прибыла в Китай, цинские чиновники начертали на английских кораблях: «Носитель дани из английской страны». Англия предлагала обменяться дипломатическими представительствами: в Пекине создать

постоянное английское посольство, а китайский посол пусть прибудет в Лондон. Для внешней торговли английские послы предлагали открыть несколько портов на китайском побережье и предоставить британским купцам какой-нибудь остров вблизи побережья, который стал бы центром английской торговли в Китае, сославшись на пример португальцев, которые контролировали остров Макао. И хотя посланникам был оказан гостеприимный прием, все их предложения были отвергнуты, а в ответе императора Цяньлуна английскому королю Георгу III говорилось: «Ты, о Король, живешь за пределами многих морей, и, тем не менее, твое смиренное желание приобщиться к благам нашей цивилизации побудило тебя направить ко мне посольство…Я прочитал твое послание. Его искренний язык обнаруживает почтительное смирение с твоей стороны, что весьма похвально… Как ваш посол мог сам убедиться, у нас есть абсолютно все. Мы не придаем значения изысканно сделанным предметам и не нуждаемся в изделиях вашей страны… Трепещи и повинуйся». Пекинские правители все еще ощущали свою империю центром Вселенной, перед которой должны были трепетать и азиатские данники, и «английские варвары».

В 1818 г. в Пекин прибыла миссия лорда У. Амхерста. Члены миссии повели себя, с точки зрения цинских чиновников, вызывающе: они отказались выполнить положенные церемониальные процедуры. С ними отказались вести какие-либо переговоры и предложили уехать, а в Лондон сообщили, что больше «нет нужды посылать так далеко посла, заставляя его переходить через реки и переплывать моря».

Главной проблемой в торговых отношениях между Китаем и европейскими торговыми компаниями была та, что торговый баланс на протяжении всего XVIII в. складывался неизменно в пользу китайской стороны: спрос в Китае на иностранные товары отсутствовал (бывали случаи, когда европейские купцы завозили в Китай партии вилок, ножей, фортепьяно. Но главным образом ан-

гличане ввозили шерстяные ткани и металлы, а из Индии в Китай – хлопок), а китайский чай, шелк-сырец, фарфор охотно покупались Европой. Следствием торгового дисбаланса был отток золота и серебра в Китай. Британское правительство расценивало эту ситуацию как таящую угрозу денежной системе и в целом экономике Британии. Чтобы добиться сбалансированности торгового баланса и сделать так, чтобы отток золота и серебра пошел в противоположную сторону, необходимо было найти такой товар, который китайцы стали бы охотно покупать. **Такой товар был найден – им стал опиум** (вторым после опиума экспортным товаром стал индийский хлопок, поставлявшийся на китайские мануфактуры). Опийный мак выращивался на плантациях в Индии. Англичане обменивали хлопчатобумажные ткани на опиум в индийской Бенгалии, а уже потом за этот опиум получали китайские товары. Английская Ост-Индская компания монополизировала торговлю опиумом в 1773 г. Китайские власти запретили ввозить опиум еще в 1729 г.: разрешалось ввозить 200 ящиков в год для медицинских целей. Торговля опиумом, таким образом, носила контрабандный характер. В 1800 г. в Китай контрабандным путем было ввезено 4 570 ящиков опиума, в 30-е гг. XIX в. – 30 202 ящика, в 1839 г. – 40 200 ящиков. Американские торговцы тоже решили заполучить часть прибыли от торговли опиумом – они стали ввозить в Китай турецкий и иранский опиум.

Торговля опиумом стала разрушать экономическую стабильность Китая. В 1833 г. был зафиксирован пассивный баланс внешней торговли Китая. Серебро стало уходить из страны. Это вело к его удорожанию и соответственно увеличению налогов, а следовательно, к ухудшению благосостояния крестьянства и к социальной дестабилизации. К концу XVIII в. опиекурение становится и серьезной общественной проблемой. Губительная страсть охватила сначала чиновничество и знать, а затем, как эпидемия, распространилась среди жителей приморских провинций.

С нравственной точки зрения торговля опиумом осуждалась общественным мнением и в самой Англии как аморальный, недостойный путь решения коммерческих проблем (интересно отметить, что Ост-Индская компания запретила распространять этот наркотик в Британской Индии – «жемчужине Британской короны», а вывоз его в Китай подавала как частное дело коммерсантов). И в юридическом, и в моральном плане эта торговля была откровенным преступлением. «Продавец опиума убивает тело после того, как развратил, унизил и опустошил нравственное существо несчастных грешников, ненасытный молох каждый час требует все новых жертв, а убийца-англичанин и самоубийца-китаец соперничают друг с другом в приношении этих жертв на его алтарь», – писал английский публицист М. Мартин в 1847 г. Оппозиция в британском парламенте подвергала резкой критике расширявшуюся в геометрической прогрессии торговлю наркотиком. Но прибыли были слишком огромны, чтобы прислушиваться к общественному мнению – Ост-Индская компания и английское правительство Британской Индии получали доходы, росшие не по дням, а по часам: в период с 1773 по 1839 г. они увеличились в 70 раз. Они составляли десятую часть всех доходов Ост-Индской компании. К тому же опиум, как оказалось, пробивал «китайскую стену» изоляции там, где оказывались бессильными дипломатия и легальная торговля. Он стал тараном для открытия китайского рынка для европейской торговли.

Угроза истощения запасов серебра, усиление коррупции госаппарата, моральная и физическая деградация офицеров и солдат под воздействием наркотика заставляли правителей Китая искать выход из сложившейся ситуации. В китайском правительстве «опиумная» проблема разделила чиновников на несколько групп, поразному видевших решение возникшей проблемы. Одни предлагали оставить все как есть – нетрудно догадаться, что эта группа отражала интересы южно-китайских торговцев, «кормящихся» кон-

трабандным промыслом и «подкармливавших» столичных чиновников, чтобы те закрывали глаза на их нелегальную деятельность. Другая группа сановников предлагала легализовать торговлю опиумом и развести собственные плантации опийного мака – тогда все прибыли от торговли пойдут в государственную казну и правительство будет регулировать масштабы, объем торговли, введя ее в разумные рамки. При этом был бы нанесен удар по английской торговле опиумом в Китае. Третья группа была настроена радикально – запретить торговлю опиумом раз и навсегда, уничтожить весь имеющийся опиум в Китае. Эту группу представлял **Линь Цзэсюй**, которого называли «белый чиновник», или «чистый чиновник», поскольку он не брал взяток и искренне хотел избавить свою страну от губительного порока. Линь Цзэсюй девятнадцать раз добивался аудиенций у императора Даогуана и сумел убедить его в своей правоте. Император наделил Линь Цзэсюя широкими полномочиями и направил его в Гуанчжоу решать проблему.

В 1839 г., прибыв в Гуанчжоу, Линь Цзэсюй приказал китайским торговцам прекратить торговлю опиумом и конфисковать имевшийся у них запас наркотика, изъять весь опиум у содержателей опиекурилен. Затем он обратился к иностранцам с требованием немедленно сдать весь контрабандный опиум китайским властям и подписать обязательство об отказе впредь торговать им. Англичане соглашались отдать лишь одну тысячу ящиков опиума, которая находилась на территории их фактории. Но на плавучих складах таких ящиков было еще более 20 тыс. Линь Цзэсюю пришлось прибегнуть к мерам жесткого давления: были отозваны на берег с плавучих английских складов все китайцы-слуги, а английская фактория окружена китайскими войсками. Два месяца ушло на процесс конфискации запасов опиума и три недели на их уничтожение.

Нервы у англичан сдали, стали происходить драки между английскими матросами и приехавшими наводить порядок китайскими чиновниками. Британские торговцы стали оказывать давле-

ние на Лондон с тем, чтобы использовать военную силу для отстаивания их интересов. В Англии газеты развернули мощную антикитайскую кампанию, лейтмотивом которой был вопрос: как смеет желтая раса поднимать руку на белого человека? Так общественное мнение страны подготавливалось к войне с Китаем. Вооруженное столкновение оказалось неизбежным, а опиумный конфликт послужил casus belli (поводом к войне). Парламент принял решение не объявлять формально войну, а послать к китайскому побережью военно-морскую эскадру.

Королева Виктория благословила военную экспедицию в Китай. В 1840 г. 20 боевых кораблей показались вблизи южнокитайского побережья. Блокировав Гуанчжоу, британская эскадра двинулась вдоль берега на север. По ходу войны англичане посылали к следующему пункту, намеченному для захвата, лодки, везущие наркотик, который предлагался цинским воинам за треть цены, – так удавалось разложить китайские военные силы накануне появления английских кораблей. Китайцы были поражены возможностями паровых судов англичан, которые, как писал один из очевидцев, «могут передвигаться по воде без ветра, по течению или против течения». Большое впечатление производила и артиллерия англичан – ведь на вооружении цинских войск были фитильные и кремневые ружья, пики, мечи, щиты, луки и стрелы. Появление британских кораблей вблизи Пекина вызвало панику при дворе. Цины вступили в переговоры с англичанами, которые прерывались военными действиями до 1842 г. В августе **1842 г.** на борту английского военного корабля был подписан **Нанкинский договор**.

По Нанкинскому договору объявлялись открытыми для торговли и поселений англичан четыре порта, помимо Гуанчжоу: Сямэнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Корпорация «Гунхан» упразднялась, о-в Гонконг переходил в «вечное владение» Великобритании. Пекин должен был уплатить Англии компенсацию за уни-

чтоженный опиум и контрибуцию – всего 21 млн долларов. Китай лишался таможенной автономии, пошлины на иностранные товары не должны были превышать 5% от стоимости товара. Контроль над таможнями переходил в руки англичан. Англичане получали право экстерриториальности, т. е. на территории Китая их не мог судить китайский суд. Совершивших какое-либо преступление отправляли в Англию, и судили их там. Англичане получили право поселяться – создавать свои сеттльменты – в «открытых» портах.

В **1844 г. США и Франция тоже подписали договоры с Китаем**, по которым на них распространялись права, полученные англичанами по Нанкинскому договору. Франция дополнительно выговорила себе право вести в Китае миссионерскую пропаганду. Об опиуме в текстах договоров не было ни слова. Более того, после войны намного увеличился ввоз опиума.

Итоги первой «опиумной» войны не удовлетворили англичан. В экономическом плане опиум, который выровнял торговый баланс и спас европейскую торговлю в Китае, породил отсутствие спроса на другие западные, главным образом промышленные, товары. У китайцев денег хватало только на опиум. Один из китайских чиновников убеждал англичан: «Перестаньте посылать нам так много опиума, и мы будем в состоянии покупать ваши изделия». Комиссия палаты общин констатировала, что препятствием для развития торговли является вовсе не недостаток спроса в Китае на английские товары и не растущая конкуренция других государств, а плата за опиум, на который уходит все серебро; за промышленные же товары китайцы не могут расплатиться ничем, кроме чая и шелка.

Военные действия времен первой «опиумной» войны и разруха, порожденная этой войной, не способствовали увеличению сбыта европейских товаров. Англичанам необходимо было окончательно сломить политику изоляции и добиться полного открытия китайского рынка, т.е. добиться допущения английских торговцев во

внутренние районы Китая, прежде всего в бассейн реки Янцзы как самую богатую и развитую часть страны.

Кроме того, оставалась нереализованной цель англичан установить дипломатические отношения с Китаем. Послы западных государств по-прежнему не допускались в Пекин, их продолжали считать и называть «варварами».

Тайпинское восстание, разразившееся в 1850 г., ослабляло цинскую империю и предоставляло западным державам шанс использовать ситуацию для навязывания ей новых условий. В 1854 г. Англия, Франция и США предъявили цинским властям требование пересмотреть Нанкинский договор и договор 1844 г. и получили отказ. Тогда они стали сосредоточивать крупный военный флот в районе Гонконга.

Оставалось найти повод к новой войне. Таким поводом стал инцидент с судном под названием «Эрроу». Это был пиратский корабль, капитан которого был китаец, команда была китайской, но название было английским и флаг, под которым он ходил, – британским. Англичане представили дело таким образом, будто китайские власти арестовали английское судно. Начались военные столкновения между английскими военными судами и китайской береговой охраной. Убийство французского миссионера послужило предлогом для соучастия французов в стычках с китайцами. Так **началась вторая «опиумная» война в 1856 г.**

В 1857 г. англичане и французы сначала подвергли блокаде, а затем захватили Гуанчжоу. **В 1858 г.** англо-французский флот появился у берегов Северного Китая. Путь на Пекин был открыт. В этих обстоятельствах Цины «с пистолетом, приставленным к горлу», сели за стол переговоров, и был подписан **Тяньцзинский договор**. По нему еще **11** портовых городов открывались для европейской торговли – в Маньчжурии, на Тайване, на о-ве Хайнань и в долине р. Янцзы. Державы получали право иметь в Пекине свои постоянные миссии. Иностранцы могли свободно передви-

гаться по любой территории Китая, вести миссионерскую деятельность. Англичане получали компенсацию за расходы на военную экспедицию в Китай в размере 6 млн лянов серебра. Торговля опиумом становилась легальной.

Военные действия 1856–1858 гг. некоторые историки (например, О.Е. Непомнин) называют «второй торговой войной» или второй «опиумной» войной. По устоявшейся другой версии вторая «опиумная» война продолжалась до 1860 г.

Итак, оставалось только ратифицировать Тяньцзинский договор, что должен был сделать император. Но когда в Пекин отправилась англо-французская эскадра из 18 кораблей для ратификации договора, китайские войска встретили ее в **Дагу** ураганным огнем. Англичане потеряли 6 кораблей, а десант, высаженный союзниками, был разгромлен – 500 человек были убиты и ранены. Для сравнения – китайцы потеряли 32 человека. Этот успех настолько обнадежил императора, что он не торопился ратифицировать подписанный договор.

В 1860 г. англичане и французы продолжили военные действия. Двести кораблей и 24 тыс. солдат нанесли сокрушительное поражение цинским войскам. Цивилизованные европейцы превратились в мародеров: они разграбили жемчужину Китая – замечательный памятник китайского зодчества императорский летний дворцовый ансамбль **Юаньминьюань**, в котором хранились собранные за многие столетия старинные произведения искусства, уникальные книги, несметные сокровища. Они разрушили его, буквально сравняв с землей. После этого были подписаны **Пекинские соглашения 1860 г.**

Эти соглашения подтверждали Тяньцзинский договор 1858 г. Англичане получили часть территории п-ова Цзюлун, расположенного рядом с Гонконгом (Сянганом). Им полагалась контрибуция в 16 млн лянов серебра. Двенадцать портовых городов становились открытыми для торговли. Китай согласился на вывоз из

страны рабочих-**кули** для работы на колониальных плантациях и рудниках**.** Миссионерам разрешалось покупать и арендовать землю, строить здания. Наконец, англичане добиваются своей давней цели – устанавливаются дипломатические отношения с Китаем: в Пекине открывается британское посольство и получают право постоянного пребывания посольства других стран. Положения Пекинского договора распространялись на Россию и США. В российском варианте договора было закреплено разграничение по течению Амура.

Таким образом, политика изоляции потерпела крах. Китай стал открытым государством, но не по своей воле, а по воле западных держав.

«Опиумные» войны стали важнейшими вехами на пути превращения Китая в зависимую, подчиненную, полуколониальную страну. Китай утратил значительную часть своего суверенитета.

После этих войн резко возрос ввоз в Китай английских хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Это разоряло китайских ремесленников-ткачей. Серебряный лян стал дорожать: до войн один лян обменивался на тысячу медных монет – вэней, а через несколько лет после них – уже на полторы тысячи вэней. Это означало, что тяжесть налогов увеличивалась в 1,5 раза, что, в свою очередь, вело к разорению и обезземеливанию крестьян и соответственно росту социальной напряженности в стране.

Военное поражение цинского режима привело к падению авторитета династии Цин внутри страны, обострению противоречий между маньчжурами и китайцами в чиновничьем аппарате. Уплата контрибуций обескровила государственную казну. Государство стало увеличивать число «дополнительных налогов». Активизировались тайные общества, секты, разбойничьи шайки. Наблюдался взрыв преступности. Все это усугубляло циклический кризис. Взрывоопасным становился демографический фактор: население с

XVII по середину XIX в. выросло в четыре раза, а пахотная площадь – лишь на 40%. Эти «чудовищные», по выражению известного отечественного китаеведа О.Е. Непомнина, экономико-демографические «ножницы» стали главным фактором надвигающегося социального взрыва.

Зарубежные и некоторые отечественные историки нередко высказываются в том духе, что Англия выполняла «грязную» работу во имя будущего прогресса, что она была «повивальной бабкой» прогресса. С этим утверждением можно соглашаться или не соглашаться. Дело было в том, что Китай оказался слабее и уязвимее, поскольку он не был готов к «перемене участи», к приятию другой экономики и политики. Естественное, неторопливое, традиционное развитие к середине XIX столетия не исчерпало себя, вполне удовлетворяя и элиту, и народ. Изоляцию Китая державы взорвали насильственным путем, навязав свои правила игры и преследуя свои интересы. Как бы то ни было, открытие Китая создало предпосылки к модернизации страны, которая, будучи навязанной извне, по прошествии некоторого исторического времени превратилась во внутреннюю потребность и стала стимулироваться уже изнутри.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как и в чем проявлялась политика изоляции Китая?
2. Какие ограничения практиковались в Китае для чужеземцев-европейцев?
3. Каковы были результаты дипломатических посольств Англии в Китай?
4. Каким образом торговля опиумом стала тараном для открытия китайского рынка?
5. Каковы были последствия торговли опиумом для Китая?
6. Какие меры предлагались маньчжурскими чиновниками для решения опиумной проблемы?

7. Каковы были условия Нанкинского договора 1842 г.?

8. Зачем англичанам понадобилась вторая «опиумная» война?

9. Каковы были условия Пекинских соглашений 1860 г.?

10. Какое значение имели «опиумные» войны в дальнейших судьбах Китая?

Тема 6. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ТАЙПИНОВ (1850–1868 гг.)

Эта война длилась 18 лет. Началась она в южных провинциях Гуандун и Гуанси, особенно пострадавших от экономической экспансии Запада и стихийных бедствий. Причины крестьянского недовольства – это последствия первой «опиумной» войны: рост налогообложения, потеря средств к существованию ремесленниками и крестьянами, стихийные бедствия, обрушившиеся на Китай в 40-е гг. XIX в. В 1841 и 1843 гг. река Хуанхэ прорвала дамбы, что вызвало затопление огромных территорий и гибель около 1 млн человек. В 1849 г. в провинциях нижнего течения Янцзы случились засуха, ураганы, нашествие саранчи и как следствие жестокий неурожай.

Ввоз опиума после первой «опиумной» войны утроился. Четыре года Китай выплачивал контрибуцию. Это привело к невиданному истощению серебряного запаса страны. Как уже говорилось выше, серебряный лян сильно возрос в цене. Если в начале XIX в. один лян серебра обменивался примерно на 1 тыс. вэней (медных денег), то в 1845 г. уже на 2 тыс. вэней, а в отдельных районах – на 3–4 тыс. вэней. Таким образом, для того чтобы уплатить налог, крестьянину нужно было собрать в 2–3 раза больше вэней, чем раньше. Ввоз дешевых (фабричных) тканей подрывал ткачество, и ремесленники теряли средства к существованию. Старые торговые пути пришли в упадок в связи с увеличением масштабов морских перевозок товаров, поэтому лодочники, грузчики и др. потеряли

работу. После войны **Англия, Франция и США резко увеличили вывоз кули** – чернорабочих, или, как их называли, желтых рабов. Губернатор Сянгана (Гонконга) свидетельствовал: «Сотни китайцев собирали в лагеря, раздевали догола, на груди ставили клеймо в соответствии с названием места, куда их должны были вывезти… Им давали ничтожный аванс – пищу, чтобы утолить голод, одежду, чтобы прикрыть наготу, один-два доллара их семьям, и множество людей, таким образом, готово было отправиться в любую страну». Все это делалось открыто. Часто людей обманывали, похищали, напоив допьяна. Многие погибали при перевозке.

В стране появились толпы бродяг, нищих. Разбойничьи шайки из деклассированных элементов грабили и убивали людей по всему Китаю. Начались налоговые бунты, восстания арендаторов. В 40-е гг. XIX в. произошло 110 бунтов.

В подготовке мощного крестьянского движения, начавшегося в 1850 г., особую роль сыграли **тайные общества**. Китай называли «классической страной конспиративных союзов». Тайные общества были своеобразной формой самозащиты крестьянства и всякого другого бедного люда. В них культивировались взаимопомощь и взаимоподдержка, принципы всеобщего братства и справедливости. Это были своего рода общины, создававшие нишу безопасности, выживания. Они носили красивые названия: «Белый лотос», «Белое солнце», «Желтый союз», «Синее братство», «Общество старших братьев», «Общество Неба и Земли», «Триада» и т.д. В них объединялись либо люди «подлых профессий» – знахари, актеры, монахи, либо мигранты, либо мусульмане, либо малочисленные народы, либо земляки и т.д. Тайные общества помогали в проведении свадеб, похорон, праздников, помогали при болезни, потере работы. Деньги часто «зарабатывали», изымая их у богачей, при этом строго запрещалось обманывать слабых, бедняков и «своих». Часто это были бандитские шайки, занимавшиеся воровством, азартными играми, мошенничеством. Были общекитайские

и локальные общества. Члены обществ верили в наступление рая на земле: «Наступит время мира и плодородия, когда народ здоров, товаров в изобилии, царят справедливость и прямодушие, радость и всеобщее процветание». Тайные общества подготавливали восстания – их участники занимались рукопашным боем, фехтованием, учились владеть оружием. В них царила дисциплина, подчинение воле лидера. В политическом плане почти все тайные общества разделяли лозунг «Свергнем Цин, восстановим Мин» и были настроены против маньчжуров. Популярными призывами были: «Именем Неба восстановим справедливость!»; «Чиновники угнетают, народ восстает»; «Оберем богатых, чтобы помочь бедным»; «Уничтожим межи с тем, чтобы все жили одной семьей» и т.п.

В южной провинции Гуанси была создана христианская секта **«Общество поклонения богу» (Байшанди хуэй)**. Ее создал в 1843 г. сельский учитель, сын крестьянина **Хун Сюцюань**. Как и все тайные общества, оно было настроено против маньчжурского господства и отличалось мистицизмом, аскетизмом и жесткой дисциплиной. Во время сдачи экзаменов в Гуанчжоу (три неудачные попытки) Хун Сюцюань ознакомился через миссионеров с протестантством, которое произвело на него неизгладимое впечатление, и он стал христианином. Хун Сюцюань начал выступать с проповедями христианства (его китаизированного варианта).

Христианство протестантского толка стало идейным знаменем восстания. Христианские идеи Хун Сюцюаня были заимствованы из старого европейского средневекового пласта христианства с его религиозным фанатизмом, непримиримостью и косностью. Христианская проповедь смирения, долготерпения и всепрощения была изъята из тайпинского варианта христианства. Хун Сюцюань стал христианским фанатиком, объявил себя сыном Бога и братом Иисуса Христа, не признавал, не принимал и расправлялся с традиционными учениями, составляющими Триединое учение. Приверженцы Триединого учения объявлялись еретиками и должны

были «раскаяться, уверовать в истинного Бога, отвернуться от богов ложных», «порвать с дьявольским отродьем». Больше всего расправам подвергались буддисты, разрушались буддийские храмы, уничтожались книги, конфисковывалось их имущество. «Следует запретить строительство буддийских и даосских монастырей. Что касается монастырей уже существующих, то монахов, в них живущих, надлежит возвратить в мир, книги их сжечь, сами помещения монастырей превратить в церкви, а монастырские средства использовать на строительство больниц и других богоугодных заведений. Это поможет спасти людей от дурмана и ввести их в сияющее лоно Небесного государства», – писал Хун Сюцюань в одном из своих указов. Тайпины верили в то, что христианство одержит верх над всеми остальными учениями в Китае. Это оттолкнуло многих из простонародья, потенциальных участников, не желавших принимать христианство за главное и единственное учение, и послужило одной из причин поражения тайпинов. Привнесение ранним христианством ноты фанатизма в тайпинское движение позволило исследователям назвать тайпинскую крестьянскую войну религиозной войной, хотя до этого, на протяжении многих столетий, религиозных войн в Китае не было и традиционные учения уживались мирно.

Идея равенства – идея раннего христианства – после прочтения книг, взятых у европейских миссионеров, и бесед с ними больше всего вдохновила Хун Сюцюаня. Идея равенства была созвучна древним китайским идеям социальной справедливости – идее **Датун** (Великое Единение) и идее **Тайпин** (Великое Благосостояние или Великое Благоденствие). Древняя социальная утопия «Тайпин Дао» – это учение о «Пути Великого Равенства», а Датун – это концепция идеального общества «Великого Единения». Равенство для тайпинов, как стали называть участников движения, означало прежде всего имущественное равенство: всем должно доставаться поровну и земли, и продуктов питания, и одежды. Не должно быть богатых, все должны быть равно бедными. Равенство

понималось и в половом смысле – между мужчинами и женщинами. Кроме того, все равны перед богом – Иисусом Христом, все – «братья и сестры». Так повстанцы стремились реализовать свое представление о равенстве и справедливости.

Последователи Хун Сюцюаня продавали свое имущество, а вырученные деньги сдавали в «священные кладовые». В ходе восстания повстанцы и члены их семей получали продовольствие и одежду по общим нормам. Была создана сильная армия с железной дисциплиной. Эта армия гуманно относилась к простолюдинам – по отношению к ним не было жестокости, произвола и грабежей. Один из французских миссионеров заметил: «Мятежники, в противоположность правительственным войскам, ведут себя примерно, ни грабежей, ни бесчинств они не производят».

Мужчинам и женщинам не разрешалось жить вместе и рожать детей. Семья отменялась до победы восстания. Мужские и женские трудовые лагеря и рабочие команды изолировались друг от друга. «Если изнасилованная женщина подаст жалобу, виновному немедленно рубить голову и выставлять ее напоказ. В случае если оба виновны в разврате, казнить и мужчину, и женщину», – говорилось в одном из тайпинских законов. Запрещались азартные игры, вино, курение опиума и проституция. Было запрещено требовать приданое, покупать и продавать невест, был отменен обычай бинтования ног. Тайпины носили красные повязки на голове и в знак неповиновения маньчжурам отрезали косу и отпускали длинные волосы, поэтому их называли «длинноволосыми».

Главными целями повстанцев было освобождение Китая от маньчжурского правления и смягчение налогового гнета. Они хотели изгнать из Китая «маньчжурских татар», или, как они их называли, «северных варваров», и установить власть китайской – ханьской – династии. В этом плане движение тайпинов было не только крестьянской войной, но и национально-освободительной борьбой китайского народа.

Тайпины были беспощадны к маньчжурам, они их убивали и конфисковывали их имущество, облагали налогами богатых китайцев. Крупные землевладельцы прятали косу под волосами, дожидаясь восстановления привычных порядков.

Начавшееся в 1850 г. восстание распространялось с юга на центральные провинции. Тайпинов, по мере их продвижения, активно поддерживало местное население. Территория по берегам Янцзы стала их базой. В 1851 г. тайпины провозгласили государство **Тайпин Тяньго (Небесное государство Великого Благоденствия)**. В 1853 г. ими был взят Нанкин, переименованный в Небесную столицу (Тяньцзинь) и ставший столицей государства Тайпин Тяньго. **Это было теократическое** (полное слияние института церкви и государства) **государственное образование** на территории нескольких приморских провинций нижнего течения Янцзы. Тайпинское государство не имело строго очерченных границ. Поход на Пекин оказался неудачным. Правителем государства (Небесным ваном, т.е. князем) стал Хун Сюцюань, который писал религиозные и философские сочинения, а всю практическую работу по руководству и государством, и военными походами перепоручил Ян Сюцину.

Тайпинское правительство опубликовало **«Земельную систему Небесной династии»**. Это была и аграрная программа, и программа общественного устройства Тайпин Тяньго. Оно должно было строиться на принципе полной уравнительности. Прежде всего это касалось уравнительного распределения земли по едокам. «Нужно добиться того… чтобы люди совместно обрабатывали землю, совместно питались и одевались, совместно расходовали деньги, чтобы все было поровну и никто не остался голодным и холодным», – говорилось в «Земельной системе».

В этом документе тайпины фактически выдвинули **идею перераспределения земли**. В ходе восстания земля убитых или сбежавших маньчжурских землевладельцев могла бы быть перерас-

пределена между крестьянами, но этого не произошло. Китайские крестьяне не смели начать обрабатывать чужую землю, им не принадлежавшую. Эти поля продолжали обрабатывать те арендаторы, которые обрабатывали их и раньше. Таким образом, идея перераспределения земли не стала практической политикой, она осталась утопией, крестьянской мечтой – она осталась на бумаге.

«Земельная система» свидетельствует, что тайпины хотели возродить **институт общины**, который уже ушел в историю. Община должна была быть учрежденной сверху, государством. Возрожденная идеальная, натуральная, замкнутая община мыслилась ими как одновременно **административная, хозяйственная, военная и религиозная единица, образованная из 25 семей**. Ее должен был возглавлять староста, который был бы един в нескольких лицах: главой гражданской власти, хозяйственником, взводным, судьей и священником. Каждая семья должна была давать одного солдата, 25 семей образовывали взвод. У общины должна была быть общественная кладовая, куда сдавались бы излишки продуктов и денег, а также трофеи. После уборки урожая каждая община должна была оставлять себе ровно столько зерна, сколько необходимо для того, чтобы ее члены могли кормиться до нового урожая, а излишки следовало сдать в государственные хранилища. Таким образом, распоряжаться продуктами собственного труда тайпины не имели права (это очень напоминает принципы военного коммунизма, а такое понимание социальной справедливости прорастёт и в период новейшей истории Китая). Жизнь общины строго регламентировалась: «Каждая семья Поднебесной должна иметь по 5 наседок и 2 свиноматки», «женщины обязаны ткать полотно».

Посмотрим теперь, какую **реальную политику** проводили тайпины в рамках своего государства. **Налоговая политика** на первых порах полностью отвечала интересам всего крестьянства - тайпины установили ставку основного, поземельного, налога, которая была гораздо ниже ставки цинского налога, а целый ряд до-

полнительных налогов отменили совсем. Крупные землевладельцы вносили тяжелую одноразовую «дань в знак покорности» и далее платили «специальные» налоги. После 1856 г, когда тайпины стали терпеть поражения от цинских войск и «священные кладовые» опустели, тайпинские власти вынуждены были повысить основной налог и начали вводить чрезвычайные, дополнительные налоги, которые, взятые вместе, превысили в общей сумме старые цинские налоги. Это стало одной из главных причин поражения тайпинской крестьянской войны.

Тайпины не признавали частную собственность: мастерские, мануфактуры, лавки, магазины, дома и земля в черте города были объявлены государственной собственностью. Они решили покончить с богатством. Чтобы не возникало алчности, уничтожались предметы роскоши, мебель красного дерева, жемчуг. Деньги отбирались в казну. **Всякая торговля запрещалась**. Вся производимая в трудовых лагерях продукция сдавалась в общий котел – «священные кладовые», а затем распределялась среди населения «поровну». Эта экономическая политика проводилась только в Нанкине и продержалась до 1855 г. Затем было разрешено открыть лавки, жить семьями, стали выдавать «воскресные» деньги и ежемесячно – деньги на овощи.

В области внешней политики тайпины планировали – после упрочения своей власти в Китае – отойти от китаецентрических подходов и практики цинской дипломатии: «необходимо разрешить иностранцам торговать, не допуская их, однако, в глубинные районы. Надлежит допускать туда лишь пастырей и людей, желающих обучить наш народ мастерству. Им следует разрешить предлагать проекты и советы, но ни в коем случае не допускать с их стороны клеветы на наши порядки». Они хотели отказаться от изоляции Китая на международной арене: «Зачем же искусственно отгораживать себя от внешнего мира? Так поступают люди с ограниченным кругозором… Следует применять метод соревнования с

чужеземцами». Они уже понимали, что «следует воздержаться от применения унижающих и оскорбительных выражений вроде «прибытие ко двору с челобитной», «покорные посланцы варварских стран» и т.д. Употребление подобных бранных выражений есть не что иное, как потуги одержать победу с помощью слова, они не в малейшей степени не связаны с реальностью». **Тайпины хотели, чтобы Китай стал христианской, а следовательно, как они полагали, такой же развитой страной, как европейские державы**, т.е. они проводили прямую параллель между христианством и процветанием. Некоторые американские историки высказывали сомнение в правильности избранной западными державами позиции нейтралитета в отношении к тайпинскому движению – по их мнению, если бы державы поддержали тайпинов, а не Цинов, Китай стал бы могучим христианским государством в Азии и с ним было бы легче вести дела в дальнейшем.

С **1856 г.** крестьянская война вступила в полосу кризиса и военных неудач. Движение пошло по нисходящей. Как раз в это время западные державы развязывают вторую «опиумную» войну против Китая, которая длится до 1860 г. Цины, таким образом, были вынуждены вести войну на два фронта: против западных держав и против тайпинов.

Тайпины надеялись на помощь англичан и французов. Они простодушно верили, что раз и европейские державы, и они сами воюют против общего врага – Цинского режима, что и европейцы, и тайпины – братья по вере – христиане, они должны быть союзниками. Но они так и не получили искомой помощи оружием, военными советниками, поскольку европейские державы объявили о своем нейтралитете в отношении цинско-тайпинского конфликта. Цины, в свою очередь, тоже надеялись на помощь держав в подавлении тайпинского восстания. Английский дипломат Брюс так разъяснял истинные мотивы занятой англичанами и французами позиции: «Чем дольше мы будем в состоянии

сохранять безразличное отношение к обеим сторонам, тем больше они будут склонны предлагать больше и больше за нашу дружбу и помощь». Более конкретно высказывался американец Маклейн: «Если все наши требования будут удовлетворены, цинскому правительству будет оказана помощь в подавлении тайпинского движения. В противном случае мы сохраним за собой свободу действий».

В 60-е гг., после успешного завершения второй «опиумной» войны, на исходе тайпинского движения, западные страны начинают помогать Цинам подавлять его. Они предоставили заем, на который были закуплены значительные партии европейского оружия и три паровых судна. Европейские инструкторы появились в правительственных войсках, да и сами англо-французские войска проводили время от времени военные акции против тайпинов. Некоторые историки заканчивают историю тайпинской крестьянской войны в 1864 г., поскольку Хун Сюцюань, убедившись в приближении краха, покончил с собой, и таким образом тайпины лишились своего лидера. Другие заканчивают историю тайпинов 1868 г., когда последние очаги восстания были окончательно подавлены и с тайпинами было покончено.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какой комплекс причин вызвал крестьянскую войну тайпинов?
2. Какую роль сыграли тайные общества в подготовке мощного народного движения?
3. Почему христианство стало идеологией крестьянского восстания?
4. Какие главные идеи содержались в «Земельной системе Небесной династии»?
5. Какова была практическая политика тайпинов?
6. Чем отличалась предлагаемая тайпинами внешняя политика от традиционной политики Цинов?
7. Почему тайпины хотели сделать Китай христианской страной?

8. Что оттолкнуло крестьянские массы от тайпинов и приблизило поражение крестьянской войны?

9. Какую роль сыграли державы в отношении тайпинской войны?

Тема 7. ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ» В КИТАЕ, ИЛИ ПЕРВАЯ ВОЛНА РЕФОРМ (1860–1895 гг.)

К началу 60-х гг. XIX в. после «опиумных» войн и в результате заканчивающейся крестьянской войны тайпинов Китай оказался на грани экономической катастрофы. Крестьянская война тайпинов, охватившая огромную территорию и вовлекшая миллионы крестьян, привела к уничтожению огромной массы населения – от карательных операций цинских войск погибло около 20 млн человек. Множество полей оказались заброшенными, системы орошения пришли в негодность, морские и речные дамбы разрушились. Резко сократились налоговые сборы – они стали вдвое меньше, чем в середине XVIII в. Множество городов лежали в руинах – от Нанкина осталась лишь городская стена. Погибли тысячи мастерских и знаменитые шелковые и фарфоровые мануфактуры. В 1855 г. произошла гигантская стихийная катастрофа: перемена русла р. Хуанхэ привела к нарушению всей оросительной системы от г. Кайфэна до Желтого моря, в результате чего пахотные земли превратились в пустоши и болота. Страшным ударом для Северного Китая стал голод 1876–1879 гг.: из-за отсутствия дождей в провинциях Шаньси, Шэньси, Чжили, Хэнань и Шаньдун четыре года подряд выгорали хлеба. Массовый голод сопровождался эпидемиями, обочины дорог были усеяны трупами – погибло от 9 до 13 млн человек. Население Цинской империи с 1851 по 1882 г. сократилось примерно на 50 млн человек.

Иностранные державы установили контроль над таможенной системой, пользовались правом экстерриториальности, создавали сеттельменты (поселения). Китай утратил часть своего суверени-

тета и превращался в полуколонию. Это тоже побуждало Цинов к поиску выхода из создавшегося положения.

Правящая элита цинской империи из опыта поражений в «опиумных» войнах и совместных с английскими и французскими войсками военных действий против тайпинов вынесла твердое убеждение, что необходимо заимствовать, или, как выражались сановники, «усваивать заморские дела», под которыми имелась в виду технология производства западного стрелкового оружия и артиллерии, паровых судов, боеприпасов. Цинские чиновники были уверены в том, что успехи западных держав в достижении ими богатства и военного могущества связаны прежде всего с обладанием современной армией, флотом и оружием. И они делали вывод: если Китай обзаведется всем этим, станет невозможным победить Китай извне и станет возможным в зародыше подавлять социальные волнения, тем самым для Китая откроется путь к могуществу.

Доктрина «усвоения заморских дел» стала теоретической платформой политики «самоусиления», которую стала проводить группа крупных сановников во главе с **Ли Хунчжаном**. Ли Хунчжана поддерживала императрица **Цыси**, которая с 1861г. «правила из-за опущенной занавески», т.е. являлась опекуншей малолетнего императора **Гуансюя**. Это была властная, сильная женщина, которая ради власти жестоко расправлялась с потенциальными конкурентами – на ее совести были отравленные императрицы, убитые «чужим ножом» сановники, неродившиеся дети. «Фундаментальной политикой должно быть самоусиление; искусство же самоусиления в первую очередь заключается в подготовке войск», – заявила императрица. Цзэн Гофань, один из приверженцев политики самоусиления, говорил так: «В сношениях с иностранцами… мы должны серьезно стремиться к тому, чтобы наша военная мощь могла сравниться с их мощью, чтобы мы могли стоять на своих собственных ногах». При этом идеологи политики «самоусиления» неизменно подчеркивали, что конфуцианское

учение неизмеримо более важно для Китая, нежели технические умения Запада. Они были убеждены, что «восточное учение – основное; западное учение – прикладное». Речь шла о прагматическом использовании достижений Запада: пушки пусть будут западными, а идеология остается традиционно китайской. Модернизация армии и флота с помощью иностранного оружия и техники стала главной задачей политиков Китая. Все их помыслы сводились к подготовке войск, обучению их по западной методике и перевооружению на европейский лад. Большое внимание уделялось собственному производству современного оружия, боеприпасов, а также закупке их за рубежом.

Экономическая составляющая политики «самоусиления» оказалась весьма важной для начала развития Китая по пути капитализма. В экономическом плане политику «самоусиления» можно подразделить на три этапа. На протяжении 60-х гг. строились так называемые «казенные» предприятия. На средства казны возводились крупные военные предприятия: пороховые и пушечные заводы, судостроительные верфи, арсеналы – заводы по производству современного оружия. Было построено 19 таких предприятий. Возглавили их строительство крупные сановники – шеньши, которые получили исключительное право – фактически монополию – на строительство промышленных предприятий. Рабочие на этих предприятиях жили и работали в военно-казарменном режиме, и их положение напоминало положение государственных крепостных, а не свободных наемных рабочих. Русский путешественник, врач П.Я. Пясецкий, посетивший в это время Шанхайский арсенал, писал: «Рабочие в арсенале работают превосходно, усердно, ловко и производят самые точные копии с европейских образцов; но они возбуждают невольное сострадание своими худыми лицами, впалыми глазами и щеками, своим изнуренным телом, вероятно, под влиянием большого труда, дурной обстановки и пищи…». Уровень эффективности работы казенных предприятий показывает

такой пример: завод в Хубэе, выпускавший винтовки системы «маузер», тратил на производство одной винтовки в 7 раз больше времени, чем на заводах «Маузер» в Германии.

На втором этапе, в 1870–1880-е гг. строятся так называемые «казенно-частные» предприятия. Казенных средств не хватало – надо было платить контрибуции державам, поэтому стали привлекать частные капиталы частных лиц. Свободные капиталы были только у шан – представителей четвертого сословия. Шан охотно давали деньги, хотя распоряжались ими шеньши. Частные лица не имели права даже спрашивать, куда пошли деньги, куда направлялась готовая продукция. Тем не менее они жаждали приобщиться к приносящей прибыль деятельности, выдавали своих дочерей замуж за сыновей шеньши, женили своих сыновей на их дочерях. Породнившись с первым сословием, шан, таким образом, по праву родственников тоже получали монопольное право строить промышленные предприятия. Частенько они просто покупали чиновничьи должности, чтобы защититься от произвола и лихоимства чиновничества.

Смешанные казенно-частные предприятия производили уже не только военную продукцию, но и товары для населения. Это были текстильные, спичечные фабрики, предприятия легкой, пищевой и обрабатывающей промышленности. Ли Хунчжан, который стал крупным промышленником, учредил «Китайскую коммерческую пароходную компанию» с привлечением казенного и частного капитала. Было построено и куплено у американцев 29 судов. Ли Хунчжан строил железные дороги (**первая железная дорога была построена в 1881 г.**) и телеграфные линии.

На третьем этапе, **в 1890-е гг., начинает зарождаться частное национальное предпринимательство.** Появившаяся мелкая и мельчайшая национальная буржуазия на свой страх и риск начинает строить небольшие заводы, фабрики, мастерские («заводишки» и «фабричонки», по меткому выражению русского современника).

Небольшие капиталы объединяли, образовывая паевые общества, и совместно строили какое-нибудь предприятие. Две трети этих предприятий разорялись еще на стадии строительства. Почему так происходило? Национальные предприниматели сталкивались с множеством труднопреодолимых препятствий. Во-первых, отечественного предпринимателя государство никак не поддерживало. Во-вторых, кредит можно было взять только у ростовщика, так как банковской системы пока еще не было. В-третьих, на готовую продукцию налагался налог, в несколько раз превышавший таковой в иностранных секторах Китая. В-четвертых, все оборудование, инженеров, техников, ремонтников надо было привозить и приглашать из-за рубежа и платить им огромное жалованье (иначе они не поехали бы в Китай).

Препятствий и преград на пути китайского предпринимателя было так много, а защиты так мало, что наиболее энергичные молодые люди стали покидать родные места и уезжать в соседние страны – «страны Южных морей» (так называли тогда страны Юго-Восточной Азии), Японию. Появился феномен **«хуацяо»** – так стали называть этнических китайцев за рубежом, которые надолго покидали родные пределы и успешно занимались предпринимательством. **Из хуацяо сформировалась эмигрантская буржуазия**, которая внесла свой вклад в процесс первоначального строительства капитализма в Китае: зарубежные китайцы сначала отправляли денежные переводы своим родственникам, а затем стали прямо инвестировать свой капитал в частную фабрично-заводскую промышленность Китая.

С экономической точки зрения период проведения политики «самоусиления» стал временем создания условий для формирования **китайского капитализма «сверху»**, «низшей разновидности государственного капитализма», по выражению О.Е. Непомнина. Начала формироваться **китайская национальная буржуазия: бюрократическая буржуазия в лице шеньши, мелкая и мель-**

чайшая буржуазия, компрадорская буржуазия, обслуживавшая интересы иностранных держав, эмигрантская буржуазия.

Китай попытался обзавестись собственным флотом – закупить суда у иностранных держав и построить судоверфи, на которых появились бы собственноручно изготовленные корабли. Деньги, выделенные казной под строительство флота, срочно понадобились императрице Цыси, которая мечтала достроить летний дворцовый комплекс. Она достроила свои дворцы, но деньги на флот пришлось собирать с частных лиц по подписке, а взамен обещать всяческие льготы и привилегии подписавшимся. **Флот** получился разношерстным, составленным из разных типов кораблей, с пушками и снарядами, которые не подходили к ним. На современных кораблях вывесили совершенно феодальный документ о наказаниях матросов: за опоздание, нерасторопность, за то, что во сне видел черта и пугал этим других, – за все эти проступки полагалась смертная казнь.

В период политики «самоусиления» произошли **перемены в дипломатических отношениях Китая с внешним миром**. В **1861 г.** в столице появилась **«Канцелярия по управлению делами заморских стран»**, куда вошли одни маньчжуры и ни одного китайца – Цины хотели единолично контролировать внешние сношения империи. Одновременно в Пекине была открыта Школа иностранных языков, чтобы готовить кадры чиновников для сношений с иностранными государствами. Сюда принимали только юношей-маньчжуров, которые изучали английский, французский и русский языки. Преподавали в них носители языка – иностранцы. Затем такие же школы открылись в Шанхае и Гуанчжоу. **В 1873 г. была отменена унизительная для иностранцев процедура коутоу.**

В 1860–1890-е гг. в Китае проводилась **реформа образования**. Особое внимание уделялось военному образованию. Были открыты минно-торпедные школы, военные училища, телеграфная школа. Создавались учебные заведения нового типа, которые готовили

кадры для новых административных учреждений и предприятий: переводчиков и специалистов по иностранным делам и внешней торговле, судостроителей, штурманов, военных моряков, офицеров армии, телеграфистов, механиков, медиков, обслуживавших армию и флот. В Гуанчжоу открылась школа западных наук. В Фучжоу были открыты школы для обучения судостроению и судовождению. В 1872 г. 120 юношей отправились в США для обучения в американских учебных заведениях. В 1877 г. на трехлетнюю заграничную стажировку была отправлена группа выпускников судостроительной и штурманской школ при судоверфи в Фучжоу. Всего было основано **17 учебных заведений нового типа**. По мере роста числа новых учебных заведений туда пошли учиться уже не только юноши-маньчжуры, но и дети китайских торговцев, состоятельных ремесленников. Появилась разночинная научно-техническая интеллигенция. На китайский язык переводились иностранные книги по естественным и общественным наукам. В Шанхае и Гуанчжоу начали издаваться первые – сначала иностранные, а затем и китайские – частные газеты.

Конец политике «самоусиления» положила несчастливая для Китая война с Японией 1894–1895 гг. Разнокалиберный китайский флот не выдержал испытания военными действиями и был в одночасье потоплен японцами. С сухопутными войсками произошло то же самое. Таким образом, упования на возрастание военной мощи Китая как главную цель политики «самоусиления» оказались тщетными. Цинская династия оказалась неспособной защитить страну от внешней агрессии и отстоять национальные интересы Китая.

Политика «самоусиления» стала первой волной реформ в Китае и проводилась «сверху» консервативными кругами, далекими от идей модернизации. Тем не менее позитивные результаты этой политики были налицо: возникли первые очаги крупного промышленного производства, первые железные дороги, новые суда и телеграф, началась модернизация армии, возникла интелли-

генция. Все это стало базой для перехода к новому этапу реформирования цинского общества.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие обстоятельства заставили цинское правительство начать проводить политику «самоусиления»?
2. В чем состоял смысл политики «самоусиления»?
3. Какова была экономическая составляющая политики «самоусиления»?
4. Какие реформы были проведены в период политики «самоусиления»?
5. В чем заключалась противоречивость результатов политики «самоусиления»?
6. Как вы думаете, почему не удалось усилить Китай в военном отношении?

Тема 8. ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ В КИТАЕ (1895–1898 гг.), ИЛИ ВТОРАЯ ВОЛНА РЕФОРМ

Первая попытка реформ в Китае – «политика самоусиления», как мы видели, закончилась жестоким и унизительным поражением Китая в войне с Японией 1894–1895 гг. Весной 1895 г. Китай в лице Ли Хунчжана был вынужден подписать Симоносекский договор с Японией. По этому договору Китай признал полную независимость Кореи и ее переход под управление Японии (к 1910 г. Корея превратлась в японскую колонию). К Японии отходил Тайвань (правда, Японии пришлось его отвоевывать еще 7 лет) и Ляодунский п-ов. Китай должен был выплатить 200 млн лянов контрибуции. Япония получала все права и привилегии, которыми пользовались в Китае все остальные державы. Японцы отныне имели право создавать в «открытых» портах любые промышленные предприятия. Открыва-

лись для торговли еще четыре порта. Ли Хунчжан, используя свои недюженные дипломатические способности, сумел предотвратить японскую оккупацию Мукдена – «священной столицы» маньчжуров, а также превращение Пекина в «открытый» порт и снизить размер военной контрибуции с 750 до 200 млн лянов. Передача Ляодунского п-ова Японии Россия сочла ударом по ее интересам в Маньчжурии. Она заручилась поддержкой Германии и Франции, и три державы «порекомендовали» Японии отказаться от Ляодуна. Свою рекомендацию они подкрепили посылкой союзных флотов к берегам Японии. Япония отказалась от Ляодуна, удовлетворившись увеличением контрибуции на 30 млн лянов.

Поражение в войне с Японией всколыхнуло все китайское население. Молодые шеньши и интеллигенция, т.е. китайцы, получившие образование на Западе, сочли Симоносекский договор национальным позором. Ведь это было поражение не от европейских держав, а от «своей», азиатской, маленькой страны, которая полтора тысячелетия заимствовала все китайское. По Китаю прокатилась волна возмущения, сопровождавшаяся всплеском политической активности. Раздавались призывы отказаться от «позорных условий» и продолжить войну до победного конца.

Крах политики «самоусиления» подтолкнул шеньши и интеллигенцию Китая к движению за более эффективные и комплексные реформы. Их возглавил **Кан Ювэй**. Он родился в семье шеньши – землевладельца, получил классическое образование, прочитал, выучив европейские языки, книги, которые привозили в Китай миссионеры. Чтобы разобраться в противоречивой информации и решить, чем он будет заниматься в жизни, Кан Ювэй на три месяца уходит в отшельники, в леса и горы, а возвратившись, включается в активную политическую борьбу. Он пишет книги, эссе, составляет послания императору.

В 1884 г. он написал книгу «Датун шу» («Книга о Великом единении»), представлявшую собой утопическое представление

об идеальном обществе будущего. Это был синтез конфуцианства, буддизма, даосизма, идей уравнительного крестьянского социализма и отрывочных сведений о политическом строе и общественной организации стран Запада. «Нужно собрать весь народ и сообща избрать мудрейших и талантливейших, чтобы они выполняли свои обязанности, но не могли передавать их по наследству своим потомкам или братьям… Все будут говорить только правду и будут миролюбивы. Не будет хитрости и подозрений и будут запрещены убийства и войны… Надо объединить все страны мира… Надо упразднить семью, государство и частную собственность. Детей должно воспитывать государство. Все получат образование – из отсталых и ограниченных людей нельзя создать новое общество, как из мела нельзя сварить каши. Люди будут любить и заботиться не только о своих родственниках…».

В **1885 г.** он написал один из самых известных своих трудов – **«Рассуждения о японском патриотизме»**, где главной причиной экономических успехов Японии назвал чувство патриотизма, присущее японцам и не присущее китайцам, и призывал развивать это чувство. Китай должен сплотиться: только «единство маньчжуров и китайцев, монарха и народа» поможет провести реформы и возродить Китай. «Даже Япония – маленькое государство – строит агрессивные планы в отношении Китая, после того как она провела реформы. Она накапливает денежные ресурсы для содержания армии, приобрела около 30 железных судов… Она пытается силой отторгнуть у нас Корею…». Петр I, добившийся, по мнению Кан Ювэя, небывалого укрепления мощи России, и японский император Муцухито, при котором были проведены эффективные реформы в Японии, стали главными героями его сочинений о реформах.

Интересно отметить, что «японский фактор» оказал более сильное эмоциональное воздействие на китайскую интеллигенцию, чем опыт отношений с Западом. В японском опыте реформаторам импонировала относительная бескровность реставрации Мэйдзи,

осуществление реформ «сверху», особая роль императора. **Лян Цичао**, сподвижник Кан Ювэя, сравнивая Французскую и японскую революции, писал: «Существуют два пути достижения прогресса: бескровный (в Японии) и кровавый (во Франции). Если Китай встанет на путь бескровного разрушения, я буду благодарить Небо; мне остается лишь скорбеть, если для нас неизбежным окажется кровавое разрушение». Бескровная трансформация, модернизация при сохранении традиционной конфуцианской основы общества – вот что было привлекательным для китайских реформаторов в японском варианте революции и реформ. Другой сподвижник Кан Ювэя Чжан Цзянь отмечал: «В Японии создали конституцию и блестяще решили великую задачу сохранения уважения к императору и одновременно защиты интересов народа. В этом кроется причина всех успехов Японии». Кан Ювэй был уверен, что в Китае еще легче провести реформы, чем в Японии: «Заимствование опыта у Японии подобно тому, как строят дом: европейские страны и Америка разрабатывают проект, Япония строит, а мы живем в нем». Он полагал, что если европейским странам понадобилось проводить реформы в течение 300 лет, Японии – 30 лет, то Китаю хватит 10 лет. Летом **1898 г.** Кан Ювэй писал и по частям передавал императору Гуансюю свою новую книгу «**Исследование реформ в Японии**». «Едва я успевал закончить одну часть, как император приказывал переслать ее во дворец; получив требуемое, он начинал торопить с написанием следующей части. Издавая указы, император широко пользовался моими примечаниями и комментариями по поводу японских реформ». Император Гуансюй поддерживал реформаторов. У него были свои расчеты и амбиции: он хотел освободиться из-под навязчивой опеки Цыси и стать самостоятельным правителем, и не просто правителем, а правителем-реформатором, чье имя останется в анналах истории.

Для того чтобы успешно провести экономические реформы, а именно – защищать от иностранной конкуренции и поощрять оте-

чественного частного предпринимателя, развивать собственное машиностроение и фабрично-заводскую промышленность, следовало, по мысли Кан Ювэя, провести политические реформы. **Суть политических реформ заключалась в трансформации абсолютной монархии в конституционную монархию во главе с просвещенным монархом**. Главная цель реформаторов состояла не в создании буржуазного общества, а в возрождении могучей конфуцианской империи. Кан Ювэй полагал, что через десять лет проведения активных реформ Китай смог бы завоевать гегемонию в мире. Он писал: «У нас неисчерпаемые запасы железа и металлов, из которых мы можем построить тысячи военных кораблей. И вот тогда мы сможем пройти через пять континентов, на которых вы увидите, как развеваются и танцуют флаги желтого дракона».

Желая сохранить династию Цин, Кан Ювэй хотел **мирного разрешения национального конфликта между маньчжурами и китайцами**. В 1898 г. он отправил специальный меморандум императору Гуансюю «О сотрудничестве императора со своим народом и ликвидации неравенства между маньчжурами и китайцами», в котором просил цинское правительство отменить привилегии маньчжуров и уравнять в правах всех жителей империи. Другие реформаторы развивали эти идеи в том духе, что маньчжуров следует ассимилировать: «Наша нация сильна тем, что ассимилирует другие национальности, она никогда не была побеждена другими нациями».

В **1895 г.** в Пекине, куда съехались 1 200 юношей на экзамены для получения высшего ученого звания, они проводили бурные собрания, и **604** храбреца осмелились поставить свои подписи под коллективным «**Меморандумом из 10 тысяч слов»**, о содержании которого через несколько дней знала уже вся столица. Эмоциональное вступление гласило: «Более четырех тысяч лет Китай спал, пока японо-китайская война не вывела его из спячки. Потеря острова Гонконг и многомиллионная контрибуция, а вслед за тем расхищение европейцами китайских территорий заставили нас

встрепенуться. Русские же поглощают китайские территории подобно шелковичному червю, пожирающему листья на тутовых деревьях… Мы не имеем ни солдат, ни офицеров, ни кораблей, ни армии, ни организации; хотя наша страна номинально независима, мы вынуждены во всем повиноваться нашим врагам. Железные дороги, банки, торговля – все принадлежит им. Лишь кажется, что мы существуем, в действительности же нас нет… Китай имеет громадную территорию, но процесс его раздела совершится в течение нескольких лет без всякого сопротивления». В этом меморандуме был призыв не подписывать мирный договор с Японией, говорилось об опасности полной колонизации, исходящей от иностранных держав: «Если мы будем сидеть, сложа руки, ничего не делая, то соперничающие между собой государства разорвут нашу страну на куски». В нем говорилось и об опасности нового народного восстания, наподобие тайпинского. Далее излагались рекомендации по проведению политических, экономических реформ и реформ в области образования. После этого реформаторы буквально «завалили» дворец своими посланиями с предложениями реформ.

Движение за реформы, начавшееся в стране в 1895 г. и продолжавшееся до 1898 г., было неоднородным. Представителем наиболее радикального крыла реформаторов стал **Тань Сытун**, занявший антимонархическую и резко антиманьчжурскую позицию. Тань Сытун выступал за введение системы «избираемых монархов», т.е. фактически за республиканскую форму правления. Он был беспощаден к маньчжурам, называл их «выходцами из дикого кочевого племени, которые сделали Китай своим пастбищем», и не допускал и мысли о каком-либо компромиссе между китайцами и маньчжурами. Он, в противоположность Кан Ювэю, брал под защиту вождей тайпинского восстания, считал их борьбу справедливой и открыто призывал к вооруженной борьбе против Цинов. Стоит появиться в Китае группе смельчаков, которые начнут такое

восстание, считал он, как все население страны поддержит их – гибель цинской династии уже предрешена.

В стране стали издаваться десятки газет и журналов, на страницах которых шло обсуждение необходимых реформ. Возникали общества, клубы, научные ассоциации для изучения экономических и научных достижений стран Запада и школы. В **1898 г.** было создано патриотическое общество «Союз познавших позор». В этом же году возник **«Союз защиты государства»** – практически это была первая политическая партия реформаторов.

В обществах и клубах обсуждали, уточняли, привыкали к новым для Китая пришедшим с Запада идеям и терминам «свобода», «прогресс», «будущее». Лян Цичао трактовал понятие «свобода» как самосохранение, свободу от принуждения, свободу управлять собой. «Когда я веду речь о свободе, то я говорю не о давлении силой, а говорю о рабском характере. Давление силой принадлежит тому, кто его оказывает. Рабский характер принадлежит тому, кто его принимает. Разложение в Китае шло в течение нескольких тысяч лет, ныне бедствия от него достигли крайнего предела. Если доискиваться до основной причины, то во всех случаях они проистекают вследствие рабского характера. Не уничтожив этот характер, Китай никогда не сможет занять достойное место среди государств мира», – заявлял он. Понятие «прогресса» как развития от низшего к высшему (линейное мышление) с трудом давалось китайцам, которые привыкли представлять процесс развития как переход от цикла к циклу (циклическое мышление). Категории «будущего» в отдельности не существовало, поскольку у китайцев в традиционные времена было слито воедино представление о прошлом, настоящем и будущем. Китайцам настолько трудно давалось осмысление новых понятий и терминов, что довольно много интеллектуалов просто сходили с ума.

Реформаторы связывали свои надежды на проведение реформ с 28-летним императором Гуансюем. Императрица Цыси и слышать

не хотела ни о каких реформах. Император же Гуансюй увлекся идеей реформ и будучи честолюбивым человеком хотел видеть себя спасителем государства. Он создал при себе «внутренний кабинет», куда ввел четырех самых активных реформаторов.

В июне 1898 г. начался период, получивший название **«Сто дней реформ»**. В течение 103 дней – с 11 июня по 21 сентября 1898 г. – было издано несколько десятков указов. В них провозглашалось поощрение земледелия с упором на чаеводство и шелководство, промышленности, ремесла и торговли. Купцам пообещали защиту от незаконных поборов со стороны чиновников. Предусматривалось создание в Пекине трех центральных управлений – угольных шахт, железных дорог, а также сельского хозяйства, промышленности и торговли. Намечалось открытие университета, создание частных школ. В их программы должны были быть включены «западные науки». Планировалось открыть горно-рудные, железнодорожные, мореходные и агротехнические училища. Отменялись традиционные сочинения. Ликвидировались архаичные учреждения и должности.

Реформы натолкнулись на упорное их неприятие со стороны старой бюрократии во главе с Цыси. Гуансюй жаловался, что «чиновники с умыслом ничего не делают, а лишь оглядываются друг на друга, не предпринимая никаких мер». Для большинства чиновников подлинной императрицей была Цыси, а молодой император Гуансюй не пользовался авторитетом. Гуансюй издал более 20 указов с угрозами и строгими предупреждениями в адрес противников реформ, он даже решился на увольнение некоторых высокопоставленных сановников, в том числе Ли Хунчжана.

Обстановка в Пекине обострилась. Реформаторы решились на использование войск для поддержки реформ. Решающую роль должен был сыграть генерал **Юань Шикай**, на которого они сделали ставку, – Юань Шикай считался самым либеральным и самым образованным генералом в китайской армии. Юань Шикай был приглашен на тайный разговор с императором, во время кото-

рого генерал как будто бы согласился на поддержку реформ со стороны армии. Но, как показали последующие события, Юань Шикай организовал утечку информации, и Цыси узнала о готовящемся заговоре против нее.

В октябре 1898 г. должны были состояться показательные маневры «новых войск» Юань Шикая, во время которых планировалось арестовать Цыси и приближенных к ней реакционеров – противников реформ. «Партия императрицы» стала, в свою очередь, готовить государственный переворот с целью свержения Гуансюя. Императрица перехватила инициативу и ночью 21 сентября осуществила государственный переворот. Гуансюй был арестован и посажен под домашний арест. Якобы от его имени Цыси издала указ о передаче ей всей верховной власти в стране. Начались аресты реформаторов. Кан Ювэю и Лян Цичао удалось бежать в Японию (оставшуюся часть жизни Кан Ювэй прожил в эмиграции – в Японии, Америке, Англии, Индии, Индонезии и умер в 1927 г.).

Тань Сытун отказался бежать. Перед арестом он написал прощальную записку, в которой пояснял свою позицию: «Я должен остаться, чтобы разрабатывать планы на будущее. Если придется умереть, я готов пролить кровь во имя торжества дела реформ. Ни в одной стране реформы не осуществлялись бескровно. В Китае же еще никто не пожертвовал собой ради дела реформ, поэтому-то наша страна не добилась процветания. Если такая жертва необходима, пусть я, Тань Сытун, буду первым». Его и пять других реформаторов казнили без суда и следствия. Несколько десятков реформаторов разжаловали, сослали, понизили в должности, заставили уйти в отставку. «Союз защиты государства» был распущен. Большинство указов Гуансюя, изданных в период «Ста дней реформ», было отменено. **Был осуществлен практически один указ – об открытии в Пекине первого университета.**

Реформы 1898 г. были направлены не столько на разрушение старой системы, сколько на ее омоложение. Движение за реформы

не имело прочной социальной базы и было обречено на поражение. Реформаторы еще не были выразителями интересов народившейся, но еще слабой национальной буржуазии, они не могли опереться на нее. Традиционное общество было еще сильно. Стремление превратить маньчжурскую абсолютную монархию в конституционную монархию овладело умами лишь сравнительно небольшой части китайской традиционной элиты, но это была уже элита, получившая не только традиционное образование, но и уже успевшая познать «западные науки», иностранные языки, пытавшаяся понять общественно-политическое устройство и идеологию стран Запада. «Движение за реформы» 1895–1898 гг. было уже более радикальным, нежели политика «самоусиления», и более массовым.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему поражение в войне с Японией явилось толчком к движению за реформы?
2. Что предлагали реформаторы изменить в экономической политике страны?
3. Какова была главная политическая цель реформаторов?
4. Что импонировало реформаторам Китая в опыте проведения реформ в Японии?
5. Чем различались позиции Кан Ювэя и Тань Сытуна?
6. Почему движение за реформы в Китае оказалось столь неэффективным?

Тема 9. ЗАРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В КИТАЕ

В конце XIX в. на юге Китая зарождается революционное движение. Сравнительно небольшая группа китайской интеллигенции видела неспособность маньчжурской династии обезопасить страну

от иностранных государств, ее неспособность защитить отечественного предпринимателя. Радикально настроенные интеллигенты убедились и в том, что реформаторское движение оказалось бессильным что-либо изменить в стране. Многие из них поддерживали Кан Ювэя, но пришли к выводу, что только с помощью вооруженной борьбы против монархии, т.е. вооруженного восстания (революции) и упразднения самой монархии и учреждения на ее месте республики можно обеспечить достижение независимости, успешной модернизации страны и ее превращения, в конечном счете, в могучую, процветающую страну. Признанным лидером революционеров становится **Сунь Ятсен**.

Сунь Ятсен родился в обычной крестьянской семье. Два его дяди попытали счастье на золотых приисках в Калифорнии и погибли там. Старший брат был более удачлив: он эмигрировал на Гавайские острова и преуспел в животноводческом бизнесе. Он помог Сунь Ятсену получить образование – сначала в миссионерской школе, затем в медицинском институте. Однокурсники дали Сунь Ятсену кличку «Хун Сюцюань», поскольку тот подолгу рассуждал о тайпинах и их вожде Хун Сюцюане и об их антиманьчжурской борьбе. Врачом Сунь Ятсен так и не стал (он им проработал всего один день), он стал профессиональным революционером.

В 1893 г. он направил послание Ли Хунчжану, где предлагал оказывать государственную поддержку национальному предпринимательству и шире использовать на государственной службе патриотически настроенных ханьцев. «Я усиленно размышлял, – писал он, – об основных причинах богатства и силы Европы. Эти причины заключаются не только в сильных кораблях и хороших пушках, не только в военной мощи, но и в том, что люди максимально применяют свои способности, земля приносит максимальные выгоды, товары полностью обращаются. Если наша страна, стремясь к широким перспективам, будет лишь копировать иностранные методы для своего усиления и заботиться лишь о проч-

ных судах и хороших орудиях, это будет равносильно отказу от главного ради овладения мелочами». Убедить Ли Хунчжана не удалось.

До 1894 г.Сунь Ятсен разделял многие идеи Кан Ювэя. Несмотря на то, что политические позиции Сунь Ятсена значительно отличались от идей Кан Ювэя, суть экономических преобразований, необходимых Китаю, понималась обоими практически одинаково.

В **1894 г.** на конспиративном собрании в квартире одного из эмигрантов на Гавайях Сунь Ятсен объявил о создании первой в истории страны революционной политической партии **«Союз возрождения Китая»**. Примерно 80% членов этой партии были китайскими предпринимателями-эмигрантами (хуацяо). Остальные были патриотически и антиманьчжурски настроенными молодыми людьми из образованной среды. Отделения «Союза» были созданы в Гуанчжоу и Гонконге. Вступающие в партию представители четвертого сословия – шан – и интеллигенты, получившие западное образование, давали клятву бороться «за изгнание маньчжуров, за восстановление величия Китая и за создание демократического правительства». Слово «республика» в программе партии пока отсутствовало, но шла речь о необходимости вооруженного антиправительственного заговора.

Члены «Союза» рассчитывали в дальнейшем использовать многочисленные тайные общества юга Китая, с которыми были налажены тесные контакты. Многие из сподвижников Сунь Ятсена прекрасно владели боевыми искусствами и являлись вожаками некоторых тайных обществ.

С помощью тайных обществ Сунь Ятсен решил подготовить восстание в Гуанчжоу в 1895 г. оно должно было стать первым реальным делом «Союза возрождения Китая». Был разработан подробный план восстания: кто, когда и в какой повязке – красной, желтой, – на голове, или на руке – должен включиться после названия пароля в нужную цепочку. Предполагалось захватить городские административные здания. Были наняты повстанцы из числа быв-

ших солдат. Но план провалился, восстание было подавлено, не успев развернуться. О готовившемся восстании успели донести властям, которые и перехватили инициативу. Сунь Ятсену чудом удалось скрыться, и он надолго – на 16 лет – уезжает из Китая.

В Японии, на Гавайях, в США, в Европе Сунь Ятсен активно вербовал сторонников будущей революции среди членов китайских общин (их численность к началу XX в. превысила 2 млн человек) и собирал средства на нее. Цинские власти видели в Сунь Ятсене опасного мятежника, и за его голову было обещано крупное вознаграждение, за ним следили за границей. В 1896 г. маньчжурским агентам удалось заманить Сунь Ятсена на территорию китайской миссии в Англии и арестовать его. Его намеревались тайно вывезти в Китай и расправиться с ним. Но Сунь Ятсену удалось сообщить о своем аресте английским газетам. Началась шумная кампания в защиту Сунь Ятсена, его освободили. Он стал желанным – в какой-то мере экзотическим – гостем в состоятельных домах Лондона, где им «угощали» друзей. Самое главное – его имя стало известно в Европе, и его уже трудно было арестовать, и Запад узнал о готовящейся революции в Китае.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Чем отличались политические платформы Кан Ювэя и Сунь Ятсена?
2. Когда возник «Союз возрождения Китая? Какая у него была программа?
3. Почему провалилось восстание в Гуанчжоу?
4. Как цинские власти относились к Сунь Ятсену?

Тема 10. ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ (1898–1901 гг.)

Помимо оппозиции со стороны реформаторов и революционеров, Цины столкнулись с новой формой оппозиции – ярко выра-

женным антииностранным народным восстанием под руководством тайного общества **«Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»)**. Началось оно на севере Китая, в провинциях **Чжили и Шаньдун**. Здесь иностранное проникновение было новым и непривычным явлением, поскольку сюда иностранцы пришли на 50 лет позже, чем в южный Китай, и реакция на их приход была крайне болезненной. Иностранные миссионеры развернули в этом районе особенно активную деятельность. Начавшееся религиозное и культурное проникновение Запада воспринималось населением как угроза китайской традиции, а экономическое проникновение – как угроза самой жизни, ибо масса людей теряла работу, привычные источники существования.

Здесь, в сфере влияния Германии, интенсивно строились железные дороги, которые часто проходили через поля крестьян, разрушали дома и кладбища. Это вызывало гнев населения, не получавшего за это никакой компенсации. Строительство КВЖД и ЮМЖД грозило оставить без работы тысячи людей, занимавшихся перевозкой земледельческой продукции. Из-за появления новых видов транспорта – железных дорог и пароходов, находившихся к тому же в руках иностранцев, многочисленные труженики традиционных видов транспорта – лодочники, возчики, кули-носильщики, грузчики, погонщики, охранники, гонцы, хозяева постоялых дворов и рабочие, обслуживавшие перевозки грузов по Великому каналу, связывавшему север с центром и югом Китая, потеряли работу. Ремесленники в городах не могли перебороть конкуренцию со стороны иностранных товаров. Разорилось несколько миллионов человек. В неурожаях и стихийных бедствиях ихэтуани были склонны обвинять тоже иностранцев. «Нет дождей, земля сохнет – христианские церкви заслонили небо. Вот расправимся с заморскими чертями – хлынет проливной дождь», – распевали они.

В своих отрядах ихэтуани практиковали даосские физические упражнения, напоминавшие кулачный бой, и поэтому иностранцы

называли их «боксерами», а восстание – боксерским. У ихэтуаней были в ходу заклинания, амулеты, процветали мистицизм, суеверия и черная магия. Их восстание стало **реакцией низов традиционного общества на вторжение иностранцев**. Антигерманское и антихристианское восстание охватило более 20 уездов. Их лозунгом был **«Поддержим Цин, смерть иностранцам»**. В своем гимне они пели, как они будут разрушать пароходы, выворачивать телеграфные столбы, церкви и библиотеки. Они действительно беспощадно уничтожали все, что пришло с Запада. Они жгли здания и книги, дома миссионеров, разбирали железные дороги, жгли станции, убивали китайцев-христиан. Были убиты 50 католических и 180 протестантских миссионеров. Это был взрыв отчаяния маргинальных слоев традиционного общества, которые выступили не против чиновников и маньчжурского господства, а за укрепление власти, за сохранение «порядка», как они его понимали, против «заморских дьяволов», которые нарушили привычный порядок.

В Пекине распространялись листовки, в которых объяснялись и обосновывались цели движения: «Ныне Небо, прогневавшись на учение Иисуса за то, что оно оскорбляет духов, уничтожает святое (конфуцианское) учение и не почитает буддизма, убрало дождь и послало 8 000 000 небесных воинов для уничтожения иностранцев… Иностранные дьяволы явились со своим учением, и число обращенных в христианство с каждым днем увеличивается… Иностранные дьяволы находят превосходными локомотивы, воздушные шары и электрические лампы….Китай считает их варварами,..». Цинский двор поначалу отреагировал на выступления ихэтуаней как на выступления «бандитов» и «смутьянов», а затем решил использовать это движение в своих целях, тем более, что оно было верноподданническим – ведь лозунгом ихэтуаней был: «Да здравствует Цыси, смерть иностранцам!».

Цыси была заинтересована в ослаблении позиций иностранных государств в Китае, которые беззастенчиво делили страну на сфе-

ры влияния. Руками ихэтуаней можно было попытаться нанести по ним удар. Национальная буржуазия не только не пошла на союз с ихэтуанями, но была настроена резко против их движения. Это объяснялось тем, что ихэтуани громили отечественные фабрики, заводы, конторы с такой же яростью, как и иностранные. А Цыси пошла на союз с ними. При дворе стали разучивать физические упражнения ихэтуаней. Их поддержали крайние реакционеры и ярые ксенофобы, которые не меньше ихэтуаней ненавидели все, что пришло с Запада.

Крупные отряды ихэтуаней, насчитывавшие к 1900 г. около 100 тыс. человек, подошли к Пекину, Тяньцзиню, Тунчжоу и Баодину. Успехи повстанцев понудили западные державы потребовать от Цинов скорейших мер по подавлению движения. Понимая, что Цыси оттягивает решение о подавлении ихэтуаней, **державы сосредоточили 20 военных кораблей вблизи Пекина**, крупные десанты из воинских частей Англии, Германии, России, Франции, США, Италии, Японии и Австро-Венгрии высадились на берег – около 2 тыс. человек. Во главе объединенных сил был поставлен английский вице-адмирал **Э. Сеймур.** Начались бои, в которых ихэтуани, наивно веря в свою неуязвимость и бессмертие, в то, что их пули не возьмут благодаря даосским практикам, массами гибли.

Цыси приказала открыть крепостные ворота столицы для отрядов ихэтуаней. Ихэтуани ворвались в Пекин и сожгли 4 тыс. домов в богатейшем торговом районе города, убили массу людей. Начались «56 дней пекинского сидения» иностранцев в посольском квартале, который осадили ихэтуани. Державы предъявили ультиматум Цыси. Но она продолжала двойную игру: не порывала дипломатических отношений с державами, просила у них извинения, именовала ихэтуаней «бунтовщиками», и в это же время правительственные войска не только не мешали ихэтуаням убивать и грабить, но и помогали им в этом. Солдаты вступали в тайное общество «Ихэтуань».

В июне 1900 г. Цыси официально объявила войну державам и пошла на открытый союз с обществом «Ихэтуань». Цыси одарила «братьев-ихэтуаней» красными куртками, рисом и серебром, передала им винтовки, пушки и холодное оружие. Антииностранная борьба расширила свои границы до городов Маньчжурии и полосы строительства линии КВЖД, где начались антирусские выступления. Хэйлуцзянский губернатор организовал 19-дневный обстрел Благовещенска и русских пароходов на Амуре и осаду русского сеттльмента в Харбине. Ихэтуани во время боев шли впереди правительственных войск, а те стреляли им в спину, если атака не удавалась. **В Восточном и Южном Китае наместники проигнорировали объявление Пекином войны с державами, требуя расправы с повстанцами**. Таким образом, они ослушались Цыси, не поддержав ее действий.

Падение Тяньцзиня, поражение ихэтуаней и правительственных войск несколько отрезвило Цыси. Войска союзников готовились к походу на Пекин. 10 тыс. японцев, 4 тыс. русских, 3 тыс. сипаев и 2,5 тыс. американцев противостояли 60 тыс. цинских солдат. **В августе 1900 г. японские и русские части, взорвав городскую стену, ворвались в Пекин**. Цыси и император Гуансюй с несколькими высшими сановниками, в обычной черной и синей одежде, без всяких регалий, ночью тайком покинули столицу. Пекин капитулировал. Многие знатные семьи Пекина предпочли покончить с собой, но не смириться с унизительным падением столицы. Например, в одной семье приказали слугам закопать живыми в яме, вырытой во дворе, 27 ее членов. Наставник императора повесился у себя в доме, за ним последовали 18 членов его семьи. Всего в знак протеста против захвата иностранцами столицы покончили с собой 1 798 человек.

На протяжении 1901 г. было проведено 46 карательных экспедиций против ихэтуаней. Наибольшими зверствами «прославились» немцы и японцы. В письме домой один немецкий солдат

сообщал: «Что здесь происходит, дорогая мама, описать невозможно – настолько безумны происходящие убийства и резня. Китайцы находятся совершенно вне закона, в плен их не берут, а для того чтобы сохранить патроны, их не расстреливают, а закалывают штыками по воскресеньям после обеда, вероятно, чтобы полностью соблюсти святость воскресенья. Мы вынуждены были заколоть штыками 74 китайца».

Одновременно началось наступление в Маньчжурии. Здесь войну против России вели больше правительственные войска, чем ихэтуани. Русский военный губернатор Грибский согнал жителей-китайцев на берег Амура и заставил их плыть через Амур – многие утонули, не умея плавать, а выплывшие на противоположный берег были расстреляны цинскими солдатами, поскольку для них это были китайцы-предатели, раз они жили в России. Эту акцию потом назвали «благовещенской резней». За два месяца русские войска оккупировали всю Маньчжурию.

После ощутимых поражений правительственных войск и ихэтуаней Цыси объявила ихэтуаней «бандитами» и «смутьянами», виновниками всех бед, и на них обрушились жестокие репрессии.

В 1901 г. представителями 11 стран был подписан «Заключительный протокол», по которому Китай должен был выплатить контрибуцию 450 млн лянов в течение 39 лет из расчета 4% годовых, т.е. в итоге около 1 млрд лянов. В Пекине создавался укрепленный посольский квартал. Каждое посольство отныне имело вооруженную охрану с пулеметами и орудиями. За антииностранные выступления Цины обязывались наказывать своих подданных смертной казнью. Выплата контрибуции растянулась вплоть до Второй мировой войны – она вчетверо превышала контрибуцию Японии по Симоносекскому миру.

В 1902 г. был подписан новый англо-китайский договор, по которому «открывались» еще 5 портов, открывался доступ иностранного капитала к добыче полезных ископаемых. Китай окончательно превратился в полуколонию держав, закрепивших за со-

бой сферы влияния в Китае. Это были Англия, Франция, Германия, Италия, Россия, Япония, США.

Итак, попытка освободиться от зависимости путем прямого вооруженного сопротивления иностранным державам не удалась. Восстание ихэтуаней не только не покончило с колониальным порабощением Китая, а, напротив, ускорило процесс превращения страны в полуколонию держав, которых это восстание сплотило в своего рода «единый фронт». Теперь речь шла не столько о разделе, сколько о переделе зон интересов держав. Разгром восстания ихэтуаней только усилил рост национального самосознания китайцев, это восстание проявило растущую националистическую составляющую реакции на национальное унижение.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Кто такие ихэтуани в социальном плане?
2. Почему и какую двойную игру вела Цыси в период восстания?
3. Кто поддерживал и кто не поддерживал восставших ихэтуаней?
4. Какие цели преследовали ихэтуани?
5. Какова была позиция держав по отношению к Цыси и восставшим ихэтуаням?
6. Каковы были основные положения «Заключительного протокола» 1901 г.?
7. Каковы были последствия восстания ихэтуаней?

Тема 11. КИТАЙ НАКАНУНЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1901–1911 гг.)

Иностранный капитал в Китае

К 1899 г. для иностранной торговли было открыто 42 морских и речных порта, а к 1912 г. – уже 82. В импорте до конца 1880-х гг.

главная роль оставалась за опиумом. Его ввозом из Индии оплачивались две трети экспорта китайского шелка и чая. С начала 1890-х гг. на первое место выходят хлопчатобумажная пряжа и ткани. Основным предметом вывоза из Китая был **чай**, на втором месте шел **шелк**, на третьем – **хлопок-сырец**. Стабильным стал вывоз за границу чернорабочих-кули («желтых рабов»). К концу XIX в. насчитывалось более 3 млн хуацяо, многие из которых преуспевали за рубежами Китая и делились своими доходами с родней, а также инвестировали капитал в фабрично-заводское производство.

Система неравноправных договоров давала иностранцам право свободного передвижения по Китаю. Размер пошлин по большинству иностранных товаров составлял не более 5% их стоимости. Иностранцы не платили многочисленных внутренних пошлин. Китай был лишен таможенной независимости. С середины XIX в. страна постепенно превращалась в часть мирового рынка. Для иностранной торговли сначала открылись южные провинции Китая, затем восточные приморские провинции. **Центр внешней торговли переместился из Гуанчжоу на север – в Шанхай.** В 1860–1870-е гг. для торговли с иностранцами открываются северные провинции Чжили и Шаньдун, бассейн р. Янцзы. В 1880-е гг. наступает очередь юго-западных провинций, а в 1890-е – Маньчжурии.

С началом эпохи империализма экспорт капитала в Китай становится главной формой иностранного экономического проникновения, отодвинув на второй план растущий вывоз товаров. Поскольку в Цинской империи были низкие цены на сырье, землю, рабочую силу, она превращается в важный объект приложения иностранного капитала. **Наибольшие прибыли приносили китайские недра, пути сообщения и средства связи**.

К концу XIX в. возникает **иностранный сектор.** «Открытые» порты, концессии и сеттльменты становятся очагами капиталисти-

ческого развития. Капитал вывозится в виде займов. За период 1895–1898 гг. для погашения военных расходов и контрибуции цинскому правительству было навязано семь «займов развития» на общую сумму 370 млн лянов, что в девять раз превышало сумму всех займов до 1895 г. За период 1901–1914 гг. **внешний долг Китая достиг огромной суммы – 835 млн долларов. Китай попал в тяжелейшую долговую кабалу**.

В руках иностранцев находилиась вся внешняя торговля, транспорт, связь, банки, фабрики и заводы. На иностранных предприятиях работало больше китайских рабочих, чем на национальных, да и возник национальный рабочий класс сначала на иностранных фабриках и заводах.

В конце 1890-х гг. в Китае развернулась **«битва за концессии»,** в основном на строительство железных дорог. Китай подписал соглашения на строительство 19 железных дорог за 1896–1898 гг. А с 1900 по 1913 г. державы навязали цинскому правительству 29 новых и дополнительных железнодорожных займов. Прокладка железных дорог во внутренних провинциях позволяла расширить торговлю иностранными товарами и вывозить дешевое сырье из Китая. Железные дороги способствовали и росту внутреннего рынка. Капитал вкладывался во внешнюю торговлю, обрабатывающую и горнодобывающую промышленность. Развитие иностранной фабричной промышленности резко ускорилось в 1901–1911 гг. Капитал инвестируется в фабрики, заводы, шахты, рудники, верфи, электростанции. Предприниматели-иностранцы добились практически неограниченного права строить в Китае промышленные, горнодобывающие и транспортные предприятия уже не только в «открытых» портах, но и за их пределами. Продукция этих предприятий освобождалась от всех внутренних пошлин. К 1914 г. иностранные инвестиции увеличиваются вдвое. Две трети иностранных предприятий были английскими и более половины из них находились в Шанхае.

Англия оставалась ведущим инвестором в Китае. Сферой английского преобладания стали южные провинции и бассейн Янцзы. На втором месте стояли капиталовложения России, в основном приходившиеся на КВЖД, пищевую промышленность Северной Маньчжурии. Японцы размещали капитал в Южной Маньчжурии, в провинции Фуцзянь. Германия помещала капиталы в недвижимость, предприятия и транспорт в провинции Шаньдун, Франция – в южных провинциях Юньнань, Гуанси, Гуандун. Американское участие в этот период было небольшим. Китай все больше превращался в поставщика дешевого сырья: хлопок вывозился для японских текстильных фабрик, соя – для японской пищевой промышленности и для потребления в Европе, шелк – для фабрик США, чай – для России и США.

За Китаем закреплялось положение аграрно-сырьевого придатка западного мира, усиливалась экономическая зависимость страны от иностранного капитала. В первом десятилетии XX в. был заложен прочный фундамент для широкого и систематического ограбления Китая.

Китайский национальный капитализм в начале XX в.

В Китае в начале XX в. складывались как бы «два капитализма»: один был иностранный, другой – местный. Местный, в свою очередь, тоже имел двойственный характер: один насаждался сверху, заимствованный у Запада, по сути, бывший «низшей разновидностью государственного капитализма», другой поднимался снизу, это был собственно национальный капитализм, отягощенный всяческими препятствиями со стороны традиционных экономических отношений. Китай вступил в затяжной период **переходности**, которая представляла собой не только ограниченный во времени процесс, но и относительно устойчивое и длительное состояние. **Капиталистический уклад был в это время всего**

лишь одним из укладов многоукладной китайской экономики: он сосуществовал с патриархальным, натуральным, мелкотоварным укладами. Он не смог стать господствующим, но был, безусловно, ведущим. Основная масса промышленных предприятий появлялась в приморских провинциях и бассейне Янцзы. Города Шанхай, Гуанчжоу, Ухань, Тяньцзинь были маленькими промышленными островками в огромном море деревенской экономики Китая, который все-таки оставался отсталой аграрной страной.

Китайская буржуазия накануне Синьхайской революции

В начале XX в. социальная структура традиционного общества стремительно рушится. В 1905 г. были отменены традиционные экзамены, и численный рост шеньши прекращается. На смену старой иерархии четырех сословий приходит смешанная, переходная социальная система с множеством переходных социальных типов. Появились буржуазия, пролетариат, интеллигенция. Буржуазия накануне падения монархии представляла собой еще незавершенное социальное образование, к которому понятие «класс» можно применить лишь условно. В это время процесс формирования китайской нации оставался еще незавершенным. На этот процесс влияли экономическая раздробленность Китая, множественность мер, весов и денежных единиц. Существовала цеховая, земляческая разобщенность.

Тем не менее появившаяся буржуазия проявляла недюжинную активность в политическом плане, она имела свои интересы и свои организации. В Китае сформировалось несколько групп буржуазии.

Компрадорская буржуазия обслуживала интересы иностранцев, она находилась под их защитой, пользовалась теми же льготами и привилегиями, которые были у иностранцев. Это была, как

правило, крупная буржуазия, и в политическом плане она была равнодушна к проблемам своей страны, отстаивая интересы иностранных предпринимателей и государств.

Бюрократическая буржуазия, возникшая как первый отряд предпринимателей из высшего сословия шеньши во времена «политики самоусиления», была тоже крупной, довольно могущественной. Она лидировала в становлении и развитии капиталистического уклада. Богатые шеньши были непосредственно связаны с центральной и провинциальными администрациями. Вот красноречивый пример преобладания бюрократов в капиталистическом развитии Китая: из 26 хлопкопрядильных и прядильно-ткацких фабрик, построенных за 1890–1910 гг., 16 было основано чиновниками, три – ими же совместно с шан (торговцами) и пять – компрадорами. В политическом плане этот слой буржуазии придерживался либеральных умеренных взглядов, выступал за реформы и против всяческих революций и бунтов.

Эмигрантская буржуазия, сформировавшаяся из хуацяо, вынужденных покинуть страну из-за невозможности вести успешную предпринимательскую деятельность на родине, помогала материально и реформаторам, и революционерам, тем самым участвуя косвенно в политических процессах, происходивших в Китае.

В стране начиная с 1890-х гг., сложился обширный слой **мелкой и мельчайшей** буржуазии, которая чувствовала себя весьма неуверенно в экономическом плане, поскольку на две трети разорялась, но в политическом плане уверенно шла за революционерами, поддерживая необходимость революционного свержения маньчжурской династии Цин и учреждения республиканского строя правления.

Средний слой буржуазии в Китае не сложился, он практически отсутствовал. Может быть, именно из-за этого многие последующие десятилетия страна находилась в перманентном политическом хаосе и раздробленности.

Деятельность либерально-конституционной оппозиции накануне Синьхайской революции

Либерально-конституционное движение стало набирать силу после подавления восстания ихэтуаней. Огромное влияние на либеральную оппозицию оказали поражение России и триумф Японии в войне 1904–1905 гг. В Китае усилились националистические настроения, выросли ряды оппозиционеров цинскому режиму. Возникли общества, газеты, которые развернули пропаганду в пользу принятия конституции и созыва парламента. Бывший реформатор Лян Цичао от имени реформаторов-эмигрантов поддержал это движение. Кан Ювэй так уточнил свою позицию: «Я впредь не буду печалиться по поводу возможности поглощения нас иностранными державами, но очень боюсь революционной смуты. Если в дальнейшем в стране не возникнет бунт, то безразлично, какие марионетки у нас будут сидеть в правительстве – мы станем гегемоном мира; в случае же смуты при любых мудрецах погибнем, как Индия. Будет или нет у нас конституция – это дело второе, главное – разразится или нет революция в стране… Я скорее печалюсь, что введение конституции произойдет слишком быстро, а не о том, что оно замедлится. Я очень боюсь разнузданности народа».

Либеральная оппозиция и в стране, и за рубежом, таким образом, хотела уберечь Китай от революционного взрыва и от распада страны. Она организовала несколько **петиционных кампаний** за скорейшее введение конституции и созыв парламента. По всему Китаю собирались подписи, листы бумаги с собранными подписями склеивали друг с другом и заворачивали в огромные рулоны, затем грузили на телеги и отвозили в столицу. Некоторые наиболее экзальтированные учителя и шеньши подписывались собственной кровью – некий учитель Сюй написал: «Умоляю об открытии парламента, отрубил палец, посылаю». Один студент

написал кровью: «Кровь моя пусть будет содействовать учреждению парламента и установлению в стране законного образа правления». Цинское правительство, видя размах петиционных кампаний, пообещало созвать парламент в 1916 г., потом, убедившись в широком распространении оппозиционного движения, наметило это событие на 1913 г. Но оппозиция добивалась созыва парламента уже в 1911 г.

Смерть одного за другим императора Гуансюя и императрицы Цыси в 1908 г. ускорила развитие событий. Опорой деятельности либеральной оппозиции стали **Совещательные комитеты в провинциях**, которые были созданы в 1909 г**.** с согласия цинских властей и должны были подготавливать условия для введения в стране конституции и парламента. Соглашаясь на их создание, Цины хотели успокоить оппозицию и оттянуть время введения конституции и созыва парламента. Оппозиция же хотела превратить эти комитеты в органы своей власти на местах, использовать их как первый шаг к мирному переходу верховной власти в руки либералов-конституционалистов и проведения дальнейших реформ. Либеральная оппозиция стремилась к тому, чтобы не разрушая цинской монархии учредить в провинциях такие органы власти, которые защищали бы интересы торгово-промышленной буржуазии и либеральных помещиков от произвола цинских чиновников и обеспечивали бы им свободу предпринимательской и, в определенной степени, политической деятельности. Таким образом, конституционное движение стало вполне легальным. Однако попытки либералов превратить Совещательные комитеты в органы своей власти на местах натолкнулись на резкое противодействие властей и потерпели неудачу.

Умеренное крыло буржуазии – шеньши, обуржуазившиеся землевладельцы, чиновники-патриоты, учащаяся молодежь в 1905–1908 гг. организовали и возглавили так называемые «экономические» движения, целью которых было укрепление позиций нацио-

нальной буржуазии и оттеснение иностранного капитала. Они использовали широко распространенные в народных массах антииностранные настроения и направляли их в нужное для себя русло. Одним из таких движений стали **бойкоты иностранных товаров**. В 1905 г. в южных провинциях был организован бойкот американских товаров. В 1907–1908 гг. был проведен бойкот японских товаров. В 1908 г. был проведен антигерманский бойкот. Отказ покупать иностранные товары способствовал тому, что население начинало в большем объеме покупать национальную продукцию, что ослабляло иностранную конкуренцию и улучшало позиции национальных предпринимателей на внутреннем рынке.

Другим движением стала кампания **«за возвращение прав, отнятых иностранцами»,** которая позже, в 1909–1911 гг., переросла в движение **«в защиту железных дорог»** и против новых иностранных железнодорожных займов. Под «правами, отнятыми иностранцами», подразумевались монопольные права иностранных держав на строительство железных дорог, эксплуатацию шахт и рудников. Проводилась кампания за **выкуп** концессионных прав и акций. Устраивались народные сборы денег. Люди победнее складывали свои вэни в большие медные кружки, люди посостоятельнее вносили большие суммы, частично на эти цели отчислялись казенные налоговые поступления. Таким образом, буржуазия решала проблему нехватки предпринимательских капиталов политическими методами. Инициаторам движения удалось собрать достаточно средств, чтобы выкупить некоторые железные дороги, рудники и шахты. До 1911 г. иностранцам было выплачено более 9 млн. юаней в качестве выкупа. На базе выкупленных иностранных компаний создавались национальные компании – угольные, железорудные, железнодорожные и т.д. В 1905–1908 гг., благодаря этим движениям, наблюдался кратковременный промышленный подъем.

«Новая политика» Цинов

Цинский режим под давлением держав и в обстановке усиления либеральной оппозиции попытался провести серию верхушечных реформ, что было названо **«новой политикой»**. Произошла централизация госаппарата – было усилено его столичное ядро, а провинциальных чиновников отстранили от решения многих важных военных и финансовых вопросов, от контроля над почтой и телеграфом. Ослабление независимости наместников и губернаторов-китайцев, а также тот факт, что в госаппарате преобладающее влияние было закреплено за маньчжурами, усиливали борьбу между маньчжурами и ханьцами за власть. Цинский режим тем самым восстановил против себя провинциальную бюрократию, и возникла **чиновная оппозиция** Цинам. Наступление на прерогативы и тем самым на доходы местных властей нарушило в политической системе Китая традиционное равновесие между центром и периферией, между троном и бюрократией, между маньчжурами и китайцами.

Были созданы по европейскому образцу министерство иностранных дел и министерство просвещения. В 1902 г. специальный указ **снимал запрет на брачные союзы между маньчжурами и китайцами** и **отменял обычай бинтования ног у девочек**. В 1905 г. были **отменены традиционные экзамены** на получение ученых степеней. Запрещалось опиекурение. Были сделаны уступки купцам и буржуазии: **вводились лицензии** на занятие бизнесом, **создавались торгово-промышленные палаты и торговые союзы**.

В 1911 г. произошли два события, которые вызвали мощную волну протеста и послужили **поводом к началу революции**. Первое: маньчжуры произвели реорганизацию правительства – они создали «современный» **кабинет министров, который состоял из маньчжуров, забравших себе все ключевые министерства, т.е. этнические китайцы-чиновники были опять оттеснены на второй план**.

Второе: маньчжуры национализировали частную акционерную компанию по строительству железных дорог сразу в нескольких провинциях. Это был гигантский проект создания китайцами линии Чэнду–Ханькоу–Гуанчжоу. Национализация этой компании на деле, как оказалось, означала **передачу прав на строительство и управление этими дорогами банковскому консорциуму Англии, Франции, Германии и США в обмен на огромный заем от этого консорциума**. Стало ясно, что Цины открыто пошли на удушение китайского предпринимательства в интересах «заморских варваров», на предательство национальных интересов страны. Мощное движение протеста возглавила либерально-конституционная оппозиция в лице провинциальных совещательных комитетов. Для оппозиции стало ясно, что договориться мирным путем с Цинами уже невозможно. Оставался лишь силовой вариант развития событий.

Деятельность буржуазных революционеров накануне Синьхайской революции

Летом 1905 г. в Токио, в эмиграции, объединились несколько революционных организаций на основе «Союза возрождения Китая», и появилась новая партия революционеров **Тунмэнхой** (в учебниках переводится как Объединенный союз или Союзная лига). Лидер партии – Сунь Ятсен разработал программу партии, которая стала называться **«Три принципа Сунь Ятсена»** или «Три народных принципа». Этими принципами были: **национализм, народовластие** и **народное благосостояние**.

Под национализмом имелось в виду **свержение маньчжурской династии Цин и возвращение к китайскому (ханьскому) правлению**. Антиманьчжуризм был самым понятным и привлекательным лозунгом для подавляющего большинства китайцев. Национализм революционного крыла китайской буржуазии в это время ограничивался антиманьчжуризмом. Главнейшей задачей было, по

мнению революционеров, навести порядок внутри страны, т.е. свергнуть Цинов. В Декларации партии Тунмэнхой говорилось: «Китай должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы. После изгнания маньчжуров наше национальное государство возродится во всей его славе». Антиманьчжурские пассажи в документах революционеров весьма впечатляющи: «Маньчжуры заискивают только перед иностранцами, сами стали рабами иностранцев, а нас сделали рабами рабов. Они сегодня отдают наши земли одним иностранным государствам, а завтра – другим. В инцидентах простого народа с иностранцами маньчжуры не заступаются за народ даже словом, и наоборот, они убивают свой народ ради успокоения иностранцев… Маньчжуры только и просят иностранцев помочь им сохранить императорский трон, не обращая внимания на страдания ханьцев… Если мы вовремя не прогоним маньчжуров, то несколько лет спустя наш Китай целиком очутится в руках иностранцев».

Революционеры выработали особую тактику по отношению к иностранным государствам. Чтобы выполнить первоочередную задачу – изгнать из власти маньчжуров, революционеры призывали народ «ни в коем случае не разрушать церкви и не убивать иностранцев». Необходим нейтралитет иностранных государств на время революции, чтобы они не спасли вновь цинский трон. Кроме того, иностранные государства смогут помочь китайской экономике после победы революции. «Мы поднимаем революционную армию лишь для того, чтобы убивать маньчжуров, а не иностранцев, от которых будут одни неприятности. После того как мы легко завершим наше дело, мы приступим к решению дел с иностранцами, что не потребует много усилий». Таким образом, главным считалось обеспечить нейтралитет иностранных государств, их невмешательство во внутренние дела Китая.

Второй принцип – **народовластие – означал ликвидацию монархического строя правления и учреждение республики**.

Установление республиканского строя правления должно было произойти в три этапа. Первые три года страной будет управлять военное правительство, будут действовать законы военного времени, т.е. установится военная диктатура. Этот период предназначен для «искоренения пороков прошлого». Следующие шесть лет – период управления на основе временной конституции. И только после этого наступит период действия постоянной конституции. «Такое постепенное осуществление программы даст возможность гражданам нашей страны научиться пользоваться свободой и равенством», - говорилось в Декларации.

Третий принцип подразумевал постепенную национализацию земли через установление на нее единого государственного налога в зависимости от ее рыночной цены. Это была аграрная программа, по которой земля постепенно перейдет к тем, кто ее обрабатывает. Это был самый неразработанный пункт программы партии Тунмэнхой, самый непопулярный и непонятный. Забегая вперед, скажем, что в ходе революции этот пункт программы был из нее изъят.

В практической деятельности революционеры упорно продолжали неудачные попытки организации восстаний в южных провинциях страны – сам Сунь Ятсен насчитал 10 таковых попыток. Революционеры рассчитывали привлечь к антиправительственным выступлениям тайные общества, но это получалось не всегда. Особое внимание революционеры уделяли пропагандистской работе в армии, что получалось значительно успешнее.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие сферы китайской экономики контролировали иностранные державы?
2. Насколько был развит капиталистический уклад в Китае к началу XX в.?

3. Какие группы буржуазии сложились в Китае к началу XX века?

4. Как либеральная оппозиция использовала народные движения?

5. Чем занимались «Совещательные комитеты»?

6. Как формулировали свою главную политическую цель революционеры?

7. Что представляла собой первая политическая партия революционеров «Союз возрождения Китая»?

8. Какова была социальная база китайских революционеров?

9. Как трактовал Сунь Ятсен свои три принципа?

10. Какую тактику по отношению к иностранным государствам разработали революционеры?

Тема 12. СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1911–1913 гг.)

Цинский режим к 1911 г. стал враждебен для всех слоев китайского населения, он утратил поддержку даже либеральной оппозиции, до тех пор не желавшую ему гибели. И республиканцы (революционеры) – левая буржуазная оппозиция – и конституционалисты (реформаторы) – умеренная либеральная оппозиция – готовы были подняться против маньчжурского правления страной.

Революционный взрыв произошел первоначально в армии, где велась целенаправленная революционная агитация сподвижниками Сунь Ятсена. В Центральном Китае, в г. Учан, произошел стихийный бунт солдат Учанского гарнизона. Руководили этим восстанием республиканцы. Восстание тут же перенеслось в так называемое трехградье (Учан, Ханькоу и Ханьян). Было образовано новое провинциальное правительство, которое объявило Китай республикой и в своих прокламациях перечисляло все злодеяния маньчжуров за 267 лет их владычества в стране. Опасаясь вооруженной интервенции держав, республиканцы отказались от антииностранных лозунгов. В ходе дальнейшего распространения ре-

волюции новые власти на местах ввели смертную казнь за покушение на жизнь и собственность иностранцев. **Державы**, в свою очередь, учитывая антиимпериалистические настроения и рост национализма в Китае, **объявили о своем нейтралитете**.

Тем временем началась быстрая «цепная реакция» освобождения провинций из-под власти маньчжуров, восстания в армии катились из одной провинции в другую. Стала стихийно создаваться народная армия – 300 тыс. добровольцев разобрали оружие на захваченных складах. В революционную армию шли крестьяне, ремесленники, рабочие, члены тайных обществ, учащаяся молодежь. Кадровые солдаты и офицеры становились командирами. Революционеры-республиканцы назначили **Хуан Сина** главнокомандующим новой народной армии.

Через два месяца 15 провинций из 18 перестали подчиняться маньчжурской власти и оказались в огне всеобщего восстания. Напуганные маньчжуры попробовали предотвратить гибель династии новыми обещаниями: они поклялись ввести конституцию, уравнять в правах маньчжуров и китайцев. Но они опоздали. Они обратились к державам с просьбой о предоставлении им срочного крупного займа для подавлении «смуты». Державы ответили отказом, не хотели нарушать нейтралитет. Они уже увидели обреченность цинского режима и на этот раз не захотели его спасать. В Пекине началась паника среди маньчжуров, перешедшая в повальное бегство. «Восьмизнаменные» уезжали на свою родину – в Маньчжурию, к ноябрю уехало 250 тыс. человек.

Цины сделали последнюю ставку на генерала Юань Шикая, назначив его премьер-министром и командующим армии. Державы в лице Лондона и Вашингтона поддержали генерала, надеясь на то, что он подавит начавшуюся революцию. Ему дали заем в 56 млн ф. ст. на борьбу с революцией. Юань Шикай оказался фигурой, приемлемой как для цинского, так и антицинского лагерей, он вполне устраивал и державы. Парадоксальность такого положения объяснялась тем, что Юань Шикай умело балансировал между мо-

нархией и республикой, революционерами и либералами. Это был человек, любыми способами рвавшийся к власти.

В начале декабря 1911 г. было заключено перемирие между армиями – правительственной, которой командовал Юань Шикай, и народной, которой командовал Хуан Син. Китай разделился на две половины. На Юге формировалась республика, на Севере сохранялась монархия. Ни Юг, ни Север не хотели гражданской войны. Военные действия прекратились, обе стороны договорились о созыве всекитайского парламента, который должен был решить вопрос о будущей форме китайской государственности. Республиканцы готовы были предложить Юань Шикаю пост президента после отречения Цинов при условии, что он признает республику и покончит с монархией. Сам же генерал больше склонялся к конституционной монархии при номинальной власти маньчжурского императора.

В конце декабря 1911 г. в Китай возвращается Сунь Ятсен (он три месяца добирался до Китая из Латинской Америки). Он был торжественно встречен в Шанхае, а партия Тунмэнхой выдвинула его кандидатуру на пост президента Китайской республики. **Конференция представителей провинций в Нанкине взяла на себя функции национального законодательного собрания** и приступила к выборам президента. За Сунь Ятсена проголосовало подавляющее большинство делегатов, что свидетельствовало о его огромном авторитете. Было принято решение, что Сунь Ятсен будет временным президентом республики и уступит свой пост Юань Шикаю в обмен на гарантию свержения маньчжурской династии и установления ханьской республики.

1 января 1912 г. в Нанкине официально провозглашается Китайская республика. Вместо императорского флага был утвержден пятицветный флаг Китайской республики. Красный, желтый, голубой, белый и черный цвета символизировали пять основных национальностей Китая – ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэй и тибетцев. Все чиновники, офицеры, солдаты срезали

маньчжурские косы. Сохраненная маньчжурская коса осталась отныне символом преданности императору и монархии.

Сунь Ятсен формирует правительство, которое было у власти всего 40 дней. Оно выработало **Временную конституцию**. Это была по сути буржуазно-демократическая конституция. Впервые в Китае провозглашались основные демократические свободы – неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, свобода организаций, вероисповедания, места жительства, равноправие всех граждан, «независимо от расы, класса и религии», тайна переписки, предоставлялись избирательные права женщинам. Провозглашалось разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Вводилась всеобщая воинская повинность. Предусматривались выборы и постоянно действующий парламент. Запрещался традиционный обычай бинтования ног девочкам, курение опиума и маньчжурская прическа – коса.

Юань Шикай, убедившись в невозможности получить власть без отречения цинской династии, начинает переговоры с Нанкином об условиях отречения последнего императора Китая – малолетнего **Пу И**. В результате была достигнута договоренность: за Пу И сохранялся «почетный» титул императора, он получал ежегодный доход в 4 млн лянов серебра, зимний дворец в Пекине и летний дворец под Пекином, а также личную гвардию для охраны его особы. **12 февраля 1912 г.** вдовствующая императрица от имени Пу И объявляет об отречении его от верховной власти.

Таким образом, после 267 лет господства, в год ***синьхай*** по лунному календарю, рухнула власть маньчжурской династии. Это была кульминация **Синьхайской революции**. Вместе с династией Цин прекратила свое существование более чем двухтысячелетняя Китайская империя.

На следующий день после отречения Тунманхой единогласно высказывается за соглашение с Юань Шикаем, и Сунь Ятсен уходит с поста временного президента. 15 февраля **Национальное**

собрание избирает Юань Шикая новым временным президентом. Сунь Ятсен уезжает в Шанхай и становится генеральным директором железных дорог.

Либералы-конституционалисты почувствовали необходимость в сильной авторитарной власти, которая бы закрепила результаты революции и навела порядок. К этому их подталкивал начинавшийся территориальный распад: Внешняя Монголия провозгласила независимость от Пекина, Тибет оказался под полным контролем Великобритании, началась гражданская война в Синьцзяне. Начинается процесс политического размежевания.

На конец 1912 – начало 1913 гг. были назначены выборы в парламент. В связи с этим начинается активный процесс формирования политических партий. **В августе 1912г. на базе слияния Тунмэнхоя с четырьмя другими. организациями республиканцев создается Национальная партия (Гоминьдан)**. В 1912 же году появляются Партия единства, Республиканская партия, Китайская социалистическая партия. Гоминьдан повел энергичную предвыборную кампанию за победу на выборах, за созыв парламента на Юге – в Нанкине и перенесение столицы из Пекина в Нанкин.

В феврале 1913 г. Гоминьдан получил явное большинство в верхней и преобладание в нижней палате. Победа настолько вселила радужные надежды в сердца гоминьдановцев, что они объявили о формировании своего однопартийного кабинета министров. Противостоявшие Гоминьдану политические силы – либерально настроенные шеньши и землевладельцы, конституционалисты, скрытые монархисты – образовали крупную **Прогрессивную партию**. Эта партия стала опорой Юань Шикая, который стал готовиться к войне с Гоминьданом. Державы дали ему заем в 25 млн. ф. ст. Державы, а также реакционеры и либералы ждали от президента расправы с левыми республиканцами и прекращения «анархии» и «смуты». Парламентское гоминьдановское большинство

выступило против займа, но Юань Шикай пренебрег этим решением. Он встал на путь формирования авторитарной военной диктатуры. Дело шло к развязыванию гражданской войны.

Юань Шикай последовательно сокращал численность республиканских войск Юга и разоружал народную армию. В середине 1912 г. он лишил Хуан Сина сначала должности командующего войсками Юга, затем звания генерала армии. Он снял с постов губернаторов левых республиканцев. По тайному приказу Юань Шикая был убит Сун Цзяожэнь - гоминьдановец, который в качестве лидера парламентского большинства претендовал на пост премьер-министра.

Сунь Ятсен, который понял, что плоды победы Синьхайской революции могут обесцениться политикой Юань Шикая, решился на **«вторую революцию».** Летом 1913 г. преданные Гоминьдану войска на Юге Китая в составе 40 тыс. человек выступили против Юань Шикая, который бросил против них 60-тысячную армию. Однако призывы Гоминьдана к вооруженной борьбе против узурпатора власти Юань Шикая не получили широкого отклика ни у народа, ни у парламентариев, ни у рядовых членов Гоминьдана. В течение нескольких месяцев республиканский Юг был побежден. «Вторая революция» не состоялась. На этом завершились события 1911-1913 гг., которые вошли в историю как Синьхайская революция. Сунь Ятсен эмигрировал в Японию. Военная победа над Гоминьданом открыла для Юань Шикая путь к установлению военной диктатуры.

Если попытаться определить место и роль Синьхайской революции в истории Китая, то следует подчеркнуть, что **как антиманьчжурская революция она безусловно победила**. Задача свержения маньчжурской династии Цин сплотила нацию, эта сплоченность позволила добиться победы. **Впервые в Азии возникла республика.** Но если рассматривать эту революцию **как раннюю буржуазную**, то придется признать, что она как таковая **проиграла**. Буржуазия Китая, несмотря на свою политическую

активность, показала себя неспособной осознать свои интересы в решающий момент взятия власти и оказалась не у дел. **Власть перешла к милитаристам**, крупным землевладельцам и политикам правого толка – при поддержке буржуазной элиты. Умеренность и консерватизм новой власти в целом соответствовали уровню и экономического, и политического развития Китая в то время.

В 1913–1914 гг. Юань Шикай начинает разрушать республиканские институты – парламент, конституцию, систему выборов. Функции парламента он свел лишь к выборам президента. Он потребовал изменить текст конституции таким образом, чтобы в его руках сосредоточилась вся полнота власти. И в 1914 г. была срочно выработана новая конституция, которая делала президента всевластной фигурой в стране, предоставив ему огромные, практически неограниченные полномочия. Он объявил о роспуске Гоминьдана и лишил гоминьдановцев парламентских мандатов. Избавившись от парламентского большинства – гоминьдановцев, Юань Шикай парализовал работу парламента. В 1914 г. он упразднил обе палаты парламента. Все органы самоуправления на местах были распущены. Участие либералов и конституционалистов в правительстве он счел тоже излишним и отправил кабинет министров в отставку, а затем ликвидировал сам кабинет министров, заменив его послушным Государственным советом. Вводилась президентская система правления, т.е. правительство подчинялось только главе государства. Он продлил срок своих президентских полномочий до 10 лет. Устанавливалась драконовская цензура для печати.

Это был государственный переворот Юань Шикая, который означал наступление **военной диктатуры**. По сути дела, он стал некоронованным монархом, облаченным в президентские одежды, и оставался один шаг для установления новой монархии. Военные губернаторы, лидеры местных конституционалистов, главари разбойников превратились в периферийных князьков, а

подконтрольные им территории в их вотчины. **Наступал длительный период милитаризации политической жизни Китая, когда главной политической силой в стране становится армия**.

Готовясь к провозглашению себя императором, Юань Шикай стал возрождать придворные титулы времен Цинов, имперские ритуалы, восстановил архаичную экзаменационную систему для получения ученых степеней и должностей в бюрократическом аппарате. Церемония вступления на престол Юань Шикая была намечена на 1 января 1916 г. Однако армия не желала возвращения власти чиновничества – при республиканском строе каждый генерал имел шансы стать и президентом, и премьер-министром, и наместником в «своей» провинции или области. С восстановлением монархии все эти возможности исчезали.

Генералы Юга в конце 1915 г. открыто выступили против намерений Юань Шикая короноваться и начали военные действия в защиту республики (они ее называли «войной в защиту республики), которую назвали **«третьей революцией»**. К ним присоединились губернаторы и военачальники южных провинций – Гуандуна, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуани, Фуцзяни. В стране нарастает стихийный антимонархический протест. Не надо думать, что китайцы в своей массе стали в столь короткое время стойкими республиканцами – для них возвращение монархии напрямую ассоциировалось с возвращением Цинов, маньчжурского ненавистного правления. Европейские державы отнеслись к планам восстановления монархии в Китае тоже отрицательно. Они направили Юань Шикаю заявление, в котором советовали «временно отложить изменение формы правления во избежание возможных беспорядков». Юаньшикаевские генералы не желали воевать, они тоже не одобряли монархических планов своего главнокомандующего – и терпели поражения. Обстановка складывалась таким образом, что против этих планов выступили не только открытые противники

Юань Шикая, но и его верные сподвижники. Это был провал его политического курса.

Юань Шикаю удалось побыть императором всего 83 дня – с 1 января по 22 марта 1916 г., когда он вынужденно объявил о сохранении республики, а 6 июня скоропостижно умер. После этого Китай переживает монархический путч одного из генералов – Чжан Сюня – летом 1917 г. Он сам и его подчиненные демонстративно продолжали и после революции носить косу. **Летом 1917 г.** Чжан Сюнь ввел свои войска в Пекин и провозгласил восстановление монархии во главе с последним императором Пу И. Интересно заметить, что советником генерала был не кто иной, как Кан Ювэй, который видел в монархии путь воссоздания единства страны. На этот раз, после подавления путча, **республика в Китае устанавливается уже окончательно**.

Провал курса на восстановление монархии в Китае означал и провал попыток Юань Шикая сохранить единое централизованное китайское государство. **Резкое ослабление центральной власти** привело к активизации центробежных тенденций, **к захвату власти на местах милитаристскими группировками.** Крупнейшими среди них были аньхуэйская и чжилийская. Маньчжурия контролировалась мукденской группировкой милитаристов во главе с Чжан Цзолинем, ориентировавшимся на Японию. Фактически независимыми стали губернаторы провинций Шаньси, Шэньси, Юньнань, Гуанси. Между ними завязалась борьба за политический и военный контроль над территориями и налогами. Эти милитаристские вотчины опирались на военную силу – у всех была своя армия. Президентом после Юань Шикая стал Ли Юаньхун, который в своей политике руководствовался интересами южных милитаристских группировок, а премьер-министром стал Дуань Цижуй, который выражал интересы северной (бэйянской) группировки. Таким образом, даже в центральной власти не было единства.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как менялось соотношение политических сил – республиканцев и конституционалистов – в ходе Синьхайской революции?
2. Когда была провозглашена республика в Китае?
3. Когда Цины отреклись от власти?
4. На каких условиях произошло отречение Цинов от власти?
5. Как звали последнего императора Китая?
6. Когда создается партия Гоминьдан? Что означает «гоминьдан»?
7. Какую политику проводил Юань Шикай, став президентом?
8. Почему потерпела поражение «вторая революция»?
9. В чем была суть «третьей революции»?
10. Синьхайская революция победила или проиграла?
11. Как вы думаете, почему национальная буржуазия не смогла придти к власти и удержать ее?
12. У кого в руках оказывается власть после революции?

Тема 13. КИТАЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Уже 6 августа 1914 г. китайское правительство заявило о своем нейтралитете, надеясь на то, что воюющие державы не будут вести военные действия на китайской территории. Но Япония, вступив в войну на стороне стран Антанты против Германии и воспользовавшись занятостью западных держав войной в Европе, высадила экспедиционный корпус в провинции Шаньдун, чтобы вытеснить немцев из Китая и захватить их владения.

В январе 1915 г. Япония предъявила Юань Шикаю так называемое 21 требование. В мае 1915 г. его правительство приняло унизительные и грабительские японские требования в расчете на поддержку Японией монархических планов Юань Шикая. В стране начались массовые демонстрации и митинги протеста, бойкот японских товаров. Таким образом, антияпонская патриотическая

кампания стала еще одной причиной противодействия замыслам Юань Шикая вернуть монархию.

Летом 1917 г. Сунь Ятсен появился в Гуанчжоу. Здесь собрался «старый» парламент, объявил о создании Военного правительства во главе с Сунь Ятсеном, которому было присвоено звание генералиссимуса. Он попытался было, заручившись поддержкой южных милитаристов, использовать их для решения задачи объединения страны. Было даже объявлено о начале северного похода. Но реальной власти и реального влияния у Сунь Ятсена уже не было. Осознав это, он был вынужден выйти из правительства, покинуть Гуанчжоу и возвратиться в Шанхай. У северных милитаристов тоже не хватило сил для подчинения Юга, поскольку между ними начались распри. К концу мировой войны борьба милитаристских клик не привела ни к какому позитивному результату – она зашла в тупик. Милитаристские режимы превращались в объекты манипулирования держав и воспринимались китайцами как источник национального унижения и главное препятствие на пути объединения и возрождения страны.

В период Первой мировой войны в Китае сложилась необычайно **благоприятная экономическая конъюнктура**. Наступило так называемое «золотое время» с 1915 г. по 1919 г. Это время называли еще «славным периодом», «невиданным расцветом». Синьхайская революция подготовила почву для периода процветания – без этого события обуржуазившиеся шеньши и китайские предприниматели не смогли бы столь эффективно использовать благоприятные условия для своей активной экономической деятельности. Мировая война неожиданно помогла китайской торговой и промышленной буржуазии в том плане, что Англия, Франция и Россия, поглощенные войной в Европе, ослабили экономическую экспансию в Китае. Германия практически удалилась из Китая. Почти прекратившийся ввоз товаров в Китай - товарный голод - способствовал быстрому самостоятельному развитию националь-

ного капитализма, хотя техническая база для его развития оставалась нищенской – не хватало машинного оборудования, инструментов. Было построено 675 новых предприятий. В то же время возросла заинтересованность мирового рынка в китайском сырье. Количество угольных шахт увеличилось вдвое. Подъем этих лет иногда именуют «промышленной революцией». Купеческий капитал устремился в промышленность. Антияпонский бойкот 1915 г. и движение «поддержки отечественных товаров» принесли дополнительные доходы китайской буржуазии.

Начиная с 1916 г. Япония становится основным импортером Китая. Она ввозит в Китай хлопчатобумажные ткани, пряжу, сахар, бумагу. Вторжение японского капитала на место германского, полоса займов 1917 г. усиливают финансовую зависимость Китая от Японии. **Стремительный рост японского торгового и предпринимательского присутствия в Китае** сократило поле деятельности китайской национальной буржуазии.

В смутные годы Первой мировой войны возник своего рода **«политический вакуум»**, когда политическая деятельность и радикальных, и умеренных сил была неспособна стать реальной альтернативой силе милитаристов. Но эти силы подспудно созревали для своего активного проявления в послевоенные годы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как Япония укрепила свои позиции в Китае в годы Первой мировой войны?
2. Почему годы Первой мировой войны стали «золотым временем» для национальной буржуазии?
3. В чём проявлялся «политический вакуум» в Китае в годы войны?

Раздел 3. ЯПОНИЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX в.

Тема 1. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ЯПОНИИ ЭПОХИ ТОКУГАВА

К началу XVII века подходит к концу так называемая «эпоха воюющих провинций» – эпоха непрерывных войн вассалов сёгуна против него и между собой. Князья «воюющих провинций» начинают осознавать необходимость объединить страну, поскольку междоусобные войны, сопровождавшиеся крестьянскими восстаниями, ослабляли государство и тем самым угрожали самому его существованию.

Инициаторами объединения страны стали князья о-ва Хонсю – **Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси** и **Токугава Иэясу**. Первый из них подчинил себе около половины территории страны в 70–80-е гг. XVI в., применяя коварные методы, не щадя ни родственников, ни свойственников, ни соседей. Ода Нобунага ненавидел буддистов и делал все, чтобы избавиться от них и их притязаний на власть. Он действовал огнём и мечом: в 1571 г. более 400 храмов и святилищ, полторы тысячи монахов исчезли в гигантском пожаре, в котором фактически сгорело тысячелетнее политическое могущество буддизма. Ода Нобунага умер во время одного из своих походов.

Хидэёси, его ближайший сподвижник, соратник, продолжив начатое дело объединения страны, стал сёгуном в 1585 г. и издал указ о прикреплении крестьян к земле и норме подати: отныне крестьянин имел право не более чем на одну треть урожая, а князь – не менее чем на две трети. Закрепощение крестьян сопроводилось **указом 1588 г. об изъятии у крестьян оружия** – отобранные мечи и кинжалы надлежало использовать для изготовле-

ния гвоздей и заклепок статуи Великого Будды. Простолюдинам было строго запрещено владеть оружием, которое после многовековых войн имелось в каждом доме. Началась так называемая «охота за мечами».

Хидэёси был незаурядной личностью и установил для себя такие правила: «Важные дела решать на большом совещании, небольшие – с участием двух-трех человек. Ничего чрезмерно не откладывать. Не брать взяток. Не заводить ни друзей, ни врагов. Не благоволить богатым, не презирать бедных». Он поощрял развитие торговли и ремесел, но строго контролировал связи с иноземцами и ввел особые лицензии для торговых судов. **В 1587 г. Хидэёси издал закон о запрещении христианства** и выдворении из страны 120 священников-иезуитов. Одной из причин такого отношения к христианству был доклад о высказывании некоего лоцмана испанского корабля, касавшегося причин успехов Испании в овладении обширными колониями: «Сначала к вам пришли миссионеры, а потом придут солдаты короля…».

Смерть Хидэёси в 1598 г. стала сигналом для новой вспышки междоусобной борьбы. Токугава Иэясу **в битве при Сэкигахара в 1600 г.,** оказавшейся решающей в борьбе за объединение страны, одержал победу над соперниками в борьбе за власть и над противниками объединения страны. В этой битве он использовал лазутчиков-«невидимок» – **ниндзя**. Это были профессиональные разведчики. Одетые в черные балахоны, вооруженные крюками с веревкой, они могли, забросив крюк на стропила дома, мгновенно забраться под крышу и сидеть там незамеченными, если нужно, часами. К рукам «невидимок»-ниндзя были привязаны металлические пластины для отражения ударов меча. У них были бамбуковые трубки с раструбом на конце – для подслушивания – и ружья с отравленными стрелами.

В 1603 г. дом Токугава захватил власть над всей страной. Токугава Иэясу стал сёгуном. Как говорили японцы, «Нобунага

муку смолол, Хидэёси тесто замесил, Иэясу пирог испек». Наступила эпоха «Великого мира» или «Великого спокойствия» (Тайхей). Было создано централизованное государство. Токугава правили Японией до 1868 г., когда произошел государственный переворот и вместо сёгунов страной стали править императоры. Время политического господства дома Токугава получило название «периода Эдо» (новой столицей при Токугава стал г. Эдо, переименованный в 1868 г. в Токио).

В период правления династии Токугава **император был по-прежнему отстранен от политических дел (императоры не правили страной с XII в.)**, жил в своей столице – Киото – на деньги, предоставляемые сёгуном, общался только с родственниками и обслугой и не имел права выезжать за пределы своего дворца. В 1615 г. были изданы Правила, первая статья которых указывала монарху, как ему следует проводить свое время: «Небесный Владыка должен заниматься искусствами, первым из которых является ученость». **Своеобразное двоевластие сосредоточивало фактическую власть в руках сёгуна и сакральную, духовную, власть – у императора**. Сёгуны формально постоянно подчеркивали религиозный авторитет императора и говорили о том, что сами они получили санкцию на власть от самого императора.

Токугава Иэясу оказался не только талантливым полководцем, но и умелым политическим организатором. Главной целью его внутренней и внешней политики стало сохранение единства стран, доставшегося пролитием крови тысяч людей. В 200 княжествах их правители оставались полными хозяевами в пределах княжеств, но центральное правительство (**бакуфу** – «правительство из военной палатки») взяло на себя право контроля над ними. Была юридически узаконена (в 1634 г.) существовавшая с XV в. **система заложничества**. Суть ее сводилась к тому, чтобы не допустить снова распада страны и усиления князей, особенно на южных островах. Сильных феодалов задерживали под всякими предлогами в столи-

це, поручая им строительство храмов, замков, дорог, тем самым ослабляя их экономически, а затем правительство распорядилось поселять в столице семейства сильных южных князей, которые становились, таким образом, заложниками в его руках. Любое ослушание беспощадно подавлялось.

На протяжении полувека сформировался новый режим.

Социальный портрет традиционного общества эпохи Токугава

Для того чтобы было легче держать под контролем все население, японское общество при Токугава было четко разделено на сословия: **си, но, ко, сё**. Отныне нельзя было переходить из сословия в сословие, принадлежать одновременно к крестьянскому и военному сословиям. Тем самым была закреплена принадлежность к какому-либо одному сословию. «Миллионы японцев в это время были замкнуты в миллионы индивидуальных коконов. Каждый, находясь в своей маленькой комнатке, был отделен от других высокими стенами. Раздел общества на воинское, крестьянское, ремесленное и торговое сословия сдерживало общение людей в предписанных рамках», - пишет японский историк.

Верхнее, элитарное сословие было военным сословием самураев – **си**. Состоятельные самураи-землевладельцы – **даймё** (князья, в буквальном переводе «большое имя») по введенному в 1617 г. правилу, получая свой титул даймё, должны были приносить клятву верности дому Токугава. Даймё признавался собственник, обладавший доходом не менее 10 тыс. коку (мера риса, примерно 180 л) риса в год. Их владения могли быть конфискованы, перераспределены. Даймё подразделялись на две неравные группы: **фудай даймё** (внутренние князья) и **тодзама даймё** (внешние князья). Первые занимали особое положение при сёгуне, ибо это были его самые преданные сподвижники в борьбе за власть, ближайшие вассалы. Они селились вблизи Эдо, как бы окружая и защищая

сёгуна. Вторые – их называли еще «посторонние князья» – не были связаны с Токугава прямым вассалитетом. Они жили вдалеке от Эдо, и именно от них могла исходить опасность неподчинения, угроза единству страны. Особый слой чиновников-самураев **хатамото** («знаменосцы») находился в непосредственном подчинении правительству. Это были самые привилегированные самураи. Менее привилегированное самурайство служило в сёгунском войске. У каждого князя была своя самурайская дружина, предназначенная для подавления крестьянских восстаний. Рядовые самураи-дружинники были вассалами князей.

Власть нового режима покоилась на сочетании военной мощи с активной законодательной деятельностью. Была создана сложная бюрократическая система, которая помогала сёгунату поддерживать мир и порядок. **Основными функциями высшего слоя самураев были управленческая, военная и культурная**. Для самураев XVII столетия легендарные подвиги на полях кровавых сражений остались в прошлом. В течение одного-двух поколений самураи трансформировались из свирепых воинов в компетентных и умелых гражданских управленцев. Поскольку Япония отныне вступила в длительный период мира – и внутреннего, и внешнего, военная функция высшего сословия ограничивалась полицейской функцией подавления беспорядков, личной охраной князей, участием в парадных процессиях. Длинный меч, предназначенный для военных походов, превратился в изящно украшенное декоративное оружие. Короткий меч, предназначенный для исполнения традиционного ритуала самоубийства (**сэппоку или харакири)** продолжал активно использоваться. С конца XVI в. самураи получили право опробовать фамильный меч на голове любого простолюдина.

При Токугава на первый план вышли гражданские обязанности самураев. В предписаниях от 1615г. предназначение самураев при новом режиме определялось сёгунатом так: «Самым прилежным образом следует изучать книги и боевые искусства, в том числе

такие, как стрельба из лука и верховая езда». Как видим, «книги» поставлены на первое место – самураи должны были быть, в первую очередь, грамотными, образованными чиновниками, а потом уже военными людьми. Культурная функция была одной из важнейших, поскольку самураи были самыми образованными и любознательными людьми в Японии. Они не только прекрасно знали историю живописи, литературы, но и сами непосредственно участвовали в культурном процессе: они писали книги, стихи, картины. Они знали легенды и мифы, которые передавали последующим поколениям. Они проявляли живой интерес к чайной церемонии, к философии Дзэн. Таким образом, самураи были трансляторами культурного наследия предков новым поколениям.

Самураи руководствовались неписаным кодексом чести, нравственных норм, поведения – **«Бусидо»**, или «Путь воина», где основными были две идеи: **идея смерти и идея беспрекословного послушания господину.** Самурай должен был просыпаться и засыпать с мыслью о смерти. Он должен был натренировать свою психику таким образом, чтобы встретить свой смертный час с ледяным равнодушием. В «Начальных основах воинских искусств», сформулированных в ранний период правления дома Токугава, говорилось: «Если самураю случится проиграть бой и он должен будет сложить голову, ему следует гордо назвать свое имя и умереть с улыбкой без унизительной поспешности». Буддистское равнодушное отношение к смерти как естественному приятию небытия, отношение к жизни человека как к краткому пребыванию на земле в бесконечной цепи перерождений самураи превратили в культивирование сверхчеловеческого бесстрашия. В идеале самурай должен был быть неким сверхчеловеком: все естественные человеческие чувства отходили на задний план, душой самурая становился меч, постоянным занятием – боевые искусства, так же, как и тем не менее изящная словесность, живопись, философия: «Обладающий лишь грубой силой не достоин звания самурая. Не

говоря уже о необходимости изучения наук, воин должен использовать досуг для упражнений в поэзии и постижения чайной церемонии» («Начальные основы воинских искусств»).

Один из популярных авторов XVII в. Ямаго в своих книгах «Сущность учения воина» и «Путь самурая» переработал кодекс поведения самураев. Он искал и нашел ответ на вопрос, что должен делать самурай, чтобы оправдать свое существование в мире, в котором не надо больше сражаться, но и нельзя становиться ремесленником или торговцем. Ямаго счел, что с приходом в страну эпохи Великого спокойствия самураи должны стремиться превзойти конфуцианских мудрецов древности и стать лидерами нации в области морали и политики. Чтобы добиться этого, они должны посвятить себя «изучению книг», а также заниматься музыкой, поэзией и другими искусствами, как это делали древние китайские ученые. **Идея верности господину** породила распространенный обычай – смерть «вслед за господином». В 1661 г. с собой покончили сразу 26 самураев, и сёгунат, сожалевший о потере лучших вассалов, запретил следовать этому обычаю. Однако этот запрет не соблюдался.

В целом кодекс бусидо сводился к пяти ключевым установкам, которые вписывались в догмы конфуцианской морали: верность, вежливость, мужество, правдивость и простота. Конфуцианство являлось морально-этической основой бусидо; буддизм помогал воспитывать равнодушие к смерти; синтоистские культы императора, природы, предков взращивали у самураев особо острое чувство патриотизма, принадлежности к японской нации. «Дух бусидо» – это умение терпеть и рисковать, самообладание, это традиция воспитания, которая жива до сих пор.

Самураи осознавали и подчеркивали свою элитарность. Была распространена поговорка: «Что сакура среди деревьев, то самурай среди людей». Им запрещалось вступать в браки с выходцами из других сословий. Если самурай лишался господина, он превра-

щался в **ронина** («скитающийся человек»). Таковых в Японии насчитывалось несколько сотен тысяч человек, и они представляли серьезную опасность для властей, поскольку были вооружены и инициировали или готовы были участвовать в любом антиправительственном выступлении, в крестьянских и городских восстаниях, устанавливали контакты с иностранными миссионерами.

У самураев были исключительные привилегии – только им разрешалось иметь фамилии и только им разрешалось носить оружие.

На второй, почетной, ступеньке социальной иерархической лестницы располагались земледельцы – **но**, сюда входили (как и в Китае) и крестьяне, и землевладельцы-князья. Деревни были разделены на пятидворки и десятидворки, во главе которых стояли самые зажиточные крестьяне – старосты. Они должны были регулярно собирать ренту-оброк с крестьян и следить за соблюдением правительственных распоряжений. Отличительной особенностью Японии было то, что в стране существовал довольно мощный слой самостоятельных крестьян – семейный клан имел право владеть землей из поколения в поколение, но покупать или продавать землю запрещалось: «Продажа и покупка земли навечно запрещаются», – говорилось в «Записях пятидворок».

В 40-е гг. XVII в. появились законы, определявшие поземельные отношения, повинности и обязанности крестьян. По одному из них разрешался заклад земли сроком на 10 лет и не разрешалось продавать или покупать землю. По другому закону запрещалось дробление участков между наследниками – весь участок целиком переходил старшему сыну. Этот запрет объяснялся тем, что участки крестьян были слишком малы, и дробить их не имело смысла. Был закон, запрещавший крестьянам заниматься дополнительными промыслами, чтобы они не отвлекались от земледельческой работы: «Крестьяне должны жить так, чтобы и днем и ночью радеть о своей крестьянской работе». Подать платили рисом, овощами и деньгами. С XVIII в. очередность содержимого податей меняется: деньги, рис, овощи.

Жизнь японского крестьянина регламентировалась законом до мельчайших деталей. Ему предписывалось есть меньше риса и больше пшеницы, проса и картофеля-батата. Крестьянам, проживающим в районах рисовых полей, иногда разрешалось есть рис, но только в виде каши, смешанной с другими продуктами. «На свадьбах нельзя роскошествовать. Какой бы ни был праздник, следует угощать просто. Даже на таких праздниках, кои бывают нечасто, раз в жизни, все равно подавать не больше чем один суп и три перемены вторых». Крестьянам запретили употребление сакэ, чая, они не могли носить украшения, принимать гостей. Жили крестьяне впроголодь, и государственные мужи считали это нормой. Токугава Иэясу приписывают слова: «Крестьяне, что кунжутное семя, – чем больше жмешь, тем больше выжмешь». Запрещалось строить дома больше и выше определенных законом. Запрещались развлечения: «Строжайше запрещаются какие бы то ни было состязания и азартные игры…строго запрещаются марионетки, борьба сумо и другие зрелища. Нельзя устраивать представления кабуки (театр песни и танца), дзёрури (кукольное представление на историческую тему, сопровождающееся игрой на сямисэне, национальном музыкальном инструменте)…Нельзя оставлять в деревне блудниц и всех прочих гулящих женщин. Нарушителей неизменно привлекать к ответственности». В каждой деревне имелся специальный ящичек (якусё) для доносов на соседей. Доносить следовало тайно, анонимно. Доносительство было нормой. У крестьян было только личное имя, фамилии разрешалось иметь только самураям. Им предписывалось носить одежду только из хлопка. Многие шили одежду из волокон конопли, льна или китайской крапивы.

Со временем налоговое бремя становилось все тяжелее, поскольку пятидворки вынуждены были платить налоги за беглых крестьян, за престарелых, больных. Если случался пожар и податной рис оказывался уничтоженным, его не списывали, а прибавля-

ли к налогу следующего года. Если в конце XVII в. размер податей был таков, что в распоряжении крестьян оставалось в среднем до 60–70% урожая, то во второй половине XVIII в. эта доля сократилась до 40–50%, а в отдельных районах – до 30%. Вводились новые, иногда экстраординарные налоги: на пруды, ореховые деревья, окна и двери в домах и т.д. Убийство новорожденных, особенно девочек, было достаточно распространенным явлением и никак не наказывалось. Это объяснялось тем, что крестьянские семьи часто были не в состоянии прокормить «лишних» детей.

Японские крестьяне отличались невероятным смирением и покорностью, и если уж они восставали, это означало, что они доведены до крайнего отчаяния. Крестьянский бунт выглядел таким образом: жители деревни выбирали вожака, которым, как правило, становился самый уважаемый и авторитетный крестьянин - староста деревни, и шли, вооружившись бамбуковыми палками, к замку феодала. Господин чаще всего шел на уступки, но предводителя восстания при любом его исходе казнили – в назидание остальным.

Голод или его угроза часто посещали деревни. За столетие с 1690 по 1790 г. страну 13 раз охватывал голод, что становилось общенациональной трагедией. В 1787 г., самом голодном, люди питались только травой, корнями и корой деревьев. К этому добавлялись частые природные бедствия: наводнения, землетрясения, извержения вулканов, цунами, налеты саранчи, бесконечные эпидемии чумы и оспы – на период Эдо пришлось не менее ста пятидесяти эпидемий. В демографическом плане в Японии столетиями не прирастало население, а к концу XVIII в. из состава налогооблагаемых крестьян выбыло почти 10% населения страны.

Третье и четвертое сословия объединялись в одну категорию «горожане». В больших городах они были так перемешаны, что трудно было определить, к какому сословию относится человек. Японские ремесленники – **ко**, занимавшие третью ступень в социальной иерархии, пользовались уважением в традиционном

обществе, ибо считались людьми полезными. Ремесленники в Японии предпочитали работать с глиной, бумагой, деревом – самым доступным сырьем. Они были организованы в цехи – дза. Правительство строго регламентировало деятельность цехов и облагало их тяжелыми налогами. В первую очередь ремесленники должны были обслуживать воинов в призамковых городах: любая работа откладывалась, когда поступал заказ из замка.

Ремесленники подразделялись на тех, кто имел собственные мастерские – к ним приходили заказчики, и тех, кто были вынуждены ходить на работу в чужие мастерские. Были и странствующие ремесленники – резчики, добытчики лака из лакового дерева, варщики сакэ, которые ходили из деревни в деревню. В период правления Токугава деревенские мастерские могли предложить широкий выбор изделий – от шелка и хлопковых тканей до соломенных шляп, бумаги, татами, древесного угля, инструментов и гвоздей, лака и посуды. Подобные предприятия организовывали и возглавляли ремесленники и городские торговцы. Это уже было не обычное домашнее производство, при котором семьи сами себя обеспечивали одеждой, орудиями труда и всем необходимым для повседневной жизни и выручали от частичной продажи своих изделий не больше, чем необходимо для поддержания жизни своих семей. Сельское промышленное производство росло очень быстро – настолько быстро, что, как полагает американский историк Джеймс Л. Мак-Клейн, можно говорить о протоиндустриализации японской экономики, когда происходила коммерциализация сельского производства, и ремесленники рисковали своим капиталом, вкладывая его в производство товаров, предназначенных для отдаленных рынков. Особенно прибыльной формой протоиндустриальной деятельности стало производство шелка. В XVIII столетии появились крупные шелкопрядильни, большие мастерские по изготовлению хлопчатобумажных тканей. Деревни стали превращаться в небольшие городки и начинали играть роль производственных, торговых и транспортных центров.

Торговцы – **сё**, стоявшие на нижней ступеньке иерархии сословий, терпели пренебрежительное отношение как правительства, так и остальных сословий. На протяжении всей эпохи Токугава власти недолюбливали купцов, а с течением времени все больше опасались их экономического могущества. Купца считали паразитом, не вносящим вклада в экономику, поскольку он зарабатывал себе на жизнь лишь за счет манипуляций с товарами, сделанными другими людьми. Экономическая сила режима Токугава была тем не менее именно в городах и купечестве. Живущие благодаря прибыли от торговли и ростовщичества купцы стали кредиторами и людей высокопоставленных, и простых. С ходом времени купеческое сословие укреплялось и росло, обретало влияние и власть. Профессия ростовщика-менялы была чуть ли не главной в купеческих кругах Японии. По мере роста процветания купцов всё больше самураев беднело, и состоятельные торговцы превращали всё большее количество самураев в беспросветных должников. К XIX в. становится больше смешанных браков, а «самурайский меч обменивается на мешок с деньгами».

Торговля и ремесло в XVII в. в больших городах подчинялись непосредственно центральному правительству и управлялись специальными градоначальниками. Самыми крупными городами были **Осака, Киото и Эдо**. Осакские купцы, однако, были настолько сильны и практически самостоятельны, что сложилась поговорка: «Если осакские купцы рассердятся, задрожит вся Япония». Торговля чаще всего была семейным делом – в Японии насчитывалось около 10 тыс. торговых домов, среди них только 15 были крупными клановыми домами.

Кальмары, угри и осьминоги, сардины и макрель, рис и ячмень, сахар, соль, уксус и соевый соус, ревень, турнепс и корень лотоса, мандарины и хурма, чай и сакэ, тонкие шелка и прочные хлопковые ткани, обувь, зонтики, дождевики, заколки для волос, инструменты и материалы для строительства новых домов и ремонта ста-

рых, книги и гравюры, сосуды, котлы, лакированные чашки и палочки для еды – этими товарами были завалены городские рынки в конце XVII столетия.

Как и остальным сословиям, торговцам приходилось соблюдать ограничения: им не разрешалось строить большие дома, их трапеза должна была соответствовать их статусу – один вид супа, три салата, два графина сакэ, рис, маринованные овощи и чай со сладостями. Им разрешалось носить одежды из однотонных неокрашенных шелковых и хлопчатобумажных тканей. Торговцев называли не по фамилии и не по имени, а по названию лавки или товару, который он продавал, например Табакоя Сичибеи означало «табачник Сичибеи».

За рамками четырех сословий находились парии японского традиционного общества, которых называли сначала **«эта»** («много грязи») и **хинин** («нечеловек, нелюди»), позже – **«буракумин»** (от слова «бураку» – поселение). Это было дно общества, самые бесправные японцы. Вплоть до 1871 г. они были лишены всех гражданских прав. «Эта» занимались «нечистыми» профессиями: обработкой кож, уборкой нечистот, захоронением трупов, акушерством, актерством. Убой скота, выделка кож и употребление мяса в пищу делало этих людей практически кастой неприкасаемых. Это можно объяснить влиянием буддизма, очень распространенного в традиционные времена в Японии и, как известно, запрещающего убивать живых существ и потреблять мясо в пищу. В соответствии с буддийскими и синтоистскими представлениями (культ чистоты, самыми грязными в синто считались кровь и трупы) эти люди считались «осквернеными» своими занятиями, связанными с грязью смерти и крови. Это была самая презираемая группа японского населения.

«Хинин» отличались от «эта» тем, что это были «обычные» японцы, которых переводили в парии в виде наказания за какие-либо проступки. Такое наказание воспринималось ими как более

страшная кара, чем смертная казнь. Сюда переводились воры, бандиты, участники восстаний, бродяги, пьяницы, девушки, бежавшие из публичных домов, и те, кто пытался покончить жизнь самоубийством. Для властей такие переводы были **способом смягчения социальных проблем в государстве**.

Парии селились отдельно от остальных, в особые поселки (бураку) на окраинах городов, поселков, деревень, которые они не имели права самовольно покидать. Принадлежность к категории париев была наследственной. За ними велся неусыпный контроль. Поскольку «эта» занимались крайне необходимыми видами деятельности – изготовляли обувь, воинские доспехи, конскую сбрую, барабаны, они были полезны обществу. Им вменялось в обязанность тайно следить за подозрительными людьми, их назначали для осуществления ареста, конвоирования, охраны и казни преступников. Эти люди были обречены на положение отверженных по рождению, у них не было шансов изменить свою судьбу. «Хинин» в очень редких случаях могли покинуть ряды париев, занявшись каким-либо ремеслом.

Закон предписывал в качестве обязательного знака отличия париев от остального населения иметь пришитый к одежде на груди кусок неотделанной шкуры мехом наружу размером 17×17 см, а ночью носить специальные фонарики или колокольчики. При встрече с «нормальными» людьми они не смели смотреть им в глаза, что считалось вызовом и грубостью, а должны были униженно кланяться и падать ниц. Внешне они отличались от остальных жителей тем, что коротко стригли волосы, а не собирали их в «хвост».

Несмотря на то, что японцы были разделены сословными перегородками, они жили в одной политической системе, в объединенной стране, они исповедовали одну религию, разговаривали на одном языке, они ели одинаковую пищу. Их объединяла материальная и духовная культура. Японцы ощущали себя единой нацией.

Духовный портрет традиционного общества Японии

Поскольку Япония сотни лет заимствовала китайский образец в материальной, политической и духовной культуре, философские и этические учения Китая проникли в страну и прижились в ней. Конфуцианство стало политической, государственной идеологией Японии. Буддизм пришел в Японию из Китая и японизировался, став дзэн-буддизмом. Даосизм оказался ближе всего исконно японской религии – **Синто**. Для японцев, так же, как и для китайцев, было характерно отсутствие религиозного фанатизма, они были так же открыты для восприятия разных учений, приходящих извне.

Постепенно сложился синто-конфуцианский, синто-буддийский и синто-даосский синкретизм. **Синто считается религией, которая делала японцев японцами**. Сётоку Тайси, основатель Японского государства, сравнивал синтоизм с корнями, конфуцианство – со стволом и ветвями, буддизм – с цветами. По его разумению, синто являлось душой и сущностью страны.

Синто – древняя, языческая религия японцев. Она возникла и развилась в Японии вне китайского влияния. В переводе синто означает «путь богов». Смысл синтоизма состоит в утверждении самобытности древней истории Японии и божественного происхождения японского народа. Считается, что император – потомок духов неба, что он произошел непосредственно от главной богини пантеона синто – Аматэрасу, а каждый японец – от духов второго разряда – «ками». По вере японцев, мир населен мириадами ками, которые живут в камнях, воде, деревьях и т.д. Есть даже абстрактные ками – ками гнева, печали, радости и т.д. Особо набожные японцы полагали, что после смерти они станут одними из них. Синтоистами японцы являются по рождению, это сугубо японская религия (когда американские миссионеры пытались выспросить у японцев, как чужеземцу можно стать синтоистом, японцы несказанно удивлялись самой постановке вопроса). Боги синто, ками

породили не людей вообще, а только японцев. Синто – это национальная мифология. Самые старые тексты датированы VIII в. «Кодзики» и «Нихонги» – это рассказы, мифы, легенды, центральным персонажем которых является богиня солнца Аматэрасу.

В синто четыре культа: культ императора, культ предков, культ природы и культ чистоты.

Культ императора подразумевал тот факт, что главным сакральным и харизматическим персонажем синто является император. «Династии императоров предназначено повелевать нацией бесконечно до конца времени, пока мир будет существовать. Таков наш Путь», – писал Мотоори Норинага (1730–1801), один из японских мыслителей, который усиленно пропагандировал идею **тэнно** – идею непрерывности императорской династии. Хотя император с XII в. не обладал реальной административной, военной и политической властью, он оставался номинальным главой государства. Сёгуны называли себя представителями императора. Считалось, что боги создали священное императорское семейство, и, какими бы ни были конфликты и войны, божественная добродетель императорской семьи была неприкосновенна. Император в душах японцев оставался на первом месте, они ему поклонялись. У него был непререкаемый культурный и религиозный авторитет. Император, или **микадо**, как его называл народ, по своему божественному происхождению состоит в родстве со всем народом, он – глава нации-семьи. Символами императорской власти были зеркало, меч и яшма.

Культ предков подразумевал непрерывную связь между поколениями и почитание всех прародителей, независимо от того, чем они занимались и чем прославились или проштрафились. Каждый ребенок в традиционной семье знал по имени десяток последних ушедших из жизни родственников. По вере японцев, души ушедших оставались с ними и участвовали в их жизни. Они с ними советовались, посвящали их в семейные проблемы, разговаривали с ни-

ми. В синтоистском храме поминали предков – не только свою родню, но и выдающихся самураев, императоров, народных героев.

Культ чистоты подразумевал физическую чистоту и чистоту помыслов японцев. Японская чистоплотность поражала первых европейцев, которые оказывались в Японии. Более того, имеются сведения, что именно японцы приучили христианских миссионеров умываться каждое утро. Миссионеры признавали неоспоримое превосходство японцев над европейцами в таких вопросах, как чистота и организация быта. У японцев было инстинктивное отвращение к любому посягательству на целостность тела, в частности к виду крови, текущей из раны. **Кровь считалась самым грязным веществом, оскверняющим японца**. Описаны случаи из XIX в., когда японские рабочие отказывались работать на стройке, где произошла кровавая драка и следы крови были на досках, земле. Вид израненного, страдающего тела Иисуса Христа, изображенного на распятии, был для японца, вежливо слушавшего проповедника, невыносимо отвратительным. **Понятие «нечистого» связывалось и со смертью, видом трупа**. Всякое «нечистое» могло и должно было быть очищено. Необходимо было проводить в синтоистских храмах особый ритуал очищения. «Очищение» имело более широкий смысл, чем физическая чистота. Благодаря ритуалам очищения японцы приспосабливали, адаптировали все новое, что входило в их жизнь, в том числе все приходившее от заимствований с Запада. Надо было «очистить», сделать своим все, что было полезно для Японии и японцев. Благодаря этому **японцы оказывались способными принять модернизацию после того, как все, с ней связанное, было очищено, скорректировано, согласовано с японской традицией.** Чистота помыслов, души была не менее важна для японца. Он старался отогнать от себя губительные эмоции гнева, печали, ненависти. Это можно назвать экологией души.

Культ природы основан на представлении, что все сущее является результатом саморазвития мира: мир появился сам по себе,

а не по воле какого-то верховного существа, как это представляется в христианстве или исламе. Он хорош и совершенен. Природа гармонична и совершенна, а человек – часть природы, он должен вписываться в нее, не причиняя ей вреда. Многие японские праздники связаны с любованием природой – например, цветением сакуры, цветением сливы, появлением первого снега, красных листьев клёна.

Связь между человеком и природой в Японии проявлялась в пристальном, ритуальном, даже в некоторой степени одержимом интересе ко времени года. Природа воспевалась в традиционной литературе – 90% стихов посвящены ей. Сюжетами многочисленных гравюр были восход и заход солнца, горы, покрытые снегом, долины, залитые солнечным светом, цветы вишни, сливы, лотоса. Художник Хокусай написал «36 видов Фудзи», изобразив этот японский символ красоты природы в различные времена года и время дня. В каждом традиционном жилище было отведено специальное место для букета цветов, который менялся вместе с временем года. Развился особый вид искусства – икебана. Считалось, что синтоист должен обладать умением извлечь радость души от любования самым малым цветком, самой невзрачной веточкой. Природа утешала, гармонизировала, но она и научила японцев, внимательных ко всем проявлениям природы, быть умелыми земледельцами.

Синто – это форма традиции, это не только и не столько религия, сколько особый тип мировидения и миропознания, ощущения себя в мире, понимания этого мира и своего естественного места в нем.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Кто боролся за объединение Японии?
2. Когда дом Токугава захватил власть над всей Японией?
3. Как распределялась власть между сёгуном и императором?
4. Зачем властям Токугава понадобилась система заложничества?
5. Чем отличались друг от друга фудай-даймё и тодзама-даймё?

6. Какие функции выполняли в государстве самураи?

7. Какие две идеи были главными в «Бусидо»?

8. Какие запретительные законы действовали в японской деревне XVII в.?

9. Что можно было купить на японском рынке в XVII в.?

10. Для чего властям Токугава понадобилось установить жесткие рамки между сословиями?

11. Чем можно объяснить появление поселений, где жили японские парии – «эта» и «хинин»?

12. Чем отличались «хинин» от «эта»?

13. Каковы главные идеи и культы синто?

Тема 2. ЗАКРЫТИЕ СТРАНЫ

Япония «закрылась» для остального мира в 30-е гг. XVII в., в годы укрепления режима дома Токугава. **Решающую роль в закрытии страны сыграло распространение христианства**. Как это произошло?

Первые европейцы – португальцы – появились у берегов Японии в 1543 г., через 6 лет там появились испанцы. Они застали Японию воюющей страной, политически раздробленной. Европейские торговцы стали завозить огнестрельное оружие, а миссионеры – распространять христианство. Католические миссионеры были особенно активны на о-ве Кюсю, где они стали открывать христианские церкви, школы, больницы. Многие южные князья принимали христианство и заставляли своих вассалов делать то же самое – их привлекало не столько христианство, сколько появившаяся возможность приобретать огнестрельное оружие. Принятие ими христианства было способом привлечь в страну иностранных торговцев. Кроме этого, князья рассчитывали получить поддержку европейцев в междоусобной борьбе, которая раздирала Японию.

Уже через несколько десятилетий в Японии насчитывалось 150 тыс. христиан и около 200 церквей. К 30-м гг. XVII в. число

обращенных в христианство японцев достигло 600 тыс. человек. Историки пишут о «золотом веке» христианства в Японии. Оно распространялось практически беспрепятственно до конца XVI столетия.

Для того чтобы получить исключительное право миссионерской деятельности в Японии, Орден иезуитов отправил в 1582 г. первое посольство Японии в Европу, состоявшее из четырех молодых японцев, близких родственников «христианских даймё». Другая цель посольства была сформулирована так: «показать этим молодым людям христианскую Европу, чтобы они воочию увидели благотворность нашей святой религии и величие дворов Лиссабона и Рима; возвратясь же в свою страну, они смогут свидетельствовать о том, что видели, и японский народ поймет, чего мы хотим добиться у них и чего добилась христианская цивилизация в Европе». Миссионеры осознавали, что одно слово в пользу христианского мира, сказанное японцем, видевшим его своими глазами, стоит целой проповеди европейца, несколько десятилетий живущего в Японии. Японских юношей-посланников больше заинтересовала предметная сторона жизни и религии европейцев, нежели великолепие убранства церквей и дворцов, а удивились они количеству золота и серебра, которое использовалось в быту знатью, так как в Японии домашняя утварь изготовлялась из глины и дерева.

После объединения Японии под властью дома Токугава отношения с европейцами заметно ухудшились. Центральная власть была заинтересована во внутренней и внешней стабильности страны, в укреплении своей власти, в закреплении единства страны. **Проникновение и распространение христианства стало восприниматься властями как угроза** по нескольким причинам.

Во-первых, южные князья, пополняя запасы огнестрельного оружия, могли направить это оружие против центральной власти и вновь раздробить страну, поскольку именно южные князья оказывали самое стойкое противодействие объединению страны.

Во-вторых, в результате смены князя и замены административного аппарата с приходом к власти Токугава резко увеличилось число крестьянских выступлений – за один XVII в. произошло 463 крестьянских восстания. Крестьяне протестовали против назначения нового князя и злоупотреблений самураев. Эти восстания стали проходить под христианскими лозунгами, крестьяне выкрикивали имена девы Марии и Иисуса Христа, идя на бой с князем. Христианские общины стали обосабливаться от остального населения, что порождало недоверие, раздоры.

В-третьих, возникла опасность подчинения Японии европейцам по образцу Филиппин, где укрепились испанцы в 70-е гг. XVI в., или по образцу Индонезии, где укреплялось влияние – сначала ненадолго португальцев, а затем голландцев. Внутренняя междоусобная борьба священников различных толков, их интриги довершили дело. Христианство провоцировало взрыв созданной такими большими трудами устойчивой социальной и политической системы.

Дело было не столько в религии как таковой – японцы, как мы видели, ничего не имели против христианства, и Япония пережила «золотой век» приобщения к этой религии. **Причины неприятия и даже ненависти к христианству были сугубо политическими.** Французские востоковеды русского происхождения В. Елисеефф и Д. Елисеефф считают, что «драма христианства в Японии явилась драмой непонимания двух равно утонченных цивилизаций… Первая встреча двух миров потерпела фиаско».

Начальная расправа с миссионерами произошла еще при Хидаёси, в 1597 г., который подвергнул смертной казни на кресте трёх португальских, шестерых испанских и семнадцать обращенных японских христиан. В 1613 г. Токугава Иэясу принесли перехваченное письмо недавно умершего знатного христианина к королю Испании, в котором того просили поддержать японских христиан оружием и войсками в намеченном восстании против сёгуната.

Реакция властей выразилась в целой серии указов, по которым запрещался ввоз европейских и китайских книг, где упоминалось христианство; из страны изгонялись миссионеры и не принимались новые; говорилось о низких моральных качествах христиан. Стали разрушать христианские церкви.

Кульминация расправы с христианством наступила в **1637 г**., когда вспыхнуло «христианское» восстание в **Симабара** на о-ве Кюсю. Это было одно из крупнейших восстаний – в нем приняло участие около 40 тыс. человек, а во главе крестьянского войска стояли «христианские» самураи. Крестьяне восстали из-за смены князя и введения его преемником изуверской казни для недоимщиков – «танца соломенного плаща», когда на смертника надевали крестьянский соломенный плащ, связывали руки и поджигали плащ. Восстание было жестоко подавлено, и после него христианство стало преследоваться и уничтожаться в пределах Японии самыми яростными методами. Обращенных в христианство японцев заставляли топтаться на иконах, производить всякие непотребные действия по отношению к атрибутам, священным для христиан. Отказавшихся распинали на крестах. После подавления восстания на всех дорогах, ведущих в Симабара, стояли кресты с казненными.

После Симабарского восстания Япония закрывается для иностранцев. Отныне считалось, что именно христианство, а не военная сила западных стран было основной угрозой независимости страны, а также причиной успехов европейских колонизаторов. Христианство однозначно ассоциировалось с агрессией. Оно стало именем нарицательным для всего неприятно-иностранного, оно подпитывало ксенофобию. Исключение было сделано только для голландцев, которые помогали подавлять Симабарское восстание, и китайцев, торговым судам которых разрешалось заходить в Нагасаки. Фактория голландской Ост-Индской компании получала большие прибыли от вывоза из Японии золота, серебра, меди, лаковых изделий и ввоза в Японию шерстяных тканей, сахара, пряностей.

Под угрозой смертной казни японцам было запрещено покидать страну. Если они оказывались на чужой территории, например, рыбаки в результате шторма, им запрещалось возвращаться на родину. **Было запрещено строить большие суда, пригодные для дальнего плавания. Началась политика искусственной изоляции страны от внешнего мира, которая проводилась на протяжении двух с половиной веков.** Изоляция не была полной – Япония имела торговые связи с Китаем, Кореей, о-вами Рюкю и Голландией. Голландским купцам сёгун вменил в обязанность регулярно докладывать ему о событиях в мире. Южное княжество Сацума имело свои каналы информации через Рюкю, а княжество Цусима – через Корею. Кроме того, многие сведения о внешнем мире можно было получить из китайских книг, ввозившихся в страну.

Закрытие страны нанесло ущерб тем торговцам, которые были связаны с внешним рынком, и им оставалось вкладывать свободные деньги в скупку земли.

Но изоляция привела и к некоторым позитивным результатам. Сокращение объемов внешней торговли стимулировало выращивание хлопка, способствовало развитию ремесел – прядению и ткачеству, развивало внутренний рынок. Расширяется внутренняя торговля, укрупняются торговые дома. Их финансовая активность уже не ограничивалась ростовщичеством и обменом денег, а включала мануфактурное и домашнее промышленное производство и в городе, и в деревне. Крупные торговые дома вели финансовые операции многих даймё.

Несмотря на появление отдельных крупных мануфактур, традиционная экономика Японии к середине XIX в. не достигла уровня, достаточного для автономного генезиса капитализма. Но в то же время широкое развитие товарно-денежных отношений и традиционного промышленного производства сделало Японию подготовленной к грядущей индустриализации и, в широком смысле слова, модернизации.

До середины XIX в. режим Токугава обеспечивал устойчивое развитие страны.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Когда в Японии был «золотой век христианства»?
2. По каким причинам христианство стало восприниматься властями Японии как угроза?
3. Представители какой европейской страны избежали изгнания из страны и почему?

Тема 3. «ОТКРЫТИЕ» ЯПОНИИ

Япония уберегалась от европейцев и американцев вплоть до середины XIX столетия. Но, как пишет Джеймс Л. Мак-Клейн, «западный человек, за плечами которого были научные и индустриальные революции, приобрел самоуверенность, граничащую с наглостью. Он был убежден, что его военная и экономическая мощь была следствием превосходства европейских политических систем и религиозных ценностей над всем, что было тогда в Азии». Практически ничего не зная о Японии, и американцы, и британцы, и русские считали японцев отсталыми азиатами, которых следует приобщить к цивилизации с выгодой для себя. **«Открыли» Японию для западного мира американцы**. Как это произошло?

Американские китобои начали появляться в водах Японии в 20-е гг. XIX в. В 30–40-е гг. в северной части Тихого океана ходили более двухсот судов, и капитаны кораблей высказывали все большее негодование по поводу невозможности запасаться водой и продовольствием в японских портах, а также дурным обращением с потерпевшими кораблекрушение моряками, выброшенными

на японский берег. Американские политики стали выступать с предложением установить официальные отношения с Японией.

Однако к установлению торговых и дипломатических отношений с Японией американцев побуждал прежде всего интерес к Китаю, а не сама по себе Япония. Хотя американские предприниматели вели торговлю в Гуанчжоу, но их судам приходилось совершать долгое путешествие через Атлантический и Индийский океаны. Американские бизнесмены в Калифорнии, после того, как там было найдено золото в 1849 г., были заинтересованы в широкомасштабных торговых отношениях с Китаем и Японией. Сан-Франциско превращался в крупный порт, откуда можно было добираться до Азии более коротким путем. **Япония находилась в 18 днях пути от западного побережья Америки и занимала выгодные позиции на пути в Китай.** В этом контексте Япония рассматривалась и как потенциальный торговый партнер, и как перевалочный пункт для кораблей, направляющихся в Китай. Предприниматели обратились с соответствующей петицией к американскому правительству.

Миссионер С. Уильямс, первый из американцев, овладевший японским языком, добавил к мотивам предпринимателей **идеологический посыл**: «Я полностью убежден, что политика самоизоляции наций Восточной Азии не соответствует Божественному плану спасения этих народов, и их правительство должно изменить их при помощи страха или силы, чтобы народы могли быть свободными». Влиятельнейшая газета «Таймс» убеждала: «Мы полагаем, что страна, которая владеет частью побережья Мирового океана, не имеет никакого права противиться торговле с другими странами… Мы настаиваем на том, что право цивилизованной страны, право христианской страны заключается в том, чтобы навязывать варварам соблюдение обычных норм международного права и определенных норм общения». Одна из калифорнийских газет подытоживала: «Коммерция не только цивилизует, христиа-

низует и обогащает, но она также при помощи американских принципов расширяет «территорию свободы». Под «американскими принципами» имелась в виду идеологическая доктрина Manifest Destiny, достигшая наибольшей популярности как раз в середине и второй половине XIX столетия.

Первая официальная попытка США установить контакты с Японией была предпринята в 1846 г. Попытка оказалась неудачной – американцы не решились прибегнуть к силе. В 1852 г. американский президент Миллард Фильмор распорядился отправить к берегам Японии морскую экспедицию. В его письме, которое должна была доставить экспедиция, выражалось пожелание, чтобы Япония «изменила древние законы и позволила свободную торговлю между двумя странами», президент просил японцев обращаться с потерпевшими кораблекрушение моряками «по-доброму» и высказывал надежду, «что нашим пароходам и другим судам будет позволено останавливаться в Японии и пополнять запасы угля, провианта и воды».

Госдепартамент тоже снабдил экспедицию своими рекомендациями, в которых говорилось: «Если, исчерпав все аргументы и способы убеждения, не удастся добиться ослабления их системы изоляции, то следует изменить тон и сообщить им самым недвусмысленным образом, что они будут сурово наказаны». Другими словами, США были готовы применить военную силу, чтобы добиться своих целей.

Во главе экспедиции был поставлен горделивый и упорный коммодор **Мэттью К. Перри,** а сама экспедиция состояла из четырех военных кораблей, названных японцами «черными кораблями» из-за черного угольного дыма, шедшего из труб тогдашних паровых судов, и потому что борта кораблей делались из просмоленных, а вследствие этого темных, досок.

Перри прибыл в бухту Эдо летом 1853 г. Убедившись, что политика изоляции не позволяет японским чиновникам вступить с

ним в переговоры, он приказал обстрелять из пушек побережье и заявил, что вернется через год, чтобы услышать ответ сёгуна на американские предложения.

Размеры и огневая мощь американских кораблей вызывали ужас у японцев. Сёгунат пребывал в растерянности. За всю свою историю вооруженные иноземцы появлялись в Японии только один раз – это случилось в конце XIII века, когда отряды монголов попытались вторгнуться в страну, но их отогнал от берегов Японии «божественный ветер» («камикадзе»). Японцы понимали, что упорство в отстаивании политики изоляции могло привести лишь к нападению на Японию и такому же унизительному поражению, какое потерпел Китай. Они осознали, что воевать с Америкой они не в состоянии и надо идти на переговоры. Малочисленная японская армия, насчитывавшая 10–12 тыс. человек, была рассредоточена по всей стране, а ее вооружение и тактика оставались на уровне начала XVII в. На тысячу японских воинов приходилось только 30 фитильных ружей. Визит Перри показал, что дальнейшая изоляция страны становится невозможной.

Перри, верный своему слову, появился вновь у берегов Японии, на этот раз в гавани Эдо, **в 1854 г. во главе экспедиции, состоявшей уже из восьми кораблей**. Перри высадил на берег 500 военных моряков, пригрозив, на всякий случай, вызвать в Эдо весь американский флот. Он преподнес японцам в подарок телеграфный аппарат Морзе и движущуюся модель паровоза. Японцы отдарились шелком, лаковыми изделиями, керамикой.

Весной 1854 г. в г. Канагава (позднее переименован в Иокогаму) **был подписан Договор о мире и дружбе между США и Японией**. По Канагавскому договору американские корабли получали право заходить в порты Симода и Хакодатэ, где могли пополнять запасы угля и провизии и где морякам разрешалось прогуливаться в радиусе восьми миль вокруг этих двух портов. В Симода открывалось американское консульство. Америка получала

статус наибольшего благоприятствования. Потерпевшие кораблекрушение американские моряки могли надеяться на теплый прием. Но пункту о свободной торговле японцы воспротивились. Перри не стал настаивать.

Почти одновременно с эскадрой Перри в августе 1853 г. в Нагасаки прибыла русская миссия во главе с вице-адмиралом Путятиным. В начале февраля 1855 г. в Симода вице-адмирал Путятин подписал русско-японский договор.

В **1858 г.** до Японии дошла информация о том, что Китай проигрывает вторую войну с западными странами, а английские и французские военные корабли будто бы готовятся отправиться в Японию. Это заставило японские власти подписать серию договоров с европейскими странами: **были заключены договоры с 17 странами**, в том числе с Голландией, Великобританией, Францией и Россией.

В тексте каждого договора указывалось, что любая уступка, сделанная Японией в пользу одной из держав, автоматически распространяется на все западные страны, связанные договором с Японией. Открывались для торговли шесть портов, в том числе Иокогама, Кобе и Осака. Иностранцы получили право торговать с населением без посредничества японских чиновников и основывать в открытых портах свои поселения. Западные торговцы пользовались правом экстерриториальности. Устанавливался размер пошлин на импортные товары, выгодный для иностранцев. Японские тарифы ставились под международный контроль. Срок действия договоров не был указан. Япония не имела права пересматривать их в одностороннем порядке. Япония не имела права вводить заградительные тарифы и не могла протестовать против пониженного импортного тарифа. Она теряла право таможенной автономии. В целом Японии удалось добиться более выгодных условий по сравнению с теми, которые были ранее навязаны Англией Китаю. В Японию, например, не допускался импорт опия, а основ-

ной предмет импорта – текстиль – облагался сравнительно высокой 20% пошлиной (в Китае пошлина была 5%).

Таким образом, перед Японией открывался путь подчинения и зависимости – путь, который проходили большинство стран Азии и Африки. Однако Япония оказалась исключением из правил. Ей понадобилось минимальное историческое время, чтобы осознать всю степень опасности и пройти между Сциллой и Харибдой, сохранив свой суверенитет, независимость, свои традиционные ценности, но вместе с тем, переняв правила игры у развитых западных стран, вырваться вперед, догнать эти страны и стать такой же колониальной державой, как они.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Для чего Япония понадобилась Соединенным Штатам?
2. Как идеологически американцы обосновывали свои мотивы необходимости «открытия» Японии?
3. Когда, где и на каких условиях был подписан Договор о мире и дружбе между США и Японией?

Тема 4. МЭЙДЗИ ИСИН (1867–1868 гг.)

Период с 1854 по 1867 г. называют периодом **бакумацу** («конец бакуфу»). Это время, последовавшее вслед за «открытием» страны, когда политическое и духовное состояние режима Токугава было настолько безнадежным, что ему не могли помочь никакие традиционные рецепты выживания. Продолжать политику изоляции страны было уже невозможно. В морские ворота Японии, по выражению В.Э. Молодякова, стучался «цивилизованный мир», т.е. европоцентричный, секуляризованный мировой порядок. В период бакумацу должен был решиться главный вопрос – быть или не быть суверенной стране. Это был период кардинальной

ломки политической и духовной жизни Японии. Надвигалась решительная схватка старой и новой Японии.

Став «открытой» страной, Япония столкнулась с нелегкими проблемами. Начались «беды внутри и снаружи», как называли японцы бурные, трудные времена. Открытие страны обострило все старые проблемы и добавило новые.

С приходом европейцев в стране началась инфляция. До открытия Японии сёгунат чеканил монету, в которой содержание золота и серебра имело соотношение 1:5. В западных монетах это соотношение было 1:15. Такая разница породила в 1859–1860 гг. «золотую лихорадку». Европейские купцы стали завозить из Китая в Японию серебро и обменивать его на японские золотые монеты. Золото в Японии вздорожало, что повысило цены на все товары. Хотя объём внешней торговли в Японии пока был не очень большим, экономика страны с трудом выдерживала начавшуюся инфляцию. Сёгунат остановил отток золота, перечеканив старые монеты в новые, в которых соотношение между золотом и серебром стало таким же, как в Европе.

Большинство населения почувствовало ухудшение качества своей жизни. **Обнищание самураев**, которое началось еще в первой половине XIX в., усугубилось. Они получали фиксированное рисовое жалованье, которое не поспевало за ростом цен. С наводнением внутреннего рынка товарами иностранного производства самураи обнаруживали, что не могут их купить. Их уровень жизни перестал соответствовать их высокому социальному статусу. Один из высших чиновников жаловался: «Уже на протяжении нескольких лет самураи испытывают крайнюю нужду. Мысли «купить то, продать это» или «отдать в залог это, чтобы заплатить за то» становятся содержанием их жизни. Утром и вечером они едят лишь рисовую кашу. Многие опустились и ведут себя неподобающим образом. Их жизнь становится распутной, их душевное состояние и манеры – позорными и недостойными. Они превратились в лгу-

нов и мошенников». Все чаще гордые воины стали закладывать свои мечи и доспехи, посылать своих дочерей работать прислугами и даже убивать своих детей, чтобы как-то остановить сползание к нищете.

Крестьянство после открытия страны **тоже стало нищать.** Бремя налогов становилось непосильным. Если раньше регистрировалось в среднем 25 волнений в год, то в 1867 г. их случилось уже 185. «Вглядываясь внимательно в причины этих волнений, - писал один наблюдатель, - мы можем разглядеть среди них новые налоги на шелк-сырец и яйца шелкопряда, рост ставок по кредитам до 30% и невероятное повышение цен, особенно на рис и другие злаки». Разъяренные крестьяне шли к налоговым конторам и домам богатых землевладельцев и ростовщиков, требуя снижения цен на рис, уменьшения налогов и возвращения отданных в залог вещей и земель. Если они получали отказ, то сжигали налоговые записи, грабили склады и частные дома, уносили сумки с рисом и бочонки с мисо.

Ремесленники после открытия страны столкнулись с конкуренцией европейских товаров, которые были дешевле, нежели произведенные ими. Они **стали разоряться.**

Единственным сословием, выигравшим от открытия страны, были торговцы. Они вышли на международный рынок, стали обогащаться. В Иокогаме, которая стала «открытым городом», к 1862 г. вместо 99 торговых домов стало уже 390. Они торговали шелком, изделиями из лака и бронзы, керамикой, чаем. На этот город приходилось две трети всего внешнеторгового оборота Японии. За период с 1860 по 1865 гг. экспорт возрос в четыре, импорт – в девять раз. Те семьи в Японии, которые занимались выращиванием чая или разведением личинок шелкопряда, стали богатыми. Крестьяне стали превращать рисовые поля в чайные плантации и посадки тутовых деревьев, в результате чего цена на рис выросла более чем на 700%. Уровень жизни «дерзких» торговцев рос очень

заметно: они стали одеваться в яркие роскошные одежды, позволяли себе дорогостоящие свадебные пиршества, не соответствующие их традиционному статусу.

В годы после «открытия» Японии в стране стала набирать силу, если можно ее так назвать, «духовная», или идеологическая оппозиция. Японские интеллектуалы в это время группировались вокруг трех «школ»: «школы Мито», «школы национальных наук» и «школы западных наук», которые предлагали свои варианты решения возникших проблем.

Ученые конфуцианской **школы Мито** в середине XIX в. предлагали удалить чужестранцев с территории Японии и вернуться к своей собственной «национальной сущности», которую они назвали **«кокутай».** Кокутай дословно переводится как «тело государства», это специфически японская государственная общность, означающая гармоничное сочетание, единый организм, единое целое, соединяющее японские острова (творение богов Идзанаги и Идзанами – сынов богини солнца Аматэрасу), японский народ (потомков богини Аматэрасу), живущий на этих островах, и императора (первосвященника Синто и сакрального лидера, отца японской народной семьи) в единое целое. Все люди в государстве должны дышать и мыслить как один. **Кокутай – это идейное обоснование необходимости возвращения императору всей полноты не только духовной, но и реальной политической власти в стране**.

Ученые этой школы публиковали древние историко-литературные памятники, которые должны были подтвердить древность и непрерывность (тэнно) существования императорской династии и подлинность ее прав на управление страной. Следует, считали они, значительно усилить национальную оборону. Только так страна сможет противостоять европейской угрозе.

Ученые **школы национальных наук**, которая заявила о себе еще со второй половины XVIII в., делали акцент на необходимости

изучения истории и культуры Японии. Они ставили своей целью возрождение традиции. Они доказывали, что заимствовать чужой образец, китайский ли, западный ли – не следует. У Японии свое лицо, своя самобытность, и это надо сохранить во что бы то ни стало. Они превозносили ту изначальную Японию, которая когда-то существовала, – Японию синтоистскую, добуддийскую и доконфуцианскую. В период Токугава «национальное учение» было в японской мысли периферийным, но накануне Мэйдзи Исин (и после него) оно оказалось, как никогда ранее, актуальным и востребованным.

Приверженцев школы национальных наук можно назвать японскими «почвенниками». Они считали, что **национальную религию синто надо сделать государственной религией, а императора – главную сакральную фигуру синто – возвратить к полноте государственной власти**.

Представители этой школы публиковали древние документы и комментарии к ним: «Кодзики» («Записи о делах древности»), «Манъёсю» (самая древняя антология стихов), «Нихон сёки» («Анналы Японии) и др. Они хотели показать весомость и значительность национального культурного наследия. Труды только одного **Мотоори Норинага,** который считается ее главным и гениальным мыслителем, составляли 263 тома. Ученые этой школы **делали акцент на божественность происхождения императора и всех японцев, на уникальность и японской нации, и «японского пути».** Это была первая традиционалистская философская школа в Японии. Учение школы национальных наук было политизировано и сориентировано на борьбу за восстановление императорской власти. Оно стало духовной, идеологической и пропагандистской основой Мэйдзи Исин.

Школа западных наук, или, как ее еще называли, школа голландских наук, **призывала перенять научно-технические достижения Запада**, чтобы усилиться, познав его науку. Ученые

этой школы отстаивали принцип **«кайкоку»** - «открыть страну для сношений с чужеземцами». Они утверждали, что мораль, основанная на конфуцианстве, можно оставить только для организации личной жизни, поскольку она не дает ответов на вызов Запада. Было бы полезно, писали они, **открыть страну, увеличить богатства с помощью торговли, а затем вооружиться и стать сильной державой.**

Общая идея, которую разделяли все школы, сводилась к тому, что надо **вернуть императора к власти,** чтобы иметь общее объединяющее японцев начало и благодаря этому построить сильное государство, которое не даст себя подчинить и превратить в колонию или полуколонию западных держав.

С **1858 г.** в стране начало набирать силу **движение за «изгнание варваров».** Широкое распространение получил лозунг «Долой иностранцев» («Жой!»). Он был направлен, как показали события, скорее против сёгуната, чем против чужеземцев. Во всех бедах винили сёгуна Ёсинобу, который подчинился варварам и не справлялся со своими обязанностями. Его обвиняли в капитуляции перед лицом требований западных держав, он стал козлом отпущения, средоточием ненависти со стороны подавляющей массы народа. Возглавили движение за «изгнание варваров» самураи южных княжеств. Император Комэй был яростным сторонником изгнания иностранцев со священной земли Японии. Для него все иностранцы были ритуально «нечистыми». «Если в мое правление иноземцы не будут изгнаны со священной земли Японии, то я опозорю себя перед богами и душами предков, а люди будут вспоминать мое имя с презрением», – говорил он. Радикально настроенные молодые самураи стали в больших количествах стекаться в императорскую столицу Киото, которая становилась политическим центром страны. Их лозунгом был девиз – **«почитание императора и изгнание варваров»**. Военно-политический потенциал княжеств, в особенности южных, к этому времени существенно

вырос, и был нарушен баланс сил внутри государства. Правительство теряло контроль над страной.

Самураи стали прибегать к террору. В 1859 г. были убиты двое русских в Канагаве – мичман и матрос, которые отправились за покупками. Через несколько дней там же убили слугу из французской миссии – китайца, который носил европейскую одежду. В 1861 г. был убит секретарь консула США Т. Харриса. В 1861–1862 гг. совершены нападения на британскую миссию, убит английский торговец Ричардсон, который не уступил дорогу процессии князя. В Эдо было осуществлено нападение на британскую дипломатическую миссию, в результате которого двое погибли, несколько британцев получили серьезные ранения. В 1863 г. были обстреляны американские, французские и голландские суда, шедшие вдоль побережья. Вообще 1863 г. стал самым «урожайным» на террористические акты: произошло **70 инцидентов** – убийств, поджогов. Среди пострадавших было много купцов. В ответ англичане совершили карательную операцию – они обстреляли г. Кагосима. От огня из корабельных орудий в городе начались страшные пожары. Это была карательная миссия устрашения японцев, от которой пострадали невинные люди.

Бакуфу (правительству) в этой ситуации пришлось пообещать в течение десяти лет аннулировать договоры с западными державами – или переговорами, или силой. Сёгун даже назначил дату изгнания иностранцев – лето 1863г.

Миссию устрашения японцев продолжил объединенный флот четырех держав, который подошел к Осаке. В 1865 г. семь военных кораблей, принадлежавших Англии, Франции, США и Голландии, подошли к г. Хего (будущий Кобэ) и потребовали открытия порта.

Тем временем с 1863 по 1867 г. в Японии, по сути, шла гражданская война. Самураи южных княжеств, собрав свои ополчения, двинулись в Киото, чтобы продемонстрировать императору под-

держку и верноподданические чувства, а затем двинулись на Эдо, чтобы заставить сёгуна отречься от власти и передать ее императору. Мятежные самураи сначала предлагали сёгуну пост главы правительства, но когда он попытался было сопротивляться, наиболее радикально настроенные самураи решили отстранить сёгуна от всякой власти. Битвы между просёгунскими и проимператорскими силами происходили на трех четвертях территории Японии с переменным успехом, пока южным самураям, наконец, удалось одержать верх. **3 января 1868 г. завязался решающий бой.** Хотя численность сёгунской армии значительно превышала дружины южных князей (15 тыс. против 5), сёгун Ёсинобу потерпел поражение. Сражение продолжалось четыре дня, совокупные потери обеих сторон составили пятьсот человек убитыми и полторы тысячи ранеными.

Утром 3 января 1868 г. пятнадцатилетний император Муцухито подписал постановление, которым отменялась должность сёгуна, **восстанавливалась власть императора** («Небесного Владыки») и формировалось новое правительство. Последний сёгун Ёсинобу был объявлен мятежником, лишен всех званий и титулов и отправлен в ссылку (тем не менее в 1898 г., т.е. через 30 лет, он был принят императором и восстановлен в званиях).

Внешне в Японии произошел всего-навсего государственный переворот – одна власть сменилась другой. На самом деле в Японии произошло то, что историки назвали одной из величайших революций в истории. Эта революция вошла в историю как **Мэйдзи Исин**. Мэйдзи – это девиз правления императора Муцухито, означающий эру «просвещенного правления». Исин в переводе означает «обновление», «новое начало всех вещей». Часто это событие называют «Реставрация Мэйдзи», имея в виду восстановление власти императора.

Муцухито зачитал Хартию клятвенных обещаний, которая на деле являла собой новые принципы национальной политики. Хартия содержала 5 пунктов:

1. Должны быть созваны совещательные собрания, и все государственные вопросы будут выноситься на народное обсуждение.

2. Все социальные группы, высокие и низкие, объединятся для того, чтобы всеми силами развивать экономику и повышать благосостояние народа.

3. Все военные и гражданские чиновники, равно как и простые люди, будут иметь возможность исполнять свои желания, чтобы никто не ощущал неудовлетворенности.

4. Основополагающие обычаи прошлого будут забыты, все действия будут соответствовать принципам международного права.

5. Знания будут приобретаться по всему миру, способствуя тем самым упрочению государства.

Таким образом, юный император и авторы Хартии были готовы сохранить единство нации, привлекать к формированию новой политики широкий круг способных людей и подавали сигнал западным странам о том, что Япония намеревается стать ответственным членом международного сообщества. Дополнительно члены нового правительства сформулировали цели обеспечения национальной безопасности и суверенитета Японии: «Установить независимость нашей страны и сохранить права и преимущества нашей нации среди других народов» (Ямагата Аритомо); «работать на то, чтобы в будущем Япония встала на одну ступень с теми странами, современная цивилизация которых в настоящее время является нашим поводырем» (Ито Хиробуми). Чтобы достичь и отстоять национальную независимость и будущее величие страны, необходимо было взяться за неотложные реформы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как сказалось «открытие» страны на уровне и качестве жизни японского населения?

2. Какое сословие выиграло от «открытия» Японии?

3. В чем разнились акценты «школы Мито», «школы национальных наук» и «школы западных наук»? Какая общая идея объединяла их?
4. В чем проявлялось «движение за изгнание варваров»?
5. В какие годы шла гражданская война в Японии?
6. Как реагировали западные державы на события в Японии?
7. Что означает «Мэйдзи Исин»?
8. Что говорилось в Хартии клятвенных обещаний Муцухито?

Тема 5. РЕФОРМЫ В ЯПОНИИ (КОНЕЦ 1860-х – НАЧАЛО 1870-х гг.)

Император Муцухито начал с того, что признал все договоры, которые были заключены сёгунатом с иностранными державами. В городах развесили объявления на специальных досках, которые служили в то время «средствами массовой информации», о том, что проявления недружелюбия по отношению к иностранцам будут караться. На самом деле новая политическая элита, так же как и старая, была настроена по отношению к Западу враждебно, но обстоятельства заставляли это тщательно скрывать. Угроза со стороны Запада и неспособность ей противостоять, комплекс неполноценности по отношению к мощным «цивилизованным» странам и решимость его преодолеть стали главными причинами, побудившими Японию решиться на модернизацию.

Новое бакуфу было сформировано: высшие посты в правительстве заняли представители знати – члены императорской фамилии, крупные даймё, основной его состав – самураи южных княжеств, представители торговой буржуазии. В составе нового правительства бывшие самураи доминировали над аристократами. С самого начала правительство было клановым: самые важные посты занимали самураи из двух южных княжеств – Сацума и Тёсю. Таким образом, новое правительство являло собой новую политическую

элиту, пришедшую к власти. Именно этому правительству, состоявшему из молодых и энергичных людей, на протяжении жизни одного поколения удалось сделать из униженной страны державу, с которой пришлось считаться всем. Оно приступило к реформам без промедления.

Одной из первых была проведена **административная реформа**, долженствующая содействовать государственному объединению страны: были ликвидированы феодальные княжества и вместо них созданы префектуры. Князья-даймё утратили большую часть своих привилегий. Границы префектур совпадали с границами крупных княжеств, мелкие были объединены. Три города – Токио, Киото и Осака были приравнены к префектурам. Теперь государство получило право распоряжаться землей, рудниками, верфями. Налоги поступали уже не в пользу князей, а в пользу императора. Прежним князьям вменялось в обязанность жить в столице.

С упразднением княжеств два миллиона самураев оказались не у дел. Новый режим поступил с ними гуманно: их рисовое жалованье было переведено в денежное. Можно было получить выплату сразу за несколько лет – но и только. Для того чтобы расплатиться с самураями, пришлось прибегнуть к займу, сделанному в Англии. В дальнейшем часть самураев пошла в новую армию на офицерские должности, в полицию, часть стала гуманитарной интеллигенцией, людьми «свободных профессий» – адвокатами, преподавателями, писателями, журналистами и т.д. Две трети чиновничьего аппарата в центре и на местах составляли выходцы из самурайских семей. Среди учителей их было 40%. Самураи были благополучно интегрированы в новую жизнь, но они привнесли свои ценности в новые профессии. Честность, порядочность, дисциплина по сию пору отличает средний и низший состав чиновничества в Японии (в отличие от коррумпированной элиты), а склонность к решению конфликтов силовым путем многое объясняет в последующей истории Японии.

Были **ликвидированы сословия**, вместо них появились три группы населения: знатные люди (бывшие даймё и старая придворная аристократия); дворянство; простой народ (хэймин), куда вошли крестьяне, торговцы, ремесленники, а также парии - «эта». Хотя парии стали по закону полноправными подданными, сила традиционных взглядов оказалась настолько велика, что и в наши дни их потомки подвергаются серьезной дискриминации на бытовом уровне. Всем разрешалось иметь фамилии. Был снят запрет на браки представителей разных социальных групп.

Была **введена всеобщая воинская повинность** и тем самым было покончено с монополией самурайства в военной области. В 1871 г. на Запад отправилось японское посольство для знакомства с государственным устройством, внешней политикой, военной организацией, торговлей и таможенными порядками в США и странах Европы. Наибольшее впечатление на миссию произвела Пруссия, а точнее, военная организация и мощная армия Пруссии, которая только что разгромила французскую армию. Кайзер Бисмарк прочел японцам целую лекцию, разъясняя, что в этом мире правит только сила: «Говорят, что в нынешнем мире любая страна строит взаимоотношения с другими странами на основе дружбы, гармонии и должных церемоний. Однако это всего лишь пустые слова, за которыми стоит реальная практика: сильный оскорбляет слабого, сильный презирает слабого… Я пришел к выводу, что только набравшая силу страна заставляет другие обращаться с собой как с равной».

Японцев впечатлило и то, что Пруссия приступила к модернизации совсем недавно (вспомним, что Германия, Италия, Россия приступили к развитию капитализма в 60-е гг. XIX в.), а Япония ставила одной из главнейших задач быструю индустриализацию. Но японцы заимствовали опыт и других европейских стран – тот опыт, в котором проявлялись самые сильные стороны той или другой страны.

Была открыта военная академия, в которой французские офицеры готовили командный состав японской армии. В военно-

морской академии и военно-морском инженерном училище преподавали английские офицеры. Япония стала создавать собственный флот и армию по европейскому образцу.

Реакцией крестьянства на введение всеобщей воинской повинности была волна восстаний – крестьянину, который раньше, при Токугава, платил налоги, но не служил в армии, приходилось теперь и налоги платить, и недосчитываться рабочих рук в хозяйстве. В указе о воинской повинности содержалась формулировка: каждый подданный обязан заплатить государству «налог кровью», и эту формулировку крестьяне восприняли буквально. Распространились слухи о том, что у новобранцев будут выкачивать кровь, переправлять ее на Запад, где ею будут красить одеяла и лекарства. Начались беспорядки, которые пришлось подавлять.

Аграрная реформа узаконивала куплю-продажу земли. Отменялись все ограничения и все запретительные законы, действовавшие до сих пор в японской деревне. Крестьянам разрешили торговать рисом и сажать на своих полях те культуры, которые они сами посчитают нужными. Объявлялись собственниками земли все те, кто владел ею к моменту издания закона об аграрной реформе. Устанавливался новый налог на землю, который составлял 3% от стоимости участка земли. Новый налог платился только деньгами. В реальном выражении, учитывая высокую стоимость земли в Японии, это был достаточно тяжелый налог, с которым не могли справиться крестьяне-бедняки. Началось перераспределение земли – бедные крестьяне вынуждены были продавать свои участки и превращаться в арендаторов либо уходить в города в поисках работы. Богатые же крестьяне покупали эти участки, становясь еще богаче. Крестьяне, которые вынуждены были терять землю, ответили на эту и другие реформы эпохи Мэйдзи многочисленными восстаниями. В 1877 г. правительство снизило налог до 2,5% от стоимости участка, после чего восстания прекратились.

Была проведена **реформа образования**. В эпоху Токугава Япония была страной довольно образованной – 40% мужчин и 15% женщин умели читать и писать. Но наступили новые времена – и концепция образования кардинально меняется. Один из известнейших авторов эпохи Мэйдзи **Фукудзава Юкити**, написавший ставшую бестселлером книгу «Жизнь в странах Запада», активно участвовавший в разработке образовательной концепции, призывал: «Сила государства зависит от того, каково в нем просвещение. Если сравнить конфуцианство с западным просвещением, то окажется, что Востоку недостает в области конкретных знаний – математики и естествознания, в области отвлеченных принципов – чувства независимости… если мы хотим, чтобы Япония сравнялась с западными державами, мы должны всеми силами изгонять из нашей страны конфуцианское просвещение».

В Японии в эти годы шла борьба между **традиционалистами и западниками,** суть которой сводилась к вопросу: по какому пути пойдет страна. Немецкий врач Эрвин Бельц, который приехал в Японию на 2 года, но остался на 26 лет, отмечал, что прозападно настроенные японцы хотели стать европейцами и не видели ничего хорошего ни в своей культуре, ни в истории, они заявляли: «У нас нет истории. Наша история только начинается»; «Америка – наша мать, Франция – наш отец». Совсем недавно большинство японцев считали европейцев «варварами», теперь же они стали считать варварами себя. Некоторые горячие головы предлагали провести программу по скрещиванию японцев с европейцами для «улучшения породы». Другие ратовали за введение английского языка в качестве государственного. Традиционалисты отстаивали самобытность Японии и не соглашались на радикальные перемены, в том числе в образовании.

Быстрая модернизация привела к разрыву между поколениями. Школы и родители учили разным ценностям, многие юноши теряли ориентацию, количество психических расстройств и само-

убийств резко возросло. Молодежь явно относилась к властям и родителям с меньшим почтением, чем раньше. В конце концов, после всех дискуссий и споров, японцы пришли к некоему общему мнению: в области морали Японии учиться у Запада нечему, конфуцианская мораль и этика должны сохраниться, а естественные науки и техника должны заимствоваться у Запада. Мотода, который был интеллектуальным наставником императора в течение 30 лет, фактически сформулировал главный принцип правления Мэйдзи: **«вакон ёсай»** – «японский дух, западное знание» (он заменил предыдущий принцип, основанный на заимствовании китайского образца – **«вакон кансай»**, что означало «японский дух, китайское знание»).

Предполагалось открыть 8 университетов и более 50 тыс. школ с расчетом, чтобы на одну школу приходилось 600 учеников. В Токио и Киото были открыты первые государственные университеты, затем университеты появились в городах Саппоро, Фукуоа, Сэндай. Создавались частные университеты. Вводилось обязательное четырехлетнее образование для всех японских мальчиков и девочек с шестилетнего возраста. Основной акцент был сделан именно на начальном образовании: «чтобы в любой деревне не было бы неграмотной семьи, чтобы в каждой семье не было бы ни одного неграмотного». Правительство держало курс на создание социальной гомогенности – чтобы не было колоссального разрыва между уровнями образования состоятельных людей и простого народа. Все европейские путешественники единогласно отмечали: школьное дело в Японии поставлено превосходно. На Парижской всемирной выставке 1878 г. Японии присудили первую премию за организацию школьного дела.

Поначалу в программах учебных заведений превалировали английский, французский и немецкий языки, западная история, литература и философия. В ученой среде в первое время господствовали ультразападнические настроения. Западники заявляли, что старые

люди не представляют для нового общества никакой ценности, поскольку они уже не способны понять и воспринять западную цивилизацию. Однако после посещения императором в 1876 г. образовательных учреждений и высказанного им неудовольствия тем, что уделяется слишком мало внимания изучению самой Японии, в программы обучения в школах, колледжах и университетах стало вводиться изучение истории, географии, литературы не только Великобритании, США и других западных стран, но и Японии. Специально подчеркивалась важность изучения японской и китайской литературы, конфуцианской этики. Было решено усилить «морально-этическую» составляющую учебных программ.

В 1884 г. в начальных школах появился **учебник по этике**, в котором восхвалялась сыновья и дочерняя почтительность к родителям и к императору: «Мы должны почитать императора так же, как почитаем своих родителей»; «правитель подобен отцу. Никогда не забывай о своем долге перед ним». Семейные ценности распространялись на государство, а император должен был восприниматься как строгий и справедливый отец всех семей в Японии, которые, в свою очередь, образовывали нацию. Под «моралью» понималось воспитание таких качеств, как благожелательность, искренность, честность, дружба, бережливость, скромность и этикет. Таким образом, учебные программы стали соблюдать разумный баланс между Востоком и Западом. Преподавались точные науки, которых никогда раньше не изучали. В многочисленных открывающихся колледжах приглашенные иностранцы обучали японцев тонкостям европейского управления, медицины, права, образования, технических достижений Запада. Поначалу количество преподавателей-иностранцев превалировало над преподавателями-японцами, но и этот перекос был постепенно ликвидирован, а к 1890 г. большинство иностранных преподавателей Токийского университета были уже уволены.

В 1890 г. был обнародован «Манифест об образовании». Основной задачей образования объявлялось прививание традиционных ценностей и превращение японцев в преданную императору и стране нацию. Конечным смыслом процесса обучения, по этому манифесту, было не овладение знаниями, а воспитание почтительности по отношению к родителям и императору. Преподаватели были обязаны давать присягу на верность правительству. Наиболее продвинутые школы награждались портретом императора.

Началось знакомство с Западом посредством книг. В стране издавались переводы с западных языков, причем издавались большей частью не детективы и романы, а книги познавательного свойства. В 1871 г. на прилавках появилась книга Самуэля Смайлса «Self-Help» («Помоги себе сам»). В ней были биографии людей, которые «сделали себя сами». Книга разошлась тиражом в миллион экземпляров! Эпиграф к книге очень понравился японцам, он был созвучен и их традиции, и тогдашнему настрою: «Небо помогает тому, кто помогает себе сам».

Таким образом, японцы в краткие исторические сроки произвели кардинальную перестройку традиционного образования. Они осознанно вбирали в себя ту информацию, которая могла помочь стране стать как можно быстрее сильной и процветающей.

В 1872 г. вышел указ об отказе от лунного календаря и **переходе на солнечный (григорианский) календарь.** Но при этом не было отменено летосчисление по девизам правления. Внутри страны продолжался прежний счет лет по девизу правления Мэйдзи.

Появились **новые праздники** – День основания империи и День рождения Мэйдзи.

В 1872 г. правительство **отменило запрет на христианство**. В страну хлынул поток миссионеров – протестантов и католиков. Но следует заметить, что второго «золотого века» христианства не случилось – в Японии очень немного людей стали христианами.

Было образовано Министерство религии. **Синто** отводилась исключительная роль, это была теперь **государственная религия**. Прекратилось отправление буддийских ритуалов при дворе. Были запрещены похороны по буддийскому обряду.

В этом же году был обнародован указ **о запрещении торговли людьми**. Продажа бедняками своих дочерей владельцам публичных домов была в традиционные времена обычной практикой: родители брали заём у хозяина публичного дома, в качестве залога оставляя дочь. Если они не могли или не хотели отдать взятые деньги, девушка оставалась у хозяина.

Столица Японии **Эдо** была переименована в **Токио**.

Ветер вестернизации был особенно силен в 70-е гг. Дома, одежда, пища и питьё менялись на западный манер. Отменялись ограничения на одежду и прически. **«Реформа причесок»** породила в народе шуточные куплеты: «постучишь по выбритому лбу – услышишь музыку прежних времен», а «постучишь по подстриженной голове – услышишь музыку цивилизации». Только буддийские монахи по-прежнему продолжали бриться наголо. Многие мужчины, желая показать свою «прогрессивность», обзавелись растительностью на лице – борода и усы были признаками «европейскости». В присутственных местах теперь нужно было носить европейскую одежду – кимоно не соответствовало новому ритму жизни и оставалось для домашнего обихода, семейных праздников и отправления синтоистских ритуалов. Европейцы часто высмеивали манеры озападнившихся японцев, но вестернизация продолжала идти в Японии по восходящей.

Европеизация коснулась и **питания** японцев. Поначалу японцы смотрели на европейцев, «пожирающих» мясо, с отвращением. Но французские военные инструкторы стали жаловаться, что японским солдатам не хватает физических сил справляться с современной амуницией, и требовали улучшить их рацион за счет мяса. «Западники» ратовали за то, чтобы японцы ели побольше мяса,

которое сделает их сильнее и выносливее. Мясо стало появляться на столах состоятельных горожан все чаще, оно становилось признаком «цивилизованной жизни». Стало считаться модным пить пиво и кофе.

Реформы во всех сферах жизни были призваны дать эффективный ответ на потенциальную опасность колонизации страны и научиться, как говорили японцы, «сражаться с врагом его же оружием», т.е. заимствовать опыт и практику развитых в научно-техническом отношении стран Запада, чтобы стать таким же сильным государством.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как понимали цели реформ сами реформаторы?
2. Что сталось с сословием самураев?
3. Что такое «хэймин»?
4. Как меняла жизнь крестьян аграрная реформа?
5. К какому консенсусу пришли западники и традиционалисты в результате споров вокруг реформы образования?
6. Какая религия стала государственной?
7. Как повлияла вестернизация на повседневную жизнь японцев?

Тема 6. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ

В годы реформ в Японии практически отсутствовала оппозиция – нация сохраняла единство и сплоченность перед лицом возможной колонизации страны. Только в конце 1870-х – начале 1880-х гг. в Японии возникло либеральное оппозиционное движение.

Часть политической элиты страны была недовольна тем, что львиную долю должностей в госаппарате занимают выходцы из южных княжеств (Сацума и Тёсю), ставших префектурами. В 1881 г. произошел «переворот», как его назвали оппозиционеры,

в результате которого в правительстве остался всего один представитель не из южных префектур, что вызвало усиление оппозиционных настроений.

Кроме того, средние и мелкие предприниматели были недовольны тем, что льготы и привилегии по налогам и тарифам доставались большей частью крупным предпринимателям. Им же доставались и так называемые «образцовые» предприятия, которые строились на казенные деньги, доводились до уровня рентабельности и устойчивой конкурентоспособности и затем передавались в руки крупных частных фирм.

Добиться пересмотра неравноправных договоров с западными державами также не представлялось возможным до того, как будет провозглашена конституция и Япония воспримет политическую культуру Запада. Это японцам дали понять совершенно отчетливо во время пребывания первого посольства Японии в страны Запада в 1871–1872 гг. Таким образом, конституция нужна была Японии и по внутренним, и по внешним причинам. **Либеральная оппозиция решила бороться за власть под лозунгом введения конституции и открытия парламента.**

В конце 1870-х гг. усиливается **Движение за свободу и права народа**, в рядах которого объединялись все оппозиционно настроенные японцы, требовавшие конституцию и парламент. Была развернута петиционная кампания, в результате которой было собрано 250 000 подписей под 12 петициями. Размах движения вынудил правительство действовать.

Осенью 1881 г. император Мэйдзи издал указ, в котором пообещал стране конституцию через девять лет. Из Движения за свободу и права народа стали выделяться политические сообщества – Партия конституционных реформ, Либеральная партия, Общество патриотов, которые еще нельзя было назвать политическими партиями, поскольку они не ставили себе целью приход к власти. (кстати, к 1885 г. все они самораспустились). Они вели дебаты в

отношении будущей конституции: насколько должен быть сильным и самостоятельным парламент, каковы будут прерогативы императора и т.д. За ликвидацию монархии не выступал никто. Японские политики страшились кровавых антимонархических революций Европы, они выступали за конституционную монархию, которая должна появиться в Японии мирным путем. Никто не подвергал сомнению сам по себе монархический институт. Было разработано около 30 проектов конституции, которые обсуждались в прессе и в политических дебатах.

Текст Основного закона – первой японской конституции – было поручено составить главному государственному советнику, ключевой фигуре японского правительства – **Ито Хиробуми**, который вскоре был назван «отцом японской конституции». Ито в 1882 г. отправился в Европу, чтобы изучить европейский опыт и проконсультироваться у наиболее авторитетных западных ученых. Он побывал в Берлине, Лондоне и Париже. У него сложилось впечатление, что наиболее приемлемая модель конституции для Японии была у Пруссии. Германия обладала одной из наиболее консервативных конституций Европы, а Япония была объективно не готова к заимствованию более демократической политической системы. Японцев вполне удовлетворяла та идея немецких правоведов, что монарх и государство – это синонимы, что фактическая власть германского монарха не ограничена, а права рейхстага урезаны. В разработке официального проекта Основного закона Японии принимали участие два немецких консультанта.

Ито при этом не уставал повторять, что корона как институт в Японии имела гораздо более глубокие корни в сознании японцев и в японской истории, нежели в какой-либо другой стране и что «простое подражание зарубежным моделям не может являться удовлетворительным решением, поскольку Япония обладает историческими особенностями, которые нельзя сбрасывать со счетов».

Вернувшись в 1883 г. в Японию, Ито начал с того, что порекомендовал установить **систему аристократических рангов**, кото-

рая и была введена императорским указом в 1884 г. Система основывалась на германской модели: вводились титулы принцев, маркизов, графов, виконтов и баронов. В стране теперь было 576 титулованных особ. В категорию аристократов могли попасть только политики и военные – ни ученым, ни промышленникам такой чести не полагалось.

В 1885 г. Ито реформировал исполнительную власть, создав **кабинет министров и 10 министерств**, а также введя должность премьер-министра, который, по его мысли, должен был иметь полномочия, соответствующие полномочиям канцлера Германии. Ито стал первым премьер-министром. По его совету император созвал в 1888 г. **Тайный совет**, задачей которого было проанализировать и утвердить текст конституции. Предусматривалось, что Тайный совет будет продолжать и далее функционировать в качестве совещательного органа. Членами Тайного совета назначались пожизненно 12 человек, и в его заседаниях могли принимать участие министры. Этот орган должен был стоять выше кабинета министров. Поэтому Ито оставил премьерство и стал первым председателем Тайного совета (Тайный совет просуществовал до 1947 г.).

11 февраля, в знаменательный день, когда первоимператор Дзимму, по легенде, взошел на трон, в **1889 г.** император Мэйдзи, одетый в древние императорские одежды, совершил синтоистские ритуалы перед специальным алтарем и сообщил о даровании народу Японии конституции.

В первой японской конституции были прямые текстовые заимствования из Основного закона Пруссии 1850 г. Первая глава конституции была посвящена императору. **Император** Японии объявлялся лицом «священным и неприкосновенным» и никому неподотчетным. В полномочия императора входило объявление об открытии, закрытии, перерыве в работе и роспуске парламента. Он санкционировал принятие законов и издавал указы об их исполнении. Без его утверждения никакой законопроект, хотя бы и одоб-

ренный парламентом, не становился законом. В этом проявлялась верховная законодательная власть императора. Он признавался главнокомандующим вооруженными силами, объявлял войну и устанавливал мир, заключал договоры. Но указы императора должны были быть представлены парламенту и не противоречить законам, и ни один указ не мог вступить в действие без подписи соответствующего министра. Например, император мог назначить или уволить министра, только получив визу премьера. Так называемые «личные» указы императора на деле утверждались правительством и Тайным советом. Инициатива изменения конституции принадлежала тоже императору. Сакрализация верховной власти была продолжением традиционного отношения к императорской власти. В результате получалось, что власть в Японии – это не проявление политической воли, как в Европе, а скорее божественное благословление предков.

Глава вторая содержала **права и обязанности подданных.** Главными обязанностями объявлялись уплата налогов и служба в армии и во флоте. Конституция гарантировала японцам неприкосновенность жилища, право собственности, свободу вероисповедания, свободу слова, письма, публикаций, общественных собраний и организаций. Оговаривалось, что каждое право могло быть отменено в случае возникновения кризисной ситуации.

Следующие несколько глав касались парламента, круга обязанностей министров и Тайного совета. **Парламент** состоял из **палаты пэров**, куда входили знать и родственники императорской семьи, назначенные императором, и **палаты представителей**, которая избиралась народом. Права парламента были весьма ограниченными. Они сводились в основном к дебатам и утверждению решений, исходивших «сверху» за подписью Мэйдзи. Обе палаты обладали правом законодательной инициативы. Принятие законов базировалось на принципе консенсуса. Парламент не мог ни сокращать, ни отменять статьи утвержденного бюджета. Если пар-

ламент отклонял бюджет, принимался бюджет предыдущего года. Таким образом, парламент не мог влиять на политику правительства. Кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором. **Тайный совет** определялся как высший консультативный орган при императоре. В тексте конституции отсутствовало упоминание еще об одном очень важном органе власти – **гэнро** (совет старейшин), который обладал вполне реальными властными полномочиями.

Конституция вступила в действие в 1890 г. В отличие от многих других стран, где конституция добывалась ценою крови, в Японии это произошло совершенно мирно, по заранее составленному сценарию. Конституция помогла Японии завоевать признание со стороны международного сообщества, которого она добивалась, и получить статус великой державы. Она вошла в ряд «цивилизованных» держав, обладающих собственной конституцией. Будучи консервативной по содержанию, со слабо выраженным принципом разделения властей, условностью гражданских прав и свобод, конституция тем не менее была для Японии значительным шагом вперед.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие причины подтолкнули оппозицию к борьбе за введение конституции и парламента в Японии?
2. Кто был автором, «отцом японской конституции»?
3. Как Ито Хиробуми реформировал исполнительную власть в Японии?
4. Какими полномочиями располагал император по японской конституции?
5. Какие права и обязанности были у японцев по конституции?
6. Какую роль сыграла конституция во внутренней и внешней политике Японии?

Тема 7. ПРОМЫШЛЕННЫЙ РЫВОК ЯПОНИИ В 70-е гг. XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В период реформ в Японии появился долгосрочный лозунг **«Богатое государство, сильная армия»**. Как только основные реформы были проведены, появился конкретный лозунг дня: «Увеличивать производство, развивать индустрию». Один из знатоков японской истории Дж. Мак-Клейн заметил: «Описывать путь Японии к современной модели экономики значительно легче, чем пытаться объяснить, почему успехи были достигнуты в столь короткие сроки по сравнению с опытом других народов». Япония удивляет именно скоростью преобразований. Очевидно, этот феномен можно объяснить, только в комплексе рассмотрев все факторы, которые способствовали трансформации аграрного, доиндустриального, традиционного общества в современное, индустриальное.

Прежде всего следует отметить, что сама логика экономического развития эпохи Токугава обеспечила готовность японских экономических институтов воспринять и приложить к своей ситуации новейшие научно-технические достижения Запада. Некоторые исследователи полагают, что в экономическом плане логика развития Японии сильно напоминала таковую в европейских странах. Естественное развитие Японии неизбежно привело бы к капитализму, но в более поздние сроки. Опасность колонизации заставила японцев сплотиться перед этой угрозой – в политическом отношении они сплотились вокруг императора, провели эффективные экономические реформы, которые не оставались на бумаге, как в других странах Азии, а воплощались в жизнь быстрыми темпами (для сравнения: в Китае на реформы ушло примерно 40 лет, в Османской империи – практически весь XIX в. Эффективность же этих реформ оставляла желать много лучшего). Произошла консолидация предпринимательской энергии. Динамичное развитие бы-

ло единственным способом обезопасить суверенитет Японии от потенциально опасного Запада. При этом Япония могла опираться на опыт, наработанный европейцами и американцами, использовать их технологические достижения и тем самым сокращать историческое время, необходимое для индустриального развития.

Японцы истово выполняли один из пунктов клятвы императора Мэйдзи при восшествии на престол: **заимствовать знания по всему миру**. Япония не заимствовала всё подряд, а подходила избирательно к тому, что именно следует заимствовать в каждой европейской стране и в США: бралось на вооружение только то, что было наиболее развито в той или другой стране. Например, у англичан заимствовали опыт строительства верфей, кораблей, текстильных фабрик, у Германии – химических лабораторий, пивоварение и т.д.

Япония в начальный период Мэйдзи была наводнена иностранными товарами. Хлопковая ткань фабричного производства была прочнее и дешевле, чем изготовленная вручную ткачами. Керосин продавался лучше, чем традиционное ламповое масло, изготовляемое из семян рапса. Шерстяные ткани согревали лучше, чем несколько хлопковых халатов, в которые японцы кутались зимой. В **70-е гг. объём импорта в 12 раз превышал экспорт**. Надо было создавать **импортозамещающую** промышленность. По договорам с западными державами импортная пошлина на текстиль составляла всего 5%, и Япония не могла воспользоваться протекционистскими мерами. Японцы стали потреблять привозное сырье – английскую пряжу машинной выделки, которая была дешевле, прочнее и тоньше японской ручной пряжи, и изготовлять собственные ткани, сумев таким образом довольно быстро создать процветающую текстильную отрасль промышленности. **К концу XIX в.** спрос на японский шелк, хлопок, зеленый чай привел к росту денежных доходов в сельском хозяйстве (шелк приносил до 40% валютных поступлений страны) и **экспорт впервые превысил импорт**.

Ограниченность ресурсов, а точнее сказать, их практическое отсутствие исключала для Японии участь большинства азиатских стран – играть роль сырьевого придатка для развитых стран.

Главное бремя в деле создания отечественной индустрии взяло на себя **государство.** В первую очередь в Японии занялись созданием **инфраструктуры** – средств связи и транспортных путей, что должно было содействовать индустриализации страны. В это время в мире шла революция в сфере транспорта и связи, и Япония быстро вписалась в этот процесс. В 1869 г. была построена первая телеграфная линия между Токио и Иокогамой, а к 90-м годам уже все города Японии были связаны между собой телеграфными линиями. Телефонными линиями обзавелись 50 городов. Была создана почтовая служба. Стали строиться железные дороги: первая в 1872 г. связала Токио и Иокогаму, вторая – Осаку и Кобэ. Церемония открытия первой железной дороги могла сравниться только с церемонией объявления о даровании конституции – личное присутствие императора подчеркивало важность события. Вскоре железные дороги, которые часто называют кровеносными сосудами экономики, опутали всю страну.

Государство стало создавать благоприятные условия для предпринимательской деятельности. Была создана **современная банковская система**, без которой вхождение в капитализм было немыслимо. В 1882 г. был учрежден Японский банк, который стал центральным банком, координирующим финансовую деятельность и всего государства в целом, и других банков (в Японии вскоре открылось 2 359 банков). В 1896 г. был создан Ипотечный банк, а в 1900 г. – Промышленный банк. Это уже были инвестиционные банки, финансировавшие крупномасштабные предприятия.

Государство проводило протекционистскую политику в отношении отечественного предпринимателя. В 70-е гг. практически все предприятия, использовавшие западную технологию, создавались с непосредственным участием правительства. На деньги каз-

ны создавались так называемые **«образцовые»** предприятия, которые должны были быть моделью, образцом для подражания для частных предпринимателей. Они получали современное оборудование, доводились до уровня конкурентоспособности и затем передавались крепким частным компаниям. Этим предприятиям давались субсидии, налоговые льготы, гарантии прибыли. 70% их продукции шло на экспорт – в Америку, Францию и Англию.

Первоначальный период зарождения отечественной промышленности в Японии историки назвали **периодом «оранжерейного», или «тепличного», взращивания японского капитализма.** В этом плане можно привести пример с созданием на государственные средства заводов по производству рыбных консервов, сахарных заводов, мельниц на о-ве Хоккайдо. В Осаке и Кагосиме построили текстильные фабрики. Была построена шелковая фабрика в г. Томиока. **К концу века** государство перестало непосредственно участвовать в производстве, предоставив эту сферу деятельности частным предпринимателям. **Лидерство в промышленном развитии перешло к акционерным обществам**.

Большие средства вкладывались в модернизацию армии и строительство флота. В 1893 г. **у Японии уже была кадровая армия в составе 150 тыс. человек и 40 военных судов**. На развитие флота в течение 6 лет из жалованья всех государственных служащих вычитали по 10%, а император сократил свои расходы на одну десятую. Значительная часть флота была куплена за рубежом.

В 80-е гг. XIX в. появляются первые концерны – **дзайбацу**, которые выросли из традиционных торговых домов, сохранив прежние названия – Мицуи, Мицубиси, Фурукава (сам термин «дзайбацу» стал широко употребляться с первого десятилетия XX в.). Именно в их руки правительство передавало (точнее, продавало) «образцовые» предприятия.

В 90-е гг. XIX столетия в Японии начинает создаваться тяжелая промышленность, хотя ведущую роль в экономике про-

должала играть легкая промышленность, прежде всего текстильная. К началу XX в. Япония превратилась в одну из ведущих экономически развитых держав мира.

Бремя промышленного прогресса легло на плечи простых японцев. Его цена оказалась достаточно тяжелой для японской нации. Индустриализация породила новый класс – рабочих, численность которых росла высокими темпами. В 70-е гг. рабочих насчитывалось всего несколько тысяч, а в 90-е гг. – около 400 000.

На начальном этапе индустриализации **типичным фабричным работником была женщина, занятая в текстильной промышленности**. Условия труда на фабриках приводили к тяжелым болезням и безвременным смертям. Например, на шелкомотальной фабрике в Кофу рабочий день начинался в 4.30 утра, с 12.30 до 1.20 был перерыв, затем рабочий день продолжался до 8 часов вечера. Ткачиха работала от 13 до 18 часов в день. Вентиляция практически отсутствовала, и воздух наполнялся тончайшими волокнами шелка и хлопка, набивавшимися в глаза, рот и уши. Бронхит, астма, пневмония, легочный туберкулез и слепота были самыми распространенными заболеваниями. Серьезные заболевания не лечили, а отправляли домой умирать. В песне того времени были такие слова: «Чтобы убить фабричную девушку/ Вам не надо ножа;/ Просто раздавите ее/ Тяжестью тонкой пряжи». Работницы жили в бараках-общежитиях по тюремным правилам. Заработная плата рабочих Японии могла быть сравнима только с грошами, которые получали рабы на плантациях.

Поскольку заработная плата на промышленных предприятиях была мизерной, в Японии не могли применить практику взимания штрафов с проштрафившихся работников, как это было принято в других странах, – нечего было вычитать из столь малой зарплаты. Поэтому штрафы заменялись суровыми наказаниями. Работниц-ткачих обычно выгоняли «погулять» во внутренний дворик ткацкой фабрики голышом в любую погоду. Шахтеров подвешивали к

потолку связанными руками за крюк – так, чтобы пола касались только большие пальцы ног. Через некоторое время человек терял сознание.

Особенностью экономического развития Японии в этот период было и то, что **Японии удалось избежать участи большинства стран Востока – попадания в долговую кабалу к иностранным государствам**. Япония прибегала к получению займов, но до конца XIX в. она взяла всего два займа у англичан. Оба займа были целевыми. В 1870 г. был взят 1 млн ф. ст. на строительство первой железной дороги от Токио до Иокогамы. Второй – в 1873 г. – пошел на денежное компенсирование рисового жалованья самураев. Оба были возвращены в срок: первый займ был погашен в 1881 г., второй – в 1898 г., так что Японии удалось избежать необходимости платить проценты по этим займам.

Цена перехода от традиционного к индустриальному обществу была неимоверно тяжела для большей части населения Японии: чрезвычайно низкая заработная плата на промышленных предприятиях, тяжелые условия труда. Экономические успехи достигались с помощью серьезнейшего ограничения жизненного уровня населения.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какую роль сыграло государство на первом этапе индустриализации Японии?
2. Почему в Японии в первую очередь занялись созданием инфраструктуры?
3. Что такое дзайбацу?
4. Чем объяснить тот факт, что Япония не стала сырьевым придатком развитых стран Запада?
5. Как Японии удалось избежать участи попадания в долговую кабалу к иностранным государствам?

Тема 8. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ В XVII–XIX вв.

В то время когда Япония пребывала в изоляции, Россия, осваивая Восточную Сибирь, вышла к Охотскому морю. В 1697 г. к России была присоединена Камчатка. С середины XVII в. появились поселения на Курильских о-вах (их так назвали русские землепроходцы за постоянно дымящиеся на них вулканы) и Сахалине. В те времена там жили айны, которые в древние времена населяли территорию Японии, а потом были оттеснены на север – на о-в Хоккайдо (Эдзо), а также сибирские народности – нивхи (гиляки), ороки, эвенки и ительмены. Японцы появились в этих землях значительно позже – в 80-е гг. XVIII в. Они появлялись там лишь во время рыболовного сезона. Высаживаясь на Курилах, японцы ломали пограничные знаки, поставленные русскими. В 1785 г. Могами Токунай, участник японской экспедиции, которая добралась до о-вов Итуруп и Уруп, в своем отчете писал: «Я проплыл мимо первого острова, Кунашир, чтобы достичь следующего – Итурупа…Я был первым японцем, ступившим на эту землю, жители острова были удивлены, увидев меня, и окружили толпой, разглядывая меня». И он встретился здесь с несколькими русскими, которые его вежливо приняли. **Правительство Японии в XVIII веке не считало японской территорией ни Курилы, ни Сахалин, ни даже северную часть о-ва Хоккайдо, которую они называли «землей косматых варваров»**.

На протяжении XVIII в. несколько экспедиций было отправлено из России с целью «проведывания японского государства». Японию тогда называли «Япан-остров», «Остров Апония», «Япон».

В первой трети XVIII в. русские землепроходцы и путешественники ищут пути в Японию. Первейшей целью, которую им ставили, было «домогатца всякими мерами учинить торги нема-

лые, какие товары есть у ней и какие ее интересуют в России». В.И. Беринг, М.П. Шпанберг, В.Вальтон и др. находят пути в Японию. Русские корабли впервые подошли к о-ву Хонсю и высадились на о-ве Хоккайдо. Постепенно выяснялось, чем можно торговать с японцами. В инструкции, полученной руководителем экспедиции Иваном Антипиным в 1775г., в частности, говорилось: «Как у тамошних народов по их обыкновению и склонности японцы покупают жир, трескову юколу, бобры морские, нерпы черные, орловые хвосты, а напротив того они привозят и продают мохнатым курильцам (т.е. айнам) вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамуи серебрянныя, наподобие небольшой сабли ж, ножи, топоры, котлы зеленой меди да чугунные на ношках, то и тебе Антипину для продажи им, а покупки их товаров на судне иметь всегда надобно таковые ж необходимы котлы, корольки, орловые хвосты разных сортов и тому подобные припасы. От приведения ж японцев в знакомство и склонения к торгу зависеть будет государственная и народная польза…».

Правительство России было заинтересовано наладить торговлю с японцами, **чтобы иметь лояльного соседа на Дальнем Востоке и чтобы решить проблему снабжения продовольствием растущее русское и аборигенное население**. Поставки продовольствия и товаров первой необходимости из Японии могли значительно снизить расходы по их транспортировке из европейской части России. Сибирское купечество выказывало заинтересованность в установлении долгосрочных торговых отношений: «Наши же купцы могут ежегодно выменивать японский чай, сарачинское пшено (т.е. рис), шелковые и бумажные ткани, золото и прочее на сукна, кожи, на бобровые и рысьи шкуры и прочее». Кроме того, **русские суда нуждались в незамерзающих гаванях**, где могли бы переждать штормовую непогоду, провести необходимый ремонт, пополнить запасы пресной воды и продовольствия. Ускорилось бы экономическое развитие русского Дальнего Востока и Восточной

Сибири, с одной стороны, и северной Японии (о-в Хоккайдо и северо-восток о-ва Хонсю) – с другой. У Японии тоже мог появиться интерес к торговле с Россией и по той причине, что ей не нужно было бы покупать товары втридорога у голландцев. Единственным методом установления отношений России с Японией мог быть только мирный, дипломатический путь – Россия не имела достаточных сил и средств, чтобы применить насильственные методы, да и в долгосрочном развитии отношений дипломатия выглядела наиболее выгодным методом отношений.

В этот период границы России и Японии подошли вплотную друг к другу в районе южных Курил. Остров Кунашир находился в сфере влияния Японии, о-в Уруп – в сфере влияния России, о-в Итуруп – в промежуточной зоне, в отношении которой началось противоборство, не утихавшее до середины XIX века. В это время Япония официально торговала с Голландией и Китаем через Нагасаки. Это была незначительная по объему торговля – этот порт разрешалось посещать уже не двум голландским кораблям в год, а всего одному. **Русская торговля** при посредничестве айнов на севере Японии **велась нелегально**.

В последнее десятилетие XVIII в. в России формируется первое официальное посольство к северным берегам Японии. Экспедиция отправлялась от имени иркутского и колыванского генерал-губернатора И.А. Пиля, дабы не уронить престиж русской императрицы Екатерины II в случае отказа посольству в установлении торговых отношений между двумя странами и не возбудить подозрений Англии и Голландии по поводу целей российской политики на Дальнем Востоке. Дело было в том, что голландцы хотели сохранить свое право монопольной торговли и не допустить никаких конкурентов. В 1674 г. Англия попыталась добиться торговых привилегий в Японии, в 1685 г. – Португалия, но им было отказано. В 1791 г. в Японию прибыл английский корабль с целью открыть регулярную торговлю, но голландцы оказали противодей-

ствие, и англичане ничего не добились. Политика изоляции действовала, как видим, эффективно.

Голландцы к тому же использовали так называемое «предостережение» авантюриста **М.А. Беньовского**, который сбежал из России на Камчатку, а потом на захваченном им судне явился в Японию и стал убеждать голландцев и японцев в том, что Россия якобы готовит военную экспансию против Японии. Это настроило японское бакуфу против России, которая стала восприниматься как опасный потенциальный противник еще до установления официальных отношений.

Главой первого посольства России в Японию был назначен 26-летний поручик **Адам Лаксман**. Среди членов экспедиции было несколько купцов, а также три японца, которые волею судеб, в результате кораблекрушения, оказались в России и в течение многих лет не могли вернуться в Японию из-за действовавшего запрета – ни один японец, оказавшийся вне родины независимо от причины, не имел права возвращения. Когда пришла старость, эти японцы стали обивать кабинеты власти, чтобы им помогли вернуться на родину умереть. Екатерина II решила использовать отправку на родину этих японцев, чтобы экспедиция была успешнее. Она снабдила японцев многочисленными дорогими подарками. В наставлении Лаксману предписывалось «обходиться приязненно» с жителями Хоккайдо, выяснить, «какими товарами торгуют с японцами», собрать новые сведения о стране и вручить японскому правительству письмо губернатора Пиля с объяснением цели визита – установления торговых отношений.

Летом **1793 г.** корабль «Екатерина» с первым российским посольством на борту прибыл в Хакодатэ, где был торжественно встречен японскими властями. За возвращенных японцев Лаксману подарили 100 мешков риса и три японских меча. Ему вручили лицензию на посещение Нагасаки – **«лист о позволенном входе в Нагасакскую гавань»**. Разрешение давалось только одному рус-

скому судну и только для переговоров о торговле, но еще не самой торговле. Это был успех в том смысле, что лицензия была исключением из правил изолированной Японии – их никому не давали. Вполне вероятно, что ее дали России потому, что японцы, предупрежденные Беньовским, опасались, что Россия может в случае отказа послать уже не одно судно, а более мощные вооруженные силы, ибо японцы поняли, что эта страна – могущественное государство.

Но Россия не воспользовалась предоставленной возможностью. Русский мореплаватель В.М. Головнин объяснял это так: «Неизвестно, почему покойная государыня (Екатерина II умерла в 1796 г.) не приказала тотчас по возвращении Лаксмана отправить корабль в Нагасаки. Вероятно, что беспокойства, произведенные в Европе Французской революцией, были тому причиной». Отвлекала Россию и борьба за влияние в Польше.

Экспедиция Лаксмана явилась центральным событием в русско-японских отношениях в XVIII в. Она подготовила базу для нового, более авторитетного посольства. Но второе посольство было отложено почти на десятилетие.

Посольство Н.П. Резанова в Японию (1803–1805 гг.)

В 1799 г. указом Павла I была создана Российско-американская компания. Она располагала обширными территориями – Аляска, Курилы, Сахалин, Алеутские о-ва. Главное правление компании располагалось в Петербурге, а главная контора – в Иркутске. Акционерами компании были Александр I, члены императорской фамилии, князья и крупные сановники. Компания была призвана укреплять позиции России на Тихом океане – способствовать освоению дальневосточных владений, открытию и исследованию новых земель, развитию промыслов и торговли. Таким образом, российское правительство стремилось возложить на сибирское

купечество задачу организации противодействия экспансии Англии, США, Голландии в этом регионе. Компания испытывала затруднения в наличии постоянных рынков сбыта для промышленных товаров, пушнины, кожи, юфти и нуждалась в снабжении населения продовольствием и предметами первой необходимости. Возникла идея использовать японскую лицензию, полученную Лаксманом, для доставки продовольственных и других товаров в Охотск и на Камчатку из соседней Японии.

В 1802 г. компания обратилась к Александру I с просьбой о разрешении отправить из Кронштадта первую русскую кругосветную экспедицию с заходом в Японию, чтобы снабдить тихоокеанские владения необходимыми для кораблестроения материалами и припасами. Целью компании было и начало торговли с Китаем и Японией. Александр I принял предложение. Начальником экспедиции был назначен талантливый морской офицер капитан **И.Ф. Крузенштерн**, он должен был управлять судами и экипажем. Поскольку **вместе с кругосветной экспедицией было отправлено посольство в Японию**, его возглавил уполномоченный Российско-американской компании в колониях **Н.П. Резанов**, в руки которого были переданы и все коммерческие дела экспедиции.

В инструкциях посольству рекомендовалось подчеркнуть могущество России и ее авторитет в Европе, независимость русского императора от папы римского, отличие православия от католичества. Предписывалось соблюдать японские обычаи, вести себя «пристойно, учтиво», обращаться «ласково с японцами и точно так, как губернатор предпишет». Указывалось, что «важнейший предмет обязанности Резанова состоит в открытии торга с Японией». Ему надо было убедить японские власти предоставить России право свободной торговли и право направлять в Нагасаки не одно, а несколько судов, и не только в Нагасаки, но и в другие порты, объяснив им выгодность прямой, без посредников, торговли. Японцам предлагалось ввозить из России рыбу, моржовую кость,

пушнину, сукна – эти товары они от других государств «столь выгодно не получат». В случае отказа Резанов должен был добиваться разрешения на торговлю на Хоккайдо (Эдзо), а если и в этом будет отказано, наладить посредническую торговлю с Японией через курильцев на о-ве Уруп и, при посредничестве айнов, на Сахалине. Ему поручалось собрать дополнительные сведения об устье Амура, Сахалине, об отношениях Японии с Китаем и Кореей. Сам Резанов предлагал создать на Урупе и Кунашире земледельческие колонии и фактории для торговли с Японией и использовать айнов как посредников.

Осенью **1804 г.** после 16-месячного плавания экспедиция прибыла в Нагасакский пролив. Два с половиной месяца пришлось ждать разрешения на вход кораблей на внутренний рейд. Еще почти четыре томительных месяца русскому посольству пришлось ждать ответа японской стороны. Ответом был отказ. Переговоры закончились безрезультатно. Голландцы всячески вредили переговорам японцев с русскими, даже подкупали переводчиков, чтобы искажать в свою пользу переговоры. Наибольшее огорчение от отказа наладить торговлю испытывали сибирские купцы, так же, впрочем, как и японские торговцы. Резанов сделал вывод: «Торг нам отказан, но надежд впереди еще много». Ученые – члены экспедиции – подготовили для Академии наук коллекцию образцов флоры и фауны Японии, изделий ремесла, одежды и утвари. Был исследован Нагасакский пролив, составлена карта.

Резанов был не первым иностранцем, которому японские власти отказали в торговле в то время. За год до него, в 1803 г., отказ получили англичане и американцы.

Экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова (1806–1807 гг.)

По возвращении из Японии Резанов дал секретное задание командиру фрегата «Юнона» Н.А. Хвостову и командиру тендера

«Авось» Г.И. Давыдову, состоявшим на службе Российско-американской компании, «побывать на южных Курильских островах, осмотреть, не проникли ли туда японцы и не притесняют ли они русских подданных курильцев», проверить слухи о проникновении на южный Сахалин японцев, которые поступают там с айнами, «как с рабами – весьма жестоко» и «прогнать, если они туда проникли» после 1796 г. и объявить японцам, что они могут приезжать туда лишь для торговли с русскими. Не дождавшись ответа из Петербурга на свою просьбу организовать экспедицию к берегам Сахалина и Курил, Резанов дал эти инструкции Хвостову и Давыдову от своего имени, нарушив тем самым принятый порядок.

Прибывшая без разрешения на то экспедиция водрузила на южном Сахалине российские флаги – государственный Андреевский и коммерческий флаг Русско-американской компании, арестовала несколько японских чиновников, изъяла 600 мешков риса, посуду, одежду, сакэ, все это раздала айнам, а 11 японских построек, судно, 9 лодок и рыболовные сети были сожжены.

В 1807 г. «Юнона» и «Авось» высадились на о-ве Итуруп. Здесь русские моряки пленили пятерых японцев, забрали из складов рис, соль, одежду, инструменты, а затем сожгли японские склады и постройки. Губернатору Хоккайдо экспедиция направила послание, в котором утверждалось, что Курилы и Сахалин принадлежат России. **Это было несанкционированное силовое давление на Японию.** Некоторые японцы сочли эти действия местью России за отказ Японии торговать с ней. А.П. Чехов после путешествия на Сахалин писал: «Эти храбрые офицеры воевали с Японией без ведома правительства в полной надежде на безнаказанность». Адмирал Головнин оценил эти события так: «Резанов объявил войну Японии за несогласие ее войти в торговые и нами сношения и… составил план военных действий, который состоял в том, чтобы два компанейских судна грабили и жгли прибрежные японские селения, послав вперед к японцам бумагу, что сии опу-

стошения дотоле будут продолжаться, доколе правительство их не согласится с нами торговать».

Дело заключалось в том, что в это время столкнулись интересы Российско-американской компании с интересами японского правительства, которое именно в эти годы попыталось расширить экономическое и политическое влияние Японии в северо-западной части Тихого океана. Японцы хотели ликвидировать российские колонии на южном Сахалине и южных Курилах. Хвостов и Давыдов за действия в отношении японцев, предпринятые без разрешения правительства и императора, были арестованы, и у них отобрали награды «за своеволие».

Экспедиция Хвостова и Давыдова была, очевидно, единственным примером насильственных действий русской стороны, носивших локальный характер и осужденных самим русским правительством. В 1808г. войска северных княжеств Японии были направлены по предписанию сёгуната на Сахалин, Кунашир и Итуруп, т.е. японцы оккупировали южный Сахалин и южные Курилы. Знаки принадлежности этих земель России были ликвидированы и поставлены новые столбы с надписями об их принадлежности Японии.

Экспедиция В.М. Головнина (1811–1813 гг.)

В 1807 г. для научного описания «малоизвестных земель Восточного края Российской империи» была отправлена экспедиция на военном шлюпе «Диана». Главой экспедиции стал капитан-лейтенант В.М. Головнин. Когда моряки высадились на южном побережье о-ва Кунашир для пополнения запасов пресной воды и провизии, их вероломно схватили японцы, заподозрив, что Головнин прибыл с теми же целями, что и Хвостов с Давыдовым. Их держали в темных клетках в Хакодатэ на полуголодном рационе, подвергали многочисленным длительным допросам, доводившим

их до обморочного состояния. Интересно отметить, что в свободное от допросов время Головнина и его офицеров заставляли переводить русские учебники и книги на японский язык. Арест продолжался более двух лет. Во избежание подобных инцидентов в будущем впервые был поставлен вопрос об установлении государственной границы между Россией и Японией. В 1814 г. Головнин прибыл в Петербург. Он написал «Записки о приключениях в плену у японцев», в которых убеждал читателя, что «японцы совсем не таковы, каковыми их представляют себе просвещенные жители Европы», что они «умны и проницательны» и «имеют справедливую причину бояться как огня» европейцев.

Между 1803 и 1833 гг. на Тихий океан было отправлено 30 экспедиций – по одной в год. 16 из них были снаряжены морским ведомством, остальные были смешанные, с привлечением судов Российско-американской компании. Освоение Курильских о-вов Россией продолжалось. В 1828 г. на о-ве Уруп было восстановлено русское поселение.

Установление межгосударственных отношений России с Японией в середине 50-х гг. XIX в.

К началу 50-х гг. XIX в. ситуация складывалась таким образом, что западные державы уже были готовы пробить брешь в изоляции Японии от внешнего мира, и Россия тоже решила действовать более активно. В 1852 г. был учрежден Особый комитет по азиатским делам, который отправил в Японию экспедицию во главе с послом вице-адмиралом и генерал-адъютантом **Е.В. Путятиным** для установления с ней торговых и дипломатических отношений. Путятин был видным мореплавателем и дипломатом – он успешно выполнял ответственные поручения в Иране и был сторонником более тесных отношений с Японией и Китаем. Экспедиция Путятина появилась в заливе Нагасаки в **1853 г.**, через месяц после

ухода американского коммодора Перри из залива Урага (около Эдо). Японцы всеми средствами затягивали переговоры – они длились 6 месяцев.

Переговоры проходили в трудной обстановке. В результате землетрясения и шторма затонула «Диана». Жители Японии с участием отнеслись к потерпевшим кораблекрушение русским морякам и помогли им построить в бухте Хэда новое судно. Заключительный этап переговоров совпал с разгаром Крымской войны (1853–1856 гг.). Англия и Франция разработали планы по уничтожению русского флота на Тихом океане. Английские и французские корабли напали на русские суда в японских водах, уничтожили русскую факторию на о-ве Уруп и высадили десант на Камчатке. Петропавловский гарнизон на Камчатке насчитывал 800 человек, в порту стояли два русских корабля – фрегат «Аврора» с 44 пушками и «Диана» с 12 пушками. Гавань защищалась тремя батареями с 19 орудиями.

В августе 1854 г. к Петропавловску подошла англо-французская эскадра, которая имела четырехкратное превосходство в численности военнослужащих и мощи своих орудий. Неделю длилось сражение – русским защитникам удалось отбить атаки. После этого город, по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, оставили его жители. В 1855 г. 12 больших военных судов Англии и Франции вошли в Авачинскую бухту, бомбардировали город без жителей и батареи без пушек и покинули бухту. Эта эскадра уничтожила фактории Российско-американской компании на о-ве Уруп.

Миссия Путятина находилась под реальной угрозой нападения английских и французских военных кораблей. Слабость позиций России на Дальнем Востоке и господство англо-французского флота в водах, омывавших русские владения в северо-западной части Тихого океана, создавали благоприятные условия для японской дипломатии в переговорах с Россией. Беспокоил Путятина и

интерес, проявленный американской прессой к сообщениям об открытии русскими угольных месторождений на Сахалине.

Благоприятным же фактором было насильственное «открытие» Японии американцами в 1854 г. – теперь японцы должны были стать сговорчивее. В отличие от американцев, Путятин получил инструкции ни в коем случае не угрожать японцам применять силу, прибегать лишь к «миролюбивым мерам, дабы не лишиться тех выгод, какие, без сомнения, приобретут теперь американцы, а может быть, и другие морские державы». Во время переговоров Путятин проявлял настойчивость и в то же время гибкость, с уважением относился к нравам и обычаям японцев, чем снискал у них популярность и оставил после себя добрую память. Российская делегация после окончания переговоров подарила японцам шхуну «Хэда» (по образцу этого корабля японцы построили 6 кораблей – это были первые корабли Японии, построенные с помощью русских мастеров-матросов. Кстати говоря, из России в Японию пришло искусство фотографии и ателье по пошиву европейской одежды) и 52 пушки – за помощь, оказанную русским морякам во время землетрясения 1854 г. **А в 1994 г. в г. Фудзи японцы поставили памятник Путятину.**

При обсуждении границ между Россией и Японией поначалу Путятин настаивал на том, что о-в Итуруп принадлежит России, а Япония настаивала на том, что все острова принадлежат ей. Считая первоочередной задачей заключение трактата о торговле, Путятин согласился на уступку о-ва Итуруп и на то, чтобы о-в Сахалин оставался не разграниченным между Россией и Японией. Японцы перебрали архивные материалы в тайниках замка Эдо, но не обнаружили документов, доказывающих права Японии на Сахалин. Сахалин продолжал считаться запретной для японцев землей, «землей косматых варваров». Японцы появлялись здесь изредка. Главным доводом японцев во время переговоров был тот, что айны, которые жили на Сахалине, перешли туда с о-ва Хок-

кайдо, поэтому их надо считать подданными Японии, а Сахалин, соответственно, надо считать японской территорией. Зная о неудачах России в Крымской войне, японцы отказывались признавать Сахалин русской территорией, хотя по первенству открытия и освоения Россия имела на него больше прав.

В результате была достигнута самая важная цель миссии – **в 1855 г.** был заключен трактат **о торговле и границах** в г. Симода, который вошел в историю как **Симодский трактат**. По нему **между Россией и Японией устанавливались дипломатические и торговые отношения**. В Японии, в Хакодатэ, с 1856 г. появился русский консул. Япония открывала порты Хакодатэ, Симода и Нагасаки (к слову, американцы получили только два открытых порта – Хакодатэ и Симода). Россия открывалась для Японии так же, как Япония для России. Товары, приобретаемые в Японии, Россия, в отличие от США, имела право обменивать на свои товары, а не только платить за них золотом или серебром. Торговля должна была контролироваться японскими чиновниками.

Граница между Японией и Россией отныне пролегала между о-вами Уруп и Итуруп: **«Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России»**. Таким образом, России пришлось поступиться южной частью Курил, являвшихся в течение почти столетия русской территорией. **Сахалин оставался неразделенным** – на картах России и Японии он закрашивался соответственно либо как русский, либо как японский. Права Японии на него так и не были доказаны, а фактически он находился под контролем российских властей с начала XVIII века. На Россию распространялся принцип наибольшего благоприятствования (в течение нескольких десятилетий это преимущество носило чисто номинальный характер). Важное значение Симодского трактата заключалось в том, что он обеспечил

нейтралитет Японии в период Крымской войны, не допустив использования ее территории против русского Дальнего Востока.

Ограниченный объем торговли и довольно высокие таможенные тарифы (35%) на экспорт и импорт товаров по Симодскому трактату не позволили России удовлетворительно решить проблему продовольственного снабжения ее тихоокеанских владений. В этом договоре, в отличие от договоров с другими державами, отсутствовали статьи о посредничестве России в случае возникновения конфликтов с третьими государствами и о поставках ею судов и вооружений, т.е. Россия соблюдала принципы нейтралитета и невмешательства во внутренние дела Японии. Такая политика объяснялась слабостью России на Дальнем Востоке, отсутствием в этом регионе российского торгового флота и неконкурентоспособностью российских товаров на японском рынке.

Русско-японские отношения во второй половине XIX в.

В 1855-1858 гг. Япония подписала с Россией новые торговые договоры в контексте серии договоров с западными государствами. В экономическом плане это мало что дало России. Русские купцы и промышленники почти не воспользовались теми привилегиями, которых добилась русская дипломатия. Сибирские товары – лес и меха – пользовались плохим спросом в Японии. Те же товары, которые находили спрос в Японии, – шерсть, сукно, свинец, олово, стеклянные изделия, приходилось привозить из европейской части России, на перевозки уходило по полтора-два года, а тихоокеанского торгового флота у России попрежнему не было. Купцы не желали рисковать своими капиталами. Доля России в торговом обороте составляла 0,5% японского экспорта и чуть более 3% импорта.

До конца XIX в. сохранялся мирный характер русско-японских отношений. Консулам России в Японии предписывалось придер-

живаться нейтралитета в отношении Японии и происходящих в стране междоусобных столкновений, не вмешиваться в ее инциденты с западными державами.

Спорным оставался вопрос о размежевании Сахалина. В **1867 г.** были подписаны «Временные правила», или Петербургская конвенция, которая **определяла Сахалин «в совместном владении» России и Японии** с правом подданных обоих государств селиться и возводить постройки на незанятой территории острова. Русские осваивали эту территорию более успешно, нежели японцы, поскольку те не выдерживали сурового местного климата, болели и покидали Сахалин. **В 1875 г. по Петербургскому договору Япония признала весь Сахалин русским владением в обмен на уступку ей средней и северной частей Курильских островов (от о-ва Уруп до п-ова Камчатка), и японцы покидали Сахалин**.

Правительство Мэйдзи поставило задачу **заселить Хоккайдо**, чтобы укрепить северные рубежи страны. В 1869 г. в Японии была создана Служба колонизации Хоккайдо, стимулировалась миграция японцев на север, принимались меры по ассимиляции айнов. Сюда переселили 10 тыс. семей бывших самураев – им дали возможность приобретать земельные участки за половину их стоимости – разница покрывалась государством. Кроме земли, они получали дом, утварь, сельскохозяйственный инвентарь и запас провизии на три года. Взамен бывшие самураи должны были обрабатывать землю и оборонять остров в случае военной угрозы. В 90-е гг. масштабы иммиграции возросли – после заявления правительства о том, что оно обеспечит всех переселенцев землей и освободит их на 10 лет от уплаты земельной ренты и налогов, после чего переселенцы получат право собственности на эту землю.

Была разработана **программа ассимиляции айнов**. Им запретили носить кольца в ушах, покрывать тело татуировками, принудили посещать богослужения в синтоистских храмах и изменить имена на японские. Дети айнов в школах изучали японский язык.

Айнов стремились превратить из охотников и собирателей в цивилизованных земледельцев. Это не получилось: их земли перешли к японцам, зачастую путем обмана. Айны же в большинстве своем были вынуждены работать на рыбных заводах. Развить коммерческий потенциал Хоккайдо удалось только в области варения сакэ и в рыбной промышленности. В Саппоро был открыт университет Хоккайдо по американскому образцу. В 1882 г. Служба была ликвидирована. **Хоккайдо**, **без сомнений, стал всецело японским островом**.

После поражения России в Крымской войне её влияние в Европе упало, и она активизировала свою внешнюю политику на Дальнем Востоке. Этой активизации способствовало динамичное развитие капитализма после реформ 1860-х гг. На повестку дня встал вопрос о необходимости строительства Транссибирской железной дороги, которая бы послужила укреплению экономических, политических и военных позиций России на Дальнем Востоке.

На церемонию начала строительства Транссибирской железнодорожной магистрали во Владивосток прибыл наследник престола Николай Александрович, будущий император. Во время этого визита на него напал и легко ранил в голову ненавидящий иностранцев японский полицейский, некий Цуда. **Ответственность за покушение на Николая взял на себя японский кабинет министров, полностью уйдя в отставку**.

Япония добивается в 90-е гг. XIX в. отмены неравноправных договоров с иностранными государствами. Сначала, в 1894 г., переписывает договор Британия, за ней, к 1899 г., это проделывают остальные державы. Япония начинает готовиться к военной экспедиции в Корею. Россия, в отличие от западных держав и Японии, выступала за не насильственное, а мирное «открытие» Кореи для дипломатических и торговых отношений с другими странами.

Япония в 1873 г. обратилась к России с просьбой разрешить высадить японские войска в русском Приморье для дальнейшего

следования в Корею, но Россия не дала положительного ответа. В 1876 г. японская военная экспедиция направилась в Корею и навязала ей неравноправный торговый договор. Это не изменило позиции России. В инструкциях посланникам в Японии и Китае предписывалось содействовать «охранению Кореи как страны с нами сопредельной от покушений извне или от захватов», так как это могло угрожать дальневосточным владениям России. Япония активно готовилась к прямому захвату Кореи, вводя русское правительство в заблуждение в отношении своих «мирных устремлений». В 1894 г. начинается японо-китайская война, и Япония рассчитывала, что Россия, как и другие державы, в конфликт не вмешаются, а ограничатся дипломатическими демаршами. Расчет оказался верным. Японию в России считали слабым соседом, который настроен дружественно и не стремится к экспансии. В ошибочности такого видения России скоро пришлось убедиться.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Чем интересовала Япония Россию в XVIII в.?
2. По каким причинам не были использованы благоприятные результаты экспедиции А. Лаксмана в Японию?
3. Какую роль сыграли голландцы в период налаживания связей России и Японии?
4. Какую роль сыграл авантюрист Беньовский в начальный период становления российско-японских контактов?
5. Как столкнулись интересы Японии и Российско-американской компании на Дальнем Востоке?
6. Каким образом Крымская война добралась до Тихого океана?
7. Каковы были условия Симодского трактата 1855 г.?

Тема 9. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В 70-е гг. XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Уже в ходе преобразований, последовавших после Реставрации Мэйдзи, Япония начинает проводить активную, а точнее, агрессивную внешнюю политику. Увеличивающаяся с ходом времени **агрессивность** модернизирующейся Японии **объяснялась комплексом причин.**

Первая: Япония, решившись на заимствования у Запада научно-технических достижений, «логично» решила, что необходимо встать вровень с развитыми странами Запада не только в экономическом смысле, но и в смысле превращения в такую же империю, каковыми были Великобритания, Германия, Франция. **Мир фактически был уже поделен этими империями, и поэтому надо было проводить агрессивную, наступательную внешнюю политику, чтобы построить свою, японскую, империю.** Перед Японией был образец для подражания – официальный Запад беззастенчиво превозносил агрессию и силовые способы решения конфликтов.

Вторая: японская промышленность очень скоро вышла на такой уровень, что стало не хватать сырья - **понадобились рынки сырья**.

Третья: в Японии стало производиться такое количество промышленных изделий, которые внутренний рынок не мог поглотить из-за крайне низкой покупательной способности японских потребителей – **необходимы были рынки сбыта** готовой японской продукции.

Существовала и еще одна, *внутренняя политическая причина* активизации внешних захватов: часть японского самурайства была оппозиционно настроена против нового режима. От этой оппозиции можно было ожидать – что и происходило на самом деле – бесконечных мятежей, беспорядков. Самым известным и крово-

пролитным стало **восстание самураев под предводительством Сайго Такамори в 1877 г.** Его назвали последним мятежом самураев. После обнародования указа императора о запрещении самураям носить при себе мечи те ответили восстанием. Победа далась императорским войскам дорогой ценой – повстанцы потеряли убитыми 18 тыс. человек, императорские войска потеряли 6 тысяч человек, 10 тыс. были ранены. На подавление восстания было истрачено 80% бюджета страны. Власть была заинтересована во внутриполитической стабильности, чтобы продолжать быструю модернизацию. Излишнюю воинственность самурайства стали направлять в русло внешнеполитических завоеваний.

В Японии строился сильный военно-морской флот, модернизировалась армия, закупалось и производилось оружие.

Начали японцы с архипелага **Рюкю**, который китайцы называли Люцю. Княжество Рюкю имело даннические отношения с Китаем. Но с XVII в. оно стало платить дань японскому княжеству Сацума. Япония стала требовать окончательно прекратить даннические отношения с Китаем. Король Рюкю просил сохранить двойное подчинение, называя Японию отцом, а Китай матерью. Японцы же применяли метафору родства по-другому – они утверждали, что у жены не может быть двух мужей. В **1872 г.** Япония объявила Рюкю своим «княжеством» – оно оказалось единственным княжеством на территории Японии, поскольку все остальные уже были к этому времени упразднены. В 1879 г. японское правительство заставило последнего короля Рюкю отречься от престола и формально включило острова в состав территории собственно Японии в качестве префектуры **Окинава**.

В **1874 г.** японцы предприняли неудачную попытку захватить **Тайвань**. С 1683 г. Тайвань считался китайской территорией, но присутствие Китая на этой территории было минимальным – там проживали местные племена полинезийского происхождения. Цины препятствовали миграции китайцев на остров и не прилагали

никаких усилий к его освоению. Поэтому японцы заявили, что на Тайване нет «хозяина» – Китай не в состоянии обеспечить там порядок. В качестве «хозяина» Япония предлагала себя. Она рассчитывала на помощь Англии и Америки, но те отказались участвовать в операции. В японском правительстве не все поддерживали военную операцию на Тайване – против выступил даже военный министр. Был послан приказ об отсрочке экспедиции, но Цугумити, возглавлявший войска, ослушался приказа и прошелся по Тайваню, не встречая сопротивления, – японцы потеряли всего 12 человек на поле боя, а вот от малярии скончалось 525 человек. Переговоры с Китаем проходили при посредничестве Британии и Франции. Япония получила не территорию, а очень небольшую контрибуцию. Тайвань был признан китайской территорией.

Наиболее важным и близким объектом для агрессии Японии была **Корея**. Эта страна могла стать в ближайшем будущем предметом притязаний Британии или России. Россия намеревалась строить Транссибирскую магистраль и конечным ее пунктом могла сделать не Владивосток – порт Владивостока зимой покрывался льдом, а какой-нибудь незамерзающий порт в Корее. Тот факт, что по новой магистрали Россия сможет перебрасывать войска на Дальний Восток, настораживал Японию. Японский премьер-министр Ямагата считал, что если Корея попадет под влияние Англии или России, безопасность Японии окажется под угрозой.

Еще в 1873 г. новые лидеры Мэйдзи потребовали от Кореи признать восстановление императорской власти в Японии. Корея упорно не желала сделать это. Сайго Такамори предложил послать в Корею карательную экспедицию. Но тогда его не поддержали, опасаясь акций западных держав против еще не набравшей силу Японии. Через три года Япония попыталась было заручиться поддержкой России в подготовке военной операции против Кореи – она попросила российское правительство разрешить пропустить свои войска через территорию русского Приморья, но это предложение было отвергнуто.

В 1875 г. было заключено русско-японское соглашение, по которому о-в Сахалин полностью отходил к России, а Курильские о-ва отходили Японии. Это была победа японской дипломатии – русская дипломатия не сумела отстоять интересы страны. Общественное мнение Японии восторженно встретило договор с Россией. Это соглашение развязывало руки Японии в ее агрессивных намерениях по отношению к Корее.

Начинается давление на Корею и Китай. В 1876 г. японцы навязали Корее неравноправный торговый договор и почти полностью монополизировали ее внешнюю торговлю. В 1885 г. Япония подписывает договор с Китаем, по которому обе стороны обязывались без взаимного согласования не вводить войска в Корею, которая формально находилась под китайским суверенитетом.

Таким образом, к этому времени суверенитет Японии распространился на Хоккайдо, Курильский архипелаг, о-ва Окинавы.

При этом японцы не забывали оправдывать свои агрессивные намерения **идеологически**. В 1885 г. **Фукудзава Юкити**, который в 1860–1870-е гг. способствовал широкому распространению в Японии западных идей и институтов, опубликовал в одной из газет свою ставшую знаменитой статью под характерным названием **«Бегство из Азии»**. В ней говорилось, что «цивилизованной» Японии нет смысла ждать, когда ее примеру последуют соседи – она уже настолько оторвалась от них, что ей по дороге теперь не с азиатскими, а с европейскими странами. Во-первых, утверждал он, Япония должна не только иметь, но и использовать на деле военную мощь. «Когда другие (имеются в виду страны Запада) используют жестокость, – писал он, – мы также должны быть жестокими. Во-вторых, Япония должна побуждать своих соседей по Азии к проведению у себя в странах реформ так, чтобы они смогли выдержать натиск Запада. Если они откажутся, Япония должна принудить их сделать это». Он напомнил своим читателям притчу: если человек живет в каменном доме, а его соседи в деревянных

домах, ему тоже грозит пожар. Надо убедить соседа перестроить свое жилище. Но если «ему угрожает беда, он имеет право захватить землю своего соседа – не потому, что он желает заполучить эту землю или ненавидит своего соседа, а просто ради того, чтобы уберечь свой дом от огня». Фукудзава предлагал обращаться с Китаем и Кореей, этими «дурными друзьями», так же, как поступает Запад со своими колониями. он призывал подчинить эти «отсталые» страны. Тем самым Япония «поможет» Корее и Китаю модернизироваться по японскому образцу. Теперь японская элита стала считать, что историческая миссия Японии состоит в том, чтобы пробудить от сна Китай, Корею, а потом и всю остальную Азию. Китай, у которого Япония в течение многих столетий заимствовала экономическую, политическую и художественную культуру, стал считаться олицетворением застоя и врагом «прогресса». Японские журналисты писали о корейцах и китайцах с чувством брезгливости и презрения, называя их «свиными хвостами».

Японо-китайская война 1894–1895 гг.

В 1894 г. националистическими настроениями были заражены газеты, обе палаты парламента. От правительства требовали «независимой внешней политики». Националистическая экзальтация подталкивала правительство к решительным действиям. Япония почувствовала себя настолько сильной, что уже была готова свести счеты с Китаем. Осталось найти предлог.

В Корее в 1894 г. бушевало крестьянское восстание против «продавшихся иностранцам» чиновников. Правительство Кореи не могло справиться с восстанием и призвало на помощь китайские войска. Китай послал полторы тысячи солдат в Корею. Япония получила искомый предлог, и под лозунгом «восстановления мира» в Корею вошло 8000 японских солдат. Восставшие крестьяне и корейское правительство прекратили противостояние. Но ни Ки-

тай, ни Япония свои войска не выводили. Японцы потребовали от Кореи прекращения вассальных отношений с Китаем.

Японию молчаливо одобряли англичане, которым нужен был союзник перед лицом сближения в то время Франции, Германии и России. В том же **1894 г.** был подписан англо-японский договор о торговле. Это было начало **переписывания торговых договоров Японии с западными державами с неравноправных на равноправные**. За Японией признавалось право самостоятельно устанавливать тарифы. Предусматривалось, что к 1911 г. все отношения с Японией будут окончательно переведены на равноправную основу. Англия, первая пересмотревшая свои договорные права с Японией, дала тем самым понять, что не возражает против присутствия японских войск в Корее. Англичане решили поспособствовать укреплению Японии в противовес амбициям России в Восточной Азии.

Заручившись поддержкой Англии, правительство Японии объявило войну Китаю. Целью Японии было объявлено обретение Кореей независимости и «реформирование дурного управления». Таким образом, Япония начала свою первую большую войну на чужой территории, порвав с политикой Токугава, целью которой был мир и внутри страны, и вне ее.

Европейские державы придерживались нейтралитета. Европейские эксперты единодушно утверждали, что маленькой Японии ни за что не одолеть огромный Китай. Но в самой Японии царил такой милитаристский энтузиазм, что некоторые юноши совершали самоубийство только потому, что их по какой-то причине не взяли в армию. Один лейтенант убил свою малолетнюю дочь, потому что ее не с кем было оставить, а он рвался в бой (по традиции самурай должен был забыть о своем доме, родных и о себе самом, когда речь шла о войне).

Созданное японцами корейское правительство прояпонской ориентации провозгласило независимость Кореи от Китая и обратилось

за «помощью» к Японии. Летом 1894 г. японский корабль потопил транспорт, перевозивший 1 500 китайских солдат. Японская армия ворвалась в Корею. Затем военные действия были перенесены на территорию Китая. Осенью 1894 г. пал Лушунь (Порт-Артур), за ним – Далянь (Дальний), затем в феврале 1895 г. был разгромлен китайский флот у порта Вэйхавэй, после чего китайские адмиралы покончили жизнь самоубийством. Японцы устроили в Порт-Артуре дикую резню – было уничтожено 60 тыс. китайцев. Китайский флот был уничтожен, а сухопутная армия терпела поражение за поражением.

Поражение Китая было закономерным: в то время когда Япония создавала армию и флот современного типа, в китайской армии некоторые подразделения были вооружены луками и стрелами. Среди трофеев, доставленных в Японию, красовались огромные оловянные сабли и крашенные черной краской ядра из известки.

Весной 1895 г. начались переговоры о прекращении войны в японском **г. Симоносеки**. Главой китайской делегации был главный министр китайского правительства Ли Хунчжан, его сопровождало 125 человек. На него было совершено покушение – японский «патриот» выстрелил в Ли Хунчжана, слегка задев щеку. На допросе японец показал, что он хотел сорвать переговоры и добиться продолжения войны с Китаем.

В апреле **1895 г.** был заключен **Симоносекский мирный договор**, по которому Корея отказывалась от вассальных отношений с Китаем и становилась независимой. К Японии отходили Тайвань, Пескадорские о-ва и южная часть Ляодунского п-ва. Китай должен был выплатить контрибуцию в 300 млн иен (эта сумма превышала годовой доход китайского бюджета в три раза). Для Японии открывались четыре китайских порта, в которых японцам разрешалось заниматься предпринимательством. Япония получала статус наибольшего благоприятствования. Это был очень выгодный для Японии договор, но многие японцы восприняли его с негодованием – они требовали, чтобы японская армия дошла до Пекина!

Хотя Китай согласился на все требования Японии, Россия, Франция и Германия сочли, что передавать Японии Ляодун не следует, это слишком усиливает Японию и задевает интересы России и других держав. Они потребовали, чтобы Япония вывела свои войска с Ляодунского п-ва. Япония была вынуждена уступить, и, чтобы «спасти лицо», японское правительство объявило о «добровольном» отказе от Ляодуна.

Эффект японской победы над Китаем был многозначен. Япония стала первой страной в Азии, которая **заставила Запад считаться с собой** и которой позволили расширять свои владения. Ее признали почти равноправным партнером. В то же самое время на Западе впервые заговорили о **«желтой опасности»** и стали пристально следить за процессом укрепления имперских тенденций в японской политике.

Япония **превращалась в империю** – у нее был Тайвань, который фактически сразу же превратился в колонию. Немного позже – окончательно к 1910 г. – Корея превратится из «независимой» страны, как она именовалась в тексте Симоносекского договора, в японскую колонию и пребывала в этом качестве вплоть до 1945 г.

Япония и Китай после этой войны поменялись местами – теперь Китай, у которого Япония училась в течение многих веков, переходил в разряд «варваров», становился окраиной стремительно двигавшейся вперед Японии. Китай, который никогда ни у кого не желал учиться, теперь превратился из учителя в ученика. Впервые в истории в Японию потянулись китайцы, которые учились у японцев, перенимая опыт модернизации. Китайцы стали признавать за Японией модель для собственного развития. **Япония становилась лидером на Дальнем Востоке**.

После этой войны **японцы стали воспринимать себя не только как единую, но и как победоносную нацию**. Этому способствовал небывалый прилив патриотических чувств, которые точнее можно назвать националистическими. Токутоми Сохо, власти-

тель дум того времени, писал: «Нам не стыдно предстать перед миром в качестве японцев. Слово «японец»… означает ныне честь, славу, мужество, триумф и победу. Раньше мы не знали себя сами, а мир не знал нас».

Выучка японской армии вызывала уважение. Русский военный агент полковник К.И. Вогак сделал такие наблюдения: «Я не мог не почувствовать, что это шли солдаты, на которых можно положиться. Безусловная тишина в строю, прерываемая лишь редкими командами, уверенный и широкий шаг, полное отсутствие суеты, спокойствие на лицах солдат… Стройно, толково применяясь к местности, развертывались эти колонны в боевой порядок… Японцы не стреляли до тех пор, пока не подходили на хороший ружейный выстрел, а были роты, которые достигали позиции противника, не истратив ни одного патрона». Вогак делал прозорливый вывод, что через несколько лет у японцев будет первоклассная армия, которая сможет потягаться и с Россией, и с Англией.

Япония выиграла войну у Китая и сразу же начала готовиться к новой войне. Была принята программа по усилению военно-морского флота. Огромные деньги, получаемые из Китая в качестве контрибуции, пошли на заказы у английских промышленников на строительство новейших броненосцев и крейсеров. После войны в Японии наблюдался **экономический бум.** Строились судоверфи, заводы, фабрики. Япония поставила целью добиться независимости в производстве вооружений.

Япония сыграла **главную роль в подавлении восстания ихэтуаней** («боксёрского» восстания) в Китае – она направила в район конфликта самый большой контингент войск – около 22 тыс. человек. Она приняла участие в урегулировании положения в Китае после подавления восстания и получила значительную долю контрибуции. Кроме того, по «Заключительному протоколу» она получила право держать свой контингент войск в Пекинско-Тяньцзинском районе для защиты дипломатического персонала.

Поскольку Россия, защищая свои интересы, в период подавления восстания ихэтуаней оккупировала Маньчжурию, это привело к обострению русско-японских отношений. Продвижение России в Маньчжурию мешало проникновению Японии в Китай и ее позициям в Корее.

Токутоми Сохо, приехав в Россию и посетив Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, пояснил свое видение целей своей страны так: «Я не хочу, чтобы Япония завоевывала мир, однако я хочу, чтобы Япония, как одна из стран мира, заняла соответствующее положение… место, которое хочет занять японский народ, не место главенствующего среди других народов мира, но он хочет, чтобы Япония занимала положение, равное с другими странами мира». Бывшие ретивые западники, каковым был и Токутоми Сохо, превращались в государственников и националистов.

Война с Россией (1904–1905 гг.)

Россия утверждала свое присутствие в Маньчжурии, на самых подступах к Корее. В 1896 г. Санкт-Петербург добился от Пекина права на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Она соединяла Прибайкалье с Владивостоком, проходя по территории Маньчжурии. Через два года Россия добилась от китайцев передачи ей в аренду на 25 лет Ляодунского (Квантунского) п-ва (Ли Хунчжан за свою сговорчивость получил от С.Ю. Витте 500 тыс. рублей). Одновременно ей дали разрешение на строительство Южно-Маньчжурской железной дороги, соединяющей КВЖД с военно-морской базой в Порт-Артуре и Дальним. Россия завладела Порт-Артуром – он стал первым тепловодным портом России (китайцы называли его Лушунь) на самом окончании Ляодунского п-ва. Летом 1898 г. русские войска прибыли в бывшее тогда непрезентабельным селение под названием Харбин, которое феноменально быстро превратилось в современный город

с банками и телеграфом, с каменными домами и отелями. Этот город стал оплотом русского влияния в Северном Китае. Россия попыталась было получить базу на южном берегу Кореи – в гавани Масан, но японцы оказали жесткое сопротивление этим попыткам.

Япония была полна решимости не допустить Россию в Корею. Япония вела продолжительные и трудные дискуссии с Россией – премьер-министр Ито надеялся договориться и мирно разрешить все противоречия с Россией. Японцы некоторое время возлагали надежды на формулу, предложенную Ито: **«Маньчжурия в обмен на Корею»**, т.е. Япония будет готова признать интересы России в Маньчжурии, если Россия признает особые интересы Японии в Корее. Россия упорно отказывалась вывести с территории Маньчжурии свой военный контингент в 50 тыс. человек, направленный туда во время «боксёрского восстания», и переговоры зашли в тупик.

Япония восприняла вынужденную уступку Ляодуна как «Ляодунский позор». Рост российского присутствия в Восточной Азии не устраивал Японию. Она стала наращивать свой военный потенциал: в два раза увеличила армию, заказала военные корабли в Европе, задавшись целью сделать японский флот самым крупным в Азии. Для этой цели Япония взяла у Англии и США несколько займов.

Исходя из собственных интересов (обеспокоенность Бурской войной, отсутствие союзников на континенте, строительство Германией гигантского флота, укрепление влияния России в Восточной Азии), премьер-министр Британии лорд Солсбери предложил Японии заключить военный союз. Японцы понимали, что Британия хотела **использовать** Японию как щит от дальнейшего усиления России на Дальнем Востоке, остановить продвижение России в Маньчжурию и Корею, но значительная часть японской политической элиты была согласна стать таким щитом – интересы двух стран совпали.

Договор между Англией и Японией был подписан в конце 1902 г. Основой этого договора было взаимное стремление обеих

стран не допустить аннексии Маньчжурии Россией. Договор признавал японские интересы в Китае и Корее. Обе страны должны были соблюдать нейтралитет, пока одна из них не подвергнется нападению двух стран и более. Договор не предусматривал автоматического предоставления помощи Японии в случае ее войны с Россией. Таким образом, Япония, заручившись поддержкой одной из великих держав, значительно усилила свои позиции в борьбе за Корею. Теперь война с Россией становилась реальностью – договор как бы санкционировал курс на войну. Теперь Япония, прикрываемая могущественной Британией, могла не бояться европейской солидарности и международной изоляции. России, скрепя сердце, пришлось признать англо-японский договор и обещать вывести свои войска из Маньчжурии.

Россия подписывает соглашение с Китаем, в котором предусматривался постепенный трехступенчатый выход русских войск из Маньчжурии в течение 18 месяцев. На второй ступени Россия приостановила вывод войск. Внутри России набирает силу группировка (Безобразов, В.К. Плеве), которая считала необходимым проводить «более энергичную» азиатскую политику – прекратить выход из Маньчжурии, аннексировать ее и встать твердой ногой в Корее. Плеве заявлял, что штык, а не дипломатия сделал Россию великой и проблемы Дальнего Востока должны решаться именно штыком. Им противостояла группировка Витте, Ламздорфа и Куропаткина, адмирала флота великого князя Алексея, которые призывали к немедленному уходу из Маньчжурии и наращиванию русского влияния на Дальнем Востоке исключительно мирными средствами. Царь Николай II принял сторону Безобразова и снял Витте с поста министра финансов.

Япония решается на войну с Россией, убедившись, что царь не пойдет ни на какие уступки в обозримом будущем (когда Николаю II многие говорили о близости и неизбежности войны, он не верил в это, его основным аргументом был: «Они не посмеют»), а

пока Россия сохраняет свое влияние в Маньчжурии, позиции Японии будут уязвимыми.

6 февраля 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. 8 февраля японская эскадра блокировала в корейском порту **Чемульпо** крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» – эти корабли находились там для охраны русской миссии. Русские моряки отказались сдаться и приняли неравный бой. «Кореец» был взорван, «Варяг» получил тяжелые повреждения и был затоплен собственным экипажем. Японские войска высадились на берег. Японский флот атаковал российские корабли в Порт-Артуре – атака застала русский флот врасплох, а **10 февраля японский император официально объявил войну**.

Боевые действия **на суше** отличались крайней жестокостью. Долгая, кровавая **осада Порт-Артура** закончилась тем, что он пал в первый день нового, 1905 года. 56 тыс. японцев заплатили своими жизнями за то, чтобы над городом взвился японский флаг. Через два месяца 320 тыс. русских солдат сражались в течение десяти дней с 250 тыс. японцев **при Мукдене**. Победа при Мукдене досталась японской стороне чрезвычайно дорогой ценой. Десятки тысяч японцев были убиты. Летом 1905 г. японский десант высадился **на Сахалине.** Регулярных войск на Сахалине у России было мало, пришлось вооружать каторжан. И хотя им пообещали за каждый месяц участия в обороне списывать по году заключения, они сотнями сдавались в плен. Погибло 800 человек, в плену оказалось более четырех с половиной тысяч. Потери японской армии составили 39 человек. Через месяц боев стало ясно, что Россия потеряла часть своей *собственной* земли. Однако к этому времени японская армия ослабла, и, несмотря на несколько впечатляющих побед, ни одна из них не имела характера окончательной победы. Японцы не были уверены в том, что они в состоянии нанести *смертельный* удар русским войскам – у России был больший потенциал, она могла выставить в два раза больше полевых дивизий в дальнейших битвах.

Но весной 1905 г. **на море** адмирал Того Хэйхачиро одержал блестящую победу – японцы уничтожили русский флот, потопив 34 корабля и сильно повредив еще 8 (из 45). Японцы потеряли 3 миноносца. Печальные итоги войны на море для русской стороны были таковы: 4 830 человек убиты, 7 тыс. взяты в плен, 1 862 человека интернированы в нейтральных странах. Потери японской стороны составили: 110 человек убиты, 590 – ранены.

В войне сложилась **патовая ситуация**. Людские потери Японии оказались в общем итоге более тяжелыми, чем у России, – 50 тыс. убитых у России и 86 тыс. у Японии. Японцы не были уверены, что им удастся выбить русские войска из Маньчжурии, а Россия была не в состоянии вытеснить японцев с тех территорий, которые были ими захвачены. 53% японского бюджета шло на военные нужды, что разоряло и ослабляло страну. Россия же могла вести войну практически бесконечно – из европейской части России поступали все новые корпуса. Военный, людской и ресурсный потенциалы России с точки зрения долгосрочной перспективы были несомненно выше японских.

Япония начала войну первой, первой она стала и добиваться мира. В Японии укрепились позиции тех, кто считал, что договариваться надо на пике победы. Главнокомандующий Маньчжурской армией **Кодама**, военно-морской министр **Ямататото** настаивали, чтобы быстрее был заключен мир. **Здравомыслящие политики страны знали, что Япония может выдержать только один год боевых действий**. К затяжной войне она не была готова. Россия, претерпевшая унизительные поражения и на морях, и на маньчжурских сопках, стоявшая на пороге революции («Цусима означает конституцию» – такой вердикт был вынесен общественностью Петербурга), тем более была заинтересована в прекращении бойни.

В это время Япония получила недвусмысленную поддержку держав. Был продлен англо-японский союз на следующий десяти-

летний период. Лондон согласился на преобладающее положение Японии в Корее, а главное состояло в том, что если в момент подписания в 1902 г. договор имел сугубо оборонительное значение, то теперь были добавлены новые статьи, гарантирующие военное сотрудничество Англии и Японии в случае нападения на одну из них третьей стороны. Англичане были заинтересованы в бесконечно долгой войне на Дальнем Востоке, чтобы ослабить своих соперников и иметь больше шансов практически монопольно утвердиться в Китае. Почти синхронно было подписано и тайное соглашение с США: в обмен на твердый отказ Японии претендовать на Филиппины США признавали японский сюзеренитет над Кореей.

Японцы обратились к американскому президенту **Теодору Рузвельту** с просьбой выступить посредником между воюющими сторонами. Президент согласился – он все более убеждался, что безоговорочная победа Японии над Россией не соответствует американским интересам. Он писал: «Япония стремится получить от своей победы больше, чем она заслуживает, против нее восстанут все великие державы, и сколь решительными не были бы японцы, Япония не может пойти против всего мира». Рузвельт считал выгодным для Америки, чтобы в результате подписания мирного договора ни одна из сторон не получила решающего преимущества. После войны, как предполагал Рузвельт, обе страны продолжат противостояние, а американским интересам в Азии не будет угрожать ни «желтая», ни «славянская» опасность. Рузвельт созвал мирную конференцию в небольшом приморском городе **Портсмуте** в штате Нью-Гэмпшир.

Японскую делегацию возглавил первый японский выпускник Гарварда, министр иностранных дел **Ютаро Комура**, который ранее служил в Вашингтоне, Петербурге, Пекине и Сеуле и был сторонником войны с Россией. Русскую делегацию возглавлял председатель Совета министров Сергей Юльевич Витте, который про-

тивился войне на Дальнем Востоке с самого начала. Физическая (рост почти два метра) и интеллектуальная мощь Витте производила впечатление на американцев. «Мы не побеждены, и мы не примем условий, которые не соответствуют нашим интересам. Первое, мы не будем платить никаких контрибуций… если встречные требования будут чрезмерными, мы будем продолжать оборонительную войну до крайних пределов, и мы еще посмотрим, кто продержится дольше». Маршал Ямагата Аритомо утверждал, что «язык Витте стоит ста тысяч солдат».

Японская делегация вела себя на переговорах жестко. Она получила предписания выставить как «абсолютно необходимые требования» к России: признание Россией преобладания своих интересов и свободу действий в Корее; вывод русских войск из Маньчжурии; передача Японии арендованной части п-ва Ляодун и железной дороги между Харбином и Порт-Артуром. Затем перечислялись «относительно важные требования», которые «не являются абсолютно необходимыми»: возмещение Россией военных расходов – называлась максимальная сумма в сто миллионов иен; передача Россией о-ва Сахалина и близлежащих островов; передача Россией Японии всех российских военных судов, укрывшихся в нейтральных водах; предоставление Россией Японии прав на ловлю рыбы вдоль побережья Приморья. Далее шли «дополнительные требования», которых японская делегация могла бы добиться, но они не были обязательными: ограничение военно-морской мощи России на Дальнем Востоке; превращение Владивостока в чисто торговый порт с разрушением там всех укреплений.

Николай II был готов отказаться от русского влияния в Корее – это не была русская территория. Но в вопросе выплаты репараций он был тверд: «Россия никогда не платила дани; я *никогда* не соглашусь на это». Он заявил, что не даст японцам «ни рубля репараций, ни пяди земли». Витте немедленно согласился на преобладание Японии в Корее с условием, что отсюда Япония не будет

угрожать Маньчжурии. Согласился и на передачу японцам железной дороги Порт-Артур – Харбин. За два пункта он стоял «насмерть»: никакой выплаты компенсаций и сохранение за Россией Сахалина. Японцы требовали либо остров, либо огромный выкуп в 150 тыс. ф. ст.

Переговоры зашли в тупик. Витте умело направил потоки своих речей на обличение жадности японцев, готовых ради денег, ради контрибуции пролить еще моря крови. Витте стал героем американской прессы, которая испытывала к нему горячую симпатию. В конце концов японцы стали называть контрибуцию «возмещением расходов». Витте не соглашался даже обсуждать статус Сахалина – «часового у наших ворот», он соглашался лишь на увеличение экономических возможностей японцев на острове. Т. Рузвельт как посредник рекомендовал российской стороне отдать японцам южную половину острова, а за северную заплатить. Вопросы компенсации и территорий, которые поначалу были второстепенными в требованиях Японии, быстро стали центральными в ходе переговоров. Деловые круги, газеты Японии настаивали на необходимости «возмещения ущерба», ибо Японии потребуются огромные суммы денег, чтобы оплатить иностранные займы и расширить военные расходы.

Был момент, когда русская делегация начала демонстративно паковать чемоданы. Тем временем в Маньчжурию прибыли два новых русских корпуса. Япония могла ввести в действие только одну дополнительную дивизию. Если бы дело дошло до возобновления боевых действий, победа становилась нереальной для Японии. Витте, получив от царя указание прервать переговоры, на свой страх и риск решился на последнюю попытку. Он заявил, что Россия не будет платить контрибуции, но она готова отдать южную часть Сахалина, если ей вернут северную часть «безо всяких компенсаций». Комура согласился на раздел Сахалина и снял требования относительно контрибуции. Когда русская делегация вы-

шла из помещения, где велись переговоры, Комура разрыдался, отвергая все поздравления, хотя главные требования японцев были приняты. Одни авторы считают, что Витте выиграл интеллектуальную битву и «сохранил лицо» России на этих переговорах, другие утверждают, что японская дипломатия переиграла русскую.

Япония и Россия **5 сентября 1905 г.** подписали **Портсмутский договор**. Россия признавала «преобладающие» интересы Японии в Корее, т.е. признавала Корею японской «сферой влияния» и не должна была чинить препятствий ей в этой стране. Россия уступала Японии аренду Ляодунского п-ва (японцы называли его **Квантунской территорией**) вместе с Порт-Артуром и Дальним, южную ветку КВЖД, права на разработку рудников южной Маньчжурии. Японский суверенитет отныне распространялся на южную половину уже оккупированного Сахалина (эту территорию японцы называли **Карафуто**). Япония получала право вести рыбную ловлю в русских дальневосточных водах. Российские войска покидали Маньчжурию.

«Нью-Йорк таймс» прокомментировала подписание договора так: «Поразительная дипломатическая победа. Нация, безнадежно разбитая во всех битвах войны, при одной капитулировавшей армии и другой, изгнанной со своих мест, с военно-морским флотом, изгнанным с морей, продиктовала свои условия победителям». Витте ликовал, а Комура находился в прострации в окружении мрачных членов японской делегации.

Правительство Японии тем не менее восприняло Портсмутский договор как неожиданный и несомненный успех, поскольку были достигнуты не только «абсолютно необходимые» пункты, но и некоторые из «относительно необходимых» – например, передача южной части Сахалина и права на ловлю рыбы в прибрежных водах Приморья. Однако **общественное мнение** Японии**,** националистически настроенное, было разочаровано, очень многие японцы были уверены в том, что правительство в Портсмуте совершило дипломатическую ошибку.

Дело было в том, что эйфория, вызванная победами японского духа и японского оружия, породила в населении Японии фантастические ожидания, будто Япония уже вполне может претендовать на Сибирь, на всё российское тихоокеанское побережье. Россию стали называть «бумажным медведем». Все громче говорили о том, что теперь-то японская армия запросто домарширует до Байкала. Война вызвала необычайный прилив национализма. И когда японцы узнали, что Японии не удалось заполучить весь Сахалин и что она не получит контрибуции, которая бы покрыла военные расходы в 1,7 млрд иен, их возмущение вылилось в многочисленные беспорядки, прокатившиеся по всей стране. Начались погромы христианских церквей – было сожжено 13 протестантских и католических церквей, православные церкви не пострадали – были хорошо защищены. Толпа сожгла 15 трамваев, так как власти собирались украсить их цветами в честь заключения мира. Сожгли 53 частных дома. В столице ввели чрезвычайное положение, после чего беспорядки сразу же прекратились. По всей Японии проводились народные собрания, принявшие 230 резолюций, не признававших мирный договор. В деловом центре Японии, г. Осака, участники одного из таких собраний распевали песню, в которой были такие слова:

Эти великие победы на море и на суше,
Которые казались цветами,
Теперь ушли, как сон.
Единое сердце пятидесяти миллионов наполнено гневом.
Неужели мы просто проглотим слёзы?
Дух носителей меча требует, чтобы мы вели Японию к действиям.
Зубы скрипят, руки чешутся,
Между облаков что-то сверкнуло.
Это молния или меч?

Неприятие мирного договора выражали все слои общества по всей стране. Некоторые газеты стали открыто призывать к отстав-

ке кабинета, к убийству членов Гэнро и министров. Одна из газет напечатала условия мира в траурной рамке и подписала: «Нам стыдно сообщать об этом». Наиболее влиятельные газеты Японии заняли позицию отказа от мира и продолжения войны. Создавалось впечатление, что нация потерпела поражение, унижение и позор.

Но это была победа. Основной причиной победы Японии было разное отношение к войне у воюющих сторон. Как тогда говорили, «Россия сражалась за свой обед, а Япония за свою жизнь». Япония тщательно готовилась к этой войне, закупая крейсеры и модернизируя армию. Политики сумели пробудить патриотизм – читай национализм – до такой степени, что некоторые наблюдатели даже называли эту войну «народной». Победа была достигнута за счет мобилизации «национального духа», подготовленного заранее превосходства в вооружениях и тактике, обеспечения международной поддержки. Россия же явно недооценила и решимость, и военную мощь Японии – распространенным мнением было, что «крошечная Япония никогда не осмелится напасть на могучую Россию». Война в России не пользовалась популярностью – отношение общественного мнения колебалось от равнодушного до откровенно враждебного, половина населения не знала, где находится эта Маньчжурия. Единственными радующимися поражениям России были революционеры.

Победа над Россией была **первой победой азиатской страны над европейской**. Можно согласиться с мнением тех отечественных историков, которые предлагают называть войну 1904–1905 гг. не русско-японской, а японо-русской.

Это была победа «языческой» Японии над христианской страной. Япония заимела статус великой державы: прямым следствием победы Японии стало повышение ранга представителей стран Запада и России в Японии – вместо посланников интересы стран отныне отныне представлял посол.

Но Россия, проиграв войну, не была повержена и оставалась соперником Японии на Дальнем Востоке.

Война породила тяжкие социальные последствия для японского населения: на нее ушло семь довоенных бюджетов (эта сумма была в восемь с половиной раз больше расходов на войну с Китаем), что вызвало немедленное повышение цен. Возросли налоги – земельный налог возрос до пяти с половиной процентов от стоимости участка (был 2,5%). Плохой урожай риса в 1905 г. усугублял ситуацию.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие факторы способствовали особой агрессивности внешней политики Японии? Как эта агрессивность оправдывалась идеологически?
2. В чем состояла суть русско-японского соглашения 1875 г.?
3. Какие цели преследовала Япония в войне с Китаем в 1894–1895 гг.?
4. Чего добилась Япония по Симоносекскому мирному договору 1895 г.?
5. Как повлияла японо-китайская война 1894–1895 гг. на статус Японии в мире и на укрепление позиций националистов внутри страны?
6. Какую роль сыграла Япония в подавлении восстания ихэтуаней в Китае?
7. Каким образом столкнулись интересы Японии и России в Маньчжурии и Корее?
8. Какую роль сыграл англо-японский договор 1902 г. в поощрении агрессии Японии против России?
9. Почему мирный договор между Японией и Россией был подписан в американском городе Портсмуте?
10. Оценивая дипломатическую битву Японии и России на переговорах в Портсмуте, к каким выводам можно прийти?
11. Чего добилась Япония по Портсмутскому договору?
12. Как была воспринята победа Японии правительством и широким общественным мнением?
13. Почему Япония победила Россию?

14. Согласились бы вы с мнением некоторых отечественных историков, что войну 1904–1905 гг. следует называть не русско-японской, а японо-русской?

Тема 10. ЯПОНИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Нобелевский комитет в Осло присудил Теодору Рузвельту Нобелевскую премию мира за посредничество в окончании русско-японской войны (премию в 37 тыс. долларов Рузвельт направил на создание в Вашингтоне Комитета мира). Японцы же были склонны расценивать посредничество Рузвельта как двусмысленное.

Россия попыталась нормализовать отношения с набирающей силу Японией – в русском правительстве возобладало мнение, что подлинное сотрудничество с Японией выгодно для России – только так она сможет сберечь свои дальневосточные владения. **В 1907 г**. бывшие противники заключили соглашение, в открытой части которого говорилось о нерушимости границ Японии, России и Китая, а в тайных статьях – о **разграничении зон влияния в Маньчжурии**. За Японией оставались Корея и Южная Маньчжурия, за Россией – Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия. Летом 1908 г. в Порт-Артуре японцы воздвигли два мемориала, посвященных памяти погибших японских и русских воинов, – японцы тем самым признали мужество и побежденных. **В 1910 и 1912 гг.** секретными соглашениями Япония и Россия **разграничили зоны влияния в Китае** и было признано возросшее влияние России во Внутренней Монголии, которая получила автономию в результате Синьхайской революции в Китае.

В 1905 г. между Японией и Китаем был подписан Пекинский договор, который расширял права Японии в Китае: открывались новые порты, Япония получала концессию на сооружение

железной дороги Мукден – Аньдун, создавалось акционерное японо-китайское общество по лесным разработкам.

В конце **1905 г.** Ито Хиробуми как специальный посланник в Корее заключил договор, который превращал **Корею в японский протекторат**. Японский генеральный резидент (генерал-губернатор) отныне определял корейскую внешнюю политику. В 1907 г. японцы «организовали» отречение корейского императора Коджона от власти и составили новый договор, по которому генеральный резидент получал полный контроль над внутренними делами Кореи. Корейская армия была распущена. 125 тыс. японцев переселились в Корею к 1908 г. Японским крестьянам, переселявшимся в Корею, отводили участки земли, предоставляли налоговые льготы и долгосрочные кредиты. Корейцы не собирались сдавать свою страну японцам: чиновники отказывались сотрудничать с ними, бывшие солдаты распущенной японцами корейской армии начали нападать на японские гарнизоны, убивать японских поселенцев. В жестокой борьбе к 1910 г. погибло 18 000 корейцев и 7 000 японцев. В разгар этой борьбы молодой корейский патриот застрелил Ито Хиробуми. В ответ японцы составили **в августе 1910 г. договор об аннексии Кореи**, по которому страна была переименована в **Чосон** и становилась японской колонией. В идеологическом обосновании законности аннексии Кореи мнения разделились: одни японские историки доказывали, что японский и корейский народы произошли из одного корня, а потому присоединение – совершенно естественное дело. Другая часть историков утверждала, что японцы и корейцы – это абсолютно разные народы, и японцы, как более развитые, культурные и цивилизованные, имеют полное право вести себя в Корее соответственно.

Заимев Тайвань и Корею в качестве колоний, а также доступ к новым рынкам в Маньчжурии и Китае, Япония тем самым получила новые источники сырья и сферы приложения капитала. В то же время она превратила эти территории в свои базы для охраны под-

ступов к Японии. Но японская экспансия носила не столько оборонительный, сколько агрессивный характер. Япония жаждала попасть в число ведущих наций и действовала теми же методами, которым научилась у великих держав. Большинство японцев поддерживали в этом стремлении свое правительство и приветствовали присоединение Тайваня, Сахалина, Кореи к их растущей империи.

Заполучив Южную Маньчжурию, Япония создала себе здесь плацдарм для дальнейшей экспансии в Китае и в экономическом, и в – дальнейшем – военном смысле. Япония фактически закрыла маньчжурский рынок для других стран. Здесь её интересы столкнулись с американскими, так как американские промышленники имели свои виды на эту территорию. Усилилась японская конкуренция на рынках Китая – японский экспорт в Китай повысился с 8% в 90-е гг. XIX в. до 25% накануне Первой мировой войны. Япония заняла первое место во внешней торговле Китая, оттеснив Британию на второе место, а США – на третье.

Помогая Японии и тем самым поощряя ее действия, направленные против России, Британия и США стремились её руками ослабить позиции России на Дальнем Востоке и укрепить свои позиции. Но в результате Япония, как видим, фактически вытеснила США и Англию с маньчжурского рынка и активно конкурировала с ними в Китае. На первый план теперь выходят противоречия не между Японией и Россией, а между Японией и США.

После русско-японской войны начался **экономический подъём**, продолжавшийся с небольшим перерывом на кризис 1907–1908 гг. до Первой мировой войны. Мощный толчок получила тяжелая промышленность. Ускоренными темпами строился военно-морской флот. Господствующие позиции в экономике страны занимали концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда и др. Японский шелк-сырец успешно вытеснял китайский с мирового рынка – его производство удвоилось с начала XX в. по 1914 г. Япония ввозила рис из Кореи и Тайваня, увеличила ввоз продо-

вольствия из других стран, что повлекло за собой **быстрый рост населения** (в 1875 г. японцев было 36 млн человек, в 1919 г. – уже 56 млн человек).

Однако несмотря на все успехи в области индустриализации, надо иметь в виду, что Япония оставалась преимущественно аграрной страной. В деревнях жило 72% населения, и 60% всех работников страны было занято в сельском хозяйстве, где продолжал доминировать ручной труд. Уровень жизни крестьян оставался низким.

В политической жизни Японии ведущая роль в определении и осуществлении государственной политики принадлежала олигархам. Была изобретена практика, выходившая за рамки конституции – неформальный институт *гэнро*, который состоял из советников императора («старшие государственные деятели»), и члены гэнро назначали друг друга на ведущие посты премьер-министра, министров. Таким образом, власть сосредоточивалась в руках самоназначающегося кабинета.

На протяжении 90-х гг. XIX в. создавались политические партии, которые боролись за места в парламенте. Партийные политики стали прорываться к власти, чтобы вырвать рычаги правления из рук олигархов и их ставленников. Сменялось поколение политических деятелей: на смену самураям из Сацума и Тёсю в политическую жизнь вливались выпускники университетов. Депутаты парламента метали словесные бомбы в министров, критиковали правительство. Они добивались сокращения расходов при обсуждении годового бюджета. Избиратели раз за разом отдавали большинство голосов за представителей партий. Члены гэнро стали испытывать стойкую антипатию к партиям и партийным политикам.

Какие партии стали наиболее влиятельными? В **1898 г.** возникла **Конституционная партия (Кэнсэйто)**. Самой влиятельной стала **Партия друзей конституционной политики – Сэйюкай,** которую основал в **1900 г.** Ито Хиробуми. Она была тесно связана

с концернами Мицуи и Сумитомо. Это была проправительственная партия, сочувствующая олигархам. С 1908 по 1915 г. Сэйюкай сохраняла за собой абсолютное большинство мест в нижней палате парламента.

В 1913 г. была создана вторая основная партия Японии – **Досикай (Общество единомышленников)** (в 1916 г. она была переименована в Кэнсэйкай, а в 1927 г. – в **Минсэйто**), которую возглавил активный милитарист Кацура. Партиям приходилось действовать в ситуации, когда число избирателей составляло всего 1–3% населения и в условиях, когда сама политическая система Японии была устроена таким образом, что **на выработку самых серьёзных решений в государстве политические партии влияли наименьшим образом**. Партии поддерживали и политику модернизации страны, и агрессивные внешнеполитические программы правящей элиты. Так, во время войны 1894–1895 гг. волна патриотизма, захлестнувшая страну, породила полное понимание и сотрудничество между олигархами и парламентариями – парламент без всяких возражений принимал бюджеты военных лет. **После 1896 г. партийные политики впервые стали назначаться министрами правительства**.

По-прежнему смена кабинетов определялась не изменениями в соотношении политических сил, а личными договоренностями в очень узком кругу членов гэнро и тайного совета.

Союзнические отношения с Англией, хотя они существенно испортились из-за активного и успешного проникновения японцев в «колыбель» английского присутствия в Китае – бассейн реки Янцзы, подвигли Японию к вступлению в Первую мировую войну на стороне Антанты. В 1911 г. англо-японский договор был изменен – он потерял прежнюю антирусскую направленность и стал средством формирования антигерманского блока.

Япония использовала занятость держав военными действиями на Западе, чтобы осуществить территориальные захваты в Китае.

23 августа 1914 г. Япония объявила войну Германии. Правительственные и военные связи с Германией были весьма тесными, и накануне войны вся японская пресса была полна антибританской риторикой и доброжелательными материалами о Германии. Тем не менее японцы активно использовали выпавший им шанс и, используя ситуацию, заняли арендованную Германией территорию с расположенной там военно-морской базой **Циндао** в стратегически важной китайской провинции Шаньдун, потеряв при этом две тысячи убитыми и ранеными. Кроме того, японцы бросили свои силы против германских владений в Микронезии – на **Каролинских, Марианских и Маршалловых о-вах.**

В **январе 1915 г.** японское правительство предъявило Китаю **«21 требование»**. Это была программа полного подчинения Китая Японии в экономическом, политическом и военном плане. Программа состояла из пяти групп требований. Первая группа предусматривала передачу Японии прав на строительство железных дорог, открытие портов и городов в Шаньдуне. Вторая группа касалась Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Япония требовала продления срока аренды Порт-Артура и Дайрена, ЮМЖД и Аньдун-Мукденской железной дороги до 99 лет (японцы, напомним, обосновались в Маньчжурии после русско-японской войны и должны были вывести свои войска до 1923 г.), предоставления японцам права жить, передвигаться и заниматься любым видом деятельности на этих территориях, права присутствия японских советников по политическим, финансовым и военным вопросам. Третья группа требований предлагала создавать смешанные японо-китайские промышленные предприятия. Четвертая группа запрещала Китаю сдавать в аренду другим странам гавани, бухты и острова вдоль китайского побережья. Пятая группа предусматривала приглашение японских советников уже для центрального правительства, выделение земель для японских храмов, больниц и школ, прав на постройку железных дорог, права религиозной пропаганды в Китае.

Программа, будь она выполнена по всем пунктам, превратила бы Китай в японский протекторат. Она задевала и интересы держав, но Англия и США ограничились формальными протестами, полагая, что Япония не справится с осуществлением провозглашенной программы. Китай не мог оказать вооруженного сопротивления Японии и потому принял эту программу, хотя возмущенные китайцы ответили бойкотом японских товаров. День принятия японских требований – 25 мая 1915 г. – остался в памяти китайцев как день национального позора.

Япония окончательно превращается в империю во время Первой мировой войны и в последующие за ней годы партнерства с западными странами.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как Япония и Россия разграничили зоны влияния в 1907–1912 гг.?
2. Когда Корея превратилась сначала в протекторат, а затем в колонию Японии?
3. Что представляли собой политические партии Японии?
4. Как Япония утверждала свое лидерство в Азии в период Первой мировой войны?
5. Что собой представляла программа «21 требование» к Китаю?

Тема 11. ИТОГИ РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ К 1918 г.

Итак, Япония от начала XVII века к окончанию Первой мировой войны начала – и прошла часть пути - от традиционного общества к индустриальному. Чем была Япония и чем она стала, что она приобрела и что потеряла, какую цену заплатила за преобразования – на эти вопросы можно отвечать по-разному, но одно совершенно очевидно – Япония кардинально менялась, в то же время во многом не изменяя традиции. Новое и старое, традиция и мо-

дернизация переплетались, традиция отступала, уступала свое всепоглощающее место прежде всего в экономическом и политическом развитии страны индустриальному будущему, приближению к западным образцам.

Когда исследователи, пишущие о Японии, задаются вопросом, почему и как Японии удалось избежать совершенно реальной опасности превратиться в полуколонию и задворки Запада, как это случилось с подавляющим большинством стран Востока, они приходят к выводу, что какой-то одной причины или фактора, объясняющего этот феномен, не существует. **Объяснить это можно только целым комплексом причин и факторов.**

Первое. Многие японоведы обращают внимание на тот факт, что для традиционного общества Японии был характерен **линейный вариант средневековой эволюции, а не циклический**. Оно развивалось медленно, поступательно, без катаклизмов и откатов назад. Это была эволюция без инволюции. Это было восходящее развитие европейского типа.

Второе. Такому развитию способствовал **длительный мирный период** эпохи Токугава (2,5 столетия не было войн с внешними врагами, не было крупных крестьянских войн, не было проблем с набегами кочевников, от чего страдали многие страны Азии) – оно шло естественным путем, от одной стадии к другой поступательно.

Третье. Особенно поражает ученых тот факт, что современная банковская система зародилась в Японии фактически с момента образования так называемых торговых домов – финансовые сделки, принцип неделимости капитала, сама постановка дела в этих торговых домах удивительно совпадали с тем, что происходило в развитии финансовой системы Европы. Японские меняльные конторы можно считать прообразом современных банков. **Купеческий капитал в Японии играл более самостоятельную роль**, чем в других странах Азии. Кроме всего прочего, Япония в XVII – середине XIX в. находилась на стадии позднего феодализма, неко-

торые историки полагают, что она опережала Китай примерно на три столетия.

Четвертое. Отметим также, что государственная форма собственности на землю в Японии исчерпала себя раньше, чем в других странах Востока, и уступила свое место частной феодальной собственности. Таким образом, **экономически Япония оказалась более готова к восприятию и осуществлению модернизации** как таковой, нежели другие страны Востока, после «открытия» страны.

Пятое. Следует отметить и тот немаловажный факт, что японское государство – **это гомогенная (однородная) система**: один этнос, одна экономическая система (вспомним о концепции «кокутай»: единый живой организм, неразрывность природы Японии – тело кокутай, народа – душа кокутай и императора – дух кокутай). Этот фактор помогал японцам сплотиться перед лицом внешней угрозы, объединиться в решении общенациональной задачи – провести в кратчайшие исторические сроки модернизацию, укрепить вооруженные силы, устоять перед угрозой превращения в зависимое государство.

Японии реально грозила опасность превратиться в полуколонию Запада. Всего за несколько десятилетий Япония совершила прыжок из феодализма в современность, или, как заметил японский идеолог Токутоми, «прыжок из национальной жизни в мировую жизнь».

Шестое. Япония превратилась в великую державу **без долгого цивилизационного пути.**

Седьмое. При этом Япония охотно, осмысленно, быстро **заимствовала научно-технические достижения Запада,** твердо и – традиционно (традиция заимствования в Японии живет с VI в.) – считая, что заимствовать чужое полезно, выгодно, а не унизительно.

Из всех стран Востока **только Японии удалось сравняться с Западом**. Япония в кратчайшие исторические сроки совершила

промышленную революцию (1895–1905 гг.), покрылась сетью железных дорог и телеграфных линий, построила сотни заводов, модернизировала армию и обзавелась флотом. Она стала индустриальной страной, хотя во многом оставалась страной аграрной.

Она стала колониальной державой, одержав победы над Китаем и Россией. Она увеличила площадь подконтрольной ей территории с 382 562 до 675 406 кв. км. Очень скоро европеизация станет не главной целью, а всего лишь средством для достижения величия.

Япония превратилась в единую нацию.

Она заимствовала **политическую культуру Запада** – появились конституция, парламент, политические партии.

Это была страна **с поголовной грамотностью.**

Продолжительность жизни мужчин выросла на полтора года и составила 44 года, у женщин она выросла на четыре месяца и составляла 45 лет.

Японцы подросли на 1 см, перейдя частично на европейскую пищу (забегая вперёд, скажем, что после Второй мировой войны японцы подрасли уже на 10 см, поскольку отошли от исключительно традиционной пищи).

Раздел 4. ИНДИЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX в.

Тема 1. ДОКОЛОНИАЛЬНАЯ ИНДИЯ (ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ИНДИИ)

Как известно, индийская цивилизация насчитывает четыре тысячи лет. Уместно напомнить, что древние индийцы изобрели алгебру, десятичную систему счисления, основы математики, механики, логики и грамматики. Индийцы изобрели шахматы. Индия дала миру рис, хлопок, сахарный тростник. Вторжения извне, внутренние распри много раз ставили ее на край гибели. Эту цивилизацию пытались сокрушить **греки, скифы, персы, монголы, французы и англичане**. Но Индия никогда не была окончательно покорена, индийская цивилизация выживала, показывая чудеса непотопляемости и живучести. Возникает естественный вопрос: каким образом, почему ей это удавалось?

Индологи указывают на два главных фактора: 1) специфичность социальной организации Индии (касты, община), которая оказывалась неподвластной любым завоеваниям извне, поскольку самоуправлялась, самовосстанавливалась, несмотря ни на что; 2) спиритуальная культура Индии – приспособленная, привязанная к жизни настолько, что помогала выживать.

Социальный портрет традиционного общества Индии

Рассмотрим поближе эти факторы. Сначала посмотрим на социальный портрет индийского традиционного общества. **Варнокастовую систему** можно назвать социокультурной матрицей индийской цивилизации. Это тот социальный институт, который по-

могает понять индийскую цивилизацию как систему и который многое объясняет в экономической, политической и социальной истории Индии. Категория варны (варна брахманов – мыслителей, философов, жрецов, учителей; варна кшатриев – правителей и воинов; варна вайшьев – земледельцев, ремесленников, торговцев; варна шудров – батраков, жителей племен) со временем стала условной, и в период новой истории уже можно говорить о существовании просто кастовой системы, хотя заданный варнами социальный механизм продолжал действовать в традиционном обществе Индии еще достаточно долго и можно даже утверждать, что он пророс и в сегодняшние времена.

Каста (джати) – это кровнородственная группа людей, овладевавшая одной профессией, передававшейся из поколения в поколение. Слово «джати» означает «рождение» и предусматривает систему социального деления людей по принципу их относительной «чистоты». В этой системе высшей кастой являются брахманы, а низшей – «неприкасаемые», которых считали «нечистыми» и оскверняющими представителей более высоких каст. Они были уборщиками, обдирщиками шкур павших животных, плетельщиками циновок, горшечниками. Махатма Ганди – выдающийся борец за освобождение Индии в 20–30-е гг. XX в. – предпочитал называть их **«хариджаны»**, что буквально означает «божьи дети», этот термин, с его легкой руки, утвердился в литературе и прессе страны (ныне их называют **«далиты»** – «угнетенные»).

Статус индийца определялся кастой, в которой он родился. Каста обозначала место человека в обществе, его положение, права, поведение, даже его внешний облик, включая одежду и знаки на лбу или драгоценности, которые он носит. С ростом числа занятий росло число каст, которых в традиционные времена насчитывалось больше двух-трех тысяч. На вопрос, кто он, индиец отвечал: я такой-то касты, т.е. идентифицировал себя прежде всего с кастой. Привязанность (в буквальном и переносном смыслах) к касте была

крепче привязанности к земле и государству. Каста регулировала все стороны жизни индийца. В каждой касте существовали свои предписания – что можно и чего нельзя пить и есть, у кого можно принять из рук воду или сырой рис, а у кого нельзя ни в коем случае, на ком жениться или за кого выходить замуж, с кем водить знакомство, куда можно съездить, куда нельзя, т.е. у каждой касты был свой этический кодекс и свое понимание долга. Их несоблюдение грозило отлучением от касты, а это, в свою очередь, означало лишение всех прав, потерю семьи, наследства – отлучённый становился изгоем.

Каста как социальный институт раздробила общество, что привело к его **политической раздробленности.** Индия до прихода англичан всегда состояла из десятков, а иногда и сотен государств-княжеств, которые бесконечно воевали друг с другом, поглощали друг друга либо дробились дальше.

Каста определила на долгие времена **институциональную слабость государства и его центральной власти**. Самоуправление каст и общин делало ненужным разветвленный административный аппарат, издание бесчисленного количества законов и указов. Социальный порядок поддерживался как бы сам собой и был гораздо более эффективным, чем, например, в Китае с его громадной административной машиной. В Индии в традиционные времена зафиксировано гораздо меньше социальных взрывов – бунтов, восстаний, протестов любого рода, так как они глушились уже на уровне каст. Отсюда вытекает еще одна важная функция каст – **они обеспечивали внутреннюю социальную стабильность традиционного общества**.

Каста выполняла и **функцию сохранения культурной традиции**, ее преемственность. Джавахарлал Неру – выдающийся государственный деятель Индии – заметил по этому поводу, что с ростом косности, замкнутости в кастовой системе росла и косность ума индийцев, заточенных в касту, эта косность убивала творческую энергию народа.

Каста породила и очень важный социальный институт – институт общины. **Община** была многокастовой, многослойной. Это был сложный и довольно совершенный механизм, выполнявший свои экономические и социальные функции вплоть до XIX в. (дольше, чем в Индии, община не существовала ни в одной крупной азиатской стране), пока не пришли англичане и не покончили с ней. Община объединяла жителей одной деревни, большинство которых были полноправными общинниками – **мирасдарами,** т.е. земледельцами. Примерно 20–30% жителей деревни не имели земли – они были ремесленниками, обслуживавшими общину (гончары, ткачи, плотники, кузнецы, каменщики, ювелиры и т.д.). Размер оплаты их труда был закреплен обычаем – они получали часть урожая, т.е. натуральную оплату. Шестая часть населения общины относилась к так называемым «неприкасаемым». Неприкасаемые делали «нечистую» работу: убивали скот и выделывали шкуры, были палачами, убирали мусор, стирали, отмывали и т.д. Им никогда не давали землю, им не полагалось носить шапку, обувь. Общинники выращивали рис, который надо было посадить в 2-3 дня и за такое же время успеть убрать урожай. Почти все общинники занимались прядением и ткачеством как домашним побочным промыслом. Животноводством в индийских деревнях не занимались – не было пастбищ, лугов. Корова считалась священным животным, ее мясо не ели, она приносила бычков, которые были тягловой силой в деревнях.

Всеми делами управляли «**панчаяты**» – советы. Вмешательство государства в дела общины ни в какой другой стране мира не было столь ограничено, как в Индии.

Один из наблюдательных английских чиновников в Индии Ч. Меткаф обобщил: «Сельские общины – это маленькие республики, имеющие почти все, что им необходимо, внутри себя и почти не зависящие от внешних сношений. Они, как видно, выживают там, где остальное погибает… они пользуются значительной долей свободы и независимости».

Община разрушилась с помощью англичан к началу XIX в., каста как социальный институт жива до сих пор.

Следует напомнить, что важной особенностью Индии был - и сейчас является – многонациональный состав ее населения. Только к индоарийской группе принадлежит 9 народов, каждый численностью более 10 млн человек, к дравидийской группе (расово отличной) – 4 примерно равных по численности народа, а также австро-азиатская и сино-тибетская семьи, каждая численностью населения среднего европейского государства. Некоторые исследователи считают, что на территории Индии встретились и перемешались все человеческие типы.

Духовный портрет индийца в традиционные времена

Индуизм можно считать духовной матрицей индийской цивилизации. Это не столько религия, сколько культурная традиция, образ жизни страны и народа. Индуистами (индусами) были 80% населения страны. Индуизм – древняя, языческая религия, которая не поддается четкому определению. Термин «индуизм» не существовал до XIX в. – это **термин британского происхождения.** Но он прижился, оказался удобным для исследователей, поскольку им стали обозначать совокупность верований, социальных, политических и религиозных ценностей индийцев. Под индуизмом стали понимать весь индийский образ жизни, включая в него не только верования, обряды и культы, но и социальные и этические ценности, общепринятые жизненные нормы и принципы, мифы и легенды, будни и праздники. Как вера он **«расплывчат, аморфен, многосторонен; каждый понимает его по-своему»** (Дж. Неру).

У индуизма множество лиц, его организация строится на основе групп, сект, у которых нет объединяющего начала. По сути дела, никакой общей веры и общего культа не было. Никогда и нигде не существовало сформированного в окончательной форме пантеона

богов. Индуизм вобрал в себя множество древних верований и культов и был широко открыт для любого, готового войти в него. Конечной целью, сутью спасения в индуизме считалось освобождение, или «**мокша» (нирвана)**. Имелось в виду освобождение духа, души – Атмана, от бесконечной цепи перерождений (реинкарнации), которое иногда представляется как процесс сбрасывания разнообразных оболочек, которые сковывают душу, и слияние, соединение с **Брахманом**, который, в свою очередь, понимался как Вечная реальность, Сущее, Абсолютное, или Бог. Фанатики практиковали отказ от земных привязанностей, уход от мира, чтобы осознать Брахман. Обычные же индуисты практиковали йогитическую медитацию, аскетизм, следование наставлениям гуру – личного учителя.

Существовала триада («тримурти», триединство) главных богов: **Брахма** – бог-создатель, **Вишну** – поддерживающий порядок, хранитель вселенной, **Шива** – разрушитель вселенной. С Брахмой связан миф о сотворении мира: в первобытных водах появилось золотое яйцо, в яйце – Брахма. Силой своего духа он разделил яйцо на две половинки – небо и землю. Затем Брахма сотворил атмосферу, первоэлементы, богов, время, планеты, горы и реки, людей, животных, растения и т.д. После того как задача созидания была решена и его работа на этом закончилась, он стал космической сущностью, и поэтому Брахме обычно не поклоняются. То Вишну, то Шива получают статус верховных божеств.

Подавляющее большинство индуистов делится на шиваитов и вишнуитов. Вишну, спасая вселенную, перевоплощается в животных и людей – насчитывается 10 самых известных перевоплощений (инкарнаций, или аватар), в том числе наиболее любимые в Индии Рама и Кришна. Даже сам великий Будда оказался включенным в индуизм, став одной из аватар Вишну. Вишну, приняв тот или другой образ, несет спасение людям, находящимся в крайне затруднительной или опасной ситуации.

Шива очень противоречив. Главной его функцией считается разрушительная – он бог смерти. В борьбе со злом, с демонами Шива – грозный разрушитель. Однако практически на передний план в культе Шивы вышла созидательная функция: культ жизненной силы и мужского начала стал главным. Этот культ осуществляется в форме почитания лингама – мужского животворящего начала. В храмах и домашних алтарях столбовидные каменные изваяния-лингамы символизируют мощь и животворящие потенции Шивы. Бычок Нанди, находящийся всегда рядом с хозяином, изображается с подчеркнуто выразительными половыми признаками. К Шиве обращаются жаждущие потомства, в его храм стекаются бездетные женщины. Еще одна ипостась Шивы – он бог ритма и танца. Культ искусства половой любви связан с культами Шивы и его жены Шакти. Искусством чувственной любви должен был владеть каждый: он был призван компенсировать отсутствие практики браков по любви. Существует культ жен Шивы – богиня Дурга, грозная, десятирукая – Великая Мать, женское начало в природе. Богиня Кали – трехглазое чудище с оскаленными зубами, высунутым языком, множеством рук, в которые вложено оружие. Она требует кровавых жертвоприношений. Супруга Брахмы – Сарасвати, является богиней учености и мудрости. Супруга Вишну – Лакшми – богиней высшей доброты и красоты.

Многочисленные ритуалы, обряды, праздники и массовые паломничества показывают всю силу индуизма, цементирующего в единую религиозно-культурную общность людей, принадлежащих к различным расам и кастам и говорящих на разных языках.

Большинство индуистов поклоняются одному-единственному богу или богине, ими лично избранному, часто следуя семейной традиции. Но они признают и множество других богов.

Индуизм, по сути своей, **религия очень терпимая**, он почти ничего не отвергает, приемля самые разные убеждения, концепции и интерпретации. Истина – многогранна. Истин столько, сколько

людей – у каждого своя правда. Эту суть индуизма можно выразить девизом: живи и давай жить другим. Индуизм включает множество верований и религиозных обрядов, часто противостоящих и противоречащих друг другу. Свое понимание индуизма Махатма Ганди, например, определил так: «Если бы меня попросили определить индусское вероисповедание, я сказал бы просто: поиски истины ненасильственными средствами. Человек может не верить в бога и все же называть себя индусом. Индуизм есть религия истины. Истина – это бог. Отрицание бога нам ведомо. Отрицание истины нам неведомо».

С точки зрения индуиста **история не важна, не интересна**, поскольку мир вечен, неизменен, ничего нового не возникает, так как все новое – это хорошо забытое старое. Государства и миры появляются, потом исчезают в бесконечности времени, поэтому историю изучать нет смысла. Термина «история», как мы его понимаем, не существовало – это одна из самых характерных черт индийской цивилизации в целом и индуизма в частности.

Для индуиста традиционных времен характерно полное равнодушие к политике, государственной власти. Его кругозор и интересы ограничивались рамками касты и общины. Многочисленные завоевания трона чужеземцами оставляли его равнодушным, поскольку почти не затрагивали его жизни в коконе касты и общины.

Индуизм был **элитарен** – наверху были аскеты, брахманы, высшие мудрецы, остальные же призваны были выполнять обряды, жертвоприношения, ритуалы. Это было нормой жизни.

Индуисты были **традиционно чужды насилию как средству улучшения своей жизни**, они активно противились коллективному социальному протесту, так как опасались ухудшения **кармы** (общая сумма поступков в предыдущих рождениях и воздаяние за них в настоящем и будущем). Нельзя возлагать ответственность за свои беды и несчастья на других людей, тем более выступая про-

тив них, поскольку каждый индуист сам несет ответственность за свои поступки, сам виноват в своей несчастной судьбе – и только сам может и должен исправить ситуацию.

У индуиста **нет чувства неповторимости собственной личности.** Сохранение личностного начала – бремя, а избавление от него – благо.

Индуизм, по мнению многих индологов, можно считать синонимом индийской культуры. Для него характерен **восторг перед жизнью, природой, искусством, музыкой, сексом**.

Примерно **12%** населения Индии исповедовали **ислам.** Индийские мусульмане – выходцы из Средней Азии, Афганистана, Ирана и других стран. Они основали в Индии несколько правящих династий, но всегда составляли меньшинство населения. Компактное большинство индийские мусульмане составляли лишь на северо-западе (Синд, Белуджистан, Пенджаб) и северо-востоке страны (Бенгалия). Пришлые мусульмане, сохраняя родные традиции, впитывали в себя индийскую культуру – они усваивали не только язык, обычаи, бытовые навыки и привычки, но и социальное устройство, в том числе кастовую систему. Индийцы же, принявшие ислам, восприняв все то, что принесла им новая религия, сохраняли во многом традиционный индийский образ жизни. Будучи мусульманами по вере, они во многом оставались индуистами по культуре.

Ислам суннитского толка распространился среди представителей высших каст, придворных (в Индии 90% суннитов и 10% шиитов). В ислам переходили высокопоставленные индийские сановники, правители княжеств, землевладельцы. Проповедовавшаяся мусульманами идея всеобщего равенства людей перед Аллахом (эгалитаризм) оказалась весьма привлекательной для низших каст Индии, которые охотно обращались в ислам. Он стал официальной идеологией правящего класса империи Великих Моголов.

Государственным языком был **фарси**. Он был не только языком официальных документов, его изучение раскрывало перед образо-

ванными индийцами сокровища поэзии Хайяма, Фирдоуси, Рудаки, Хафиза, позволяло познакомиться с достижениями астрономии и медицины – они открыли для себя Ибн Сину (Авиценну).

Распространение ислама не встречало активного противодействия индуизма, так как вера считалась личным делом верующего: принявшие ислам становились для индусов как бы членами ещё одной касты – мусульманской.

Мусульманские завоеватели Индии вынужденно отказались от насильственного распространения «истинной веры» на всю территорию Индии прежде всего потому, что Индия оказалась для мусульман-завоевателей «крепким орешком» – огромное большинство индийцев не желали менять свою религию. С приходом мусульман индусы почувствовали себя единоверцами. Мусульманским правителям пришлось признать, что Индия перестала быть для них «страной врага» и стала «страной договора», т.е. позволили огромному большинству населения следовать вере предков. Исламу не оставалось ничего другого, как довольствоваться сосуществованием с индуизмом.

Ислам и индуизм представляли слишком разные культуры. Ислам – это монотеистическая, упорядоченная и четкая религия, в отличие от аморфного, расплывчатого индуизма. Он нетерпим к иноверцам, воинствен, строго организован, предельно политизирован, активен в вопросах государственной власти и политики. Для него характерен культ веры, слепое подчинение авторитету. Индуизму удалось в какой-то степени нейтрализовать фанатизм и нетерпимость ислама. Враждебности к индуистам вплоть до середины XX в. почти не ощущалось. Индуизм же с его абсолютной терпимостью, тоже не противодействовал мусульманам. Ислам и индуизм взаимно повлияли друг на друга. Например, обычай затворничества женщин широко распространился в Индии после появления там ислама. Весьма ощутимым было влияние ислама на литературу, искусство, архитектуру (достаточно вспомнить о

Тадж-Махале, жемчужине индийской и мировой архитектуры, созданной в XVII в. могольским императором Шах-Джаханом в память его жены).

Буддизм в период новой истории сохранился лишь в Восточной Бенгалии и на северо-западе страны. В Гималаях исповедовали **ламаизм** – разновидность буддизма. Всего **0,7%** населения были буддистами. Буддизм ушел из Индии в Китай, Японию, страны Юго-Восточной Азии и стал мировой религией. Буддизм давно шел к упадку. Важнейшей причиной этого называют то, что буддизм как религиозно-философская доктрина не сумел преодолеть в Индии главного препятствия – кастового строя. К концу I тысячелетия буддизм практически перестал играть сколько-нибудь заметную роль в ее истории и культуре, в жизни народа. Ему на смену пришел индуизм.

Очень небольшое количество индийцев – **зороастрийцы**, это – парсы, потомки огнепоклонников, бежавшие от ислама. Они часто служили тайными агентами англичан.

Христианство в Индии не имело большого успеха. Христианским миссионерам удалось обратить в свою веру всего **2,5%** населения. Даже уже обращенные в христианство индийцы были христианами «только по имени». Тарасенко-Отрешков в работе «Индия и ее отношение к России» (1858) констатировал: «Большая часть из них, приняв христианство по чьему-либо настоянию, а часто и вовлекаемая к тому наградою – едва отдалится от миссионера, как снова обращается к прежнему своему исповеданию».

Очень небольшая часть населения – в основном английские семьи – исповедовали **иудаизм**.

Политическая карта Индии в доколониальный период

В течение долгих столетий Индия представляла собой просто географическое понятие, как, например, Европа, или Африка. Она

не была гомогенной (однородной) страной. В Индии насчитывалось около 600–700 княжеств, которые беспрерывно воевали друг с другом, распадались, объединялись. Это было состояние хронической войны и взаимного грабежа. С XI по XVI в. в Индии правили мусульманские завоеватели.

К началу XVIII века в состав наибольшего княжества – **Могольского** – вошла практически вся Индия. Но уже в ходе объединения Индии в Могольскую державу началось мощное антимогольское сопротивление и на пике могущества начался распад империи Моголов.

В период правления **Великого Могола Аурангзеба (1658–1707)** началось освободительное движение в нескольких провинциях Индии. Во второй половине XVII в. **маратхский вождь Шиваджи** создал необычную для тогдашней Индии военную организацию: маратхское войско формировалось не из наемников (что было обычной практикой), а из рекрутов – крестьян-мирасдаров. Единый этнический состав и освободительный характер борьбы сделали его войско дисциплинированным и боеспособным. Шиваджи удалось создать относительно крепкое государство, а себя провозгласить независимым правителем.

В Пенджабе борьба против Моголов приобрела форму религиозной войны. Восстание возглавила **секта сикхов**, по имени которой движение стало называться сикхским. Они были последователями учения Нанака (1469–1538), основателя и идеолога **сикхизма**, главной идеей которого было всеобщее примирение и человеколюбие. Сикхи проповедовали равенство всех людей (индусов и мусульман) перед богом. Они не признавали деления людей на «чистых» и «нечистых». Их движение было сочетанием освободительной борьбы, социального конфликта и религиозной реформации. Они не желали отдавать разорительную ренту Моголам – размеры ренты-налога доходили до половины урожая, а при Аурангзебе она увеличилась еще на треть. Сикхи не желали платить унизительную **джизью** (по-

душный налог на индусов). Они хотели создать свое независимое государство. Они потерпели поражение, но сыграли важную роль в процессе распада Могольской империи.

В непосредственной близости к Дели и Агре разразились восстания **джатов** – одной из многочисленных каст земледельцев северо-западной Индии. Наличие артиллерии и боевых слонов решили исход сражений в пользу Моголов.

Освободительная – почти вековая – борьба маратхов, сикхов и джатов истощила армию Моголов, подорвала их материальные ресурсы – сократились доходы падишахской казны. Как не пытался Аурангзеб затормозить процесс распада своей империи, ни мусульманский фанатизм, ни военная сила, ни жестокие гонения на «неверных» не принесли успеха. После смерти Аурангзеба в 1707 г. мощная держава, одна из крупнейших империй Востока, начала распадаться. Возникшие на обломках империи независимые государства повели между собой кровопролитные войны.

Распад Могольской державы происходил в течение тридцати лет, **отделяющих смерть Аурангзеба (1707 г.) до нашествия персидского шаха Надира (1738–1739 гг.).**

Надир-шах напал на северо-западную Индию и не встретил никакого сопротивления по дороге к столице Дели. Сражение у Дели Великий Могол Мухаммад-шах проиграл, сдался на милость Надир-шаха, признал себя его вассалом и открыл иранским завоевателям ворота Дели. Надир-шах отдал Дели на разграбление своим войскам. По ходу грабежей было вырезано более 20 тыс. человек. По заключенному договору к Ирану отходили территории западнее р. Инд (современные Афганистан и Пакистан). Кроме того, налоговые доходы с нескольких округов западного Пенджаба должны были «навечно» предоставляться Надиру. Уходя из Индии, персы увезли с собой громадную добычу, в том числе последние сокровища Великих Моголов – Павлиний трон «Тахт-и Таос» стоимостью в 80 млн рупий и крупнейший в мире бриллиант «Го-

ра света» («Кох-и Нур»). Кроме того, они угнали с собой много тысяч искусных индийских ремесленников – оружейников, ткачей, строителей и ювелиров.

После Надира **с 1747 по 1761 г. девять набегов совершают афганские правители**, перебив тысячи мирных жителей.

Политический распад Могольской империи, как результат всех этих событий **завершился в 40–60-е гг. XVIII в.** Наместники Бенгалии, Ауда, Декана перестали подчиняться Великому Моголу. Реальная власть Великих Моголов распространялась лишь на области Дели, Агра, Синд, Пенджаб и Кашмир. Индия переживала глубокий политический кризис, чем облегчила задачу покорения Индии британской Ост-Индской компанией.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие явления общественно-политической жизни Индии породила социальная матрица индийского общества – каста?
2. Почему община в Индии оказалась более устойчивым и более продолжительно существовавшим институтом, нежели общины в других азиатских странах?
3. Какие постулаты индуизма вам запомнились больше всего?
4. Почему ислам не распространился на всю территорию Индии?
5. Почему буддизм, рожденный в Индии, ушел за ее пределы?
6. Каких результатов добились в своей борьбе против Моголов маратхи, сикхи и джаты?
7. Какие территории потеряла Индия в результате набегов Надир-шаха и афганцев?
8. Что осталось от державы Великих Моголов после ее распада?

Тема 2. ПОКОРЕНИЕ ИНДИИ БРИТАНИЕЙ

Сведения о необыкновенных богатствах, которые привозили с собой арабские и европейские путешественники в древние времена

и времена раннего средневековья из Индии, не давали покоя европейским странам, которые настойчиво искали морской путь для прямых сношений с этой страной.

Первыми, кто решился проплыть вокруг Африки, были **португальцы**. В конце 1497 г. Васко да Гама объехал тот мыс, которого ранее так боялись и который с тех пор стал называться мысом Доброй Надежды, а в 1498 г. его маленький флот бросил якорь в Калькутте. Таким образом, португальцы первые проникли из Европы в Индию прямым морским путем и более одного столетия держали монополию в торговле с этой страной. Началась борьба с арабами за преобладание в индийских водах. Превосходство в кораблях, вооружении и тактике позволило португальцам в 1509 г. уничтожить египетско-аравийский флот у **Диу**, а в 1510 г. – **Гоа**. Сила арабов была сломлена, их флот уничтожен, торговля свернута. Но португальцы проявили такое высокомерие, жадность к наживе, грубую жестокость и религиозную нетерпимость, что их торговля могла процветать только при помощи оружия. А в 1567 г. против португальцев объединили силы все правители западного берега Индии.

Вскоре превосходство на море оказалось на стороне **Ост-Индской голландской компании**, образованной в 1602 г. Голландцы превратились в могучую морскую и торговую державу, их торговый флот составлял четыре пятых всех купеческих кораблей Европы. Но на арену борьбы вышли **англичане**, у которых с **1600 г.** действовала своя **Ост-Индская компания**, получившая от королевы Елизаветы привилегию на свободную торговлю с Индией, Азией и Африкой и право беспошлинного вывоза всех товаров. Постепенно компания получала от правительства Британии всё новые и новые права: право объявлять войну и заключать мир, право чеканки монеты, формирование собственных армии, флота, суда. В трёх войнах с голландцами (1652–1654, 1664–1667 и 1672–1674 гг.) Британия доказала свое превосходство – это означало начало упадка голландского могущества.

Если в XVI в. у европейцев в Индии были опорные пункты и склады, в XVII в. – фактории и поселения, то в XVIII в. началось вооруженное покорение индийских государств. В XVIII в. европейцам противостояла уже не Могольская империя, у которой они добивались торговых привилегий, а отдельные княжества-государства (Бенгалия, Хайдарабад, Маратхское государство, Ауд, Майсур, Пенджаб), боровшиеся между собой и обращавшиеся к европейцам за помощью против своих же – индийских – противников. Цепь событий кратко подытожил К. Маркс: «пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех». Европейцы вмешались в междоусобную борьбу княжеств. В то же время разгорелась ожесточенная борьба за преобладание в Индии между самыми мощными европейскими державами того времени – Британией и Францией. Эта борьба переросла в завоевание самой Индии.

Французы заинтересовались Индией еще в XVI в., основав в 1604 г. **Ост-Индскую компанию**. В XVII в. у компании появились первые поселения в Индии, она вступает в конкурентную борьбу с голландцами и англичанами. К середине XVIII в. французская Ост-Индская компания контролирует большую часть Декана. Она вела значительно меньшую торговлю в Индии, нежели Британия, не располагала мощным флотом. Но именно французская Ост-Индская компания попыталась создать колониальную империю в Индии.

Французы стали формировать отряды из индийцев под командованием французских офицеров – так появились первые сипайские (от sipahi – солдат) отряды. Они настолько себя зарекомендовали, что англичане переняли эту практику у французов и тоже стали формировать сипайские отряды. Англичане переняли у французов и практику подписания «субсидиарных» договоров с правителями княжеств, по которым они обязались отдать на содержание отрядов (т.е. на «субсидию», как тогда говорили) определенные территории – провинции, часть княжеств и т.д. Субсидиарные договоры стали в руках англичан одним из эффективных

инструментов политического подчинения Индии – требуя все новых и новых земель для содержания своих отрядов, они покоряли Индию.

В 1756 г. началась Семилетняя война между Францией и Англией, которая перекинулась в Индию. В 1763 г. был заключен Парижский мир, который положил конец притязаниям Франции на Индию. Французы, хотя и продолжали бороться с британцами в Индии до конца XVIII в., проигрывали все сражения и вынуждены были практически покинуть страну. Таким образом, британцы устранили самого серьезного конкурента в борьбе за преобладание в Индии.

Опорными пунктами британской торговли в Индии стали **Сурат** и **Бомбей** (не так давно переименован в Мумбаи) на западном берегу Индии, **Мадрас** – на восточном берегу. В 1645 г. англичане получили монополию на торговлю в Бенгалии, в 1700 г. они приобрели земли вокруг быстро разросшейся **Калькутты**. Какое-то время торговля развивалась более или менее мирно, но со временем начались все более жесткие конфликты с местными властями, которые британцы предпочли решать вооруженным путем.

Британское завоевание Индии началось с наиболее экономически развитой области – **Бенгалии**. Трехтысячное войско **Роберта Клайва**, успевшего проявить свои военные таланты в битвах с французами на юге Индии, **в битве при Плесси в июне 1757 г.** одержало победу над армией бенгальского наваба (князя, правителя), состоявшей из 18 тыс. всадников и 50 тыс. пехоты. Англичане потеряли в этой битве 72 человека. **Это событие считается англичанами датой установления их господства в Индии**.

Клайв был назначен губернатором Бенгалии. Ост-Индская компания взяла в свои руки сбор земельного налога, а бенгальские власти ведали гражданскими делами – судом, поддержанием порядка. Насколько богатой была эта провинция, свидетельствовал французский путешественник Бернье: «Бенгалия богаче Египта.

Она экспортирует в изобилии хлопчатобумажные и шелковые ткани, рис, сахар и масло. Она производит в достаточном количестве для внутреннего потребления пшеницу и другие зерновые, овощи, домашнюю птицу, уток и гусей. Она имеет поголовье свиней, овец и коз, а также в изобилии рыбу всех сортов». Ресурсы Бенгалии затем использовались британцами в борьбе за еще не завоеванную территорию Индии.

В 70–80-е гг. XVIII в. Британия утверждала свою власть и влияние в остальных княжествах. Компания стала предоставлять им сипайские отряды – якобы для защиты от нападений - при условии заключения с ней субсидиарного договора. Заключившее такой договор княжество могло вести внешнюю политику только через Компанию, обязывалось полностью обеспечивать сипайские отряды в размере, определяемом англичанами. Денег, как правило, после уплаты налогов той же Компании, на содержание сипаев не оставалось, приходилось их занимать опять-таки у Компании, и в конце концов, обнищавшее княжество включалось во владения Ост-Индской компании под предлогом устранения «дурного управления». Субсидиарные договоры оказались весьма эффективным средством постепенного подчинения княжеств.

Наибольшее сопротивление британскому проникновению в Южную Индию оказало княжество **Майсур**. В 1767 г. началась первая англо-майсурская война, в 1780 г. – вторая, в 1790г. – третья, в 1799 г. – четвертая, т.е. три десятилетия Майсур отстаивал свою независимость. После его завоевания англичане не решились открыто присоединить земли Майсура к владениям Компании.

Долго пришлось англичанам покорять **маратхов** – понадобилось три войны, пока в 1818 г. маратхи потерпели поражение и их земли были присоединены к Бомбейскому президентству. Последняя военная кампания англичан – завоевание Пенджаба – произошла только через 30 лет. В 1849 г. Пенджаб был аннексирован. В 1856 г. было аннексировано самое густонаселенное и богатое

княжество Ауд. Таким образом, британцы потратили сто лет на завоевание Индии.

Естественно, возникает вопрос, каким образом британцам удалось покорить такую обширную страну с огромным населением достаточно «малой кровью»? Самый главный фактор, позволяющий это понять, это то, что индийцы фактически сами дали себя завоевать, **они своими руками положили Индию к ногам англичан**. Сипайские отряды формировались в соотношении 1:6, т.е. 1 англичанин – 6 индийцев. Сипаи нанимались к англичанам, потому что те платили большее жалованье, нежели правители княжеств, нанимавшие их для борьбы друг с другом. Сипаи не делали различий между англичанами и индийскими князьями – им было все равно, к кому наниматься. Они не видели в англичанах главного врага страны, они воспринимали их как одних из участников борьбы за гегемонию на той или другой территории страны. Они не видели в них представителей сильной чужеземной державы. Для них англичане были такими же, как они сами, или даже ниже их стоявшими. Правители княжеств смотрели на них как на наёмников, услуги которых можно купить. У индийцев в те времена отсутствовало чувство патриотизма в масштабах всей страны – родиной они считали только свою деревню, свою касту. Можно было говорить о патриотизме, например, маратхов, но не более того. Только драматический опыт последующего английского владычества заставил индийцев осознать себя как территориальное, духовное и цивилизационное единство, заставил почувствовать себя нацией, народом, а не населением.

Британские авторы часто утверждают, что Индия стала владением Англии, но не колонией, не завоеванной страной, на том основании, что индийские земли не захватывались для того, чтобы раздать их англичанам, изгнав туземцев. Терминологические споры не меняют сути дела: Индия стала колонией Британии, которой они очень дорожили и называли «жемчужиной Британской коро-

ны». Какими способами англичане превращали Индию в свою колонию? Ответ на этот вопрос дает анализ деятельности Ост-Индской компании в период и после завоевания Индии.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Ост-Индские компании каких стран вступили в конкурентную борьбу за Индию?
2. Когда англичанам удалось вытеснить Францию из Индии?
3. Что такое «субсидиарные договоры»?
4. Кто первый создал сипайские отряды?
5. Почему Индия оказалась покоренной?

Система колониального управления в Индии

После завоевания Индии страна разделилась на две части: «**Британскую Индию**» и «**Туземную Индию**». Британская Индия находилась под непосредственным управлением английского аппарата власти во главе с генерал-губернатором – сюда вошли Бенгалия, Бомбейская и Мадрасская провинции, а также северо-западные провинции. Туземная Индия – это 600–700 княжеств, которые располагались на трети территории страны. В них сохранялась номинальная власть индийских князей, которые получали от англичан жалованье и были взяты «под защиту» от внешних врагов. В разрешении споров между княжествами последнее слово принадлежало англичанам.

Последний Великий Могол – **Бахадур-шах II** превратился в английскую марионетку. Русский князь Алексей Дмитриевич Салтыков, путешествовавший по Индии в 40-е гг. XIX в., так писал о нем: «Ему назначено содержание в 120 тыс. ф. ст. в год. Его власть не простирается дальше стен его дворца, внутри которого впавшие в идиотизм отпрыски царского рода, предоставленные самим себе, размножаются, как кролики. Даже полиция в Дели изъята англичанами из-под его контроля. Сидит он на своем троне, сморщенный

желтый старичок, в расшитом золотом театральном наряде, напоминающем костюм индостанских танцовщиц. В торжественные для государства дни эта позолоченная кукла выходит порадовать сердца своих верноподданных. Чтобы попасть к нему на прием, иностранцы должны вносить плату в виде нескольких гиней, как за вход на публичное представление каких-нибудь скоморохов, а он, в свою очередь, преподносит гостям тюрбаны, алмазы и т.п. При ближайшем рассмотрении эти королевские алмазы оказываются обыкновенными размалеванными стекляшками, весьма топорно подделанными под драгоценные камни и так скверно обработанными, что они рассыпаются в руках, как имбирный пряник».

Хотя Индию завоевывала частная Ост-Индская компания, политические решения относительно Индии принимал Лондон. Хартия Компании возобновлялась каждые 10 лет. Росла роль парламента в управлении Индией. Это объяснялось тем, что внутри Англии шла ожесточенная борьба английской буржуазии за участие в колониальных прибылях. Фритредерская буржуазия через парламент начинает кампанию по сокращению размаха деятельности Ост-Индской компании в Индии.

В 1773 г. был принят акт об управлении Индией. По нему уже не Компания, а **корона назначала генерал-губернатора и членов Бенгальского совета**, и они не должны были быть обязательно служащими Компании. По этому же акту в Калькутте учреждался Верховный суд, причем главный судья и три младших судьи тоже назначались короной.

По акту 1784 г. важнейшие проблемы управления Индией перешли к назначаемому кабинетом министров **Контрольному совету**, который стал своего рода ведомством по делам Индией. Но за директорами Компании оставалось право назначения на все гражданские и военные должности.

Восемь лет тянулся суд над Компанией в палате лордов, в ходе которого вскрылись весьма неприятные для Компании факты кор-

рупции, взяточничества, злоупотреблений, жестокости, откровенного грабежа со стороны деятелей Компании. К этому времени уже вся английская буржуазия стала выступать против торговой монополии и привилегий Компании.

Акт 1813 г. отменял торговую монополию Компании, монополия сохранялась только на торговлю чаем с Китаем.

Акт 1833 г. отменял последние торговые монополии Компании в Индии. Этот акт, оставив за Компанией право управления Индией, вводил в Бенгальский совет назначаемого короной специального чиновника, который должен был выработать законодательство для всей Индии и держал бы Компанию под правительственным контролем. Дело было в том, что в Бенгалии, Мадрасе и Бомбее действовали разные законы, что создавало много неудобств в торговых делах.

Таким образом, постепенно, шаг за шагом, Индия начинает превращаться в колонию всей английской буржуазии, а не только тех, кто имел отношение к Ост-Индской компании.

Аппарат колониального управления создавался постепенно. Органы управления Компании находились и в Индии, и в Англии. **В Индии** всем вершил **Контрольный совет**, а фактически – Совет президентств (Бенгальское, Мадрасское и Бомбейское президентства). Во главе Компании **в Англии** стоял **Совет директоров**, избираемый собранием акционеров. Директора предоставляли должности за деньги, за политическое влияние, за место в парламенте. Совет директоров вел переписку с губернаторами президентств. Это была громоздкая и неповоротливая бюрократическая машина. Какой-либо запрос из Индии приходил в Англию через 6–8 месяцев, а ответ на него, пока проходил все стадии рассмотрения, получали через несколько месяцев, а иногда и лет.

Все высшие и средние посты занимали англичане, индийцев брали только на низовые должности.

Двумя основными составляющими колониальной административной системы были **налоговая система и полиция**. В каждом

округе главным человеком был **коллектор** (буквально «сборщик налогов»), который сочетал в своем лице исполнительную, судебную, налоговую и политическую власть, т.е. был своего рода местным самодержцем.

Важнейшим элементом колониального управления была **сипайская армия.** Ее руками британцы завоевали Индию, а после завоевания сипаи выполняли полицейские функции – подавляли беспорядки, мятежи, удерживали порядок в стране.

Существенным элементом системы управления было **судопроизводство**. Свидетельские показания чаще всего покупались или насильно навязывались. В Индии всегда можно было найти любое количество «свидетелей», готовых показывать в суде что угодно за небольшую сумму денег или клочок земли. Судебная волокита могла тянуться по несколько лет, разоряя втянувшихся в судебный процесс людей. Естественно, суды выигрывали те, кто имел деньги и своего человека во власти. Это была продажная судебная система.

Аппарат управления поглощал колоссальные средства – в год на него уходило 13 млн ф. ст.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как разделялись «Британская Индия» и «Туземная Индия»?
2. Какие органы управления находились в Англии и Индии?
3. Кто и почему устроил судилище над деятельностью Ост-Индской компании в Индии?

Тема 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Частная Ост-Индская компания, у которой был свой административный аппарат, своя армия, своя казна, свой суд, всю свою дея-

тельность подчинила цели выкачки из Индии как можно больше богатств в течение как можно более длительного периода времени.

На протяжении всего периода завоевания англичане брали с индийских князей за оказываемую им военную «помощь» высокую плату.

На первом этапе, еще в ходе завоевания Индии, англичане вывезли из Индии огромную добычу. Это был **этап беспредельного грабежа,** обозначаемого в английском языке словом «loot». После отмены субсидиарного договора с тем или иным княжеством, когда оно признавалось неспособным выполнять условия договора, англичане первым делом забирали казну и сокровища князя. Они не признавали никаких наследников. В литературе приводится пример с принцессами, которых заточили в тюрьму и грозили всякого рода актами насилия, пока они не отказались от всех богатств, которыми владели. После очередной военной победы даже рядовые солдаты набивали свои ранцы драгоценными камнями. Ставший главой Компании Роберт Клайв (выигравший битву при Плесси) прибыл в Индию без гроша за душой, присвоил 200 тыс. ф. ст., не считая драгоценностей. Объясняясь позже в палате общин, в 1773 г., когда был устроен процесс против злоупотреблений Компании, он заявил: «Богатый народ был у моих ног, могущественное государство было в моей власти; мне одному были открыты подвалы сокровищницы, полной слитков золота, серебра и драгоценных камней. Я взял всего 200 тысяч ф. ст. Джентльмены, я до сих пор удивляюсь собственной скромности!». Палата общин оправдала Клайва: его наградили орденом за «большие и похвальные» заслуги, оказанные своей стране.

Разбогатевшие от безнаказанного грабежа в Индии англичане по возвращении на родину стали называться **«набобами»** (искаженное слово «наваб», означавшее князя Бенгалии). Они принялись покупать так называемые «гнилые местечки» в парламенте и таким образом увеличивать свое политическое влияние в стране.

На следующем этапе откровенный грабеж был несколько замаскирован под торговлю. Англичане называли это «**эквивалентной торговлей»,** хотя об эквивалентности такой торговли и речи быть не могло: индийцам стали платить за их товары, но платить гроши. На мировых рынках товары из Индии стоили в сотни раз дороже и приносили ощутимую прибыль Компании.

К концу XVIII в. Индия лишилась значительной доли своих богатств. В этой ситуации основным источником доходов Компании становится **поземельный налог**.

Краткосрочный откуп, который традиционно использовался в Индии и был перенят англичанами, привел к быстрому разорению провинций, поскольку ставка налога все время росла. Вот красноречивые цифры на примере Бенгалии: последний бенгальский наваб собрал в последний год своего правления 817 тыс. ф. ст., а Компания начала с суммы в 1 470 тыс. ф. ст., затем повысила налог и собрала 2 341 000, затем 2 818 000 ф.ст. «Неугомонная энергия нашей неудачной администрации оказалась такова, что в течение столь короткого времени, как 20 лет, многие части этой провинции низведены до состояния пустыни. Поля больше не обрабатываются. Огромные площади уже заросли кустарником; землепашцев грабят, ремесленников притесняют, голод без конца повторяется, население вымирает», – свидетельствовал член парламента Фулертон.

Английская администрация, чтобы сохранить «рентабельность» колонии, вынужденно начала искать наиболее приемлемые формы извлечения поземельного налога. Были введены **три разные системы земельно-налогового обложения** в разных провинциях Индии.

Первая система, ставшая известной как **система «постоянного обложения» или «заминдари»**, была введена в Бенгалии в 1793 г. Тогдашний генерал-губернатор Индии лорд Корнуолис, сам будучи крупным землевладельцем в Англии, намеревался создать в

Индии подобие хозяйств крупных землевладельцев по английскому образцу. Заминдары – состоятельные откупщики налогов – становились «наследственными владельцами на вечные времена», т.е. частными собственниками земли. **Поместье заминдара стало единицей налогообложения**, а каждый заминдар был лично ответствен за уплату налога в казну Компании.

Сумма налога фиксировалась раз и навсегда, она была постоянной величиной, не зависящей от урожая (величина налога была установлена по среднему урожаю и среднему налогу, который был получен в 1790 г.). Англичане рассчитывали, что заминдар, стремясь к увеличению дохода со своей земли, будет вводить улучшения, приобретать лучшие семена, технику, распахивать пустоши, т.е. будет вести себя, как лендлорд. Ожидаемого результата англичане не получили. Во-первых, заминдар должен был отдавать налогосборщикам Компании 9/10 своих доходов, т.е. у него оставалась десятая часть дохода, а во-вторых, заминдар оставался по своему менталитету, привычному образу действий феодалом и тратил получаемый доход на развлечения, свиту, предметы роскоши. Английский чиновник свидетельствовал: «Доход заминдара идет на содержание бездельников и прихлебателей, на слуг и стражников, певиц и танцовщиц, на многолюдные обеды окрестным заминдарам и угощения брахманам – все на потребление, ничто не идет на нужды производства… Едва ли имеется хоть одна деревня, в которой заминдар тратит деньги на усовершенствования». Получилась карикатура на английского лендлорда.

К тому же англичане не очень церемонились с заминдарами, не сделали из них свою социальную опору в Индии – это был просчет, который британцы исправит только после кровопролитного национального восстания 1857–1859 гг.

Все чаще за неуплату налога имения заминдаров продавались с молотка. Покупали их ростовщики, агенты Компании, судебные чиновники – это были «новые заминдары». С течением времени

крупными помещиками-землевладельцами становятся индусы-ростовщики, а их арендаторами – мусульмане, что обостряло взаимоотношения между индусами и мусульманами.

Вторая система налогообложения получила название системы **«сельского обложения».** Она была введена в северо-западных провинциях и Центральной Индии. **Единицей обложения стала сельская община**, т.е. в силу вступала круговая порука, и общинники обязывались собрать налог всем миром в казну Компании. Налог не фиксировался, он зависел от количества и качества земли, от величины полученного урожая. Земля переходила в частную собственность общинников, они могли отныне распоряжаться ею. За недоимки земли распродавались, их скупали судебные и налоговые чиновники.

Третья система получила название **«райатвари»** (райат – индийский крестьянин). Она действовала в Мадрасской и Бомбейской провинциях. **Ответственность за уплату налога по этой системе возлагалась на каждого крестьянина – райата**, или мирасдара. Райат тоже получал свою землю в собственность и мог ею распоряжаться по своему усмотрению – продавать, закладывать, покупать. Но из-за очень высокого налога, который был установлен в этих провинциях, он не мог воспользоваться этим своим правом – землю никто не хотел покупать. Один из английских чиновников свидетельствовал: «Земля здесь была бы продана коллекторами (налогосборщиками) за недоимки, как в Бенгалии, но обычно они этого не делают по весьма существенной причине: ее никто не хочет покупать».

Эта система быстро выродилась в систему принудительных работ, и земля потеряла свою ценность. Райаты не хотели обрабатывать землю, которая приносила одни долги. Компания стала применять методы прямого принуждения – на поле появился жандарм, который следил за работой райатов, применялись физические наказания, вплоть до пыток. Беглецов возвращали и заставляли

обрабатывать землю, как крепостных крестьян. Были зафиксированы случаи членовредительства: крестьяне отрубали себе пальцы, калечили руки, чтобы избежать работы в поле.

Главными результатами деятельности Ост-Индской компании по введению новых систем налогообложения в Индии стали следующие. В Индии **впервые появилась частная собственность на землю** – англичане выдали соответствующий документ и крупным землевладельцам – заминдарам, и мелким – райатам. Какое-то время и те и другие не могли в полной мере осуществить свое право владеть землей на практике, но институт частной собственности был введен и «заработал» позднее – во второй половине XIX в. Вторым крупным результатом было **разрушение института общины:** в общине происходило перераспределение земли, туда проникли товарно-денежные отношения, перестали действовать традиционные нормы и правила. И, наконец, Компания стала получать стабильный ежегодный доход от реформированного налогообложения, доход, который многие историки стали называть **данью**, которую Индия вынуждена была платить англичанам. Главным результатом экономической деятельности англичан в Индии Дж. Неру назвал «трагическое обнищание народа».

Все это не являлось результатом естественного экономического развития Индии, а было насильственно внедрено, навязано извне. Традиционное разделение труда было уничтожено, равновесие между крестьянской домашней промышленностью и сельским хозяйством было нарушено, появилось множество бездомных людей, не находящих применения своей рабочей силе. Произошла потеря старого мира, а заменявший его новый приносил унижения, проблемы, потери и разочарования, лишения и тяготы, в этот новый мир миллионы индийцев не сумели вписаться, приспособиться, выжить в нем.

Тема 4. ПРЕВРАЩЕНИЕ ИНДИИ В БРИТАНСКУЮ КОЛОНИЮ

Поначалу англичане хотели сохранить Индию аграрной страной, превратив её в одну огромную **плантацию**, производящую сырье для их промышленности. Опийный мак или индиго закупались англичанами с помощью системы принудительной контрактации, которая превращала райатов, выращивавших эти культуры, в крепостных. Цена устанавливалась настолько низкая, что крестьяне уже никогда не могли расплатиться со своими британскими кредиторами за авансы, которые получали в начале работы. Долги родителей переходили к детям. У плантаторов были нанятые бандиты, которые не давали крестьянам убегать, следили за тем, чтобы они не отлынивали от работы, а иногда и похищали райатов, работавших на соседних плантациях. «Индиговые бунты» не прекращались до конца XIX века, когда были изобретены химические красители и возделывание индиго стало нерентабельным.

Индия стала превращаться в рынок сырья для английской промышленности. Чтобы получать более высококачественное сырье, англичане попытались внедрить новые для индийцев сельскохозяйственные культуры – например, длинноволокнистый хлопок вместо привычного для индийцев коротковолокнистого, тутовые деревья вместо кустов, которые выращивали в Индии для выкармливания шелковичных червей. Они пытались увеличить посевы сахарного тростника, кофе, табака.

Но плантационное хозяйство, навязываемое англичанами, не прижилось. Причиной был низкий уровень жизни из-за высоких налогов, который заставлял крестьянина продавать выращенную продукцию, чтобы заплатить их. К тому же, крестьянин, который начинал выращивать товарную продукцию, тотчас же облагался дополнительным налогом. Английский чиновник свидетельствовал: «Я спросил у них, почему бы им не выращивать зерновые, которые приносили бы

больше выручки в деньгах с земель, занятых под хлопок. В ответ они заявили, что если станут выращивать только зерновые, то будет нечем платить, ибо вместе с семьями съедят весь урожай. Сейчас они вынуждены ограничивать себя и питаться два раза в день вместо трех, а так как хлопок есть нельзя, у них появляется возможность получить деньги и выплатить ренту». В первой половине XIX в. голод унес примерно 1,5 млн жизней.

Индия постепенно стала превращаться в рынок сбыта английских товаров. Таможенная политика Англии строилась таким образом, чтобы при помощи низких пошлин поощрять английский экспорт в Индию, а с помощью высоких пошлин препятствовать импорту изделий индийских ремесленников. Красноречивым примером может служить разрушительная деятельность англичан по отношению к индийскому ручному ткачеству. В Индии ткачи умели изготовлять более тонкие и более изысканные ткани, чем в Китае. В Дакке, тогдашней столице ткачей, один метр ткани со сложным переплетением узоров делали полгода. Славились на весь мир вывезенные англичанами из Индии знаменитые кашмирские шали, настолько тонкие, что такую шаль можно было протянуть через колечко. Набивные ситцы, при изготовлении которых употреблялись натуральные, природные красители, не линяли, были прочны, служили долго. Сукна, шелк из Индии пользовались неизменным спросом на международных рынках, хотя стоили дорого. По качеству индийские ткани далеко превосходили английские, которые изготовлялись на фабриках. Но английские ткани были гораздо дешевле, и англичане были заинтересованы в увеличении экспорта своих тканей в Индию, чтобы получать всё большие доходы.

Англичане сделали всё возможное, чтобы любыми способами, вплоть до насильственных, устранить конкурента – индийского ткача. Для этого они стали облагать большими налогами готовую продукцию ремесленников-ткачей, чтобы разорить их и сбывать в Индии фабричные ткани. При ввозе в Индию с английских тканей

бралась пошлина в 2-3,5%, при ввозе индийских тканей в Англию пошлина составляла 20-30%. Один из английских налоговых чиновников констатировал: «Если индиец торгует тканями, его облагают налогами. Рядом с этим индийцем, весь доход которого составляет несколько рупий в год, может находиться контора европейского купца, который наживает сотни рупий, однако он ничего не платит».

Для англичан стало более выгодным ввозить в Индию готовую пряжу – так ткани, сделанные в Индии, обходились дешевле, нежели сделанные в Англии. К тому же англичане экономили на издержках производства – рабочая сила в лице индийских ткачей была сверхдешевой – им платили гроши. Скупщики-ростовщики держали в долговой кабале около 60% индийских ткачей. В домах ткачей стал присутствовать человек с ружьем – так англичане следили за тем, чтобы ткач изготовлял нужное количество ткани, по заданному англичанами рисунку и цвету. Одно время в Англии считалось непатриотичным появляться на светских мероприятиях в костюмах и платьях, сшитых из индийских тканей. Цель была достигнута – **ручное ткачество в Индии погибло**, индийцы забыли секреты изготовления сложных тканей, индийский рынок был наводнен английскими тканями. Индия из страны, вывозящей ткани, превратилась в страну, ввозящую ткани. Генерал-губернатор Индии лорд Бентинк докладывал в 1834 г.: «Равнины Индии усеяны костями ткачей».

То же, что и с ткачеством, происходило в других отраслях индийской домашней промышленности. Вот что произошло с **судостроением**. В Индии традиционно строили легкие, долговечные суда из тикового дерева. Это дерево напоминает сибирскую лиственницу – чем дольше эта древесина находится в воде, тем прочнее делается. К тому же никакие жучки-древоточцы были ей не страшны. Стоили эти суда на 25% дешевле английских. Тем не менее англичане заменили эти суда своими, чтобы сохранить монополию на все перевозки.

В литературе приводится пример с попыткой одного английского инженера построить небольшой литейный завод в Индии. Этот англичанин все просчитал и предусмотрел – открытая разработка руды, большой лесной массив, близость порта – все сулило деловой успех, но завод оказался нерентабельным и через несколько лет закрылся. Английской администрации оказалось выгоднее ввозить сталь из Швеции или России, нежели строить сталелитейные предприятия в Индии. **То же произошло с производством стекла, бумаги, кузнечным делом, производством оружия**.

Процесс превращения Индии в аграрно-сырьевой придаток Англии убыстрился в середине XIX века. В результате политики англичан в Индии стало развиваться явление, которое называют **относительным перенаселением.** Безземельные крестьяне, разорившиеся ремесленники пополняли всё время растущую армию людей, чьи руки, умения оказались невостребованными. В крупнейшем центре ремесла, Дакке, число жителей сократилось со 150 до 20 тыс. Ремесленники, чтобы прокормиться, шли в деревню. Дж. Неру писал: «Индия стала менее городской и более сельской страной. **Аграризация страны** продолжалась в течение всего XIX в. Во всем мире развитие машинной промышленности и процесс индустриализации вызвали приток людей из деревень в города. В Индии возобладала противоположная тенденция. Вместо того чтобы идти вперед, Индия в результате британской политики пошла вспять. Она вообще лишилась своей промышленности и превратилась в более, чем когда-либо, аграрную страну». С 1876 по 1900 г. в Индии умерло от голода 26 млн. человек – в пять раз больше, чем за предшествующие 25 лет.

Традиционная экономика уничтожалась быстрее, чем возникала новая, индустриальная. Новых городов было гораздо меньше, чем разорившихся старых. Только три города во всей Индии разрастались – Калькутта, Мадрас и Бомбей (теперь он называется Мумбаи). Но эти города не могли вместить всех ищущих

работу и заработок. Индия превратилась в аграрную колонию индустриальной Англии, поставляющую сырье и обеспечивающую рынок сбыта для английских промышленных товаров.

Какую **культурную политику** проводили англичане в Индии? Колонизаторы к середине XIX в. ощутили насущную потребность в лояльных и дешевых служащих. Это подвигло их раскошелиться и выделить на образование определенные средства. В **1835 г.** была проведена **реформа образования**. Ее автор, знаменитый историк **Маколей**, весьма четко изложил цели этой реформы: «Нечего пытаться просвещать народные массы. Но мы должны приложить все усилия, чтобы создать прослойку, которая могла бы служить посредником между англичанами и миллионами индийцев, подвластных англичанам; **прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, взглядам, морали и складу ума»**.

Были открыты средние школы с европейской программой обучения. Два колледжа стали готовить знатоков индусского и мусульманского права**. В 1857 г. открылись Калькуттский, Мадрасский и Бомбейский университеты.** Обучение велось на английском языке. Возникает сначала небольшая, затем растущая прослойка образованной на европейский манер индийской интеллигенции. Дж. Неру назвал ее «детищем, родившимся фактически от связи с Англией».

Поначалу эти люди, приобщившиеся к европейскому знанию и культуре, были в полном восторге от Англии, от её идей свободы, от её системы управления, от английского парламента и т.д. Они чуть ли не стыдились своего «азиатского происхождения», своего цвета кожи, отсталости своей страны. Первая волна интеллигенции оптимистично надеялась, что даже деспотичное управление в Индии осуществлялось Англией якобы во имя блага самой Индии. В своем поступательном развитии **индийская интеллигенция прошла и крайности самоуничижения в начальный период, а затем и крайности национального шовинизма – уже в XX в.,**

когда она поднимала на щит все индийское и проклинала все английское. Индийский писатель-классик Рабиндранат Тагор писал о собственных терзаниях в этом плане так: «Я вознес англичан на трон в своей душе. Потом возникло болезненное чувство разочарования, когда я все больше начал понимать, с какой легкостью те, кто усвоил величайшие истины цивилизации, безнаказанно отвергали их, как только это касалось их своекорыстных национальных интересов». Такая эволюция была характерна не только для Индии, она наблюдалась практически во всех странах Азии. Интеллигенция, взращенная англичанами, в конце концов становится носительницей патриотических идеи, идеи экономической и политической самостоятельности, самоуправления Индии. Главной идеей становится освобождение родины от иноземного господства.

Индийцы в своей массе были вынуждены перейти на английский язык, поскольку англичане их языков не знали и не хотели знать, а чтобы устроиться на работу, надо было говорить по-английски, чтобы учиться в колледжах и университетах, надо было предварительно достаточно хорошо усвоить английский язык.

Как англичане воспринимали Индию и индийцев? Идеология европоцентризма оказывала доминирующее влияние в XIX веке на умонастроения англичан. Распространенным мнением даже в XIX в. было то, что Индия – это полудикая страна, а народ – туземцы, стоящие ненамного выше дикарей. Экономист и историк Дж. Милль в трехтомном труде «История Британской Индии» утверждал, что народы Индии не создали ничего ценного, что одна полка английских книг ценнее, чем вся литература Индии. Он приписывал индийцам такие качества, как «предательство, лживость, трусость, бесчувственность, скрытность и нечистоплотность». Его книга вышла в 1858 г. пятым изданием в 10 томах, что свидетельствовало о прочности таких представлений даже у образованных англичан.

В глазах же миссионеров вся культура Индии была «выдумкой сатаны» и подлежала искоренению.

Популярный публицист С. Смайлс, вернувшись из Индии, писал в одной из своих журнальных статей: «Индийский крестьянин влезает в долги с такой готовностью, с какой ребенок тратит полученные деньги на сладости. У него отсутствует способность взвешивать будущее». Он призывал английское правительство в Индии «действовать, как добрый, но твердый отец».

Серьезно повлиял на представления англичан об Индии Р. Киплинг, который родился в Индии и прожил там много лет. Он сформулировал своего рода кодекс поведения колонизатора в Индии: «туземец всегда должен видеть перед собой явные и заметные знаки Нашей Власти, ибо иначе он, подобно ребенку, не поймет, что значит власть и насколько опасно ей не подчиняться». Его известное стихотворение «Бремя белых» стало хрестоматийным – туземцы называются «полудетьми» и «упрямыми дикарями», не способными оценить усилия и жертвы, понесенные англичанами ради них. В Индию едут не за богатством, пытался убедить своих читателей Киплинг, а чтобы выполнять долг, нести «бремя» белого человека по приобщению недоразвитых к цивилизации.

Русский князь А.Д. Салтыков, путешествовавший по Индии в 40-е гг. XIX в., отмечал: «Англичане нисколько не наслаждаются тем, что составляет роскошь, изящество и очарование Индии. Для них все это кажется пошлым и обыкновенным. Вообще они презирают все, что несходно с привычными им понятиями». Англичане отделялись от индийцев в буквальном смысле слова стеной: они строили привычные для них здания, вели традиционный образ жизни с неизменным «Five o clock tea». Они выпускали английские газеты, где можно было прочитать о помолвках, свадьбах, разводах, о футбольных и иных спортивных состязаниях – и ничего об Индии и индийцах. Близ английских домов устранялось все, что напоминало об Азии, – истреблялись пальмы, садились сосны и разбивались газоны. Англичане стали правящей кастой в Индии.

Как сами индийцы реагировали на превращение своей страны в колонию?

Они отвечали **защитой и возрождением своей веры.** Раз так получилось, что не сумели распознать врага в англичанах и сами помогли поработить свою страну, и индусы, и мусульмане сочли единственно возможным выходом из ситуации отстаивание своего духовного мира, своих традиций, образа жизни. Ранняя волна национализма носила религиозный характер. Индусы пытались возродить индуизм как активную, воинствующую, патриотическую религию, реформировать его, очистить от позднейших наслоений.

Инициатором этой попытки был **Рам Мохон Рай.** Это был высокообразованный бенгалец. Он хорошо знал санскрит, арабский, персидский, греческий, латинский, древнееврейский и английский языки. Он изучал языки, чтобы понять происхождение и суть культуры и религии Запада. В 1815 г. он основал общество «Брахмо Самадж» в Бенгалии. Общество открыло три школы, издавало газеты. Рай был противником религиозных церемоний, вел пропаганду против существования обычаев прошлого – касты, сати (самосожжение вдов на погребальном костре мужа), полигамии. Он выступал за распространение современного образования, в том числе для женщин. Фактически он стоял на позициях буржуазного гуманизма. Рай считал английское правление злом меньшим, чем возвращение феодальных порядков. Он считал, что надо принять то, чему можно научиться у Запада.

В Пенджабе возникло общество «Арья Самадж», лозунгом которого было «назад, к Ведам». Это была попытка придать индуизму воинствующий миссионерский оттенок. Общество тоже выступало против существования каст и за распространение образования. Рамакришна, Вивекананда проповедовали индуизм как национализм.

Мусульмане после порабощения Индии отказались от образования на английском языке и поэтому в меньшей мере подверглись

влиянию новых идей, среди них достаточно долгое время не наблюдалось брожения умов. Они ушли в свою религию как в панцирь, находя в ней защиту и утешение. Небольшая часть мусульман во главе с Абдул Азизом объявила священную войну – джихад – против неверных и стала считать Индию «страной врага». Священным долгом мусульман Абдул Азиз провозгласил борьбу против колонизаторов.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему Британии не удалось превратить Индию в одну огромную плантацию?
2. Почему индийцы лишились своей домашней промышленности?
3. Как возник феномен «относительного перенаселения» и аграризации Индии?
4. Для чего англичане провели реформу образования в Индии и в чём она заключалась?
5. Как англичане воспринимали Индию и индийцев?
6. Как сами индийцы реагировали на превращение своей страны в колонию?
7. Какую позицию по отношению к англичанам занимал индийский просветитель Рам Мохан Рай?

Тема 5. ВЕЛИКОЕ НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1857–1859 гг.

Ровно через сто лет после битвы при Плесси, т.е. через сто лет английского владычества в Индии, индийцы поднялись на восстание, которое сами они назвали «великим народным», а в зарубежной историографии его называли «национальным», «сипайским» восстанием. Английские историки часто называли его «великим мятежом».

Восстание началось как военный мятеж, быстро переросший в мощное народное восстание, которое иногда трактовалось индийскими исследователями как первый всплеск войны за независимость Индии.

Первый удар был нанесен армией, той самой армией, которая помогла англичанам покорить Индию и которая являлась к середине XIX в. одним из столпов британского владычества в этой стране. Армия стала центром, мотором сопротивления. Что собой представляла сипайская армия к середине XIX столетия и почему именно она начала восстание?

К этому времени армия насчитывала 280 тыс. человек, из них английских солдат и офицеров было 45 тыс (соотношение примерно 6:1). **Фактически было три армии: Бенгальская, Мадрасская и Бомбейская** – под общим командованием. Самой крупной была Бенгальская армия – 170 тыс. сипаев и 30 тыс. англичан, т.е. она была больше, чем Бомбейская и Мадрасская армии, вместе взятые.

Сипаи Бенгальской армии рекрутировались в северных и центральных областях Индии – Ауде, Бихаре и северо-западных провинциях. Они рекрутировались из высших каст – брахманов, раджпутов, джатов. Среди них были и индусы, и мусульмане. Они были выходцами из высшей прослойки общин. Они гордились своим происхождением и привыкли к своим привилегиям, которых иногда добивались от английского командования активными действиями. Англичане считались с ними и вынуждены были частенько идти на уступки. К. Маркс имел в виду именно Бенгальскую армию, когда писал: «Восстание в Индии начали не измученные, угнетенные и обобранные до нитки англичанами райаты, а одетые, сытые, выхоленные, откормленные и избалованные англичанами сипаи».

Бомбейская и Мадрасская армии рекрутировались из низших каст, т.е. наиболее забитых и угнетенных слоев населения. Это были разо-

ренные крестьяне и ремесленники, которые «на коленях умоляли о приеме в армию», так как находили в военной службе спасение от голодной смерти для себя и своей семьи. Забегая вперед, скажем, что эти армии так и не приняли участия в восстании, опасаясь за свою судьбу. Они выжидали, на чьей стороне окажется победа.

В Бенгальской армии накопилось много оснований для недовольства. Прежде всего, после завоевания всей территории Индии отношение английских властей к сипаям изменилось – с ними стали гораздо меньше считаться. Это выразилось в том, что им урезывали жалованье, пенсии, сокращали число привилегий. Сипаи стали выполнять полицейские функции – их бросали на подавление бунтов, беспорядков. Сипаев возмущала дискриминация в армии: индийский солдат получал меньшее жалованье и вынужден был подчиняться безусому английскому поручику, только что прибывшему из Англии. Сипаи убедились в том, что «темнокожему не продвинуться по службе» – выше чина сержанта сипаи не получали.

Англичане нарушали кастовые обычаи, точнее, не считались с ними. Эти обычаи запрещали покидать родные места – а англичане стали требовать присяги о готовности служить там, где прикажут, – их посылали в Китай, Иран, Афганистан. Англичане обещали продвижение по службе тем сипаям, которые перейдут в христианство, – здесь сказывалась активная деятельность миссионеров. В армии стали распространяться слухи о насильственном обращении в христианство индусов и мусульман, что усиливало антианглийские настроения.

Кроме всего прочего, сипаи, тесно связанные со своей родней, разделяли чувство недовольства и беспокойства своих родственников в связи с непосильным налогообложением. Они стали своего рода посредниками между деревенскими жителями и англичанами – **только в 1856 г. английские власти получили 14 тыс. прошений от 75 тыс. сипаев**, в которых были изложены жалобы на слишком высокие налоги. Прошения оставались незамеченными английскими чиновниками.

В войсках стали возникать тайные **панчаяты** (советы), которые вели агитацию и распространяли воззвания: «Братья, мы своими руками вонзили кинжал чужеземцев в собственное тело. Если мы поднимемся, победа будет обеспечена»; «Если сипаи объединятся, то белые окажутся каплей в море». Одна из прокламаций взывала к единству индусов и мусульман против общего врага: «Братья индусы и мусульмане! Знайте, что если англичане останутся в Индии, они перебьют вас и уничтожат вашу религию. Англичане долго обманывали жителей Хиндустана и заставляли их рубить себе головы собственными руками… Англичане и сейчас будут пытаться по-прежнему обманывать нас. Они будут натравливать индусов против мусульман и мусульман против индусов… Мусульмане, верующие в Коран, и индусы, почитающие корову, забудьте мелочные распри и объединитесь в общей священной войне! Идите на бой под одним знаменем и смойте потоками крови с лица Индии всех англичан, чтобы в нашей стране не сохранились в памяти даже их имена».

Непосредственным поводом к началу восстания стало введение в армии ружей Энфильда. Патроны к ним были обернуты в промасленную обёртку, которую надо было надкусить, чтобы достать патрон. Поскольку почва для восстания была уже подготовлена и антибританские настроения были готовы в любой момент перерасти в открытое неповиновение, промчался слух, распространяемый солдатами-мусульманами, что обертка на патронах пропитана свиным салом (свинья считается нечистым животным и в пищу свинину мусульмане не употребляют), а солдаты- индусы утверждали, что обертка патронов пропитана говяжьим жиром (у индусов корова – священное животное). Надкусывание обертки сипаи приравнивали к такому осквернению себя, которое равносильно их исключению из касты и семьи. Забегая вперед, скажем, что в ходе восстания сипаи вовсю применяли новые ружья против англичан, не задумываясь о последствиях, – это только подтвер-

ждает тот факт, что протест против новых ружей был только поводом для начала восстания.

За отказ принять новые ружья 85 сипаев английского гарнизона г. Мирут (недалеко от столицы Дели) были разжалованы и приговорены к 10 годам каторги. Это явилось сигналом для начала восстания сипаев, которое тут же поддержали городские низы и крестьяне близлежащих деревень. В северо-западных провинциях наблюдалась странная для непосвященных эстафета – гонцы носили хлебец (чапати) к старосте, из села в село. Это было предупреждение жителей о чем-то очень важном, сигнал тревоги. Англичане не заметили этой эстафеты или не придали значения. Они вообще не придавали особого значения недовольству солдат и бедноты города и деревни. Они не заметили того момента, когда недовольство перешло в опасную стадию. Когда восстание уже началось, англичане отнеслись к нему как к обычному мятежу.

Итак, восстание **началось 10 мая 1857 г. в Мируте.** Сипаи открыли местную тюрьму, выпустили всех заключенных, захватили казначейство, разгромили налоговые и судебные учреждения, перебили английских офицеров. У начальника гарнизона имелась артиллерия, но он настолько растерялся, что забыл о ней. Восставшие пошли к Дели.

Дели превратился в центр восстания. Сипаи пришли во дворец к 80-летнему Бахадур-шаху, лишенному англичанами всякой власти и доживавшему свои дни английским пенсионером, чтобы убедить его обратиться к народу с призывом начать войну против англичан. Они хотели восстановить национальную независимость Индии, которую они мыслили как восстановление власти Великих Моголов. Бахадур-шах отнекивался, тянул время, надеясь, что англичане вот-вот подойдут и вызволят его, но англичане не подходили, и престарелый падишах подписал воззвание, продиктованное сипаями. В нем, сообщая о восстановлении власти Великих Моголов, Бахадур-шах призывал всех индийцев – и индусов, и му-

сульман – объединиться в борьбе за родину и веру. Сипаев он призывал поднять оружие против англичан и идти в Дели.

Бахадур-шах был объявлен императором Индии. В Дели было создано правительство из придворной знати. Сыновья падишаха, не имевшие ни малейшего представления о военном деле, стали командующими. Следуя призыву падишаха, сипаи в других городах убивали англичан, захватывали казну, оружие и шли в Дели. В столицу стали стекаться десятки тысяч сипаев из разных мест страны. Но время шло, а сипаи в Дели бездействовали, наступление дальше не развивалось. **Сипаи готовились к обороне, а не к наступлению**. Их военное мышление не шло дальше уровня сержанта, они могли разрабатывать тактику отдельных операций, но не умели мыслить стратегически.

Правительство Бахадур-шаха проявило полную неспособность (скорее полное нежелание) выполнять роль руководящего центра антибританского восстания. Казна пустела. Купцы давали деньги, но их присваивали князья. Начались грабежи, разгром складов с продовольствием. Сипаи были вынуждены создать параллельное правительство – так называемую **джалсу**. Джалса состояла из десяти человек, из которых шестеро были сипаями и четверо – горожанами. У каждого члена джалсы в подчинении был панчаят из четырех человек. Решения джалсы должен был утверждать падишах. Джалса ввела специальные налоги для купцов в пользу армии, отменила налоги на соль и сахар, строго наказывала за накопление продовольствия, выделяла семьям погибших земельный надел, следила за порядком в Дели. Но и джалса не смогла выполнить задачу руководства народным сопротивлением.

Англичане воспользовались данной им передышкой, стали собирать войска и подтягивать их к столице. Они отозвали войска из Китая, где шла вторая «опиумная» война, из Непала, из Ирана, из метрополии. Пенджабские сикхи и пуштуны предоставили свои

военные отряды в распоряжение англичан. Все эти вооруженные силы подошли к Дели и начали осаду столицы.

Тем временем весть о восстании «пронеслась подобно лесному пожару. Скупщики земли были изгнаны… Правительственные учреждения разграблены и уничтожены. Здесь было мало ружей, но люди, вооружившись копьями, косами, палками, окованными железом, самодельными секирами, считали себя настоящими воинами и, выбрав собственных князьков, гнали от своих сел всех, кто близко подходил к ним» (свидетельство английского чиновника). Было освобождено от присутствия англичан несколько городов и сел.

К восстанию присоединилась часть мелких и средних феодалов – у них были свои причины принять активное участие в восстании: часть их земель в Бенгалии, Ауде была отнята Ост-Индской компанией. Мелкие княжества были присоединены к владениям Компании. Английские власти лишили права князей отдавать их наследство усыновленным детям. «В возмещение долгов» отбирали целые районы. Князья были унижены, их права и достоинство попраны, и они примкнули к восстанию, чтобы **возвратить свои права на власть, на землю, на привилегии.**

Именно князья оказывались во главе сипайских отрядов. Все известные вожди восстания – **Нана Сахиб, Тантия Топи, княгиня Лакшми Бай** – были из феодальных семей. Лакшми Бай – молодая вдова, ей было всего 20 лет – переоделась в мужскую одежду и вместе с подругами палила по англичанам из крепости, и англичане прозвали их батарею «ревущий дьявол». Она сражалась на коне, рубила шашкой. Ее отряд совершал дерзкие налеты на англичан. Это была прирожденная женщина-полководец. Она давала умные советы сражавшимся мужчинам, принимала дальновидные решения, наводила ужас на англичан. Даже английский генерал, сражавшийся против нее, назвал ее «лучшей и храбрейшей» среди руководителей восстания. Она погибла в бою и осталась в памяти народа как бесстрашная национальная героиня.

Роль феодальных князей в восстании была настолько ощутима, что некоторые английские историки называли восстание **«мятежом феодалов»** и делали вывод, что англичане допустили «огромную политическую ошибку», неосторожно задев интересы феодалов, не сделав из них свою социальную опору в Индии.

Эту ошибку англичане поняли уже в ходе восстания и попытались ее исправить. **В 1858 г. королева Виктория обнародовала Манифест**, в котором она обещала прощение всем феодалам, примкнувшим к восстанию, за исключением тех, кто непосредственно убивал англичан, а также заявляла, что традиции и обычаи, а также владельческие права и привилегии князей отныне будут уважаться английскими властями: «Мы будем уважать права, достоинство и честь туземных князей, как свои собственные». Князья посчитали, что больше нет смысла продолжать свое участие в восстании и отошли от него.

Вернемся к осажденному Дели. После четырех месяцев обороны почти 65-тысячная сипайская армия не смогла отогнать от стен Дели 6-тысячное войско англичан. Англичане начали штурм Дели и через пять дней овладели городом. Им помогло случившееся в эти дни затмение солнца. Наступившая темнота посеяла страх и панику. Началась зверская расправа над восставшими. Даже губернатор Бомбея лорд Элфинстон писал по этому поводу: «Преступления, совершенные нашей армией после взятия Дели, неописуемы. Наша месть пала поголовно на всех: и на друзей, и на врагов. В грабеже мы превзошли Надир-шаха». Колодцы в городе и его окрестностях были полны трупами женщин и детей. Жизнь в Дели остановилась. «Все двери в городе были заперты. Не было ни продавцов, ни покупателей», – записал житель столицы Мирза Галиб в своем дневнике. Дели превратился в руины, опустел, его население уменьшилось многократно, понадобились годы, чтобы он обрел былое богатство и процветание.

Бахадур-шах сдался на милость англичан. Позднее он был выслан в Бирму, в Рангун, где и скончался в 1862 г. Принцы были убиты английскими офицерами.

С падением Дели восстание не закончилось, но судьба его была решена. Поскольку Дели был знаменем сопротивления, его падение нанесло удар всему восстанию. Захватив Дели, англичане высвободили войска, которые были брошены на подавление оставшихся очагов восстания – **Бенареса, Аллахабада, Лакхнау, Канпура**. В Бенаресе английские каратели выстроили сипаев, разоружили их, расстреляли, а затем убили женщин и детей. Затем наступила очередь Аллахабада. Здесь казнили 6 тыс. человек. Канпур переходил из рук в руки несколько раз. В конечном счете в Канпур ворвались уже не войска англичан, а исполненные ненависти бандиты, которые мстили за унижение поражений. Это была уже не британская армия, а необузданная, пьяная, грубая толпа, распавшаяся на отдельные шайки грабителей. Они заставляли жителей слизывать кровь с убитых англичан, вешали сотнями. Город подвергся страшному разграблению. Очевидец свидетельствовал: «После сражения многие пленники были повешены… четырех судили и приговорили к расстрелу из пушек. Таким образом, в один прекрасный день мы были напуганы орудийным выстрелом… одна жертва была буквально разорвана на мелкие куски, зрители были забрызганы кровью и кусочками мяса. Голова одного из несчастных попала в кого-то из присутствовавших и ушибла его». Английский генерал Нил на пути от Аллахабада до Канпура вешал людей вдоль дороги, пока не осталось ни одного дерева, не превращенного в виселицу. Справедливости ради надо сказать, что повстанцы вели себя по отношению к англичанам тоже весьма жестоко: они убивали не только мужчин, но и женщин и детей, сжигали их живыми в запертых казармах и т.д. Это восстание отличалось большой жестокостью с обеих сторон.

После падения Лакхнау, последнего крупного центра сопротивления сипаев, они разбились на мелкие отряды и стали вести, по

сути, партизанскую борьбу. В конце концов, и их сопротивление было сломлено, и восстание было подавлено.

Хотя восстание непосредственно затронуло только незначительную территорию Индии, «оно потрясло всю Индию и особенно английскую систему управления», - писал Дж.Неру. Индийцы поняли, что англичане не столь уж непобедимы, англичане же поняли, что их власть в Индии висела на волоске в течение нескольких месяцев восстания и что необходимо срочно менять свой подход к механизму управления Индией. Лорд Бентинк высказался на этот счет так: «Если хотят, чтобы Индия оставалась преданной Великобритании, то следует управлять ею согласно с ее интересами, а не для удовольствия 800 лиц, являющихся из Англии за тем, чтобы нажить здесь состояние».

В уже упомянутом Манифесте от 1858 г., т.е. еще до окончательного подавления восстания, королева Виктория заявила, что управление Индией переходит непосредственно в руки Короны, а **Ост-Индская компания ликвидируется**. Компания давно уже дискредитировала себя как в Индии, так и в Англии. Компанию обвинили в том, что она не справилась с задачей надлежащего управления колонией, допустила мощный всплеск протеста в виде сипайского восстания, поэтому она должна была расстаться с властью над Индией.

В августе 1858 г. английский парламент принял «Закон о лучшем управлении Индией», по которому **власть в Индии переходила к английской короне** и колониальная администрация ставилась под непосредственный контроль британского парламента и правительства. Индия фактически вошла отныне в состав Британской империи. Было создано **Министерство по делам Индии. Английский генерал-губернатор получил титул вице-короля** и стал представлять корону в Индии.

Была проведена **военная реформа**, по которой армия была реорганизована таким образом, чтобы увеличить количество англий-

ских солдат и офицеров в сипайской армии. Если раньше соотношение между англичанами и индийцами было 1:6, то теперь оно было 1:2, немного позже – 1:3. В артиллерии служили только англичане. Основная часть сипаев стала набираться из пенджабских сикхов (которые, напомним, поддержали во время восстания англичан) и горцев – жителей предгорьев Гималаев и Непала, т.е. этнических групп, мало связанных с основным населением страны. Теперь индийцы могли дослужиться до младших офицерских должностей.

В 1861 г. был принят «Закон об индийских советах»: при вице-короле, губернаторах создавались законодательные советы с совещательными функциями. В этих советах обсуждались вопросы, не связанные с финансами, налогообложением, вооруженными силами, религией, отношениями с иностранными государствами – т.е. важнейшие вопросы не подлежали обсуждению.

Англичане щедро одарили крупных феодалов, которые поддержали их во время восстания – им присвоили почетные титулы раджи и наваба, вручены крупные денежные суммы, пожалованы земли, конфискованные у мятежников, и пенсии. Эти феодалы стали социальной опорой английских властей в Индии.

Англичане вернули феодалам право выбора прямого наследника при условии их верного служения Британии. Конфискованные до восстания мелкие княжества были возвращены прежним правителям.

В 1877 г. английская королева была провозглашена королевой-императрицей Индии. Дж. Неру назвал ее «новым Великим Моголом» (династия Моголов сошла на нет – оба сына и внук Бахадур-шаха были хладнокровно расстреляны английским офицером Ходсоном).

«Закон о постоянной аренде» распространялся на Бенгалию, северо-западные провинции, Бихар, Ориссу, т.е. на основные очаги восстания. **Ставки налогов были снижены**. Крестьянин, который мог доказать, что он держал свою землю не менее 13 лет, призна-

вался ее наследственным владельцем. Он не мог быть изгнан с земли, пока исправно платил ренту. Если он держал землю 20 лет, для него устанавливали постоянный размер платежей, который нельзя было увеличивать.

Таким образом, англичане пошли на уступки, скорректировали свою политику в Индии, чтобы упрочить там свою социальную базу, закрепить свою власть над «жемчужиной Британской короны».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что собой представляла сипайская армия накануне восстания?
2. Каковы были причины восстания?
3. Что послужило поводом к восстанию?
4. Почему в сипайском восстании приняли столь деятельное участие мелкие и средние феодалы?
5. Почему английская Ост-Индская компания была ликвидирована в разгар сипайского восстания?
6. Каким образом англичане скорректировали свою политику в Индии после подавления восстания?

Тема 6. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ИНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Главная особенность развития капитализма в Индии та, что он развивался в условиях колониального подчинения страны. Правила игры задавали англичане. Индийским предпринимателям приходилось учиться капитализму и пробовать свои силы в изначально неравных условиях, приспосабливаясь к тем рамкам, в которых им дозволено было развивать свой бизнес. И все же **первоначальный толчок к развитию капитализма** в **Индии дали англичане**: они ввели частную собственность на землю, они подорвали тради-

ционную общину, они показали пример организации капиталистических предприятий – фабрик и заводов.

Колониальная Индия выполняла роль аграрно-сырьевого придатка Англии. Во второй половине XIX в. резко увеличился вывоз сырья из Индии, прежде всего хлопка. Из-за гражданской войны в США импорт американского хлопка на европейский рынок сократился, и его заменил индийский хлопок. В Индии выросли площади, занятые под хлопчатник. Увеличился вывоз из Индии шерсти-сырца, шелка-сырца, пальмового волокна, индиго, опиума. Английские капиталы создавали многочисленные предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья. Шло разделение труда между английской обрабатывающей промышленностью и индийским сельским хозяйством, т.е. между английским городом и индийской деревней.

Восстание 1857-1859 гг. показало важность строительства железных дорог для сохранения и укрепления военно-стратегических позиций англичан в Индии. Вывоз сырья и превращение Индии в рынок сбыта английских товаров тоже требовали усиленного строительства железных дорог. Поэтому английские капиталовложения потекли в это строительство.

Расширение производства экспортных культур требовало увеличения капиталовложений в ирригационное строительство. Огромные средства английский частный капитал вложил в возделывание культуры чайных (в Ассаме) и кофейных (в Майсуре) плантаций. **Первые джутовые и хлопчатобумажные фабрики были построены англичанами**.

Индийские купцы накопили денежные капиталы в посреднической (компрадорской) торговле, которые фактически были тем, что экономисты называют «первоначальным накоплением капитала». В это же время появился рынок рабочей силы – разорившиеся ремесленники и лишившиеся земли крестьяне. Стали возникать первые национальные фабрики и заводы.

Центром индийской промышленности становится **Бомбей.** Бомбейские купцы сколотили первоначальный капитал на торговле опиумом, хлопком и тканями. Их прядильные фабрики производили пряжу для Китая и других дальневосточных рынков. Первая текстильная фабрика задымила трубами в Бомбее в 1854 г. К 1860 г. в городе работало девять фабрик, а к 1895 г. их было уже 60. Вторым по значению текстильным центром страны стал **Ахмадабад**. В отличие от бомбейских фабрик, ориентировавшихся на внешние рынки, ахмадабадские фабрики производили ткани для индийского рынка. **Текстильное производство становится основной сферой вложения индийских капиталов**. К 1898 г. в Индии было 177 хлопчатобумажных фабрик. Поначалу ткани вывозили на Дальний Восток, но поскольку в этом регионе нарастала конкуренция со стороны японских тканей, стали ориентироваться на внутренний рынок. Такая тенденция неизбежно вела к столкновению с английскими фабрикантами в борьбе за индийский рынок.

Второй по значению отраслью крупной промышленности Индии была **джутовая**. Хотя джутовые компании контролировались английским капиталом, среди их акционеров было много индийцев.

Оборудование и материалы для фабрик доставлялись в Индию по монопольно высоким ценам. Высокие пошлины на ввоз машин сохранялись вплоть до 1860 г. В результате строительство фабрики в Индии обходилось в четыре раза дороже, чем в Англии, хотя индийская рабочая сила была значительно дешевле, чем в Англии. При этом труд английских инженеров оплачивался значительно выше, чем в самой Англии. Изделия индийских фабрик были обложены особым налоговым сбором – он составлял около 17%, в то время как налог на готовую продукцию английских фабрик в Индии составлял около 2,5%. Такая политика имела целью замедлить, помешать развитию промышленности в Индии. **Промышленность в Индии развивалась не благодаря англичанам, а часто вопреки их желаниям**.

Кредит можно было взять не у банков, а у так называемых управляющих агентств (дочерних предприятий крупных английских монополий) – после начала работы предприятия эти агентства поставляли оборудование, снабжали сырьем, обеспечивали сбыт готовой продукции и за это получали значительные отчисления от прибылей индийских фабрикантов.

Такие крупные предприятия, как металлургический комбинат промышленника **Тата**, построенный в 1911 г., и гидростанция – в 1913 г., были почти единственными удачными начинаниями индийского капитала в сфере тяжелой промышленности. Тата был самым выдающимся из первых промышленников Индии. Он основал много предприятий, крупнейшими из которых были железоделательный и сталелитейный заводы.

Преобладала же в Индии **обрабатывающая промышленность** – мелкие, небольшие предприятия по обработке хлопка, джута, сахарного тростника, масличных культур. Работали маслобойки, рисорушки, сахарные заводы.

В Индии самым сильным был торгово-ростовщический капитал, а появившаяся буржуазия была в основном торговой. Ростовщическая, торгово-ростовщическая и торгово-посредническая деятельность была первоначальной сферой приложения ее капиталов и важнейшим источником их накопления. Довольно часто национальный торговый капитал переливался из торговли не столько в промышленность, сколько в землевладение. Торговцы становились крупными землевладельцами. Верхушка торгово-ростовщического капитала переходила под защиту колониальных властей. В политическом плане это проявлялось в том, что этот социальный слой предпочитал защищать интересы англичан в Индии, не шел в оппозицию.

Индийские буржуа были превращены в младшего и подчиненного партнера высокоразвитой английской промышленной буржуазии. Они не могли самостоятельно выходить на внешние рынки,

развивать те отрасли промышленности, в которых не был заинтересован английский капитал. Тесные связи с английскими монополиями влекли за собой двойственность их политической позиции: **верноподданническое отношение к правительству метрополии, с одной стороны, и оппозиционность английским властям в самой Индии – с другой**. У индийской буржуазии сформировалась установка на постепенность, умеренность и конституционность в достижении ее целей.

Развитие индийского капитализма сковывалось монопольным положением английского капитала в Индии – индийские предприниматели не могли получить кредиты на «открытом рынке» капиталов, как это делали Америка, Россия, Япония. Отсутствие собственного судоходства тоже тормозило развитие - морские пути, связывающие Индию с внешним миром, были в руках англичан. Монополия на перевозки приносила им гигантские прибыли. Английский контроль над банковской системой вел к нехватке капитала внутри страны для промышленного строительства. Отсутствие собственного машиностроения вело к зависимости от поставок фабричного оборудования из Англии и других европейских государств.

Капитализм в Индии развивался крайне неравномерно по территории страны. Развитые формы капитализма превалировали в Бенгалии, Бомбейском президентстве и Мадрасе.

Условия труда и жизни индийских рабочих, работниц и детей были столь же ужасающими, как и во всех странах – европейских или азиатских, которые начинали развивать капитализм. Рабочий день длился 16 часов: он начинался обычно за 15 минут до восхода и кончался через 15 минут после захода солнца, так как в цехах не было электрического освещения. Чарльз Вуд, выступая в палате общин, заметил: «В Индии экономятся огромные суммы на заработной плате. Тогда как в Ланкашире очень небольшое предприятие тратит по этой статье 400 ф. ст. в неделю, цена такой же рабо-

чей силы в Индии составит лишь 100 ф. ст.». Индийский рабочий не мог содержать семью на свою заработную плату. Никаких дней отдыха не предусматривалось – работали на износ, часто падали и умирали прямо на рабочем месте. Рабочее законодательство 1881 г., на котором настояли колониальные филантропы, запретило нанимать на фабрику детей до 7 лет, а детям постарше, работавшим по 12-13 часов в день, разрешалось отдохнуть 4 дня в месяц. В 1891 г. минимальный возраст рабочего был повышен до 9 лет, а рабочий день детей до 14 лет ограничен семью часами. Комментарии излишни.

Капиталистический уклад во второй половине XIX в. был островком в море полунатуральных и натуральных хозяйств крестьян и ремесленников, которые представляли собой докапиталистические уклады. Однако ко времени начала Первой мировой войны в Индии были построены сотни предприятий, т.е. капитализм достиг довольно высокого уровня развития. Одна индийская газета в это время писала: «Наблюдается примечательное явление – иностранные ткани низших сортов вытесняются изделиями индийских фабрик».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какими своими действиями англичане дали первый толчок к развитию капитализма в Индии?
2. В какие отрасли хозяйства Индии англичане вкладывали свои капиталы?
3. Какие отрасли промышленности освоил индийский национальный капитал в XIX в.?
4. Каковы были политические позиции индийских буржуа?
5. Какое место занимал капиталистический уклад в Индии к концу XIX столетия?

Тема 7. СОЗДАНИЕ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА

Вместе с развитием капитализма и появлением национальной буржуазии в Индии зарождается и начинает действовать национализм как осознание новым классом – буржуазией – своих интересов, целей, методов их достижения. **Ранняя волна национализма носила религиозный индуистский характер**. Национализм проявляет себя активнее всего в Бенгалии и Бомбейской провинции.

В Бенгалии в 60–70-е гг. самой влиятельной политической организацией **консервативно настроенных националистов** была **«Ассоциация Британской Индии».** Она представляла интересы заминдаров, торговой буржуазии и бенгальской интеллигенции. Они в целом одобряли деятельность англичан в Индии, но позволяли себе некоторую оппозиционность. Они протестовали против введения новых налогов, критиковали финансирование Индией колониальных войн Англии. Они требовали расширения возможностей получения европейского образования для индийцев. Методы борьбы, к которым они прибегали, ограничивались принятием резолюций и передачей петиций колониальным властям и английскому парламенту.

Бенгальские **умеренные либералы группировались вокруг «Индийской ассоциации»**. Главное их требование – участие индийцев в управлении страной. Практически их деятельность свелась к требованию повысить возраст сдающих экзамен на замещение вакансий в аппарате управления. Дело было в том, что возраст экзаменовавшихся был понижен до 19 лет, а студенты завершали свое образование на несколько лет позже и не получали, таким образом, возможности поступить на государственную службу через экзамены, которые к тому же проводились только в Лондоне. Интересен такой факт: к 1881 г. на государственную службу было зачислено всего 60 индийцев.

Более **радикальное левое крыло бенгальских националистов** формулировало свою программу так: «Сейчас настало время **отбросить всё английское**… Мы должны своими руками создать национальные школы и колледжи, национальную печать, национальный банк и торговую палату, свои фабрики и заводы, рынки, фермы, доки и т.д.» (Б. Чондро). Они призывали начать с бойкота английских товаров. Левые националисты в основном проявляли свои взгляды в литературной и газетно-издательской деятельности. В 1875 г. студенты Калькуттского университета создали «Студенческую ассоциацию» - их главной идеей было патриотическое служение родине.

В Бомбее в 1852 г. была основана «**Ассоциация Бомбейского президентства»**. Признанным лидером бомбейских националистов был **Дадабхай Наороджи**. Его главной идеей была необходимость сокращения колониальной дани, которую Англия выкачивала из Индии. Другой идеей Наороджи было предложение представителям Индии участвовать в работе английского парламента. Поскольку Бомбей становился центром развития национального предпринимательства, на первый план выдвигалась задача поощрения развития национального производства **(«свадеши»)**. Пропагандировался призыв «создавать акционерные компании и основывать ткацкие фабрики в различных частях страны, а не зависеть от товаров, изготовленных на ткацких станках Англии и других европейских стран». Один из членов Ассоциации, **Джоши**, демонстративно ежедневно прял пряжу и одевался в домотканую одежду. В таком виде он прибыл на промышленную выставку в Дели, где привлёк всеобщее внимание. Он развернул активную деятельность по открытию лавок для продажи отечественных товаров. В то же время надо сказать, что бомбейские либералы были уверены, что для Индии наилучший путь развития – это развитие под эгидой Англии. «Нет сомнения, что иностранное господство принесло огромные блага стране», – писал один из них.

В **Махараштре** левое течение в национальном движении возглавил ученый и преподаватель **Бал Гангадхар Тилак**. Он наиболее последовательно боролся за самостоятельное экономическое развитие Индии. В 1896 г. он призвал к бойкоту английских тканей как средству защиты важнейшей отрасли отечественного производства. «Решитесь лучше умереть, – писал он, – чем прикоснуться хотя бы к дюйму манчестерской ткани. Пользуйтесь индийскими и только индийскими тканями. Пусть каждый, кто купит хоть ярд британской ткани, будет заклеймен как изменник родины». Защита отечественного производства – «свадеши» – находит понимание и сочувствие крупной буржуазии, и Тилак был избран членом совета при губернаторе Бомбея. Тилак отличался от подавляющего большинства индийских националистов-либералов тем, что предлагал «взять низшие классы за руку», «обращаться не только к образованным классам, но и к торговцам, ремесленникам и рабочим».

К 1880-м гг. усиливается активность национального движения в Мадрасском президентстве, Пенджабе, Хиндустане. Начинают втягиваться в него и более отсталые районы – Синд, Ассам, Орисса, центральные провинции. Важнейшие политические кампании стали проводиться в различных провинциях страны согласованно. Этому способствовала сама политика англичан: они приняли закон об оружии, по которому индийцам запрещалось иметь огнестрельное оружие – индийцы теперь не могли защитить себя от хищных зверей, которые проникали в деревни. Был принят закон о туземной печати, по которому запрещалось издание газет на индийских языках, которые помещали материалы антиправительственного и «подстрекательского» характера. Редакторы газет были обязаны внести крупный денежный залог либо представлять все материалы на предварительную цензуру. Жестоко подавлялись любые проявления протеста. Известный русский индолог И.П. Минаев, побывавший в Индии именно в это время, писал: «Настроение индийского общества действительно тревожное, и положение британ-

ской власти в Индии может быть названо даже критическим. Жалобы и ропот слышны всюду».

Англичане были достаточно опытными колонизаторами, и пришедшие к власти в Англии в 1880 г. либералы повели политику заигрывания с националистами Индии. Они отменили закон о печати. Было принято решение о расширении участия индийцев в органах местного самоуправления. При местной колониальной администрации создавались выборные «районные советы» с совещательными функциями: они участвовали в решении вопросов просвещения, здравоохранения, общественной благотворительности. В выборах в эти советы участвовали только имущие индийцы.

Тем временем по многим провинциям Индии прошли массовые митинги, конференции, на которых обсуждалась **идея создания национального парламента**, вопрос о расширении набора индийцев на государственную службу. На совещании 17 представителей национальных организаций различных провинций страны было принято решение о создании общеиндийской политической организации. Поскольку дело зашло так далеко, английские либералы решили… возглавить эту будущую политическую организацию, раз они не смогли предотвратить ее появление.

В 1885 г. создается Индийский национальный конгресс (ИНК), генеральным секретарем которого избирается **англичанин Юм**, остававшийся на этом посту в течение последующих 20 лет. ИНК мало походил на обычную буржуазную политическую партию. Не было центральных руководящих органов, не было местных отделений этой политической организации.

Это была **политическая организация умеренного крыла национального движения**. Он выражал интересы имущих слоев Индии и был главным образом организацией индусов. Состав Конгресса был таков: 50% – интеллигенция, 25 – торговая буржуазия, 25% – землевладельцы. В 80–90-е гг. Национальный конгресс демонстрировал лояльную оппозицию колониальному режиму.

Основным пунктом его экономической программы было требование проведения протекционистской политики в отношении индийской торговли и промышленности, создания разветвленной системы кредитно-денежных учреждений, чтобы преодолеть недостаток капиталов для предпринимательства. В политическом плане основным пунктом программы Конгресса было требование о расширении участия имущих индийцев в советах при вице-короле и губернаторах. На протяжении 80–90-х гг. Конгресс принимал резолюции с просьбами о проведении реформы системы набора чиновников на госслужбу, повышении возраста экзаменовавшихся и проведении экзаменов одновременно в Англии и Индии, об ограничении произвола полиции, введении суда присяжных.

Индийские либералы больше опасались всплеска борьбы собственного народа против колониального режима, чем самого режима. Один из членов Национального конгресса Санкаран Наир высказался весьма красноречиво на этот счет: «Гибель английского правления принесла бы нам анархию, войну и грабежи…Невежественные массы не понимают всех опасностей, связанных с ослаблением английской власти в Азии». Всё, чего они добивались от англичан, – это проведения умеренных реформ в интересах имущих слоев индийцев. Само существование колониальной власти не подвергалось никакому сомнению.

Англичане позволили появиться и действовать Индийскому национальному конгрессу, чтобы была политическая организация, где индийцам можно «выпустить пар», чтобы существовала видимость оппозиции.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие позиции в отношении английской власти занимали умеренные и радикально настроенные националисты Индии?

2. Какую роль сыграли англичане в замене индийской национальной идеи создания национального парламента на создание политической партии, которую они сами и возглавили?

3. В чём заключались основные экономические и политические положения программы Индийского Национального конгресса?

Тема 8. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ 1905–1908 гг. В ИНДИИ

Начало XX в. называют эпохой пробуждения Азии: национальные революции (ранние буржуазные революции) прокатились по Китаю (Синьхайская революция 1911–1913 гг.), Ирану (Иранская революция 1905–1911 гг.), Османской империи (Младотурецкая революция 1908–1909 гг.). Вспомним, что и русская революция случилась в 1905 г. и оказала радикализирующее воздействие на революционное движение в Азии. Победа Японии в войне с Россией в 1905 г. произвела громадное впечатление на азиатские страны, в том числе на Индию. Дж. Неру писал, что она «подействовала как великолепное целительное средство, поднявшее тонус во всей Азии». Он имел в виду тот факт, что стал исчезать комплекс национальной неполноценности азиатских народов – и индийцев в том числе.

В Индонезии и Индии дело ограничилось революционным подъемом, который был частью эпохи пробуждения Азии.

В Индии протестные настроения заметно нарастали к началу XX в. Стихийные народные возмущения в разных районах страны случались все чаще. Национальная буржуазия по мере расширения своей предпринимательской деятельности все больше склонялась к использованию народного возмущения в своих целях. Радикальное направление в национальном движении, представленное мелкой буржуазией и интеллигенцией, все более активно проявляло

себя. В Индийском национальном конгрессе радикалы стали выступать с резкой критикой его умеренного либерального руководства. Они выступали за полную независимость Индии, а достижение этой цели, по их мнению, было невозможно без активного вовлечения в борьбу против англичан масс индийцев. Они требовали от руководства Конгресса организации массовой борьбы против колониального режима. **Конгресс отчетливо разделился на два крыла: умеренных и «крайних»**, как стали называть радикалов во главе с Тилаком.

Вспышке революционного подъема в Индии способствовала ужесточившаяся политика Англии по отношению к Индии с приходом на генерал-губернаторскую должность лорда Керзона в 1899 г. Керзон стал отбирать те права, которых индийцы добились было в 80-е гг. Цензура национальной печати усилилась, повысилась плата за обучение в университетах, сократилось число выборных членов муниципалитета Калькутты.

В 1905 г. Керзон осуществил раздел Бенгалии, которая к этому времени стала центром индийского национального движения. Бенгальская провинция включала до раздела собственно Бенгалию, Бихар и Ориссу. Примерно половина бенгальцев исповедовала индуизм, другая половина – ислам. Мусульмане преобладали в Восточной Бенгалии, индусы были большинством населения Западной Бенгалии, Бихара и Ориссы. Под предлогом разукрупнения огромной Бенгальской провинции была образована новая провинция Восточная Бенгалия и Ассам. Две трети населения новой провинции были мусульманами. Во второй новой провинции, сохранившей название Бенгальской, осталась треть населения от бывшей Бенгалии. Керзон откровенно признал, выступая в английском парламенте, что этот «раздел разрубал надвое политические планы тех экстремистов и агитаторов, которые в своей борьбе за политические уступки искали в будущем случая, когда они смогли бы направить против британского правительства общую силу всего

бенгальского народа». Расчет был и на разжигание религиозной розни между индусами и мусульманами – мусульманам были обещаны особые привилегии.

В Бенгалии началось массовое движение против раздела, которое и положило начало подъему национально-освободительной борьбы в Индии.

Бенгальцы к этому времени уже ощущали себя единой нацией. Раздел нарушал сложившиеся экономические связи, многие опасались повышения земельного налога. Политическое единство тоже оказалось под угрозой. В знак протеста день 16 октября 1905 г., когда решение о разделе вступало в силу, был объявлен в Бенгалии днем национального траура. В Калькутте с раннего утра огромные толпы людей с пением патриотических песен шли к Гангу, совершали священное омовение и привязывали на запястье красную ленточку – знак единства бенгальского народа. Деловая жизнь замерла, магазины закрылись. В знак траура весь день в очагах не разводили огня, не готовили пищу. Последовали массовые митинги (всего их насчитали 400), готовившиеся национальными организациями, на которых требовали отменить решение о разделе Бенгалии. Они призвали население бойкотировать английские товары до тех пор, пока не будет принято решение об отмене раздела.

Началось движение **«свадеши»** (отечественное производство). Национальные волонтеры в желтых тюрбанах и красных рубашках призывали народ не покупать иностранных товаров. Идея и движение свадеши восторженно принимались национальными предпринимателями – текстильные промышленники стали получать возраставшую с каждым днем прибыль от сбыта отечественных тканей. В 1905–1907 гг. цены на индийские ткани поднялись на 8%, а на английские – снизились на 25%. Именно движение свадеши способствовало возникновению первого индийского металлургического завода. Возродилось ручное ткачество – ремеслен-

ники-ткачи снова получили возможность обеспечивать свои семьи. В то же время стали разоряться компрадоры – торговые посредники, торговавшие иностранными товарами. Бойкот английских товаров понимался шире, чем призыв не покупать ничего английского – стали бойкотировать всё английское. Например, в школах и университетах нельзя было появляться в иностранной одежде.

Но движение свадеши повернулось другой стороной, когда бомбейские фабриканты увеличили рабочий день, чтобы больше произвести продукции на рынок. Была несколько увеличена заработная плата рабочим, что успокоило их на некоторое время. Но вскоре начались забастовки с требованием сократить рабочий день. В конце концов рабочие добились сокращения рабочего дня до прежней его продолжительности - 12 – 14 часов.

Умеренные в Индийском национальном конгрессе признали бойкот английских товаров «правомерным» и назвали движение свадеши «евангелием служения родине», которое «нужно проповедовать всем и всюду, высоким и низким, князю и крестьянину, в городе и в деревенской хижине». «Крайние» выступили за расширение массового движения и распространение бойкота за пределы Бенгалии. Они считали свадеши и бойкот средствами достижения полной независимости Индии.

В 1906 г. Конгресс принял резолюцию с требованием установления в Индии системы правления, существующей в самоуправляющихся английских колониях. Самоуправление, или **сварадж**, становится таким же популярным лозунгом, как свадеши (впервые употребил слово «сварадж» Великий старец Индии», как его называли, Дадабхай Наороджи). Индийцы, таким образом, в период революционного подъема в Индии выдвинули лозунги политической и экономической самостоятельности Индии.

В **1906 г.** в Дакке была создана мусульманская политическая проанглийская организация общеиндийского масштаба – **Мусульманская лига**. Лига объявила своей целью культивировать у

мусульман чувство лояльности к английской власти и правильно понимать намерения правительства. Дело было в том, что мусульмане Индии болезненно воспринимали тот факт, что большая часть торговой и промышленной буржуазии была индусами, что среди интеллигенции, занимавшей места в государственной машине, тоже преобладали индусы, а в Восточной Бенгалии большинство землевладельцев и ростовщиков были индусами, тогда как большинство крестьян были мусульманами. Мусульмане долгое время сторонились английского образования, хуже знали английский язык. В торговлю и промышленность они тоже предпочитали не вовлекаться, поскольку ислам запрещает ростовщичество и взимание процентов. Мусульманская лига обеспечила мусульманам политическую трибуну.

Англичане, следуя своей излюбленной политике «разделяй и властвуй», решили использовать и разжечь вражду между мусульманами и индусами**. В 1906 г. они объявили о предпочтительном приеме мусульман на государственную службу**. Имущественный ценз для участия в выборах в муниципальные советы в новой провинции Восточная Бенгалия (после раздела) был для индусов примерно в шесть раз выше, чем для мусульман. Англичане ввели отдельные избирательные курии для мусульман. Так был создан политический барьер, изолировавший мусульман от остального населения Индии. Этот барьер был поначалу невысок, так как количество лиц, имевших право голоса, было весьма ограниченным, но в дальнейшем, по мере увеличения числа избирателей, он вырос. Разногласия и вражда возникали там, где их не было раньше. Мусульмане привыкали полагаться не на себя, а на поддержку свыше. Забегая вперёд, скажем, что сепаратистские тенденции, которые культивировали англичане, опираясь в своей политике на мусульман, привели в конечном счете, уже после Второй мировой войны, к разделу Индии на Индостан и Пакистан. Мусульманская лига организовывала митинги в поддержку разде-

ла Бенгалии и против бойкота английских товаров. В 1907 г. произошли столкновения между индусами и мусульманами. Были разрушены храмы, разграблены лавки. Разжигание индусско-мусульманской вражды ослабляло национально-освободительное движение, что было в прямых интересах англичан.

В 1907 г. забастовки и демонстрации одна за другой прокатились по Бенгалии и Пенджабу. Это напугало умеренно-либеральные круги, которые заявили о своей лояльности английским властям. В Конгрессе крыло умеренных заговорило о свертывании движения и о необходимости лишить крайних влияния внутри Конгресса. Крайние в ответ развернули агитацию среди рабочих Бомбея.

В **1908 г.** англичане, чтобы устранить Тилака с арены борьбы, арестовали его и затеяли **судебный процесс в Бомбее**. Его приговорили к шести годам каторги и штрафу, затем каторга была заменена тюремным заключением. Начались массовые выступления в Бомбее в защиту Тилака. Началась всеобщая политическая стачка. Бастовали примерно 100 тыс. человек. Деловая жизнь замерла. Бастовали рабочие всех предприятий Бомбея, были закрыты все лавки, не функционировали учебные заведения. Забастовщики объявили, что будут бастовать шесть дней, по числу лет, которые Тилак должен был провести в тюрьме по приговору суда. Полиция, которую встречали градом камней, не смогла ничего сделать – забастовщики продержались все шесть дней. В столкновениях с полицией погибли 200 человек. **Бомбейская забастовка** была самым крупным выступлением в период подъема национально-освободительной борьбы 1905–1908 гг.

Англичане пытались, с одной стороны, разгромить радикальное движение, а с другой – с помощью мелких реформ перетянуть на свою сторону умеренных. Лондонская «Таймс» сделала такой вывод из событий: «Мы можем как-то привлечь к себе умеренных и удержать колеблющихся, однако имеется значительная и растущая

часть народа, которую не удовлетворят по-настоящему никакие уступки».

В Индии дело не дошло до революции, как в других странах Азии, поскольку англичане, имевшие опыт подавления сипайского восстания, и на этот раз подавили очаги народного возмущения.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы были позиции «крайних» в Индийском национальном конгрессе?
2. Зачем генерал-губернатор Индии лорд Керзон осуществил раздел Бенгалии в 1905 г.?
3. В чём проявлялось движение свадеши?
4. В чём суть свараджа?
5. Какие позиции занимала Мусульманская лига в отношении англичан и как сами англичане выстраивали свои отношения в отношении мусульман?
6. По какой причине вспыхнула Бомбейская забастовка в 1908 г.?

Тема 9. ИНДИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Революционный подъем 1905–1908 гг. несколько ослабил экономические позиции англичан в Индии. Движение свадеши дало мощный толчок развитию индийского национального капитализма. В предвоенные годы в Индии появились национальные банки – в 1913 г. было уже 18 крупных банков. Были созданы первые очаги тяжелой промышленности – металлургический комбинат Тата дал первый металл в 1911 г. В 1915 г. вступила в строй гидростанция близ Бомбея.

Английский капитал господствовал в плантационном хозяйстве (чайные, джутовые, кофейные, каучуковые плантации), в добыче

полезных ископаемых и фабрично-заводской промышленности. Индийским предпринимателям принадлежали преимущественно более мелкие, чем англичанам, предприятия.

С начала Первой мировой войны, вспыхнувшей в 1914 г., Британия использовала людские и материальные ресурсы Индии для военных нужд. За время войны в колониальные войска было завербовано свыше 1,2 млн солдат (до войны в Индии было 230 тыс. солдат). Увеличилась выкачка сырья (марганцевая руда, слюда, селитра, лес) – оно вывозилось из Индии по фиксированным ценам, которые были гораздо ниже мировых. Значительно больше из страны стали вывозить продукцию сельского хозяйства – шелка-сырца, джута-сырца, пеньки, копры, чая, шкур и т.д. Две трети армейской обуви, выпущенной в Англии, было изготовлено из индийского сырья. На армию работали хлопчатобумажные и шерстяные фабрики: выпускали обмундирование, одеяла. Металлургический завод Тата был главным поставщиком железнодорожных рельсов для ближневосточных фронтов Англии. Военные заказы способствовали развитию и расширению предпринимательской деятельности в Индии – они обеспечивали постоянный рынок сбыта. Крупная национальная буржуазия за время войны окрепла и обогатилась.

После спада движения 1905–1908 гг. английские власти пошли на уступки: в **1911 г. они отменили раздел Бенгалии**. Были образованы заново три административные единицы – Бенгалия, Бихар и Орисса, Ассам. Этот шаг был частью политики «умиротворения», которую начал проводить новый генерал-губернатор лорд Хардинг в 1910–1916 гг. Резиденция центральной администрации была переведена из Калькутты в Дели.

Национальный конгресс, в свою очередь, пошел на ответный шаг – в 1912 г. был принят устав Конгресса, в котором говорилось, что достижение самоуправления для Индии могло осуществиться только «конституционными методами». Позиция крайних сблизилась

в этом вопросе с позицией умеренных. «При правильном толковании слово «сварадж» означает автономию, а отнюдь не независимость», – заявил в 1913 г. один из лидеров крайних Б.Ч. Пал. В целом роль Индийского национального конгресса заметно снизилась.

Мусульманская лига в 1913 г. тоже приняла новый устав, где утверждалось, что самоуправления в Индии возможно достичь только «конституционными средствами» и «под эгидой Британской короны». Налицо было возросшее взаимопонимание между двумя организациями и, соответственно, между индийскими политиками и британскими властями в Индии.

Национальный конгресс в 1914 г. заявил о поддержке Англии в войне. Официальные английские власти стали вновь демонстрировать свое благорасположение к Национальному конгрессу, давая понять умеренным, что их лояльность оценена по заслугам. В 1914 г. кончился срок тюремного заключения Тилака. Он был тайно глубокой ночью доставлен из Бирмы и освобожден только у дверей своего дома. Тилак заявил о своей лояльности к английской власти и о том, что он стремится «к реформе системы управления, а не к свержению правительства». Он продолжил свою политическую деятельность, главной в которой стала кампания за «гомрул» (Home rule), т.е. за достижение «конституционными методами» самоуправления в рамках Британской империи. Гомруль понимался как создание «национального парламента Соединенных штатов Индии», который будет контролировать внутренние дела Индии. В 1916 г. в Мадрасе была создана Всеиндийская лига гомруля. В этом же году Национальный конгресс одобрил движение гомруля.

В августе 1917 г., впервые в истории английского колониального правления в Индии, новый министр по делам Индии Э. Монтегю заявил, что правительство Англии намерено проводить политику «постепенного развития институтов самоуправления с целью все большего осуществления представитель-

ного управления в Индии как составной части Британской империи». Были обещаны и экономические уступки. Таким образом, англичане, понимая, что национально-освободительное движение взяло всего лишь передышку и будет развиваться впредь, были готовы корректировать свою политику в Индии в определенных рамках, чтобы не вызвать слишком мощной волны движения протеста, с которой они, в конце концов, могут и не справиться. Относительное затишье в конце 1917 г. было затишьем перед бурей. «Мы сидим на пороховой бочке», – записал Монтегю в своем дневнике.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какую роль сыграла Индия для англичан во время войны?
2. В чём сошлись позиции ИНК и Мусульманской лиги накануне войны?
3. Чем можно объяснить начало проведения англичанами «политики умиротворения»?

Тема 10. РОЛЬ АНГЛИИ В РАЗВИТИИ ИНДИИ

Размышляя о роли Великобритании в развитии Индии, разные исследователи акцентировали свое внимание на разных последствиях правления Англии в этой стране. Большая часть английских авторов склонялась и до сих пор склоняется к подчеркиванию позитивных сторон пребывания англичан в качестве колонизаторов в Индии. В советской историографии подчеркивалась негативная сторона их деятельности. Очевидно, что наиболее плодотворным подходом к изучению этого вопроса является взвешенная объективная оценка и созидательных, и разрушительных сторон деяний англичан в Индии.

Действительно, при внимательном рассмотрении отдельных деяний британцев в Индии оказывается, что почти любое из них имело и положительную, и отрицательную сторону.

Возьмем, к примеру, факт политического объединения Индии после ее завоевания англичанами. Этот факт положителен сам по себе, поскольку в Индии прекратились кровопролитные междоусобицы между княжествами, наступил период мирного развития. Другое дело, что сама верховная политическая власть осуществлялась уже не индийцами, а англичанами. Политическое объединение страны повело за собой национальное единство индийцев. Они ощутили себя единой нацией, как ни парадоксально, только с приходом англичан в страну. Политическое объединение облегчило экономические и культурные взаимосвязи между индийскими провинциями.

Тот факт, что англичане инициировали строительство современных средств транспорта и связи – железные дороги, почту, телеграф, можно расценить, конечно, как позитивное дело для развивавшейся индустрии Индии. Железные дороги опоясали и связали всю Индию, это способствовало тому, что впервые в Индии был создан единый внутренний рынок. Отныне можно было перебрасывать продовольствие в районы, пострадавшие от засухи, наводнений и т.д. Англичане строили железные дороги для собственных нужд – вывоза сырья из внутренних районов Индии, переброски войск с целью подавления беспорядков. Но строительство железных дорог повлекло за собой развитие строительной промышленности, железоделательных заводов, появление новых поселков и расширение крупных городов. Железные дороги – это кровеносная система промышленного развития, которое стало осуществляться в Индии. И эти железные дороги как материальная база индустрии достались Индии после ухода англичан.

Возьмем еще один факт – разрушение традиционного института общины. Само по себе нарушение общинных связей, привыч-

ных отношений с властью и друг с другом, разорение и крестьян, и ремесленников общины с приходом товарно-денежных отношений – это была трагедия для тысяч семей. Люди гибли, не находя применения своим силам в новых экономических отношениях. Эта сторона разрушения общины, понятно, негативно сказалась на жизни и судьбах тысяч индийцев. С другой стороны, это было продвижение Индии по пути исторического прогресса, хотя и давшееся неимоверно тяжелой ценой.

Возьмем, наконец, тот факт, что индийцы перешли на английский язык. Это было своего рода лингвистическое объединение страны, имевшее весьма важное значение: в Индии насчитывается 20 только крупных языков, и индийцы не понимали друг друга, выезжая за пределы своей провинции. При возросшем динамизме перемещений людей в начавшуюся эпоху индустриализации английский язык стал выполнять функцию всеобщего языка, что тоже способствовало, как ни странно для чужого языка, осознанию идентичности индийской нации.

Англичане ввели в Индии систему высшего образования, что приобщило индийцев к мировой культуре, породило слой образованной по-европейски индийской интеллигенции. Англичане, проводя реформу образования, руководствовались своекорыстными целями обучить посреднический слой индийцев, дешево обходившийся для их казны и необходимый им для более эффективного управления колонией. Со временем проявилось нежелательное для англичан последствие этой реформы – индийская интеллигенция возглавила национально-освободительное движение в Индии.

К безусловно позитивным деяниям англичан можно отнести закон 1829 г. о запрещении варварского обычая «сати». Этот обычай был распространен в основном в высших кастах – после смерти мужа жена должна была по собственной воле лечь в погребальный костер мужа. Если она этого не делала, ее жизнь превращалась в ад: она становилась неприкасаемой, даже её тени нельзя было ка-

саться, ей бросали еду к конуре, в которой она отныне должна была жить на отдалении от всех. Женщины предпочитали такой жизни смерть. Надо оговориться, что за запрет этого обычая задолго до англичан боролись Рам Мохон Рай и другие религиозные реформаторы Индии. В 1843 г. вышел закон о запрещении рабства в Индии. Англичанам удалось искоренить секту душителей, поклонявшейся богине Кали, которая требовала человеческих жертвоприношений.

В целом можно сказать, что англичане, какими бы целями они не руководствовались, управляя Индией и выкачивая из нее богатства, сделали много полезных дел как для метрополии, так и для самой Индии. Правда, цена, которую заплатили индийцы за свое продвижение по пути прогресса, слишком несопоставима по сравнению с теми благами, которыми одарила их Великобритания.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чём проявились разрушительная роль британцев в Индии?
2. Что можно расценить как плоды созидательной деятельности Британии в Индии?
3. Какую роль сыграл английский язык в Индии?

Раздел 5. ИРАН В XVII – НАЧАЛЕ XX в.

Тема 1. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ИРАНА

До 1935 г. Иран называли Персией, а народ – персами. Это название пошло от древних греков, оно было воспринято европейцами. На территории Фарса жило племя «парсуа» – персы. «Фарси» стало названием персидского языка. Самоназвание же персов – «ирани» (в ед. числе), «ираниян» (во мн. числе). В международном обиходе страна стала называться Иран после принятия акта меджлиса от 22 марта 1935 г.

В XVII в. Иран по территории был обширнее современного Ирана: в него входила часть Закавказья. Сухопутные границы, так же как и в других странах Азии в это время, не были четко определены.

Население Ирана составляло всего 5–8 млн человек. Особенностью Ирана являлся тот факт, что значительная часть населения страны – **около одной трети (некоторые исследователи полагают, что вся половина) – были кочевниками: курды, бахтиары, белуджи**. Полуоседлое население объединялось в племена туркменов, каджаров, афшаров и др. Племена сохранились до начала XX в., а вместе с ними – патриархально-родовой уклад или его пережитки.

Вожди племен – **ханы** – содержали конницу, готовую в любой момент выступить в поход. Дружины кочевых племен были ядром военных сил Ирана. Правители Ирана – шахи – жаловали ханам земли за то, что они содержали конницу и защищали, обороняли страну от поползновений османов и среднеазиатских ханов. Иранские ханы были фактически самостоятельными правителями обширных областей страны, обладавшими неограниченной властью. С этих земель подати в казну не собирались. Пользуясь своей во-

енной силой, ханы держали в подчинении окрестные районы: за военную защиту от набегов других племен им причиталась определенная доля урожая соседей. Вожди полуоседлых племен имели землю за пределами расселения своего племени, которую обрабатывали оседлые крестьяне, и платили ренту хану. **Земли племен составляли примерно четверть всех земель Ирана.**

Ханы пользовались большим влиянием в стране. Ряд высших государственных должностей при шахском дворе был в руках отдельных ханских родов и даже передавался по наследству. Это были главные посты в армии, высшие судебные должности. Ханы часто свергали неугодного им шаха и возводили на трон послушного их воле шаха.

Немногочисленное **немусульманское население** Ирана – христиане (армяне и ассирийцы), парсы, иудеи – искали защиту в своих религиозных общинах. Они держались компактно. Армяне освоили торговое дело и были успешны в нем. Они помогали феодалам и высоким духовным лицам в качестве посредников – брали у них деньги, закупали товар и продавали его, затем приносили или привозили им выручку. Знатные армяне, которые получали высокий пост от шаха, принимали ислам, чтобы пользоваться доверием властей. Армяне помогали шаху выполнять и дипломатические поручения. В целом армянская община в Иране находилась в лучшем положении, чем, например, евреи.

Положение еврейской общины было хуже армянской. Евреев было всего около 16 тыс. человек. Они не имели права самолично торговать на базарах. Евреи могли покупать товары у мусульман, а мусульмане никогда не покупали товары у евреев. Обычно в качестве посредников в торговле между ними выступали парсы. Евреям запрещалось носить персидскую одежду, выходить из дома в дождливую погоду, проезжать по улице верхом на животных, касаться некоторых видов товаров на базаре. При встрече с мусульманином еврей должен был приветствовать его и уступить ему дорогу. Они

не имели права строить дома выше домов соседей-мусульман и т.д. Такое демонстративное принижение евреев было связано с тем, что большинство евреев занималось производством и торговлей вина, пить которое запрещает Коран, и опиума, что тоже не одобрялось в мусульманской среде. Кроме того, евреи занимались несолидными, с точки зрения мусульман, профессиями: они были музыкантами, танцорами, актёрами. Но налоги для евреев были такие же, как и у мусульман, поэтому с экономической точки зрения препятствий к тому, чтобы быть богатым человеком, у евреев не было.

Иран был феодальной монархией во главе с шахом. **Шах**, или **шахиншах**, Ирана («царь царей») имел титул «полный господин жизни и смерти своих подданных и их достояния». Формально он считался владельцем всех вод и земель страны. Ему должны были поступать налоги со всех земель, но они поступали нерегулярно и не со всех земель, так как частенько правители областей переставали делиться с шахом. Шахиншах был самым крупным феодалом – **ему лично принадлежала треть всех земель**, которая и давала самый надежный доход, шедший на содержание шахского двора.

В политическом плане все дела фактически вел **везир** шаха – первый министр. Еще три везира ведали финансовыми делами, сношениями с иностранными государствами, военными делами. Совет шаха, состоявший из знати и представителей высшего духовенства, собирался крайне редко и имел лишь совещательные функции. Существовали экзотические (на европейский взгляд) придворные должности: главный охотник, церемониймейстер, начальник шахских конюшен.

У шаха был гарем, и время от времени главную роль в государстве начинали играть **евнухи** – существовал ближний совет из евнухов. Они воспитывали принцев, выбирали наследника. Везиры часто и не знали, что происходит во дворце. Историки зафиксировали гаремные достижения персидского шаха Фатх-Али (1797–1834), у которого в гареме было 158 жен знатного происхождения

и более 900 наложниц. Этот Бабахан (папаша) – так его прозвали в народе – имел «исключительно длинную бороду, осиную талию и необыкновенную плодовитость». Он оставил после себя около двух с половиной тысяч детей и внуков.

Иран был глубоко **аграрной страной**. В государстве существовало шесть разных форм землевладения:

1. **Государственные земли – «халесе»**. Ими распоряжался шах. Эти земли раздавались шахом за службу феодалам, им же – за покорность и преданность воле шаха. **«Лены» и «тиулы»** давались на срок или пожизненно. Частично эти земли превратились в наследственную собственность. Шаху полагалась десятина, но поступала она не всегда. Фактически в Иране существовала военно-ленная система землепользования, государственная форма собственности на землю продолжала существовать тогда, когда в других странах Азии она уже практически себя изжила.

2. **«Вакуфы»** – земли духовенства. Они занимали примерно десятую часть обрабатываемых земель в Иране. Эти земли не облагались налогами. Светские феодалы использовали эту льготу для духовенства в своих целях – они «дарили» часть своих земель духовенству, чтобы не платить налог и заодно заручиться покровительством влиятельного духовенства. За это они делились частью своих доходов с духовенством.

3. Земли «**мольк**» (иногда этот термин транскрибируют как мюльк или мульк) – частная феодальная собственность тех феодалов, которые не служили шаху. Такие землевладения возникали обычно на целине. Феодалы на свои средства орошали, возделывали эти земли и платили десятину шаху. В XVII в. таких земель было очень немного, а к концу XIX в. мольк становится превалирующей формой собственности на землю.

4. **«Хордемалек»** – мелкая крестьянская форма собственности на землю. С постепенным, медленным разложением общины мелких крестьянских собственников становилось всё больше.

5.**Общинные земли** – пастбища, пустоши, с которых платили налог шаху.

6. **Земли племен, ханов**.

По Корану (где записаны слова пророка Мухаммеда) и шариату (юридические нормы) крестьянин считался свободным человеком. Крестьяне прочно владели землей, имели право купли-продажи земли, имели право на наследственную аренду в течение нескольких поколений. Обладание деревней не было соединено с правом на обладание жителями деревни. Положение крестьянства различалось в зависимости от того, были ли они собственниками земли или арендаторами государственных, частных или вакуфных земель. Бремя податей варьировалось от одной десятой до трех четвертей урожая. Крестьянам приходилось платить **подушную подать, десятину духовенству, налог со скота, соли, с весов на базаре, с ногтей** (сборщики налогов жаловались, что они так усердно собирают деньги, что у них истираются ногти). Основной формой ренты-налога была продуктовая. Денежная и отработочная рента играли второстепенную роль вплоть до XIX в. Крестьяне в деревнях были обязаны бесплатно кормить проезжих ханов с их свитой, чиновников и войска, останавливавшиеся в деревне. Представление о деревне и домах, в которых жили крестьяне, дает такое свидетельство очевидца: «Дом в деревне по большей части не заслуживает такого названия – это мазанка из земли с каменьями или с нежжёнными кирпичами, совершенно без окон, с одной дверью… масса всяких насекомых, дым и холод».

Положение **илятов** – рядовых скотоводов-кочевников – было менее тяжелым, чем оседлых крестьян. С них взыскивались меньшие подати в казну, а если хан был сильным, они совсем не платили шаху. Поскольку из илятов формировали войско, им перепадала часть военной добычи. Переходить на оседлый образ жизни иляты не стремились – это было невыгодно.

Иран **до конца XVII столетия** был страной, в которой **процветала торговля**. Местоположение Ирана было таково, что через

него проходили многочисленные караванные пути, от города до города надо было миновать 15 таможенных застав, на которых собиралась дань с торговцев. **Базар** был центром экономической и политической жизни. Мастерская ремесленника и торговая лавка на базаре были соединены в одно целое. Здесь изготовляли и продавали свои изделия портные, медники, оружейники, гончары. Здесь выделывались и находили своего покупателя ткани, ковры, железные и медные изделия. Любое социальное событие отражалось на работе базара в первую очередь, это был барометр настроений народа. Наиболее важным центром самого базара была мечеть.

Купечество было значительной по численности и влиятельной социальной группой в иранском городе. Особенностью иранского купечества была его тесная связь с феодалами и духовенством. Как уже было сказано, нередко купцы в качестве подставного лица знатного феодала или представителя высшего духовенства вели торговлю на их деньги. Купцы субсидировали шаха, находя для себя защиту в его покровительстве. В отличие от Китая и Японии, купечество в Иране считалось привилегированной и уважаемой частью общества. Купцы иногда становились влиятельными людьми в политической жизни страны и были главными лицами в городе. Занятие торговлей как самым почётным делом одобряла и религия Ирана – ислам шиитского толка. Сам пророк сказал: «Купец равно блажен в сем мире и в будущем», «Кто зарабатывает деньги, угоден Аллаху». Среди купцов и ремесленников-торговцев был большой процент армян.

Деспотическая власть шаха породила специфическую психологию подвластного населения – **вассалитет**. Ни крупный феодал, ни крестьянин не были застрахованы от жестокого обращения властей. Немецкий ученый Матенс писал об этом так: «Сильнейший вельможа не может ручаться за себя и за свое имущество. Подобно последнему поселянину, его могут сечь, изуродовать самым жестоким образом; жёны его и дочери могут быть жертвой наглости

конюхов персидского повелителя, и это не возбудит никакого соболезнования, и никто не скажет о том ни слова». Никто не смел отказывать ни в чём стоящему выше представителю власти. Гарантии неприкосновенности имущества в Иране не было. Принцип власть предержащих был такой: любой подчинённый обязан отдавать по первому требованию свое имущество: «Всё, что я имею, – твоё». Поэтому очень богатых людей в Иране не было или они скрывали свое богатство, зарывая клады, вкладывая деньги в дома, храмы, ковры, драгоценности, землю. В XIX в., когда усилилось влияние европейцев в экономической жизни Ирана, купцы предпочитали переходить в подданство других стран – России, Англии, Турции, вступать в паевые общества с иностранными фирмами, чтобы обеспечить для себя гарантию неприкосновенности личности и имущества.

В Иране совершенно особую роль играло **шиитское духовенство**. Господствующей религией в Иране был **ислам шиитского толка**. Можно напомнить: шииты считают, что все суннитские халифы были правителями, незаконно захватившими власть. Законными правителями должны быть потомки Али – двоюродного брата Мухаммеда, мужа его дочери Фатимы. Шииты считают, что потомки Али являются воплощением бога, **имамами,** которым поручено руководить человечеством и не давать ему сбиваться с пути истинного. Шииты признают 12 имамов из числа прямых потомков Али. Двенадцатый по счету имам **Махди** будто бы скрылся от людей в 873 г. Шииты верят, что он должен появиться в роли спасителя, когда пробьет час. Пришествие его будет означать торжество шиизма во всем мире, наступит золотой век, век социального равенства и справедливости.

Иран во все времена был самой религиозной страной на Ближнем и Среднем Востоке. Лиц духовного звания было больше, чем в любой другой стране: в каждой иранской семье был один или два духовных служителя. Духовенство разделялось на

высшее, среднее и низшее. Среднее и низшее звено в духовенстве было самым многочисленным, и его материальное положение мало отличалось от положения большинства населения Ирана – они не имели собственности и жили на пожертвования верующих. Поэтому во времена бурных социальных событий, происходивших в Иране, эта часть духовенства была, как правило, солидарна с чаяниями и требованиями простого народа.

Высшее же духовенство Ирана постоянно вело незатухающую – то подспудную, то явную – борьбу с шахом. Это была борьба за власть над умами и настроениями народа, за экономическое и политическое влияние в стране. У духовенства были свои, давние, счёты с шахом. Дело в том, что **шииты**, в отличие от суннитов**, отводили главную роль духовной власти**, которая освящает данную от бога светскую власть**. Светская же власть, в их трактовке, носит временный характер**. Духовенство отстаивало принцип необходимости сочетания духовной и светской власти в лице шаха таким образом, чтобы у шаха не было возможности завладеть всей полнотой власти. Повеления шаха имели силу до тех пор, пока не шли вразрез с интересами духовенства. Но борьба между ними проходила в определенных рамках, так как и шах отлично понимал, что без шиитов он не может сделать ни шагу, и духовенство отлично знало, что без шаха они не могут обойтись.

Вообще в мусульманском мире – не только в Иране – существовало **традиционное представление о неразделённости, слитности светского и духовного начал во власти.** Власть как таковая принадлежала Аллаху, а земная власть была его даром, поручением людям. Всё, что происходило в мире и стране, имело религиозный смысл.

Высшие духовные лица держались независимо, позволяли себе прямые нападки на правящую династию, критиковали, иногда издевались над шахом, который не выполнял их волю. Такой позиции духовенства способствовали несколько факторов, которые

объясняют, откуда брались источники доминирования высшего духовенства в традиционном обществе.

Во-первых, высшая прослойка духовенства была представлена **крупными землевладельцами**, которые к XIX в. практически присвоили вакуфные земли, с которых они не платили налогов. К середине XIX в. было несколько муджтахидов, богатых, как шах. Во-вторых, высшие духовные лица **занимались торговлей**, но не напрямую, а через посредников – армянских купцов. Торговля увеличивала их богатство и независимость. В-третьих, в руках высшего духовенства был суд**,** в котором рассматривались все дела – и духовные, и гражданские, и семейные, и наследственные. В каждом городе был духовный судья – **муджтахид**. В деревнях обязанности судьи исполняли **муллы**. **Монополия на судопроизводство,** толкование законов шариата обеспечивали и власть, и немалые доходы. **Нотариальные конторы** находились тоже в ведении духовенства – оформление дарственных, завещаний и т.п. приносило ощутимые доходы. В-четвертых, духовенство **монопольно распоряжалось всей системой просвещения** – от медресе до высшей духовной академии, влияя, таким образом, на формирование знаний и умонастроений, этики и морали населения. Мечети и медресе, тщательно разработанный ритуал молитв, церемоний, обрядов связывали народ и духовенство и с успехом использовались для сохранения мощного влияния духовенства практически во всех сферах жизни.

Когда происходило какое-то важное событие в социальной жизни, все шли в мечеть слушать проповеди высших духовных лиц. **Мечеть в Иране всегда была центром религиозной и общественной жизни**. Люди таким образом «настраивались» на «верное» понимание события и выполняли то, к чему их призывали в мечети. **У народа духовные лица пользовались гораздо большим авторитетом, чем шахские власти**. Этому способствовало существование особого права любого иранца **«сесть в бест»**,

т.е. укрыться от преследований шаха и его администрации в священном месте, где его не посмеют тронуть, пока он там находится. Священными местами считались могилы высших духовных лиц, территория мечети, территория вокруг дома, где жил высокопоставленный богослов, и т.д. Были специальные списки священных мест. Таким образом, народ ощущал заботу о себе со стороны духовенства и был готов больше уважать духовных лиц, нежели сатрапов шаха. Кроме того, духовенство всегда выступало против чрезмерной роскоши шаха, его семьи и его приближенных и этим завоёвывало симпатии мусульман, которым были близки раннемусульманские идеалы, проповедовавшие простоту и чистоту нравов. Один из европейских наблюдателей иранской жизни писал в 1905 г.: «Мечети и духовные лица, на которых влияние шаха и чиновников незначительно, пользуются гораздо большим авторитетом в народе, чем представители официальной власти в Персии».

Самым большим авторитетом пользовались **муджтахиды** – это высшее звание улемов. Это были ученые-юристы, богословы, которые знали теологию, логику, основы юриспруденции. В начале XIX в. их было всего четверо на весь Иран, а к середине XIX в. они были уже во всех крупных городах. Самые авторитетные среди муджтахидов стали называться **аятолла** («знамение Аллаха», «тень Аллаха на земле») – отныне это был высший духовный сан. По мнению шиитов, муджтахид и аятолла – это посредники «сокрытого имама»: он вещает их устами, что придает особый авторитет их высказываниям.

Во время религиозных праздников, на свадьбах, похоронах, при разборе семейных жалоб присутствие **муллы** было обязательным: он читал молитву, был свидетелем при подписании брачного контракта, улаживал семейные распри и т.д. При этом он получал свой традиционный гонорар – деньгами, продуктами (рис, чай, хлеб, фрукты), а в зажиточных домах ему дарили козу или барана. Мулла строго следил за выполнением религиозных обрядов своих

прихожан: если семья долго не посещала общественные молитвы по пятницам, не проявляла рвения в молитвах и обрядах, такую семью ждал бойкот жителей квартала, базара или деревни и ее могли причислить к неверию.

Шиитские традиции на протяжении множества поколений сохраняли преемственность, стойкость и живучесть.

Понятно, что высшее шиитское духовенство выступало против введения любых европейских новшеств как влияния неверных – против светского судопроизводства, светского образования, светской бюрократии. При этом они ссылались на Коран, в котором можно найти цитаты на все случаи жизни и убеждали население: «Никогда Аллах не допустит, чтобы мусульмане подчинялись неверным».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чём состояли особенности структуры населения Ирана в традиционные времена?
2. Почему ханы и иляты не хотели переходить на оседлый образ жизни?
3. Чем отличались место и роль купечества в традиционном обществе Ирана от таковой в Китае, Японии, Индии?
4. Каковы были формы землевладения в Иране?
5. Чем объяснялась незатухающая борьба между шиитским духовенством и шахом?
6. Какие факторы определяли доминирующую роль шиитского духовенства в традиционном обществе Ирана?
7. Кто такие муджтахид, аятолла, мулла?

Тема 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ИРАНА В XVIII в.

К концу XVII в. появились первые признаки ослабления иранского государства. **Держава Сефевидов** переживала **кризис** во

всех областях жизни. Главной причиной было **изменение торговых путей** с освоением морского пути в Индию вокруг Африки. Сухопутные караванные торговые пути, проходившие через территорию Ирана, потеряли своё значение. Резкое сокращение караванной торговли привело к упадку городов, опустошению казны, росту налогов на протяжении XVII–XVIII вв. в 2–3 раза.

На фоне ослабления Ирана начинаются **восстания покорённых народов** – грузин, курдов, афганцев. Афганские племена, которые восстали, чтобы освободиться от произвола иранских правителей, в конце концов начали захват территорий, которые им не принадлежали. Восстание превратилось в грабительское нашествие. **Ослаблением Ирана воспользовались соседи Ирана**: турки захватили Грузию, Азербайджан, стали захватывать земли на северо-западе Ирана. Петр I совершил персидский поход в 1722–1723 гг., целью которого было Закавказье, а предлогом – защита русских купцов от восставших афганцев, от рук которых погибло 300 русских купцов. В 1724 г. был заключен договор, по которому осуществлялся раздел северных и западных провинций Ирана. К России должны были отойти прикаспийские области Ирана и Закавказье.

В ситуации, когда Иран находился в острейшем кризисе, когда всё рушилось, и власти оказались бессильными, в стране появился человек, который знал, что надо делать. Это был **Надир**, сын пастуха. В юности он отличился тем, что украл у отца 700 чужих овец, продал их, сколотил шайку и разбойничал 7 лет – нападал на торговые караваны. Он разбогател, на собственные деньги сформировал шеститысячное войско и явился к **принцу Тахмаспу** – сыну правившего тогда шаха Хусейна – с предложением своей помощи в борьбе с афганцами. В случае успеха Тахмасп должен был сделать его первым везиром – таково было условие Надира. Тахмасп пообещал ему поддержку.

Надир оказался талантливым военачальником и успешно повел борьбу с захватчиками. Афганское нашествие привело к опусто-

шению южных областей страны, разрушению оросительных систем, упадку сельского хозяйства и ремесла, сокращению внутренней и прекращению всякой внешней торговли. Иран потерял в результате афганского нашествия один миллион человек. **К 1730 г. Надир освободил иранские земли от афганцев**.

Затем Надир выступил **против турок**, которые оккупировали Грузию, Армению, Азербайджан, часть Дагестана. Россия помогла Надиру в борьбе против турок – своего врага и даже отказалась от некоторых областей Ирана, которые должна была получить по договору 1724 г.

Надир рвался к власти, к шахскому трону. Его амбиции росли вместе с ростом числа его побед. **В 1736 г.** он осуществил свою цель – **стал шахом**, умертвив предварительно 50 отпрысков шаха, чуть позже расправился и с Тахмаспом. К этому времени он восстановил территорию Ирана в прежних границах и не намеревался останавливаться – он мечтал о создании великой империи: он надел корону с четырьмя перьями, которые олицетворяли господство над Ираном, Афганистаном, Индией и Средней Азией.

Войско стало огромным, казна не выдерживала бремени его содержания. Надо было как-то пополнить казну и кормить армию. Надир-шах в **1737 г.** сходил в поход в ханства Средней Азии – и **Хива, и Бухара** стали его лёгкой добычей. Затем он обратил взор на Индию, которая тоже сулила лёгкую добычу, так как Надир был прекрасно осведомлен о том, какая это богатая страна, и о том, что империя Великих Моголов находится в состоянии полного распада. Он знал, что не получит серьезного отпора, и под предлогом наказания афганцев, убежавших от расправы в Индию, начал в **1838 г. свой печально знаменитый поход на Индию**.

У Надира была конница, строжайшая дисциплина. И хотя у Мухаммад-шаха в Индии было 300-тысячное войско, две тысячи боевых слонов, три тысячи пушек, за ним в бой пошла только одна тысяча воинов, остальные отказались из-за усталости после боль-

шого перехода. Во главе войска восседал на белом слоне сам Мухаммад-шах. Боевые слоны, шедшие впереди войска, были напуганы градом пуль и огнем, они повернули назад, на войско, покалечив и убив многих воинов. Иранский хронист оставил такое описание произошедшей битвы: «От тучи орудий войны, молний огненных мечей, грома и топота коней, крика людей, тучи разящих стрел, града пуль смертельных ружей на поле боя со всех сторон потекли реки и ручьи крови. Из подобных ручьёв и рек образовалось полное несчастий бурное море… Звуки боевых труб, литавров и барабанов… поднялись с обеих сторон выше высокого неба, и храбрецы той и другой стороны, сев на коней беды и несчастья, устремились отнимать жизнь друг у друга. Всех охватил величайший ужас». Другой хронист констатировал: «Холмы из убитых, из крови река остались в том месте, где были войска». Надир разгромил войско Мухаммада, отобрал у него пушки. Он заявил о том, что признает разгромленного Мухаммад-шаха правителем Индии в благодарность за то, что тот отдал ему все свои сокровища (он «отдал» Надиру все ключи от своих сокровищ, которые находились в Красном форте) и «подарил» территорию западнее реки Инд (современные Пакистан и Афганистан).

В 1739 г. жители Дели устроили было восстание против персидских солдат. Вооруженные палками и дубинками, восставшие напали на дома, в которых находились солдаты армии Надира, и перебили их. Гнев Надира был страшен. Он приказал избить поголовно всех жителей, и его воины стали убивать всех подряд – погибло около 20 тыс. человек, трупы завалили улицы города. Дели на 57 дней был отдан на разграбление.

Чтобы вывезти сокровища из Ирана, Надир приказал приготовить караван из 30 тыс. верблюдов. В наличии оказалось только 20 тыс., и тогда на 4 тыс. верблюдов навьючили «драгоценности и украшенные драгоценными камнями падишахские вещи», «на 2 тыс. верблюдов погрузили могольские золотой и серебряный

троны; еще на 2 тыс. – конские сбруи, седла, уздечки и т.д., украшенные драгоценными камнями; такое же число верблюдов было навьючено золотыми чанами, подставками для хрустальной утвари, кубками из яшмы и золота и прочей утварью, украшенной драгоценными камнями. Золотые монеты из казны были вывезены на 6 тыс. верблюдах, а платиновые и серебряные изделия – еще на 24 тыс. мулов». Надир вывез в Иран тысячи индийских ремесленников, чтобы они научили иранских ремесленников изготовлять такие сложные и богатые изделия, какие умели делать индийцы.

Для этих вывезенных из Индии сокровищ в Хорасане были сооружены специальные секретные хранилища – к ним Надир не притрагивался, ибо помимо этих драгоценностей добыча была такой огромной, что он пообещал народу не брать налогов в течение трёх лет.

Надир продолжал походы в среднеазиатские ханства. Он делал это не только ради пополнения казны, но и с **амбициозной целью создать единое мусульманское государство во главе с Ираном**.

Надир **начал создавать флот**. Он мечтал о контроле над всем Каспийским морем, о захвате Астрахани.

Поначалу Надир был популярен в народе как избавитель, освободитель Ирана – его величали «счастливцем эпохи». Но бесконечные походы высасывали из казны деньги, их постоянно не хватало. После трёх лет освобождения от налогов Надир приказал взимать налоги за эти три года. «Отрезание носов, ушей, выжигание глаз, отсечение членов, битье палками по ногам, пока не отвалятся все пальцы, – таково было обычное варварское обращение с людьми, от которого не были избавлены и самые видные придворные сановники», – зафиксировал иранский источник. В 1746 г. Надир явился в Исфахан вторично, чтобы выжать деньги из уже обобранного населения. «Каждый день палочные удары сыпались на людей, а когда это не помогало, стали использовать железные прутья, раскалённые в огне, и избивали ими, не разбирая ни пола,

ни чина своих жертв. Хватали всех – мужчин, женщин, бедных и богатых, стариков и детей – и истязали, заставляя либо отдавать деньги, либо, если у кого их вовсе не было, доносить на тех, у кого они были. Люди вынуждены были под конец продавать своих детей по таким низким ценам, что 12-летний мальчик стоил 10 махмуди, а девочка такого же возраста – 5 махмуди» – говорилось в источнике. В Мешхеде, столице Хорасана, было возведено семь высоких башен из человеческих голов.

Таким образом, из любимца народа Надир превратился в жестокого тирана, который сумел вызвать ненависть всех слоёв населения. Надир-шах страдал, как и все деспоты, манией величия и манией преследования одновременно. Когда в его голову пришла мысль уничтожить личную гвардию, состоявшую из 4 тыс. человек, десяток храбрецов из этой гвардии, узнав о намерении шаха, явились ночью в шахский шатёр и разрубили его на куски. Это произошло **в 1747 г.** Так кончилась эпоха Надир-шаха.

После смерти Надир-шаха **сразу же начался процесс распада империи**, которая держалась только на военной силе. Государство распалось на ряд мелких феодальных владений. Афганцы снова отделились от Ирана, на этот раз создав своё самостоятельное государство. Внутри страны началась серия дворцовых переворотов. Претенденты на власть свергали друг друга, выкалывали глаза братьям и племянникам, истребляли соперников всеми возможными и невозможными средствами. Иран погрузился в междоусобные войны, которые вели к упадку ремесел и торговли, ослабляли страну.

Важной особенностью этого периода было усиление роли племён в политической жизни. Почти все претенденты на верховную власть были представителями полукочевых племен. К середине XVIII в. племена составляли, по мнению некоторых авторов, больше половины населения Ирана. Приходящие к власти вожди племён – бахтиарского, туркменского, лурского – отличались

деспотическими методами правления, игнорированием интересов городского и сельского оседлого населения. Единственным средством обогащения для них был грабёж, поэтому оседлое население их не поддерживало, и Иран продолжал оставаться раздробленной страной. Оседлые феодалы в борьбе за власть не участвовали.

В **1760 г. Керим-хану** удалось ненадолго подчинить центральной власти весь Иран. Его 20-летнее правление было относительно спокойным периодом в политической истории Ирана. Он попытался наладить экономику, ввёл фиксированные налоги, поощрял своими указами развитие ремесла. «Из всех иранских династий не было такой человечной, справедливой, милосердной и доброжелательной династии. Керим-хан – один из наиболее человеколюбивых правителей в истории», – писал иранский историк. Но после смерти Керим-хана всё началось сначала.

В 1796 г. Ага-Мохаммед установил власть династии Каджаров. Каджары принадлежали к представителям кочевой знати тюркских (азербайджанских) племён. Ага-Мохаммед объявил столицей Тегеран. В борьбе за власть в последней битве под Керманом он отдал город и окрестности на три месяца на разграбление, 8 тыс. молодых женщин было отдано солдатам, 20 тыс. мужчин ослеплено. В знак победы Ага-Мохаммед приказал обезглавить 600 пленных, из голов которых была сложена пирамида. Это был один из самых жестоких правителей Ирана. Непокорных при его власти ослепляли, отрубали руки. Тысячи калек разбрелись по стране, долгие годы напоминая своим видом о жестокости шаха.

Накануне коронации, в 1795 г., Ага-Мохаммед совершил поход на Грузию, так как до него дошли слухи о присоединении Грузии к России (в 1783 г. грузинский царь Ираклий II заключил с Екатериной II договор о протекторате России над Грузией). Он решил «наказать» Грузию и подчинить себе не только её, но и всё Закавказье и Дагестан, ханы и владетели которых фактически уже давно стали не зависимыми от иранских правителей. Грабитель-

ский поход в Грузию сопровождался разорением сёл и городов, массовым уничтожением или уводом в рабство местного населения, что вызвало ненависть немусульманского населения Закавказья. Но это лишь усилило стремление Грузии присоединиться к России (что и произошло в 1801 г.).

В 1797 г. шах задумал ещё раз наказать грузин – момент был подходящий, т.к. русские войска отошли по приказу Павла I, и Грузия неминуема была бы побита. Ага-Мохаммед уже начал поход, но не дошел до Грузии – был убит двумя слугами, один из которых был грузином. Из этого факта возникла версия о заговоре против Ага-Мохаммеда, инспирированном Грузией. Смерть шаха предотвратила второй карательный набег на Грузию.

Династия Каджаров продержалась у власти 130 лет. Но в начале XIX в. судьбы Ирана начали определять уже не иранские шахи, а чужеземные – европейские – державы, которые превратили Иран в зависимое, подчиненное государство, в свою полуколонию.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каким образом Надир, потом Надир-хан, потом Надир-шах, превратился из национального героя-освободителя в тирана и деспота?
2. Что вы запомнили о Керим-хане?
3. Чем «прославился» шах Ага-Мохаммед?
4. Когда пришла к власти и сколько лет правила династия Каджаров?
5. Чем закончились карательные набеги на Грузию?

Тема 3. ДВИЖЕНИЕ БАБИДОВ В ИРАНЕ (1848–1852 гг.)

К середине XIX века в Иране созрели мощные протестные настроения, которым способствовали тяжелое экономическое положение и вмешательство иностранцев во внутренние дела и внешнюю политику Ирана.

С начала XIX в. интерес к Ирану стали проявлять Англия, Россия и Франция. Англия завершала завоевание Индии и пыталась подчинить себе государства, граничащие с ней. Англия и Россия вели друг с другом «большую игру» в Средней Азии. Иран проиграл две войны с Россией в 1804–1813 и 1826–1828 гг. Франция активизировала свою восточную политику и восстановила дипломатические отношения с Ираном. Ираном стали интересоваться **США и Германия**. Отставший феодальный Иран не мог оказать военного сопротивления европейским державам и противостоять их экономическому проникновению.

Всё возраставший поток европейских фабричных товаров пагубно отразился на положении иранских **ремесленников, мелких и средних торговцев**, которые специализировались на продаже таких же товаров, какие вывозились из Европы, но не выдерживали конкуренции из-за более высоких цен по сравнению с европейскими. **Именно они и стали активными участниками бабидских восстаний**.

Реакцией правящей элиты Ирана на ухудшившуюся ситуацию в стране стало появление к концу 40-х гг. реформаторов, наиболее активным среди них был мирза **Таги-хан**, ставший садразамом (т.е. везиром, или первым министром). Он приступил было к проведению реформ, но как раз в это время начались бабидские восстания. Об этих реформах скажем чуть дальше.

В Иране, где религиозность была неотъемлемой частью социальной психологии почти всего населения, проявления протеста не могли не носить религиозного характера. В XIX в. стали распространёнными увлечения разнообразными сектантскими учениями. **Ислам допускает собственные поиски путей познания истины**, что ведёт к возникновению различных сект и течений, по-разному толкующих отдельные положения Корана и шариата (учение о тарикате). Шиизм позволяет высшим богословам-муджтахидам по-своему толковать религиозные постулаты, а правоверным – выби-

рать себе в духовные наставники того муджтахида, чьё толкование ему кажется более правильным. Вокруг такого наставника собирались ученики, возникала школа или секта, толкующая и комментирующая какие-то избранные постулаты Корана не так, как другие школы. Можно было переходить от одного муджтахида к другому – это не возбранялось.

Правящая элита увлекалась суфизмом. Суфийские идеи были популярны среди принцев, садразамов, бюрократии, поэтов, учёных, купцов. Суфизм предлагает непосредственное общение с богом, без посредников, с помощью медитации, отбивания бесчисленных поклонов, изнурительного повторения молитв, движений, похожих на танец вокруг себя, доведения себя до экзальтированного состояния, которое и считается «слиянием с божеством». По мнению ирановедов, это мистическое учение привносило в ислам утончённую духовность.

Менее обеспеченные слои городского населения больше привлекали секты и учения, которые позволяли более действенно и активно выразить свой протест. К таким относились **секта шейхитов и учение Али-Мохаммеда** (**Баба**), ее возглавлявшего.

Движение бабидов началось в 40-е гг. XIX в. **Сеид Али-Мохаммед объявил себя в 1844 г. Бабом**, т.е. «дверью», «вратами», через которые передается учение ожидаемого мессии – имама Махди. Последователи Баба стали называть себя **«баби»** – в русской литературе их называли «бабиды». Главным в учении секты шейхитов была **идея пришествия Махди**, который вот-вот появится и установит справедливость на всей Земле. Баб объявил, что уже настало время для появления Махди, а он – Баб – становится пока, временно, посредником между Махди и народом, чтобы подготовить жителей Ирана к появлению Махди.

Поначалу у Баба было всего 18 последователей, но весть о том, что появился Баб, необыкновенно образованный, благочестивый, быстро облетела Иран, и началось паломничество – все хотели его

увидеть и услышать. Учение Али-Мохаммеда складывалось постепенно из его сочинений, проповедей, бесед. В 1847 г., будучи уже в тюрьме, он написал **«Беян» («Откровение»)** – новую священную книгу вместо Корана. Его основные идеи сводились к следующим.

Баб считал, что человеческое общество развивается через последовательно сменяющие друг друга эпохи. Сами люди не могут самостоятельно установить новые порядки и законы. Бог делает это через пророка, которого он посылает к людям в каждую новую эпоху. Соответственно сменяют друг друга священные книги. Были Моисей и его Пятикнижие, Иисус и его Евангелие, Мохаммед и его Коран. Коран и шариат устарели, наступает новая эпоха. **Основными виновниками всех бед и несчастий иранского народа, его угнетателями Баб называл каджарских правителей и высшее шиитское духовенство.** Поскольку верховная власть должна принадлежать имаму Махди, подчинение власти шаха необязательно.

Другой важной идеей была организация нового общества – **царства справедливости**, равенства, братства и всеобщего процветания, в котором будут жить бабиды. Мечты о равенстве и братстве, о справедливости были традиционными с древних времён, извечными мечтами обездоленного народа. Люди в царстве справедливости будут придерживаться правила: «не делать друг другу зла, а делать только добро». Предполагалось, что первоначально царство справедливости будет установлено в пяти самых развитых провинциях Ирана – Азербайджане, Мазендеране, Фарсе, Хорасане и Ираке Персидском. В царстве справедливости, говорил Баб, будут жить только люди, принявшие бабизм, главным образом торговцы, поскольку Баб считал торговлю самым лучшим занятием, которое обеспечивает благосостояние общества. Иностранцам будет разрешено жить в Иране, если только они будут заниматься торговлей, выгодной не только для них, но и для страны. Баб разрешил взимать ростовщические проценты, запрещае-

мые исламом. Он предложил установить единую денежную систему. Он полагал, что надо обеспечить свободное и безопасное передвижение купцов, наладить почтовую связь. Баб говорил о необходимости защиты личности и собственности купца: нельзя входить в дом без разрешения хозяина, нельзя безнаказанно изымать его имущество, нельзя его убивать. Должники обязаны выплачивать свои долги. Нельзя досматривать торговую переписку. Как видим, торговле и торговцам Баб уделял самое пристальное внимание – отсюда такие конкретные и четкие требования. **Интересы торговли и торговцев** у него фигурировали **на первом плане**. В новом царстве справедливости допускались патриархальное рабство, торговля рабами. Женщины должны были получить равноправие с мужчинами, снять чадру. Баб был сторонником единобрачия и только в крайнем случае допускал двоежёнство – в этом вопросе он не получал единодушной поддержки и понимания со стороны своих последователей.

Баб отменил молитву, пост, паломничество к святым местам, обязательную раздачу милостыни, т.е. упростил обряды. Он отменил джихад, запретил убивать за инакомыслие и неверие.

Бесполезными занятиями в будущем царстве справедливости Баб считал изучение логики, философии и права, мёртвых языков и грамматики. Грамматику он разрешал изучать лишь в пределах, необходимых для понимания Беяна. Под образованием Баб понимал не изучение древних текстов, а знакомство с достижениями европейской научно-технической мысли. Больше всего он ратовал за изучение естественных наук.

Учение Баба пронизано общей гуманистической направленностью. Основной моральный принцип, которого должны придерживаться жители будущего царства справедливости, – «не причинять человеку зла и вреда, а делать добро». За оскорбление личности надо брать штраф, телесные наказания в школе должны быть запрещены, женщины должны быть уважаемы и равноправны с мужчинами и т.д.

В целом это было типичное утопическое учение, облеченное в религиозную форму.

Ученики Баба, тесно связанные с народом, выдвигали более радикальные требования. Они уточняли например, что будет пониматься под «равенством» людей в царстве Махди: «все люди, бывшие до сих пор высокими и важными, станут низкими, а люди низкие – высокими». Они уже открыто высказывались об отмене частной собственности – ибо всё, что есть на земле, принадлежит только богу и его пророку, которого он посылает людям. Должно наступить время имущественного равенства людей. «Люди пойдут по базарам и, читая молитвы, возьмут из лавок всё, что хотят». Они высказывались за отмену налогов, податей, повинностей.

Истинные борцы за новое учение и светлое царство справедливости должны, полагали бабиды, отказаться от всего земного, вести суровую подвижническую жизнь и быть всегда готовыми умереть за свои идеи. В ходе восстаний лидеры бабидов говорили им, что счастливое царство ждет их после смерти, в загробном мире.

Особое место среди бабидов заняла ставшая весьма популярной проповедница учения Баба **Куррат-уль-айн.** Она происходила из семьи муджтахида, была умной, красивой, образованной. Будучи преданной последовательницей Баба, она не расставалась с ним. Куррат-уль-айн отстаивала право женщин ходить с открытым лицом, их право на многомужество – если мужчины имеют право на многожёнство, почему бы и женщинам не иметь несколько мужей? Сам Баб был убеждён в несправедливом отношении ислама к женщинам. В исламском браке он видел замаскированную продажу девушек, являвшихся для родственников своеобразным источником дохода или освобождения от ростовщической кабалы. Он осуждал многожёнство, детские браки, куплю-продажу невест и особенно **институт сиге – временный брак**, заключенный на определённый срок. В этом вопросе Баб далеко отошёл от традиционного ислама.

Социальный состав бабидов был весьма пёстрым. Зародившись среди городских торговцев и ремесленников, а также низшего духовенства, учение бабидов нашло последователей и среди богатого купечества, и среди чиновничества, и среди высшего шиитского духовенства. Правда, это были не столь многочисленные последователи Баба, они примкнули к движению из-за каких-то личных обид и счётов. У бабидов были покровители при шахском дворе до тех пор, пока бабиды выступали против высшего шиитского духовенства. Крестьяне временно примыкали к бабидам в районах восстаний, потом отходили в свои деревни. **Кочевое население Ирана осталось безучастным к бабидским восстаниям**.

Всего в восстании бабидов участвовало около 100 тыс. человек. Движение бабидов, начавшись в Фарсе, быстро распространилось на Тегеран, Иранский Азербайджан, Мазендеран, Хорасан, Йезд, Исфахан – это были наиболее развитые в экономическом плане провинции, куда раньше всех проникла европейская торговля. Вначале бабиды рассчитывали на бескровный переворот. Сам Баб, сугубо мирный философ, надеялся, что сможет привлечь на свою сторону власти, обратит их в бабизм и затем мирным путем установит царство справедливости. Но когда начались преследования бабидов, Баб стал осторожно говорить о возможности борьбы с властями.

Первое открытое выступление бабидов произошло в 1848 г. в Мазендеране. Около двух тысяч человек обосновались в местечке **Шейх-Таберси**, где находилась могила почитаемого шейха. Жили они коммуной, питались из общего котла. Здесь они провозгласили, что общими должны быть пища, одежда, дома, земля и женщины. Они хотели создать здесь свое царство. Но к ним подошли силы окрестных феодалов. Бабиды отбили первые атаки и стали укреплять Шейх-Таберси: построили земляную крепость, окружили её рвом с водой, стали готовить вооружение. Когда правительственные войска окружили «крепость», бабидам уже не хватало продуктов питания, воды, оружия. Когда их осталось всего

250 человек, в 1849 г. бабиды согласились сложить оружие. Командующий шахским войском поклялся на Коране, что сохранит бабидам жизнь и отпустит их. Однако все бабиды были казнены.

Шиитское духовенство развернуло антибабидскую пропаганду – оно обвиняло бабидов в безбожии, безнравственности, бессердечии и призывало правоверных бороться с ними. Учение Баба духовенство считало еретическим.

В 1848 г. Баб был арестован и помещён в тюрьму. В тюрьме он **провозгласил себя Махди**. Везир Таги-хан настаивал на казни Баба – он опасался, что набирающее силу движение бабидов может привести к свержению правящей династии. Вначале шах не соглашался на его казнь, поскольку Баб был из сеидов – потомков пророка, а их обычно высылали из страны, если они обвинялись в каком-либо преступлении или инакомыслии. Но затем шах согласился с Таги-ханом и разрешил казнить Баба.

В 1850 г. Баб был расстрелян солдатами из христианского полка, его тело было выброшено за ворота на съедение собакам. Куррат уль-Айн была задушена и сожжена на костре.

Правительство бросило все силы на подавление бабидского движения. В 1852 г. отчаявшиеся бабиды предприняли покушение на шаха – он был ранен. Последовали массовые казни бабидов по всей стране. Репрессии, обрушившиеся на бабидов, были настолько жестоки, что многие бежали из Ирана.

Бежавшие в Османскую империю бабиды поселились в Багдаде. Они жили общиной, отдав в нее все свое имущество, занимались торговлей и ремеслом. Они приняли турецкое подданство. **Их лидер Беха-Улла в 1863 г. объявил себя новым пророком**, **а немного погодя – богом**. Бехаиты, наследники бабидов, хотя генетически были связаны с ними, по сути стали приверженцами нового, **космополитического, учения**, которое стало называться **бехаизмом**.

Космополитизм бехаитов проявлялся в таких установках: «Любовь к отечеству не есть добродетель, людей всего мира вы долж-

ны любить как своих родных искренних друзей»; «Да не возгордится человек тем, что любит свою родину, а пусть гордится тем, что он любит род человеческий». Этими высказываниями они как бы оправдывали свое пребывание за рубежами Ирана, но в то же время они таким образом призывали к отказу от национальной ограниченности. «Людям Беха можно гордиться хорошими деяниями и познаниями, а не отечеством и местом».

Бехаиты считали, что общество должно развиваться эволюционно, без скачков и революций. Неравенство людей, по их мнению, вечно и неустранимо– это норма. Все люди обладают разными способностями и разной степенью активности и предприимчивости. Но все люди – братья, человечество идет к созданию единого мирового государства – Соединенных Штатов Мира, к единой нации, которая выработает единый язык, понятный всем и каждому. Возникнет единая мировая культура.

Бехаиты были пацифистами, они выступали за всеобщий мир, отказ от насилия. Всякий спор должен улаживаться путем арбитража. В одной из проповедей Беха Улла писал: «О, верующие в Единого Бога! Старайтесь, чтобы раздоры и вражда религиозная между вами, как жителями одного света, были бы уничтожены. Религиозная вражда есть такое пламя, которое способно охватить весь мир, тогда тушение его невозможно… Обратите внимание на войны между государствами, посмотрите, сколько людей были жертвами…драка и война дело хищных зверей и не дело достойных людей. О, люди земные, все вы плоды одного дерева и листья одной ветви; живите в мире, любви и единстве».

Только реформами можно изменить мир, считали бехаиты, а не революциями и войнами. Бехаиты поощряли науки и знание. Они считали, что женщинам надо позволить учиться и быть образованными. Бехаиты предлагали объединить религии в некое идеальное учение. Надо отказаться от догматов и обрядов – религия должна проявляться не в церемониях, а в действиях, поступках человека.

Они не признавали никакой священной иерархии. Это был протест против господствующей идеологии ислама.

К концу XIX в. бехаитская община стала международной религиозной сектой, управляемой Беха-Уллой. **Это была новая мировая космополитическая религия, распространившаяся по свету.** Потомки Беха-Уллы до сих пор возглавляют бехаитов. Бехаизм существует по сей день, его последователи есть во всех развитых странах мира.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основные положения учения Баба?
2. Кого бабиды считали своими врагами и кто их поддерживал?
3. Что должно было собой представлять «царство справедливости»?
4. Кто такие бехаиты и что такое бехаизм?

Тема 4. ПОПЫТКА ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМ В ИРАНЕ (1848–1851 гг.)

К середине XIX в. Иран всё более явно превращался в марионетку в борьбе, которую вели между собой Англия и Россия за влияние на Ближнем и Среднем Востоке. Последствия проникновения держав в Иран были такими же, как и в других странах Азии. Мелкие торговцы и ремесленники разорялись, бремя налогов на крестьянство росло, нарушились основы привычной, традиционной жизни практически всего населения страны. Шах, его министры, губернаторы и ханы превратились в послушных проводников политики иностранных держав. Ханы кочевых племён все меньше признавали власть шаха – их разбои и грабежи становились все более частыми. Правление Каджаров вызывало всё большее возмущение.

Почти все иранское купечество выражало недовольство огромным количеством не рассматриваемых взаимных претензий иранских и иностранных купцов, несовершенством таможенной службы, произволом местных властей, что заставляло всё большее число купцов менять иранское подданство, чтобы избежать разорения. Они были недовольны льготами, которые получали в Иране иностранные торговые фирмы. В 1844 г. на имя шаха была направлена петиция с протестом против ввоза европейских промышленных товаров, а в 1848 г. купцы Тебриза – центра европейской торговли в Иране – направили наследнику престола послание с просьбой ограничить ввоз в страну европейских товаров.

Не выдержав иностранной конкуренции, **пришли в упадок шелкоткачество, гончарное дело, производство бумажных тканей. Пострадали производство шалей, парчи, выделка сафьяна, вышивание, изготовление посуды.** Ковроткачество было единственной отраслью местной промышленности, которая продолжала существовать и даже расширялась, – персидские ковры, вывозимые на мировые рынки, приносили огромные прибыли.

Иран, связанный по рукам и ногам неравноправными договорами, не мог проводить протекционистской политики и вводить протекционистские пошлины на европейские товары. Не было личной и имущественной неприкосновенности, не было законов, защищающих права и интересы нарождавшейся торговой буржуазии. Современники в 30-е гг. отмечали, что «во всей Персии видны признаки всеобщего упадка промышленности, наук и торговли. Если в правлении не сделается скоро какой-нибудь счастливой перемены, то разрушение неминуемо». Тяжелые поборы на содержание армии, шахского двора, местных правителей дополняли тяжелую картину состояния тогдашнего Ирана. Впервые при Каджарах в середине XIX в. начинает складываться оппозиция шаху. Имущие слои населения Ирана требовали улучшения государственного управления. Они были заинтересованы в ликвидации раздроблен-

ности, укреплении центральной власти, модернизации финансовой системы и судопроизводства, путей сообщения и т.д.

Самым активным сторонником проведения реформ в Иране стал мирза **Таги-хан**. Он был сыном повара, но повара в высокопоставленной семье первого министра (т.е. премьер-министра в современном понимании) Мохаммад-шаха. Он воспитывался вместе с его детьми и внуками и оказался весьма любознательным ребёнком. Спрятавшись за шторами в комнате, где шли занятия с детьми министра, он подсказывал им правильные ответы, был замечен и получил разрешение обучаться вместе с ними. Получив образование, он сделал блестящую карьеру, несмотря на незнатное происхождение, – от простого писаря (мирзы) до садразама – первого министра. Женат он был на одной из дочерей шаха, что тоже способствовало его головокружительной карьере.

Таги-хан побывал в Петербурге в составе специального посольства с извинениями по поводу разгрома российской миссии в Тегеране и убийства А.С. Грибоедова, бывшего тогда полномочным министром. Он посетил технические и военные школы, арсенал, Монетный двор, стекольный завод и шелкоткацкую фабрику. В Москве ознакомился с торговой палатой, военными и гражданскими учреждениями. В Туле побывал на оружейном заводе, в арсенале и в Дворянском военном училище. Особый интерес Таги-хана в России вызвали система образования и воспитания детей, организация военного образования и производство оружия, горнорудное производство, печать. Несколько лет он провел в Османской империи, занимаясь уточнением границ и подписанием Эрзерумского договора. В это время в Османской империи шли реформы, привлекшие его пристальное внимание.

Садразамом Таги-хана назначил в 1848 г. вступивший на престол **Насер эд-Дин-шах.** Он присвоил ему титул «великий эмир» и дал широкие полномочия. В течение трёх лет (1848–1851) Таги-хан занимался проведением реформ.

Таги-хан счёл, что в первую очередь необходимо провести такие реформы, которые бы обеспечили независимость страны, уменьшили политическое и экономическое давление западных держав на Иран. Он начал с **реорганизации армии.** На бумаге численность армии была одна, а в реальности на порядок меньше – даже в шахской охране вместо числившихся 4 тыс. человек реально служили всего три сотни. Было основано несколько фабрик по производству оружия. Была отменена обязанность населения кормить проходящее войско. Была введена новая система набора в армию: **рекрутировались в армию** в основном **крестьяне**, а **горожане и кочевники были освобождены от воинской службы в регулярной армии**. Кочевники формировали только **ополчение,** которое состояло **из пехоты**, незначительной по численности и роли, **и кавалерии**, частью которой была личная гвардия шаха. Все расходы по снаряжению и содержанию ополченцев возлагались на племена. Было введено обязательное воинское обучение рекрутов. В 1851 г. впервые появился военный устав – за образец были приняты уставы английской и французской армий. **Регулярные войска делились на две армии: азербайджанскую и иранскую**, во главе каждой стоял отдельный главнокомандующий. Впервые был установлен **срок службы – 12 лет**. Первые два года службы солдат находился в действующих войсках, после чего увольнялся в запас и получал четырехлетний отпуск «для занятия сельским хозяйством». Затем он служил еще два года и вновь увольнялся в запас на четыре года – в это время солдат должен был являться на учения на несколько месяцев. После этого солдат освобождался от несения воинской службы. Именно эта реорганизованная армия была брошена на подавление восстаний бабидов.

Таги-хан провел **административную реформу**. Специально созданные правительственные комиссии осуществили проверку чиновничьего аппарата, которая выявила вопиющие факты беззакония, уклонения чиновников от выполнения их прямых обязанно-

стей. Так, выяснилось, что правители провинций жили в столице, а в провинциях за них «правили» их родственники. Многие сановники числились одновременно на нескольких должностях. Таги-хан сократил чиновничий аппарат. Совместительство было запрещено. Жалованье чиновникам было сокращено вдвое.

Была проведена **ревизия государственных и частных земель**, проверены размеры поземельного налога и налога со скота. Налоговые ставки остались без изменений, но более точный учет всех облагаемых земель позволил сразу увеличить налоговые поступления в казну.

Таги-хан внёс изменения в судебную систему: отныне **судебные дела религиозных меньшинств – иудеев, христиан, зороастрийцев – не подпадали под юрисдикцию судов шариата, а передавались в светские суды.** Были запрещены пытки обвиняемых.

Таги-хан **попытался восстановить ремесленное производство и построить крупные мануфактуры и фабрики**. Восстанавливая домашнюю промышленность страны, Таги-хан, как мы уже видели, освободил от воинской повинности районы, населенные преимущественно ремесленниками. Группа мастеров была отправлена в Россию для ознакомления с производством хрусталя, литейным и кузнечным делом – в результате в Тегеране появился хрустальный завод. В Исфахане была основана мастерская по производству бумаги, которую возглавил возвратившийся из России Ага Рахим; в городе Сари построено чугунолитейное предприятие, руководимое иранцем, который тоже побывал в России. В Тегеране была создана каретная мастерская и стали изготавливать самовары – и кареты, и самовары раньше привозили из России, а теперь открыли собственное их производство. Это были совершенно новые отрасли производства для Ирана. Во Франции группа молодых иранцев из 18 человек изучала производство сукна, фарфора, бумаги. Из Франции завезли оборудование для прядильной мануфактуры, для суконной фабрики. Появились **фабрики** по произ-

водству текстиля, стекла. Таги-хан освободил от налогов на пять лет предприятия, которые взялись за разработку полезных ископаемых. Были построены новые плотины на р. Карун, произведен ремонт оросительных систем.

Были **ликвидированы внутренние таможни,** которые мешали нормальному развитию торговли в стране. Таги-хан в 1851 г. **установил внутренние пошлины на иностранные товары** – таким образом, иранские торговцы в некоторой степени были уравнены с иностранными. Негласно иранцам даже запретили покупать иностранные товары. Таги-хан поощрял строительство **караван-сараев** – пристанищ для приезжих купцов, паломников – в них были десятки, а то и сотни торговых лавок и для приезжих купцов, и для местных. Иногда караван-сараи открывались для продажи одного вида товаров – например тканей. Таги-хан на свои деньги открыл караван-сарай в Тегеране.

Таги-хан **положил начало светскому образованию** в Иране. Он считал, что стране пора отходить от средневековой схоластической науки и фанатичных религиозных установок. Ему удалось открыть лишь одно учебное заведение – **Дом наук** – научную и военную академию, где стали **готовить офицеров со светским и специальным военным образованием**. В Доме наук были отделения: инженерное, пехотное, кавалерии, артиллерии, медицинское, минералогическое, физики и фармацевтическое. Здесь изучались история, география, черчение, математика, а также персидский, арабский, французский, английский, русский языки. Таким образом**, военная школа становилась очагом светского образования** (это было характерно и для Османской империи). Преподавателями были приглашённые из Европы специалисты. Несмотря на отрицательное отношение к политике иностранных держав в Иране, Таги-хан одобрительно относился к использованию европейских знаний и системы обучения. По инициативе Таги-хана в Иране стала выходить **первая официальная газета**, появились

типография и **первая государственная больница**. Начали переводить специальную европейскую литературу, посылать в Европу молодых людей для изучения технических наук, технологии разных производств.

Таги-хан попытался ограничить влияние духовенства и его вмешательство в государственные дела. В этом он был намерен следовать примеру османских реформаторов. Он попытался отменить бест, но это было пока невозможно. **С 1850 г. число мест, где можно было укрыться в бесте**, **было значительно сокращено**. Он учинил проверки прав духовенства на землю, и часть владений была отобрана в казну, что вызвало возмущение состоятельного духовенства.

Реформы Таги-хана вызвали **реакцию отторжения** со стороны **феодалов, чиновников, духовенства**. Духовенство сыграло на религиозно-патриотических чувствах иранцев – **в мечетях им говорили, что идеи реформ исходят от гяуров (неверных), т.е. от европейцев, а также от ненавистных суннитов – турок, поэтому они неприемлемы для иранцев**.

Жестокое подавление бабидских восстаний отторгло от Таги-хана многих потенциальных сторонников. Не мог он рассчитывать и на помощь Англии и России, поскольку был ярым противником иностранного влияния. Англичане покровительствовали противникам реформ, распустили слухи о том, что Таги-хан был связан с русским правительством. Иранский историк писал, что против Таги-хана был образован «союз между английским посольством, матерью шаха и её управляющим, имамом Тегерана и претендентом на пост садразама Ага-ханом Нури, который пустил в ход подстрекательства и клевету о том, что Таги-хан будто бы является русским ставленником». Англия, таким образом, приложила руку к расправе с первым реформатором Ирана. Активное неприятие негативного отношения Таги-хана к вмешательству держав в дела Ирана и русофобия перевесили казалось бы естественную логику

поддержки начинаний Таги-хана, который фактически вел дело к европеизации, модернизации развития страны.

В результате Таги-хан был вынужден подать в отставку, его сослали и в конечном итоге умертвили – по шахскому приказу в 1852 г. ему вскрыли вены и удушили.

Таким образом, Иран расправился со своим первым реформатором и его развитие пошло по колониальному пути. Уступая давлению европейских держав, сдавая одну позицию за другой, подписывая унизительные соглашения, **Иран фактически выбрал путь подчиненного, зависимого, отсталого, полуколониального государства**.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие обстоятельства побудили Таги-хана приступить к реформам?
2. Что успел сделать Таги-хан в деле реформирования армии, администрации, образования, торговли?
3. Кто в Иране противился реформам и почему?
4. Почему Британия поддержала противников реформ в Иране?

Тема 5. ПРЕВРАЩЕНИЕ ИРАНА В ПОЛУКОЛОНИЮ

Если в первой половине XIX в. Иран выяснял отношения с европейскими державами с помощью военной силы, то во второй половине того же века начинается период «мирного проникновения» иностранного капитала в экономику Ирана, навязывание политических решений шаху и его правительству. Иран постепенно превращается в полуколонию, что окончательно произошло к началу XX в.

Наряду с продолжением торговой экспансии держав в Иран наступает время вывоза капитала. В этот период соперничество

Англии и России на просторах Центральной Азии и Среднего Востока, где располагался и Иран, английские авторы назвали «большой игрой». В борьбе за влияние в Иране это соперничество переходит в фазу непримиримой конкуренции. До конца XIX в. в борьбе за Иран соперничали главным образом Британия и Россия. Северный Иран, наиболее развитый в экономическом отношении – здесь располагались все крупные города страны, стал сферой влияния России. Южный Иран – пустынный, менее развитый – стал сферой влияния Британии.

Иран интересовал Англию прежде всего потому, что его южная часть соединяла Малую Азию с Индией. **Целью англичан было не допустить в «жемчужину Британской короны» никакого потенциального соперника** – Иран был неким буфером, затрудняющим такое проникновение. **Главные цели России в Иране** были совершенно чётко сформулированы начальником Азиатского департамента Зиновьевым: «сохранить целость и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, **постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию**, без нарушения, однако, как внешних принципов её самостоятельности, так и внутреннего строя».

Иностранный капитал ввозился в Иран в виде государственных займов, правительственных ссуд, покупки концессий (исключительных прав). Займы, которые получал шах, в основном уходили не на непосредственное развитие страны, а на непроизводительные расходы. К примеру, два крупных российских займа пошли на оплату путешествий шаха и шахини в Европу в 1901 и 1902 гг. и на покупку ими предметов роскоши. Иранские источники приводят и такой пример: вся сумма от сбора таможенных пошлин за 1898–1899 гг. была распределена между шахским двором и гаремом, а в казну попало всего… 14 туманов. Шах, сановники, высшие духовные лица меньше всего думали о благе государства и народа. Мно-

гие из них за получение традиционных подношений **(пикшешей)** и прямых взяток были готовы фактически за бесценок предоставить чужестранцам значительные права и привилегии.

До 70-х гг. XIX в. в борьбе за концессии доминировали англичане. Англия упорно добивалась – и добилась путём подкупов – получения **телеграфной концессии**, чтобы установить прочную связь с Индией. Шаха изобретение телеграфа особо не заинтересовало, но одну вещь он понял хорошо: у англичан имеются деньги, которых ему всегда не доставало. Была построена телеграфная линия, которая соединяла Лондон с Калькуттой через Берлин, Варшаву, Одессу, Керчь, Тифлис, Тебриз, Тегеран, Исфахан, Карачи. Всего в Иране было построено 9 основных линий, из которых 5 контролировались англичанами, 2 – русскими и 2 – иранским правительством. Строились эти линии за счет Ирана, который еще и задолжал Англии 47 тыс. ф. ст., которые он выплачивал 20 лет. Но от эксплуатации телеграфных линий иранское правительство получало одну треть доходов.

Телеграф использовался англичанами и в политических целях – вдоль телеграфных линий строились станции, на которых телеграфистами, механиками служили офицеры англо-индийской армии. Эти станции превратились в широко разветвлённую сеть шпионажа Англии в Иране. Английские агенты знали обо всех шагах правительства, а о событиях на местах узнавали быстрее персидского правительства и эту информацию использовали с пользой для себя, для своего политического влияния в Иране.

В 1872 г. известный английский финансист **Юлиус Рейтер**, основатель известного информационного агентства, добился было концессии на строительство по всей стране железных дорог и трамвайных линий, сооружение каналов, использование лесов и освоение целинных земель. Концессию предполагалось получить на 70 лет. Англичанам разрешалось, помимо железных дорог, строить и шоссейные дороги, заодно они получали право разра-

ботки месторождений угля, железа, меди, свинца, нефти. По этой концессии разрешалось создавать банки, строить заводы. При этом Ю. Рейтер получал в свое полное распоряжение дороги, почту, телеграф. Иранское правительство должно было получать 15% прибыли, затем – 20% от эксплуатации железных дорог. Лорд Керзон (вице-король Индии в 1899-1905 гг., министр иностранных дел в 1919–1924 гг.) признавал, что эта концессия – «небывалый и самый экстраординарный факт полной продажи всех богатств государства иностранцам». Россия не могла допустить практического осуществления этой концессии и сделала всё, чтобы шах аннулировал её в 1873 г.

В 1889 г. эта концессия была заменена другой. Сын Ю. Рейтера – Дж. Рейтер получил концессию на открытие банка, рассчитанную на 60 лет. **В Тегеране появляется Шахиншахский (Имперский) банк**. Этот банк не только монопольно выпускал банкноты, спекулировал серебром, давал деньги взаймы шаху, но и получил право разработки всех полезных ископаемых, кроме золота и серебра. Ирану полагалось получать 16% прибыли от добычи полезных ископаемых и 6% от годовой прибыли банка. Банк, таким образом, стал фактически выполнять функцию министерства финансов, и его прерогативы далеко выходили за рамки функционирования банка как такового.

В 1888 г. всем иностранцам было разрешено перевозить товары по р. Карун – главной судоходной артерии Ирана. **Судоходство по р. Карун** формально было открыто для всех иностранных судов, но реально им воспользоваться могла только одна Англия.

В 1890 г. англичане в лице некоего майора Тальбота получили **концессию на скупку, продажу и переработку табака на всей территории Ирана**. Концессия была рассчитана на 50 лет.

В 1901 г. Англия получила «особые и исключительные права» на **монопольную эксплуатацию нефтяных месторождений и газа на 60 лет** на трёх четвертях иранской территории (кроме

Азербайджана и прилегающих к нему северных территорий). Нефтяной фонтан забил только в 1908 г. В **1909 г. была образована англо-персидская нефтяная компания**, которая стала получать огромные доходы. Как раз в это время у англичан возникает идея перевести английский флот с угля на жидкое топливо. У. Черчилль заметил по этому поводу, что огромные прибыли компании «оказались более чем достаточны не только для оплаты топлива, потребляемого кораблями адмиралтейства, но и для строительства большого британского военно-морского флота, причём без единого пенни, полученного от налогоплательщиков».

Что касается России, то она всеми силами стремилась не допустить монопольного положения Англии в Иране. Чтобы состязаться с Англией, царское правительство было вынуждено пользоваться теми же приёмами и методами, которые использовала Англия. Из-за экономического отставания России проводить такую политику было сложно. **Экономическое проникновение России в Иран до последних десятилетий XIX в. проводилось в основном за счёт казны, т.е. государства, а не частного капитала**. Погоня за концессиями часто оказывалась России не под силу. Тогдашний министр финансов Коковцев отмечал, что «с полным сомнением следует отнестись к мысли о закреплении за собой возможно большего числа концессий в Персии как средства борьбы против иностранных предприятий. Таковые концессии, добытые лишь ради того, чтобы они не достались иностранцам, остались бы неиспользованными за недостатком средств».

Поскольку Россия боялась конкуренции более дешёвых английских товаров, она была против строительства железных дорог в северной части Ирана, которая была сферой влияния России. В 1887 г. под давлением российской дипломатии шах дал письменное обязательство не разрешать никому строить железные дороги. Известный российский промышленник Рябушинский безапелляционно заявлял: «Лучшей защитой русской торговли в Пер-

сии от всякой конкуренции является стихийная монополия бездорожья». Интересно, что и Англия не была заинтересована в строительстве железных дорог в своей сфере влияния, в южной части Ирана – чтобы не упрощать потенциальным конкурентам возможность проникновения в Индию**. В 1890 г. появляется уже обоюдное англо-иранское соглашение о нестроительстве железных дорог в Иране в течение 10 лет**. В 1900 г. оно было продлено еще на 10 лет. Интересы двух соперников-конкурентов сошлись в этом вопросе, а интересами Ирана они пренебрегли. Замораживание строительства железных дорог в течение нескольких десятилетий, в тот период, когда во всех странах шло бурное их строительство, задерживало экономическое развитие Ирана, и без того сильно отстающего от других стран Азии.

Экономическое проникновение России в Иран значительно ускорилось **в последние десятилетия XIX в., поскольку в дело вступает частный русский капитал.** Бурное развитие российского капитализма как бы проецируется на Иран.

Первыми известными российскими концессионерами в Иране становятся **братья Поляковы**. Они получили концессию на организацию страхового и транспортного дела на всей территории Ирана сроком на 75 лет. Они строили шоссейные и колёсные дороги. Один из братьев приобрел концессию на открытие банка в 1890 г., а в 1891 г. банк уже заработал. В 1894 г., по инициативе тогдашнего министра финансов С.Ю. Витте этот банк был приобретён министерством финансов и стал называться **Учётно-ссудным банком Персии**. Фактически банк контролировал финансы Ирана, был посредником в русско-иранской торговле, финансировал иранское правительство, предоставляя ему займы.

Семейство Лионозовых завладело оказавшейся чрезвычайно выгодной концессией на ловлю рыбы вдоль всего южного побережья Каспийского моря в Иране. Это было одно из крупнейших промышленных предприятий на территории Ирана – в нём работа-

ло 800 подданных России и свыше трёх тысяч иранцев. Вся выловленная рыба шла в Россию. Предприятие приносило огромную прибыль. Маленький пример: себестоимость 60 пудов сазана составляла 36 руб., а розничная цена была 180 руб. Пуд икры давал прибыли около 60 руб. (что такое 1 руб. в России в те времена: 1 кг мяса в России стоил около 20 коп., пуд пшеничной муки – 1 руб., сотня куриных яиц – 1 руб.).

В 90-е гг. XIX в. Россия достигла больших успехов в освоении иранского рынка, догнав Англию по объёму торгового оборота с Ираном, и заняла прочное монопольное положение на севере страны. В 90-е гг. Россия ввозит в Иран 50% товаров и 67% вывозит, а Англия соответственно ввозит 31% и вывозит 9%. **В отличие от Англии Россия, таким образом, торговала с Ираном больше и имела активный торговый баланс в торговле с Ираном**.

Успехи России побудили англичан **в 1899 г.** сделать ей предложение о разделе Ирана на сферы влияния. Но Россия не приняла предложения. Министр иностранных дел Муравьёв в 1900 г. объяснил позицию России так: «Единственно возможная в данном случае граница была бы, конечно, географическая, причём северная Персия поступила бы в сферу России, а южная – в сферу Англии; но север Персии и без того находится в руках России и является совершенно недоступным для иностранцев; признавая же официально за Англией право распоряжаться единолично на юге, где её влияние далеко не укрепилось, исключительно за нею, мы тем самым заранее добровольно ставим преграду к дальнейшему, вполне возможному для нас, движению за пределы северных провинций Персии». Россия, как видим, надеялась вытеснить англичан и из южного Ирана.

В **1903 г.** Англия вновь – и опять безуспешно – поднимает этот вопрос. Однако на пике успехов, как тогда казалось, в России наступает чёрная полоса в её истории. Русская революция 1905 г. и поражение в войне с Японией в том же году подрывают и внут-

реннюю, и внешнюю силу России. Поэтому **в 1907 г.**, после третьей попытки со стороны англичан, Россия соглашается на **раздел Ирана**. Соглашение 1907 г. фактически означало потерю Ираном даже видимости самостоятельности.

У России в Иране оставался ещё один очень важный фактор влияния – так называемая **казачья бригада**. Её история такова. В 1878 г. царскому правительству удалось склонить Насер эд-Дин-шаха к созданию его личной гвардии, которая бы охраняла его, по образцу казачьих полков. В 1879 г. была создана казачья бригада из 400 кавалеристов. К 1880 г. она состояла из двух полков. В подарок от России она получила четырёхорудийную батарею нового (для того времени) образца. Её бюджет – 40 тыс. туманов в год – обеспечивался из доходов от таможен северного Ирана. А так как таможни находились в руках России, то и жалованье для офицеров и солдат бригады выплачивалось российским правительством. По уставу бригады её возглавлял шах. К Первой мировой войне бригада превратилась в дивизию. Командовал ею русский офицер – полковник генштаба. Это была единственная боеспособная и дисциплинированная воинская часть в Иране. Офицерами в ней были обученные военному делу сыновья ханов и русские воины. Забегая вперёд, скажем, что эта дивизия активно подавляла иранскую революцию 1905–1911 гг.

В конце XIX в. Германия активно вмешалась в борьбу Англии и России за Иран. Она взяла курс на превращение Ирана и всего региона Персидского залива в зону своего влияния. Соединенные Штаты Америки получают концессию на сооружение в Иране артезианских колодцев и разработку рудников.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы были цели Британии и России в Иране?
2. Как изменялось соотношение влияния на Иран в ходе конкуренции Британии и России на протяжении XIX в.?

3. Кто инициировал раздел Ирана на сферы влияния?
4. Какова была история появления казачьей бригады в Иране?

Тема 6. ТАБАЧНЫЙ БУНТ В ИРАНЕ (1891 г.)

Табачный бунт был первым массовым протестом против иностранного проникновения в иранскую экономику, против слабости шахской власти, не умевшей и не хотевшей сопротивляться этому проникновению. Он был непосредственно связан с предоставлением концессий.

Табачная концессия, выданная англичанину Дж. Тальботу, давала ему монопольное право на скупку, переработку и продажу табака на 50 лет на всей иранской территории. Шах получил при подписании концессионного договора «пикшеш» в размере 25 тыс. ф. ст. Шахская казна должна была получать ежегодно 25% прибыли компании Тальбота.

Поскольку табак для любого иранца был одним из важнейших предметов первой необходимости – каждый четвёртый житель страны курил кальян, действия шаха вызвали резкое недовольство по всей стране. Концессия задела интересы многих иранцев, начиная с производителей табака и кончая его потребителями. Табак был одной из главных статей иранского экспорта. Табачными плантациями владели представители высшего духовенства. Табаком торговали тысячи торговцев. Поэтому реакция населения на концессию была очень быстрой и активной.

По Ирану прокатилась волна антишахских выступлений, которые возглавило духовенство. Были задеты непосредственные интересы духовенства, и оно воспользовалось очередным предлогом, чтобы оказать давление на шаха и показать свою мощь и влияние в стране. Духовенство с тревогой наблюдало за растущим вмешательством европейцев в жизнь Ирана. **Рушились скрепы тради-**

ционного общества, в котором задавало тон духовенство. Иранский историк Кермани писал, что «духовенство решило принять активное участие в движении, когда оно узнало о всех отрицательных сторонах монополии. Сегодня табак ограничивается, завтра – соль, затем дрова, уголь, вода, и что за это правительство снова получит большие суммы денег и будет расходовать их не на нужды страны, а увеличит жалованье шахзаде (принцам), или повысит оклад высоким чиновникам, или истратит на путешествие за границу, или оплатит расходы хорошенькой женщины, тогда как страна понесет убытки, а иностранцы получат прибыль и их влияние возрастет».

В сентябре 1891 г. глава шиитского духовенства хаджи Мирза Мухаммед Хасан Ширази объявил фетву, в которой курение мусульманами табака было объявлено **«харамом»** (т.е. грешным, запрещённым). А в письме шаху он высказал «неодобрение в связи со сближением с иностранцами, вмешательством их во внутренние дела государства, допущением нововведений вроде учреждения банка и табачной монополии, постройки дорог и т.п., одинаково вредных стране и противных Корану».

После объявления фетвы движение протеста распространилось по всему Ирану. Кальяны и трубки исчезли не только из публичных мест, но и из частных домов, исключением не был и дворец шаха. Когда однажды утром шах по привычке повелел подать ему кальян, ему объяснили, что во дворце не осталось ни крошки табака. Табачные торговцы уничтожили запасы табака, которые они обязаны были продать английской компании. Многие плантаторы уничтожили даже семена табака, решив в знак протеста прекратить его разведение. Народ требовал закрытия всех табачных лавок.

Горожане Тебриза обратились к шаху Насер эд-Дину с посланием, в котором изложили свое видение ситуации: «Если смысл шариата в том, что неверный никоим образом не может иметь власти над мусульманином, то как могло случиться, чтобы наш пове-

литель продавал всех мусульман, как презренных рабов, неверным! Так, например, почему мы должны лишиться табака – этой собственности нашей по праву – и быть принужденными силой продавать по дешёвой цене нашу чистую и неосквернённую законную собственность неверным и вновь покупать её у неверных по той же цене, но опоганенную?... Купля и продажа табака становится для нас запрещенной, так как в Коране сказано: «Вам разрешается употреблять лишь вещи, купленные и проданные без малейшего принуждения»… а посему нам придется воздержаться от табака… Наша религия ускользает из наших рук – мы должны отстаивать её». Распространялись прокламации, в которых весьма просто и доходчиво протестующие выражали свои побуждения: «О, верующие, о, мусульмане! Табачная концессия ушла из наших рук. Река Карун ушла. Дорога от Ахваза ушла. Банк пришел, трамвай пришел. Страна попала в руки иностранцев. Шах не обращает внимания на наши интересы. Возьмём же дело в собственные руки».

Насер эд-Дин-шах, чтобы нейтрализовать духовенство, потребовал, чтобы главный муджтахид Тегерана «или курил кальян, или покинул пределы страны». Муджтахид выбрал последнее. Узнав об этом, население Тегерана пришло в волнение, все базары и лавки закрылись. Восставшие направились ко дворцу шаха. Первый министр вышел к народу и объявил, что шах ликвидировал монополию внутри страны, но внешняя торговля табаком остается в руках английской компании. Он приказал, чтобы все начали вновь курить кальяны. Восставшие потребовали показать текст соглашения – в противном случае они нападут на дворец. Тогда шах отдал приказ стрелять – 7 человек было убито и 30 ранено. Расстрел мирного шествия только усилил волнения. Шах был вынужден окончательно аннулировать табачную концессию в январе 1892 г.

Табачный бунт продемонстрировал подъем религиозной вражды против иностранного проникновения и еще раз показал силу и влияние духовенства в стране. Он не помешал расширению эконо-

мического и политического влияния западных держав в Иране. Но он стал важной вехой в процессе формирования национального самосознания. Иранцы поняли, что они могут успешно противостоять шаху и его политике и защищать свои права. Это была прелюдия борьбы иранцев за конституцию и парламент. Опыт табачного бунта был учтён в скоро разразившейся иранской революции 1905–1911 гг.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему табачная концессия, купленная англичанами, всколыхнула всю страну?
2. Почему духовенство оказалось во главе табачного бунта?
3. Какие уроки извлекли иранцы из первого противостояния западной державе?

Тема 7. ИРАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1911 гг.

В первое десятилетие XX в. в Азии началось движение за упрочение пошатнувшегося суверенитета государств, оказавшихся в полуколониальном подчинении, и за модернизацию их общественно-политической системы. Произошли революции в Китае, Османской империи и Иране. Иранская революция 1905–1911 гг. была самой первой из них и самой длительной.

Иностранные концессии и политика держав – прежде всего Англии и России – вызывали протесты практически всех групп иранского общества, хотя мотивы были разными. **Самыми пассивными были крестьяне** – наиболее забитая, неграмотная часть иранского населения. **Городская беднота активно участвовала в социальных событиях**. **Торговая буржуазия Ирана** была заинтересована в принятии законов о неприкосновенности имущества и

ограждении от конкуренции иностранцев: «Прежде торговля иностранными товарами была в наших руках, но после учреждения в Персии банков (имеются в виду Шахиншахский – английский и Учетно-ссудный – российский банки) эта торговля всецело перешла к иностранцам и сколько именитых купцов за последние несколько лет совершенно разорились!». **Либерально настроенные помещики** – те, кто был связан с торговым земледелием и заинтересован в национальном рынке, тоже поддерживали протестное движение населения Ирана. Недовольно политикой шаха было и **духовенство.** Оно приняло настолько активное участие в революционных событиях, что возник религиозно-революционный союз, не имевший аналогов в тот период в странах Востока. Общим желанием, объединявшим всех недовольных, было покончить с шахским абсолютизмом и вмешательством иностранных держав во внутренние дела Ирана.

Особо следует сказать **о роли иранских просветителей** второй половины XIX – начала XX в. в привлечении имущих, правящих и образованных слоёв страны к активной политической реформаторской деятельности. Самым выдающимся среди просветителей был мирза **Малькольм-хан**. Он родился в армянской семье, учился в Париже, прожил там 18 лет и вернулся в Иран в 1855 г. одним из самых образованных, если не самым образованным человеком Ирана. Он был талантливым дипломатом, издавал газету «Канун» («Закон»), знал французский, английский и русский языки. В газете «Канун» критиковались деспотизм и произвол, распространялись идеи национализма. Примечателен тот факт, что после провозглашения конституции в Иране в 1906 г. все номера газеты были переизданы.

Поначалу Малькольм-хан проповедовал **идею конституционной монархии во главе со «справедливым» шахом и «благодетельным» духовенством**. Постепенно он убеждается, что такая идиллия невозможна. Он резко выступает против «беспощадной руки деспотизма», которая «двумя пальцами закрывала глаза иранского наро-

да – велела ему «не зреть», двумя пальцами затыкала уши – велела «не слышать» и оставшимся одним пальцем затыкала рот – велела «молчать». В своих многочисленных статьях он начинает призывать к активной борьбе против порядков в стране и к заимствованию европейского опыта в строительстве политической и экономической системы. Он призывал не бояться иностранцев и не завидовать их прибылям, а, напротив, всячески поощрять деятельность иностранных компаний, чтобы извлечь из этого максимальные выгоды для собственной страны. Иностранные компании, по его твердому убеждению, играли роль катализаторов развития национальной экономики. «Иран должен встать на путь современного развития и прогресса, промедление в этом направлении для Ирана подобно смерти».

Его программа экономического развития Ирана была кратко изложена в письме министру иностранных дел Ирана: «Вы желаете, чтобы я кратко, но в то же время подробно объяснил, что нужно народу? Прежде всего займите у народов Европы 50 миллионов туманов. Пригласите из этих стран в Иран сто человек квалифицированных специалистов, преподавателей, финансистов, инженеров, экономистов и административных работников. Определите их в существующие министерства страны, чтобы они, в соответствии с достижениями современной цивилизации, привели в порядок министерства и другие государственные учреждения Ирана. Согласно заключённому между двумя государствами договору пригласите 20 авторитетных иностранных компаний с предоставлением им соответствующих концессий, чтобы они принесли в Иран дополнительно еще 50 миллионов туманов и приступили к осуществлению жизненно важных мероприятий по возрождению Ирана, о чем наши деятели и представления никакого не имеют. В каждой провинции учредите торговые, ссудные и другие банки.

В соответствии с принципами современного прогресса приступайте к разработке и эксплуатации наземных и подземных ресурсов страны, измените архаичный порядок сбора и расхода налогов,

упорядочите чеканку иранской валюты. Отправьте 1000 молодых способных иранцев в страны Европы с условием, чтобы они не занимались, как их предшественники, развратом, а по-настоящему занялись изучением европейских наук в местных вузах. Если даже треть из них погибнет под бременем «непосильного труда», то остальные непременно должны вернуться на родину преданными и полезными её сынами».

Будучи приверженцем ислама, он не принимал те его догмы, которые обрекали личность на пассивность и бездеятельность, он считал их одной из причин отсталости Ирана. «Там, где меньше религиозного фанатизма, суеверия и невежества, прогресс достигается быстрее». Он выступал против постулата ислама о предопределённости человеческой судьбы, против фатализма**. «Нет злее врага идей прогресса и цивилизации в Иране, чем духовенство**, – писал Малькольм-хан, – ибо они видят в них средство подрыва своего тысячелетнего безраздельного господства над духовной жизнью народа и его умами».

Он **считал образование панацеей от всех социальных бед**. Все достижения западных стран он приписывал светскому всеобщему образованию. «В Европе школьное образование давно отделено от церковного обучения. Этого так не хватает сегодняшнему Ирану», – писал он. Право на образование должны иметь все жители страны, независимо от их национального и социального происхождения. Малькольм-хан разделял характерную для всех просветителей иллюзию о том, будто основной причиной отсталости иранского общества является всеобщая неграмотность.

Обратимся к реалиям Ирана начала XX века. В 1900–1904 гг. по стране прокатывается волна голодных бунтов из-за неурожая хлеба. Подскочившие цены были неподъёмны для бедного населения. В 1904 г. произошел знаковый инцидент с шахом. Его карету окружила большая толпа женщин, забросала его каменными несъедобными лепешками – мука была смешана с песком. Женщины

кричали о неимоверной цене на хлеб, о скверном его качестве, о воровстве министров. Личный врач шаха Шнейдер писал, что вернувшийся во дворец потрясённый шах стал жаловаться жёнам, а те «устроили ему сцену не хуже уличной», обвиняя его самого и говоря о поголовном воровстве сановников. После этого, заметил Шнейдер, с шахом стали случаться обмороки. В мечетях в это время откровенно поносили шаха: «В Иране по древнему обычаю существует закон – отрубать руку за воровство, но применяется он только к бедным. Скажите же по совести, если бы закон этот применялся нелицеприятно, не следовало бы отрубить руки всем, начиная с шаха до последнего чиновника? А этого не делают, и в этом несчастье Ирана. Законы должны быть равными для всех».

Непосредственным поводом к началу революции в Иране стали события декабря 1905 г. в Тегеране. Купцы отказывались снизить цену на сахар, завезённый из России, и правитель Тегерана приказал применить к ним традиционное наказание: их стали бить по пяткам. В числе избитых оказался старик-сеид. Это вызвало всеобщее возмущение горожан. В знак протеста против бесчинства властей все лавки и ремесленные мастерские закрылись. Большая группа духовенства и «людей базара» направилась в мечеть, расположенную в окрестностях столицы, они объявили мечеть бестом и заявили, что не уйдут, пока шах не даст ответа на их требования.

Требования сводились к **отставке главы правительства, главы таможенного управления бельгийца Науса и учреждению Дома справедливости** (судебной палаты для разбора жалоб населения). Надо пояснить, что Наус, будучи министром почт и телеграфа, а также главным казначеем, получил ещё и пост главы таможни. В Тегеране распространялась фотография Науса в костюме муджтахида, в который он облачился на костюмированном балу, – это было оскорбительно для мусульман. Ходили также упорные слухи о присвоении им большей части таможенных сборов. Поэтому фигура Науса стала одиозной, его требовали убрать со всех должностей.

Мозаффар эд-Дин-шах пообещал учредить Дом справедливости и уволить Науса, но не выполнил обещаний. Тогда большая группа тегеранцев отправилась в сад английской миссии, а другая группа – в «священный город» Кум, где они и засели в бест.

В Тегеране бестующие (от слова «бест») услышали обличительную проповедь шейха Хасана Ваэза: «О, иранцы, любимые братья мои! Поднимите голову, откройте глаза, оглянитесь вокруг и посмотрите, как цивилизован мир. Даже варварская Африка движется вперёд, к знаниям, труду, богатству. Посмотрите на ваших соседей, которые двести лет тому назад находились в более тяжелых, чем мы, условиях, и как они теперь владеют всем… В прошлом на нас смотрели как на великую нацию. Сейчас мы поставлены в такие условия, что наши соседи на севере и юге считают нас своей собственностью (подразумеваются Россия и Англия). У нас пустая казна, у нас нет оружия, нет армии, нет истинного правительства, нет законов о торговле. Во всем Иране работает одна фабрика, потому что наше правительство – настоящий паразит. Тут вина лежит и на духовных лицах, которые ограничиваются проповедями о бренности жизни и её краткости. Религиозные обряды и церемонии отбрасывают вас к невежеству и рабству».

В петиции на имя шаха говорилось о том, что бестующие просят его объявить о необходимости введения конституции и созыва меджлиса. **Требование учредить парламент и ввести конституцию заменило требование учредить Дом справедливости.** Особую роль в этом сыграли англичане, сотрудники британской миссии в Тегеране. Хотя Британия заявила о своем нейтралитете по отношению к событиям революции, она была заинтересована в ограничении власти шаха, в реформировании институтов традиционного общества, в некоторой модернизации Ирана. Но, забегая чуть вперёд, скажем, что это отнюдь не помешало англичанам принять участие в подавлении революции, когда она, по их мне-

нию, зашла слишком далеко и стала угрожать имущественным и политическим интересам Британии в Иране.

Тем временем **в Азербайджане, в Тебризе**, была объявлена всеобщая забастовка, и был **создан первый в стране революционный энджумен** (совет, общество). В него вошли представители купечества, духовенства, либеральных помещиков, ремесленников. Здесь стали действовать – под влиянием русской революции 1905 г. – социал-демократические группы. Были сформированы вооруженные отряды **муджахидов** («борцов за веру») и **федаев** («жертвующих собой»). Всеобщая забастовка закончилась только после появления шахского указа о созыве меджлиса.

Под давлением событий в Тегеране и Азербайджане шах издал указ об учреждении **меджлиса** («собрания», «палаты», фактически так стал называться парламент). В нём говорилось, что члены меджлиса будут избираться народом и деятельность меджлиса будет под контролем самих депутатов. Добившись своего, засевшие в бест вернулись из Кума в Тегеран.

В сентябре 1906 г. шах утвердил положение о выборах в меджлис. Депутатами парламента могли стать только состоятельные люди, имевшие либо землю, либо лавку, либо не менее 1000 туманов. В меджлис первого созыва было избрано большое число купцов, торговцев и ремесленников. 20% депутатов меджлиса составили представители духовенства. Большинство депутатов из числа купцов, торговцев, ремесленников было тесно связано с духовенством родственными узами, образованием, торговлей.

В декабре 1906 г. меджлис открыл свои заседания. Заседания парламента первого созыва происходили весьма бурно и демократично – с улицы мог зайти любой человек и принять участие в прениях. Драки, потасовки, крики, ругань – всего этого было в избытке. Но тем не менее результативность работы первых заседаний меджлиса впечатляла. Депутаты приняли решение изгнать губернаторов четырех провинций, скомпрометировавших себя взят-

ками, незаконными поборами и жестоким обращением с населением. Из военного министерства были изгнаны ближайшие родственники принца Мохаммеда Али – будущего шаха. Было принято постановление о полной подотчётности кабинета министров меджлису (а не шаху, как это было ранее). Поступления налогов отныне должны были контролироваться меджлисом. Но самое главное было то, что в **декабре 1906 г.** меджлис утвердил **Основной закон (Канун),** т.е. **Конституцию**, по которой Иран объявлялся **конституционной монархией.** 30 декабря 1906 г. Мозаффар эд-Дин-шах, за пять дней до своей смерти, подписал указ о введении в Иране Конституции.

Конституция определяла полномочия меджлиса и шаха. Без согласия меджлиса шах и его правительство не могли отныне предоставлять концессии и заключать договоры и соглашения с иностранными государствами и иностранными подданными. Шах не мог отныне брать займы без одобрения парламента. Принцы – сыновья, братья, дяди по отцовской линии правящего шаха – не могли назначаться министрами. Жизнь, имущество, жилище и честь всех граждан защищались законом.

Как отнеслось духовенство к Конституции? **Консервативное духовенство** приняло в штыки 8-ю статью Конституции, в которой говорилось, что население страны, в том числе национальные и религиозные меньшинства, равны перед государственной властью. Мусульманин не имел преимуществ перед зороастрийцем, не имел права безнаказанно убить того же зороастрийца или иудея или отомстить им, хотя подобные действия не противоречили шариату. По мнению противников Конституции, меджлис этим положением Конституции оскорбил «священный закон ислама».

Недовольно оно было и 19-й статьей Конституции о светском обучении и взятии под контроль государства всех школ, за исключением медресе. Реакционное духовенство требовало поставить под свой контроль печать. Самый авторитетный среди этой части

духовенства, Фазлулла Нури, вопрошал: «Почему фейерверк поздравлений и крики ура сыплются меджлису от иностранных посольств, почему нигде не слышно: Да здравствует Священный закон ислама, Коран, шариат?».

Сторонники же конституционалистов среди духовенства поняли, что бороться с меджлисом бесполезно и поэтому **духовенству лучше «встать во главе этого движения и направить его так, чтобы авторитет духовенства пострадал менее всего**», как высказался аятолла Бехбехани. Духовенство так и поступило. Оно хотело иметь не просто конституцию, а конституцию, основанную на шариате. Иранское духовенство в целом ненавидело абсолютистскую власть шаха и вмешательство иностранных держав во внутреннюю политику Ирана. Главным содержанием деятельности духовенства – и проконституционно настроенного, и антиконституционно – была борьба за власть, **желание определять политику меджлиса и правительства**. Это было давнее, традиционное соперничество духовенства с шахом, которое теперь наблюдалось на примере иранской революции.

В феврале 1907 г. меджлис обсудил и принял **Дополнения к Основному закону**. Это была главная и наиболее важная часть иранской конституции. Здесь были учтены мнения как раз наиболее консервативно настроенных духовных лиц. В статье первой говорилось, что государственной официальной религией является ислам шиитского толка. Во второй статье утверждалось, что законы, принимаемые меджлисом, не должны противоречить законам ислама. За этим должны были следить пять ученейших муджтахидов, которые и должны были принимать окончательное решение в сомнительных случаях (забегая вперёд, надо сказать, что комитет из пяти «великих улемов» так (до 1979 г.) и не был создан, но на практике духовенство именно так и действовало). Духовенство добилось и включения положения о том, что печать, общества и собрания не должны противоречить духу ислама.

Но в Конституции осталась статья, в которой говорилось, что жители страны, независимо от их вероисповедания, пользуются равными правами. Хотя именно эта статья вызывала наибольшее негодование реакционно настроенного духовенства. Были включены и статьи о расширении функции светских судов, о передаче управления вакфами в ведомство по делам вакфов. Были статьи о введении светского образования. Эти статьи тоже противоречили интересам консервативной части духовенства.

Новый шах Мохаммед Али сразу же проявил непримиримое отношение к меджлису – на его коронацию депутаты меджлиса не были приглашены. Весь 1908 год был временем борьбы Мохаммед Али-шаха, возглавлявшего всех недовольных конституцией, с энджуменами, конституционалистами и депутатами меджлиса. Фактически в Иране образовалось **два лагеря:** один поддерживал шаха и его правительство, второй – меджлис и энджуменов.

Дело закончилось **покушением на шаха**. В Тегеран вступила казачья бригада во главе с полковником Ляховым и стала бомбить меджлис, мечеть и энджумен азербайджанцев (как самый активный). В Тегеране было введено осадное положение. **Шах разогнал меджлис и назначил новые выборы**. Были арестованы и казнены несколько депутатов меджлиса и редактор сатирической газеты. **Энджумены были распущены**. Шах объявил, что пока не будет подавлено восстание в Тебризе, выборы в меджлис не состоятся. Во всех мечетях был вывешен манифест шаха, в котором говорилось, что, поскольку духовенство считает, что «учреждение парламента было бы противным законам ислама…мы отказываемся от этого плана. Впредь меджлис не будет созван».

Разгон меджлиса и энджуменов, а также манифест шаха стали сигналом к началу нового этапа революции. **Центр иранской революции в 1908 г. переместился в Тебриз, т.е. в Иранский Азербайджан**. Здесь начались настоящие бои федайских отрядов с правительственными войсками. Тебриз переходил из рук в руки.

Саттар-хан и Багир-хан, выходцы из простого народа, стали признанными вождями простого люда.

В Иранском Азербайджане возникла радикальная организация «**Общество муджахидов».** Свою программу они позаимствовали у российских большевиков. В ней говорилось о свободе слова, печати, собраний, стачек, личности; о восьмичасовом рабочем дне, о бесплатном и обязательном образовании, о необходимости введения подоходного налога и т.д. Связь с российскими революционерами осуществлялась через многочисленных отходников, которые работали в Баку. Возникло множество социал-демократических мелких организаций, которые плодились как грибы после дождя. Но надо отметить, что после завершения революционных событий в Иране все они исчезают. Их недолговечность объяснялась тем, что они были занесены на почву Ирана волной экспорта российской революции и не прижились. Во многих городах Азербайджана была установлена власть либо радикально настроенных энджуменов, либо конституционалистов. Особенностью восстаний в Азербайджане было то, что в них **наиболее активное участие принимали не собственно иранцы, а азербайджанцы, грузины, армяне**.

Англия и Россия, опасаясь радикализации революции и в стремлении сохранить власть шаха, стали оказывать на него давление, чтобы он созвал-таки меджлис.

Вместо меджлиса шах открыл осенью 1908 г. в Тегеране Дом справедливости. Но это не изменило ситуацию. Население столицы равнодушно отнеслось к этому событию. Начался новый этап борьбы за восстановление меджлиса и конституции. Отряды федаев заняли город Казвин и намеревались идти на столицу. Тогда Мохаммед Али-шах был вынужден издать указ о восстановлении прежней конституции и декрет об амнистии осужденных депутатов меджлиса, назначил новое правительство. На заседании меджлиса он поклялся на Коране, что будет соблюдать Конституцию и

подчиняться ей. Но было поздно. Федаи и отряды бахтиар овладели Тегераном и заняли здание меджлиса. **Шах был низложен.** Новым шахом стал 14-летний сын Мохаммеда Али Ахмад.

В августе 1909 г. произошли выборы в меджлис второго созыва. Для реформирования финансовой и налоговой системы страны в Иран был приглашен **американский эксперт Морган Шустер**. Финансовая миссия Шустера прибыла в Тегеран **в 1911 г.** Шустер задел интересы России, когда попытался конфисковать недвижимость одного из принцев, которая была заложена в российском Учетно-ссудном банке. Россия потребовала немедленно уволить Шустера и впредь не принимать на иранскую службу иностранцев без предварительного согласия российской и английской миссий в Тегеране.

Меджлис отклонил ультиматум России. Начался бойкот российских товаров. Федаи нападали на русские учреждения. То же произошло с английскими учреждениями в южном Иране. В ответ крупные воинские части России учинили жестокую расправу над энджуменами и отрядами федаев. 15 революционеров были казнены. Англичане «навели порядок» в южном Иране. Под давлением России и Англии Ахмад-шах распустил меджлис второго созыва и назначил новые выборы. Ультиматум России был принят. Кроме того, все газеты были закрыты, а энджумены распущены. Так закончилась иранская революция.

Достижения иранской революции – конституционная форма правления, парламент, реформа образования, выпуск частных газет, появление новой интеллигенции, политических партий – уже невозможно было отменить, хотя реакционная верховная власть в Иране была восстановлена.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы были мотивы разных слоёв населения, принявших активное участие в революции (торговая буржуазия, городская беднота, либеральные помещики, духовенство)?

2. Какие идеи проповедовал иранский просветитель Малькольм-хан?

3. Как вы думаете, почему изначальным требованием поднявшихся на революцию было учреждение Дома справедливости?

4. Кто такие муджахиды и федаи?

5. Кто мог стать депутатом парламента?

6. Что собой представляла Конституция 1906 г.?

7. Как отнеслось консервативное духовенство к Конституции?

8. Какова была позиция конституционно настроенного духовенства?

9. Почему центр революции переместился в 1908 г. в Иранский Азербайджан?

10. Что собой представляли «Общество муджахидов» и его программа?

11. Каким образом миссия Моргана Шустера повлияла на ускорение жёсткого подавления революции?

12. В чём заключается противоречивость результатов революции в Иране?

ТЕМА 8. ИРАН НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, **в борьбу за Иран активно включились Германия и Соединенные Штаты Америки.**

В 1898 г. Германия получила концессию на строительство **Багдадской железной дороги**. Дорога была необходима для проникновения Германии на Ближний и Средний Восток – планировалось соединить Босфор с Персидским заливом. Её протяженность должна была достичь 3,5 тыс. км. И ей предстояло оказаться одной из самых крупных железных дорог того времени. Строительство предполагалось завершить к 1911 г. Германия пыталась – безуспешно – добиться получения концессии на строительство ответвления Багдадской железной дороги, которая бы повела к Тегерану, в сферу российского влияния.

Германия имела консульства в Тегеране, Тебризе и Бендер-Бушире. Германский капитал стал проникать в иранское производство ковров – стали создаваться ковродельческие мануфактуры, ковры экспортировались на международные рынки. Германия имела крупные аптеки в Тегеране и Тебризе.

Особую роль стали играть германские миссионеры и агенты разведки, чья деятельность должна была внушить иранцам, что **немцы имеют такое же арийское происхождение, как и иранцы**, поэтому они должны быть друзьями мусульман и будут помогать им освободиться от влияния других иностранных держав. Многие из них занимали посты консулов и вице-консулов, являясь, таким образом, официальными представителями Германии в Иране. Иран был буквально наводнён диверсионными группами, руководимыми германскими офицерами. Их задачей было восстановление местного населения против Англии и России и формирование вооруженных отрядов для нападения на британские и русские учреждения в Иране. Особое значение придавалось вербовке кочевых племён. Германия пыталась подавать себя Ирану как «третью силу», не имевшую никаких колониальных интересов, как «защитницу и спасительницу» ислама от Англии и России.

Иран продолжал брать новые займы у России и Англии, его задолженность выросла к началу Первой мировой войны до 7 млн ф. ст. В 1911 г. англо-персидская нефтяная компания построила первый нефтепровод, а в 1912г. – первый нефтеочистительный завод в Абадане. В Иране **начинается добыча нефти в промышленных масштабах и её экспорт.** Английское правительство принимает решение перевести британский флот на нефтяное топливо, и в 1914 г. уже около половины кораблей британского военного флота было переоборудовано для работы на нефтяном топливе. **В стране оставались русские (на северо-западе) и англо-индийские войска (на юге), введённые туда в период революции 1905–1911 гг.**

Накануне Первой мировой войны Англия добилась преобладающего влияния в Иране, поскольку Россию ослабили русская революция 1905 г. и поражение от Японии в войне 1904–1905 гг.

Германия намеревалась при помощи Османской империи поднять Иран, Афганистан и другие мусульманские страны на борьбу со странами Антанты под пантюркистскими и панисламистскими лозунгами. Прогермански ориентированная Османская Турция разработала план вторжения на Кавказ и в Иран. Она хотела захватить Закавказье, Северный Иран, Среднюю Азию, приволжско-уральские районы. По её планам Иран и Афганистан должны были быть вовлечены в войну против России и Англии. Объявив о своем нейтралитете в начавшейся войне, Османская империя на самом деле воевала: германо-турецкий флот обстрелял русские корабли и портовые города в Черном море. В ноябре 1914 г. Россия, вслед за ней Англия и Франция объявили Турции войну. Германия и Османская империя рассчитывали войти на Кавказ и в Иранский Азербайджан, а затем на русскую территорию.

С началом Первой мировой войны **иранское правительство дважды заявляло о своем нейтралитете**, но его территория – не по его вине – стала одним из театров военных действий восточного фронта. Регулярная турецкая армия, обученная и снаряженная немцами, в ноябре 1914 г. вторглась в Иранский Азербайджан, легко овладев западной его частью. При этом Иран уверяли, что никто не посягает на его территорию, а введение войск имеет целью только изгнание русских.

Разжигание антианглийских и антирусских настроений под флагом ислама выливалось в пропаганду панисламизма. **Идеи панисламизма и джихада** широко распространились по всему Ирану, а правящие круги Ирана стремились с помощью одной группировки держав содействовать ослаблению другой. Многие государственные деятели Ирана, депутаты меджлиса, члены Демократической партии решились на сближение с Германией. Они

стали ориентироваться на Германию, полагая, что эта страна освободит Иран от зависимости от Англии и России и очистит Иран от присутствия английских и русских войск. Начались террористические акты против английских и русских дипломатов.

В ноябре 1914 г., после турецкого вторжения в Иранский Азербайджан, правительство Ирана резко потребовало вывода русских войск из Ирана. Англия и Россия предлагали Ирану отказаться от нейтралитета и вступить в войну на их стороне. Германия и Османская Турция стремились втянуть Иран в войну на своей стороне. Оба блока использовали подкупы, интриги, заговоры, террористические акты, организацию восстаний племён как инструменты в борьбе за Иран. Но тем не менее в декабре 1914 г. шах заявил, что в начавшейся войне Иран будет придерживаться строжайшего нейтралитета.

Как менялось соотношение сил в ходе военных действий? В январе 1914 г. турки заняли было Тебриз. Но русские войска выдавили их оттуда. **Началось германо-турецкое вторжение в южные и центральные провинции Ирана**. Начались антианглийские восстания племён юга Ирана. Все телеграфные линии на юге Ирана оказались в руках немцев. Был выведен из строя нефтепровод. К концу 1915 г. немцы фактически владели почти всем югом Ирана, английские войска оккупировали только прибрежную полосу. **Германия намеревалась установить протекторат над Ираном**. Осенью 1915 г. премьер-министр Ирана Мостоуфи Оль-Мамалек сделал официальное предложение Германии заключить договор о союзе с условием, что Германия окажет финансовую и военную помощь и станет гарантом территориальной целостности и независимости Ирана. Германия была согласна, но обусловила заключение договора вступлением Ирана в войну на стороне Германии.

Общее соотношение сил в 1915 г. складывалось не в пользу России и Англии. В этой ситуации Англия ищет сближения с Россией. **В 1915 г**. обе страны подписывают **соглашение о разде-**

ле нейтральной зоны между северным и южным Ираном. За обещание предоставить России контроль над Стамбулом и черноморскими проливами Англия практически полностью завладела нейтральной зоной.

Турецкое посольство готовило в Тегеране вооруженное выступление с целью принудить шаха вступить в войну на стороне Германии и Османской Турции. Иранская жандармерия и полиция под немецким руководством готовились разоружить казачью бригаду, разгромить русскую и английскую миссии и добиться вступления Ирана в войну. Англия и Россия немедленно отреагировали: Россия направила в Иран кавалерийский экспедиционный корпус, а Англия высадила войска в Бушире. В результате германская миссия и турецкое посольство покинули столицу, прогермански настроенные депутаты меджлиса, жандармы и полицейские тоже бежали из Тегерана. К концу 1915 г. русские войска заняли Хамадан и Кум. Все действия Германии и Османской Турции по вовлечению Ирана в войну оказались к этому времени бесполезными - у немцев в Иране не было регулярной армии, а отряды жандармерии и наёмников не могли противостоять русским войскам – они отступали или разбегались при их приближении.

В течение войны в Иране происходила постоянная смена правительств – они не удерживались у власти больше двух-трех недель. **В декабре 1915 г. к власти пришло очередное правительство, но уже сформированное из сторонников России и Англии**.

Военные действия на западе Ирана еще продолжались в 1916 г., но уже неуспешно для Германии и Османской Турции. Русские войска вступили в Керманшах и Исфахан. Военная экспедиция была направлена английским правительством в южный Иран. **К началу 1917 г. территория Ирана была почти полностью оккупирована иностранными войсками: северная и северо-западная – русскими, юго-восточная и южная – английскими, западная – германо-турецкими**.

После Февральской революции в России и свержения самодержавия русский посланник в Тегеране заявил, что «русская политика в Персии остается неизменной». Министр иностранных дел М.И. Терещенко уточнял: «Основные наши политические и экономические интересы в Персии: права землевладения, колонизация, проведение железных дорог, телеграфов и т.д. – не смогут измениться от перемены образа правления. В Персии мы тесно связаны соглашениями с Англией и вряд ли сможем уклоняться от тех целей, которые мы ставили себе совместно с нашей союзницей. Как приобретение проливов является задачей неизменной при всяких обстоятельствах, так неизбежно и закрепление хотя бы экономического положения великой державы России в слабой, дряхлой стране, которой является Персия. Итак, пусть цели останутся теми же, но пусть мы усвоим себе методы Франции в Марокко и Англии в Индии и Египте…».

После Октябрьской революции советское правительство опубликовало и отменило все неравноправные договоры, в том числе англо-русское соглашение 1907 г. Одним из первых внешнеполитических актов Советской России стало обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. Оно определило принципы внешней политики советского правительства и в отношении Ирана. «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы». **С января по март 1918 г. была проведена эвакуация русских войск из Ирана**.

После вывода русских войск Англия тут же начала оккупацию Ирана своими войсками. Она объясняла это желанием сдержать наступление большевизма на её позиции на Среднем Востоке. Англия оказывала всяческое противодействие попыткам иранских правительств установить дипломатические отношения с Советской

Россией. Турки снова стали требовать присоединения к Османской империи Иранского Азербайджана и всего Кавказа. Турецкие войска находились в Иранском Азербайджане до осени 1918 г. 30 октября 1918 г. Османская империя капитулировала. К концу войны позиции Англии на Ближнем и Среднем Востоке значительно укрепились.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чём проявлялось укрепление позиций Германии в Иране?
2. Какие цели преследовала Германия на Ближнем и Среднем Востоке и какое место отводилось Ирану?
3. Почему в Иране стала сильна прогерманская ориентация?
4. Когда было подписано соглашение о разделе нейтральной зоны между северным и южным Ираном?
5. Как кардинально изменилась политика России в Иране после Октябрьской революции?

Раздел 6. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX в.

Тема 1. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ЭПОХИ ОСМАНОВ

Османская империя просуществовала шестьсот с лишним лет – с 1299 по 1923 г. В зените своего военного могущества и максимума завоеванных территорий – в XVI в. – Османская империя включала европейские, азиатские и африканские территории. В **Европе** Турецкой империи принадлежали Балканский п-ов (Греция, Румыния, Сербия, Болгария, Черногория, Босния), Трансильвания, Молдавия, Валахия, большая часть Венгрии, все северное побережье Чёрного моря, Крит, Кипр и о-ва Эгейского моря. В **Азии** – Малая Азия, Армения, большая часть Кавказа, долины Тигра и Евфрата, Персидский залив, все Восточное Средиземноморье и полоса побережья Аравийского п-ова до залива Адена. В **Африке** – Египет, Триполи, Тунис и Алжир. Историки подсчитали, что **38 современных государств полностью или частично входили в своё время в состав Османской империи**.

Население Османской империи насчитывало примерно 50 млн человек. Оно состояло в большей своей части из мусульман: турок, татар, арабов, курдов, албанов, туркмен, берберов и черкесов. Часть боснийцев, албанцев и болгар была обращена в мусульманскую веру. Христианское население исповедовало православие. Это были греки, венгры, сербы, румыны, армяне, грузины, египетские копты. Евреи исповедовали иудаизм.

Анатолия (в Малой Азии) – **это родовое гнездо турок**. Богатые и знатные османы разговаривали на турецком языке, в кото-

ром было большое количество слов, заимствованных из персидского и арабского языков. Этот язык использовался в государственных учреждениях. Арабский язык использовался в сфере религии. Персидский язык использовался в области культуры и литературы. И только в домашней обстановке, вдали от посторонних глаз и ушей, османы говорили на исконном турецком языке – языке жителей Анатолии, и этот язык считался слишком «грубым».

Мусульман Османской империи объединяла «**Община пророка»,** они были **на 90% суннитами**.

Столица империи Стамбул был особым городом, где половину населения составляли немусульмане.

Султан (слово европейское, турки его звали падишахом, что в переводе с персидского означает «император») был абсолютным деспотом. По традиции султан имел (с 1517 г.) звание **халифа**, т.е. духовного главы всех мусульман-суннитов. В случае священной войны с неверными – **газавата** («победоносные действия за веру») – он должен был быть главнокомандующим всех воинов ислама. В его руках была сосредоточена огромная власть – законодательная, исполнительная, судебная.

Существенную роль в государственных делах могла играть **мать султана – султанша.** Если эта женщина была наделена умом и энергичностью, она вмешивалась в государственные дела, направляла своего сына. Она получала жалованье, равное доходу с целой провинции, и сама распоряжалась этими деньгами. Вот как писал о матери султана Абдул-Меджида английский современник-очевидец Макфарлен: «Султанша-валиде, или мать Абдул-Меджида, пользуется могущественным влиянием при дворе и в правительстве. Так велико было её воздействие на своего любящего, кроткого и слабовольного сына, что она могла в любое время расстроить любой проект, который был неугоден ей или её друзьям, и по своему усмотрению сменять министров и высокопоставленных чиновников. Первоначально эта женщина была черкесской

невольницей, приобретенной на рынке. Её гаремное образование едва ли могло способствовать развитию её интеллекта или улучшению ее морального облика. И все же у валиде имелись и свои положительные качества. Она занималась благотворительностью и отличалась щедростью, которая к большой выгоде для всех проявилась в недавнем создании и оборудовании великолепной больницы для неимущих в Константинополе… никакая комбинация партий не оказывалась достаточно сильной, чтобы противостоять влиянию, которое она оказывала на своего сына… Она могла оставлять дворец и возвращаться в него в любое время по своему усмотрению; у неё был свой отдельный двор, отдельные доходы и управляющий».

С XVI в. действовала практика высылки сыновей султана в дальние провинции. Сыновей в гареме рождалось много. У Махмуда II, например, родилось 19 мальчиков и 17 девочек. У Абдул-Меджида было 18 сыновей и 25 дочерей. Правда, до сознательного возраста доживали единицы – у того же Махмуда II остались в живых два сына и четыре дочери. В 14 лет, после церемонии обрезания, юных принцев отсылали управлять различными провинциями Анатолии. В столицу докладывали о результатах их правления. Султан решал, какой из сыновей мог считаться его наследником. Наследнику давался важный административный пост близ столицы. Затем утвердилась практика изолирования принцев во дворце в специальных помещениях, которые назывались **«кафесы»**, т.е. «клетки». Женское воспитание, изоляция от реальной жизни, страх за свою жизнь не содействовали подготовке политического лидера с сильным характером и устойчивой психикой.

Чтобы избежать заговоров и борьбы за трон, действовала практика умерщвления «лишних» претендентов на трон. Принцев душили шелковой удавкой, так как пролитие благородной крови считалось делом нечестивым. Эта варварская практика воспринималась как недорогая плата за избавление от излишней борьбы за

власть. «Смерть принца менее прискорбна, чем потеря провинции» - цена человеческой жизни в Османской империи так же, как и на всем Ближнем и Среднем Востоке, была невелика.

Для Османской империи была характерна **нерасчленённость светского и духовного начала во власти**, светских и духовных институтов во всех сферах жизни. Это проявлялась в том, что султан либо сам назначал, либо держал под контролем назначение на важнейшие посты в религиозной иерархии. Государство само осуществляло религиозные функции через своих же духовных представителей. При принятии важного политического решения **великий муфтий** – высшее духовное лицо, назначаемое султаном, обязательно публиковал фетву, одобрявшую указ султана. Он растолковывал решения султана с точки зрения Корана и шариата. Он занимался также судебными делами и школьным образованием. Великий муфтий получал из казны огромное жалованье и пользовался непререкаемым авторитетом.

Всеми текущими делами занимался глава государственного аппарата **великий везир**, или **садразам**. Он считался главным министром, ответственным за все назначения в армии, провинциальной и столичной администрации. Он командовал армией во время войны, отвечал за порядок в столице. Его официальная резиденция называлась европейцами (с подачи французов) «Высокой Портой». Если он впадал в немилость, его душили и череп, набитый хлопком, клали в кучку таких же черепов предыдущих садразамов в угол, за занавеску в зале, где проводилась церемония вступления в должность очередного садразама. Нового великого везира подводили к этому углу, открывали занавеску и демонстрировали, что с ним может произойти в случае плохой службы.

Паши и эмиры правили на местах. Особенностью Османской империи было то, что в ней **не было знатных родов или семей**. Наследство умершего паши или эмира должно было переходить султану. Французский автор подметил: «Султан не допускает

наследственного обогащения. Как старший брат он присваивает имущество умерших пашей. Если у них есть дети, им оставляется из наследства такая часть для существования, какую султан сочтет необходимой». **Такая политика препятствовала сепаратизму, что было столь важно для сохранения обширной империи**. Человека почитали только за высоту поста и только на тот срок, пока он занимал этот пост, а не за личные достоинства или знатное происхождение. Благоволение султана давало богатство и могущество, пока человек служил. Его судьба зависела от любого каприза султана. Были обычным явлением частые перемещения с должности на должность, конфискации имущества, ссылки, физическое устранение. **«Хватай, пока жив»** – вот был девиз высокопоставленных чиновников.

Традиционно население империи подразделялось на три категории. **«Люди меча» – военные; «люди пера» – чиновники; так называемые «дворцовые рабы»**. Самый большой штат чиновников – «людей пера» – это **улемы**, которые были одновременно духовенством разных рангов, получившим образование в медресе или высших медресе, и чиновниками, занимавшими разные посты в административном аппарате. Улемы были воплощением соединения в одном лице светского и духовного начала во властных структурах Османской империи. Они же вершили правосудие. Это были, как правило, этнические турки. Улемы не облагались налогами, могли передавать свое имущество наследникам. В случае опалы их собственность не конфисковывалась. Фактически улемы контролировали все стороны жизни населения.

«Дворцовые рабы» -– это особая категория людей в Османской империи. Ими были исламизированные немусульмане. Турки захватывали маленьких мальчиков-христиан, давали им суровое воспитание, обращали в ислам. Рабами считались европейцы, военнопленные, христиане. Они были рабами с юридической точки зрения, но могли подняться до высоких должностей. Великий ве-

зир считался таким же рабом султана, как простой рекрут, и в случае немилости султана мог подвергаться суровым наказаниям. **Титул раба султана считался почётным.** Греки обычно были переводчиками, армяне – финансистами, откупщиками налогов могли быть люди самых разных национальностей. Они занимали должности высокого ранга, получали большое жалованье. **Единственным условием для них было отречение от своей среды – от родни, родного языка, этноса, религии.**

В Османской империи с XV в. сложилась система **миллето**в, т.е. религиозно-этнических общин – греческих, армянских, еврейских. До XVIII в. эти общины жили своей жизнью и были незаметны, а в XVIII–XIX вв. приобрели большой вес в общественно-политической и хозяйственной жизни империи, поскольку получили **право самостоятельно собирать налоги от имени султана.** Сбор налогов был наипервейшей обязанностью миллетов. Главы этих общин – патриархи греческий и армянский, главный раввин иудейский – несли ответственность за своевременную уплату налогов в султанскую казну. Они выполняли функцию посредников между султаном и немусульманским населением.

Немусульманское население империи должно было платить обязательный **харадж** – подушный налог: один золотой, плюс половина золотого господину (тимариоту), плюс десять голов скота или зерно ежегодно. Взималась и подушная натуральная подать – **джизье** как плата за право проживания на земле мусульман и одновременно как выкуп за освобождение от военной службы (служили только мусульмане). Проводились денежные сборы со скота, с мельницы, чрезвычайные поборы на нужды войны (а войны случались слишком часто – только с Россией Османская империя воевала в течение двухсот лет).

Миллеты пользовались поразительной степенью автономии в своей внутренней жизни и деятельности. Они жили по собственным законам, поскольку шариат на них не распространялся. Они

самостоятельно решали свои имущественные дела, женили и разводили своих мужчин и женщин. Они сохраняли свою веру, свои праздники и обычаи, ходили в национальных костюмах, говорили на своем родном языке. Они сохраняли автономию в школьном образовании и здравоохранении, платили немаленькие налоги в казну султана, а за это им предоставлялись гарантии безопасности жизни, неприкосновенности имущества, религиозные свободы. Эти свободы и гарантии, в свою очередь, обеспечивали сотрудничество и лояльность миллетов по отношению к имперской власти. Но такое мирное сосуществование, устраивавшее тех и других, длилось недолго.

Постепенно к концу XIX в. все явственнее нарастали нетерпимость и напряженность в отношениях между общиной пророка и миллетами. Дело было в том, что жители миллетов не имели права служить в армии или стать чиновниками, им был закрыт доступ к военной и административной карьере. Ремесло и торговля оставались для них единственными сферами деятельности. Греки, армяне и евреи больше всего преуспевали как торговцы, купцы, ростовщики, откупщики налогов. Из поколения в поколение они совершенствовались в этих делах и становились богаче, чем этнические турки. Кроме того, не служа в армии, жители миллетов обзаводились большими семьями, у них, как правило, было много детей. Этнические же турки, ощущая себя титульной нацией, создавшей империю, оставили для себя функцию управления страной и службу в армии. В глазах многих турецких сановников торговля была делом презренным: «А с торговцами-шакалами никакого дела не сделаешь». Турки постепенно беднели (в сравнении с жителями миллетов) и в демографическом плане топтались на месте, поскольку много воевали и гибли в молодом возрасте, не успевая завести детей. **Демографический и экономический потенциал миллетов со временем накапливался**, и это приводило к дисбалансу в османском обществе. Искусство управления и искусство

коммерции в **Османской империи, как и в других мусульманских странах, были разведены** в разные стороны. Из-за презрения к «неверным» и к торговле правители империи не были способны самостоятельно создать такую экономическую систему, какую имели европейцы и которая воссоединила бы искусство править и искусство торговать, – отсталость государства была предрешена. В конечном счёте **этот дисбаланс породил болезненную национальную проблему в Османской империи**, которую пытались решить, часто безуспешно, и реформаторы, и революционеры.

Османская империя держалась на **армии**. Правители империи говаривали: «Могущество и сила государства в войске». Репутация османской армии в течение нескольких столетий была высока. В лучшие времена турецкая армия отличалась абсолютным бесстрашием и безоговорочным подчинением. **До конца XVII в. Османская империя вела наступательные войны и воевала ежегодно**. В XVIII в. Османская империя переходит к обороне, а европейские державы – в наступление.

Состояла армия из двух частей: феодального конного ополчения **сипахи** и **янычарской пехоты**. Сипахи были землевладельцами и служили в армии по очереди со своими соседями. Они брали с собой одного или нескольких дружинников, хорошо вооружённых и на конях. Они сопровождали своего господина весь срок службы. Во время войны одному из десяти сипахи позволялось оставаться в своем имении, чтобы поддерживать порядок в окрестностях. Им предоставлялся отпуск, когда наступала пора сбора податей, поскольку это был их единственный источник дохода, которым они обеспечивали себя во время и мира, и войны.

Янычары (от «еничери» – «новое войско») – это профессиональные воины, наёмники. Янычарское войско было создано в первой половине XIV в. и просуществовало до 1826 г. Поначалу янычарские отряды формировались из христианских юношей, отобранных у родителей еще мальчиками и обращенных в ислам. Им

не разрешали жениться, не разрешали заниматься торговлей – янычары жили одной войной и службой. У них было множество привилегий: они получали большое жалованье деньгами и натурой; они не платили налогов – более того, они их сами собирали, присваивая львиную долю; они имели свой суд; их имущество нельзя было конфисковать; наконец, в их руках была пожарная служба – и они специально поджигали богатые дома, чтобы грабить их во время тушения пожара.

По мере того как росла численность янычар, они становились всё более строптивыми и неуправляемыми. Их стали называть **«янычарской вольницей»**. Они могли «не пожелать» идти на войну, они смещали визирей, султанов, часто бунтовали, требуя повышения жалованья. Если высокопоставленные чиновники не шли им на уступки, они их просто убивали, а их отрубленные головы приносили на главную площадь Стамбула и складывали из них пирамидку. Их боялись все. Когда янычары проходили через какую-нибудь деревню или разбивали там лагерь, они требовали к себе особого внимания: «Крестьяне должны были дать ночлег всем воинам, проходящим через деревню или доставляющим приказы властей. Деревни трепещут от страха, когда появляется солдат-наемник. Это подлинный разбойник в образе солдата. Он приходит, как завоеватель. Он командует, как господин: «Собаки! Канальи! Подать хлеба! Подать кофе! Подать табаку! Мне нужен ячмень! Я хочу мяса!» (Вольней, известный французский энциклопедист). Наиболее наглые из них требовали не только еды и питья, но и «платы за зубы», т.е. денежной компенсации за износ зубов при пережевывании пищи. Когда янычары отказывались есть суп и начинали поддавать котлы ногами, власти понимали, что назревает бунт, и были готовы идти на уступки прежде, чем прорвётся их недовольство.

Распад Османской империи и её ядра – армии – происходил медленно, но неотвратимо. Со временем в армию стали брать сво-

бодных мусульман – детей знати, чиновников, сирот и детей бедняков. Затем им разрешили жениться. Потом - заниматься ремеслами и торговлей, что пополняло их жалованье доходом от продажи изготовленных ими изделий, но и отвлекало их от службы - падали дисциплина и готовность воевать. В армию стали отправлять мятежников, чтобы лишить их возможности устраивать заговоры. В результате боевое воинство опустилось к началу XIX в. до уровня дезорганизованной банды и средоточия мятежных настроений.

В Османской империи продолжала существовать (до XIX века) военно-ленная система. Ленами были **тимары и зеаметы**, которые когда-то были даны за военную службу, но со временем превратились в частную феодальную собственность. Со всех земель мусульмане платили **ашар** – десятину. Произвол сборщиков налогов превращал ашар в четверть или даже треть урожая, разоряя крестьян. Положение крестьянства (райа, что в переводе означает «стадо») различалось в зависимости от того, на чьих землях они трудились. Если земля была государственной и сдавалась крестьянам в аренду, с неё полагалась только десятина. Эти земли лучше обрабатывались, у крестьян появлялись излишки, которые они продавали на рынке. Если крестьянин трудился на земле феодала, он платил не только десятину, но и другие налоги, поэтому его положение было хуже.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чём проявлялась неразрывность светского и духовного начала во властных структурах Османской империи?
2. Какую роль играла султанша?
3. Почему в империи не было знатных родов или семейств?
4. Кто такие «люди меча», «люди пера» и «дворцовые рабы»?
5. Что такое миллеты?
6. Чем можно объяснить нараставшую со временем острую неприязнь между миллетами и общиной пророка?

7. Какие налоги платило мусульманское и немусульманское население?

8. Какими привилегиями пользовались янычары?

9. Почему янычарское войско со временем превратилось в «янычарскую вольницу»?

Тема 2. ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ («ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС»)

Со второй половины XVIII в. началось активное проникновение европейских держав в экономическую и политическую жизнь уже заметно слабевшей Османской империи. Политика европейских держав становится важным фактором, определявшим дальнейшие судьбы империи. В XVIII в. возникает так называемый «Восточный вопрос» (этот термин впервые был применён журналистами и закрепился в дипломатической среде и научно-исследовательской литературе). Наибольшей остроты этот вопрос достиг на протяжении XIX – начала XX вв. Позиции держав относительно политики по отношению к Османской империи претерпели определённую эволюцию на протяжении этого времени.

Почти весь XVIII в. Англия не проявляла особого внимания к империи Османов. **Во второй половине XVIII столетия** в британской внешней политике боролись две тенденции: **русофильская и русофобская**. Обе были представлены отцом и сыном: Вильямом Питтом Старшим (лорд Чэтэм) и Вильямом Питтом Младшим. Питт Старший и его последователи называли главным врагом Англии Францию и считали, что следует заключить союз с Россией. Но успехи России в войнах с османами – присоединение Крыма, взятие Очакова – изменили политику последующих английских кабинетов, и с этого времени почти столетие – **с начала и до конца 70-х годов XIX столетия – Англия стала считать важнейшей**

целью своей политики сохранение целостности и неделимости Османской империи. Всё это время Англия заявляла, что она против каких бы то ни было планов раздела Османской империи, и высказывалась за сохранение статус-кво.

Хотя Османская империя дряхлела, ее агония длилась слишком долго. Европейцы с легкой руки царя Николая I называли ее «больным человеком Европы». Англия хотела предотвратить возможную европейскую войну за османское наследство, поскольку реальная выгода от торговли с империей и огромное политическое влияние там были более надежными преимуществами, нежели возможный исход длительной и кровопролитной войны. Англия долгое время поддерживала Порту в её борьбе против национально-освободительной борьбы народов, населявших империю.

Российский фактор играл определяющую роль в выборе такой позиции. Россия мешала Англии не только внутри Османской империи, где усиливала свое влияние, поддерживая борьбу славянских и христианских народов против османской тирании, но и своим активным проникновением в Центральную Азию угрожала, как полагали английские политики, сохранению недоступности Индии для других держав. Стремление ослабить Россию, которая, по мнению английских дипломатов, могла бы создать для Великобритании угрозу в Индии, была, наряду с другими, одной из причин Крымской войны 1853–1856 гг. Русский посол в Лондоне Ф.И. Бруннов писал: «С начала века английская политика на Востоке руководствуется чувством глубокого недоверия к России… в ее глазах Европейская Турция – барьер, отделяющий нас от Средиземноморья, а Азиатская Турция – щит, усиливающий безопасность английских владений в Индии». Крымская война обострила весь комплекс противоречий «Восточного вопроса».

Другой причиной проведения политики сохранения статус-кво в Османской империи была экономическая: Англия хотела сохранить на возможно более длительный срок **«режим капитуляций»** – договорные обязательства Порты перед европейскими стра-

нами, позволявшие получать большие прибыли от торговли с империей. Была и политическая заинтересованность Англии в укреплении и продлении существования империи Османов. Англичане постоянно настаивали на проведении реформ в империи, которые бы сделали её более жизнеспособной: «Наша важнейшая цель – оказать содействие Порте в деле внутренней стабилизации страны и убедить правительство улучшить армию, флот и финансы» (министр иностранных дел Пальмерстон, 1833 г.). Англия хотела усилить османское государство с тем, чтобы оно могло противостоять России.

Главным узлом противоречий стал Балканский п-ов. Здесь столкнулись позиции Англии, Франции, Австро-Венгрии, с одной стороны, и России – с другой. Уже в XVIII веке Франция отстаивала неотложную необходимость сохранить целостность и неделимость империи, какую цену не пришлось бы заплатить за это. **Османская империя должна была быть сохранена как жизненно важный элемент европейского равновесия – такова была позиция Франции**. И англичане, и французы поддерживали султана в его борьбе против национально-освободительных восстаний греков, сербов, хорватов, черногорцев и др. Австро-венгерская империя, граничившая с Балканами, помышляла о захвате значительной доли Балкан после развала Османской империи.

Главной же причиной занятия столь определенной позиции Англией и Францией было стремление не допустить расширения влияния России в этом регионе.

Царская Россия лелеяла мечту овладеть проливами Босфор и Дарданеллы, **чтобы выйти в Средиземное море и овладеть Константинополем** (Стамбулом) **как центром христианской культуры**. Русские цари хотели считать себя наследниками византийских императоров и быть главами третьего Рима[1]. Екатерина II

[1] Англичанин Итон, бывший при дворе императрицы Екатерины II, писал что когда у Екатерины появился второй внук, ему дали императорское

планировала создание независимых христианских государств (прежде всего Дунайских) на развалинах Османской империи. Это было частью её знаменитого «греческого проекта», предусматривавшего воссоздание Греческой (Византийской) империи и полного изгнания турок из Европы.

Захват Константинополя дал бы России отличный порт в Средиземном море и позволил бы ей держать свой военный флот в непосредственной близости от морского пути в Индию – чего никак не могла допустить Англия, охранявшая свою «жемчужину Британской короны» от всяческих посягательств со стороны других держав. Англия неоднократно приостанавливала Россию в ходе русско-турецких войн, не давая ей разгромить Османскую империю. У России был большой козырь в руках в борьбе с державами-соперницами – на Балканах жили единоверцы России – православные христиане (греки, румыны, сербы, болгары). Это были **братья по вере.** Многие из них были **братьями и по крови – славянами**. Россия выглядела другом и защитницей балканских народов, а те в лице России видели своего естественного покровителя и освободителя из-под османского гнёта.

После войны 1768–1774 гг. по условиям Кючук-Кайнарджийского мира Россия окончательно утвердилась на северном побережье Черного моря и получила право протектората над христианским населением Османской империи. Дунайские княжества – Молдавия, Валахия, Бессарабия – обрели внутреннюю автономию. В 1783 г. Россия аннексировала Крым и Кубань. **С конца XVIII в. Россия стремилась форсировать процесс расчленения Османской империи**. По Бухарестскому миру после войны 1806–1812 гг.

имя Константин. В качестве кормилиц к нему приставлялись гречанки, и вместе с их молоком он впитывал греческий язык, в котором он в дальнейшем совершенствовался с помощью учителей-греков; короче говоря, все его воспитание было таким, чтобы подготовить его к трону в Константинополе.

Россия получила Бессарабию и Западное Закавказье. Через некоторое время, в 1815 г., Порта согласилась дать Сербии ограниченную автономию. Это стало началом процесса освобождения южнославянских народов.

Александр I начал покровительствовать тайным греческим национальным организациям. **В 1821 г. в Греции началось движение за освобождение**, которое продолжалось до 1829 г. Освобождение греков должно было повести к освобождению других христианских подданных Порты, славян, что непременно усилило бы позиции России на Балканах. Европейские державы официально заняли позицию поддержки действий султана по подавлению греческого восстания и придерживания России в её активной поддержке греков.

Однако, европейское и русское общественное мнение было на стороне восставших греков. В Грецию посылали оружие, деньги, ехали добровольцы. Лорд Байрон, знаменитейший поэт своего времени, привёз в Грецию очень крупную сумму денег, собранную для Греции в Лондоне. Он умер от малярийной лихорадки в осажденной турками крепости как боец, павший за независимость греков, и навсегда остался для них героем. Греки объявили по нему 21-дневный траур. Современник этих событий русский поэт А.С. Пушкин откликнулся на них стихотворением «Восстань, о Греция, восстань»:

Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы.
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
Под пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

Султан не смог справиться с восстанием и обратился за помощью к египетскому паше Мухаммеду-Али. Успехи повстанцев за-

ставили Британию и Россию определить свои позиции по отношению к греческому восстанию и будущему Греции. Предварительное решение было достигнуто в **1826 г.** с **подписанием в Санкт-Петербурге протокола**, в котором стороны согласились с необходимостью обретения Грецией права на автономное ведение своих внутренних дел в обмен на ежегодную дань султану. В 1827 г. в Лондоне уже три державы – Британия, Россия и Франция – предложили султану своё посредничество. В случае отказа державы оставляли за собой право признать Грецию независимым государством, установить с ней дипломатические отношения. Они ввели флот в залив Наварино, чтобы устроить демонстрацию силы. Но после провокации с турецкой стороны объединенная эскадра разгромила египетско-турецкий флот – это было одно из самых тяжелых поражений морского флота Османской империи.

В 1828 г. Османская империя объявила войну России. В ходе этой войны командующий **генерал Дибич подошел к Константинополю**. Никогда раньше Россия не была так близка к осуществлению заветной мечты – овладеть Константинополем и проливами. Но Николай I решил заключить мир, что и было сделано. Официальный предлог – «армия устала», а война могла затянуться. На самом деле царь опасался цепной реакции, «общего потрясения» на Балканах, перспективы возникновения неуправляемого освободительного движения. Он считал, что национальные государства должны выделяться из Османской империи постепенно, без революционных потрясений. К тому же могли возникнуть и международные осложнения.

Победа России оказала большое влияние на ход дел на Балканах. По договору 1829 г. османы обязывались предоставить автономию Греции и Сербии. **В 1830 г. Греция стала независимым монархическим** (Россия особо настаивала на этом) **государством**. Правда, территория Греции была урезана, многие области с греческим населением остались в составе Османской империи.

Положение России на Черном море и Балканах заметно укрепилось. С этого времени позиция России теснее смыкается с позицией европейских держав: следует замедлять процесс распада Османской империи, чтобы он шёл под контролем. В 30-е гг. XIX в. Россия поддержала Османскую империю, когда египетский паша Мухаммед-Али пошел на неё войной. Русская эскадра в Босфоре встала на защиту Стамбула. В 1833 г. Россия дала обязательство султану гарантировать целостность и независимость империи, а Порта, в свою очередь, обязалась не допускать в проливы военные суда других стран, за исключением русских. В 1840 г. Россия, Англия, Австро-Венгрия, Пруссия совместно заявили о гарантиях сохранения целостности Османской империи. В 1841 г. была принята конвенция о проливах, в которой европейские державы официально признали Дарданеллы и Босфор турецкими водами, которые в мирное время должны быть закрыты для прохождения иностранных военных кораблей.

К середине XIX в. русский царь **Николай I** счёл, что наступило время для решительных заявлений, и **в начале 1853 г. предложил план раздела Османской империи** в беседе с английским послом сэром Гамильтоном Сеймуром. Он предлагал поставить дунайские княжества Молдавию и Валахию, а также Сербию и Болгарию под протекторат России; он дал понять, что Россия не против оккупации Британией Египта и о-ва Крита. Он сказал: «На наших руках лежит больной человек, этот человек серьёзно болен. Было бы серьёзной неудачей, если в один из этих дней он бы выпал из наших рук, особенно до того, как будут завершены все необходимые приготовления». Сеймур в ответ заявил, что в таком случае нужен врач, а не хирург: с больным следует бережно обращаться, чтобы помочь ему поправиться. Турецкий «больной» может еще оставаться в живых 20, 50 или еще 100 лет. **Англия, таким образом, отказалась делить Османскую империю в середине XIX в.**, опасаясь излишнего усиления позиций России в регионе. Сами

турки горько шутили относительно стагнации своей империи: «Наше государство является сильнейшим государством. Ибо вы пытаетесь устроить его крах извне, а мы изнутри, но оно всё равно не разваливается».

Тем временем конфликт между католическим и православным духовенством по поводу их привилегий в империи привел к обострению отношений между Францией и Россией. Дело заключалось в том, что греческая православная церковь при поддержке России значительно расширила свои привилегии в Османской империи. Место рождения Спасителя – Вифлеем – находилось под властью греков. Святая земля стала для бесконечного потока паломников из России, Европы и Азии радостью религиозного причащения и вместе с тем источником богатства для храма Гроба Господня. Это был и удобный канал политического влияния. Султан уступил настойчивому давлению Франции и передал католическому патриарху ключ от главного входа к святыне. Передача ключа католикам подразумевала, что верховенство перешло от одной церкви к другой.

Это событие привело к резкому обострению отношений между Россией и Францией. **Религиозный спор стал поводом к началу Крымской войны 1853–1856 гг.** Антироссийская коалиция – Османская империя, поддержанная Британией и Францией, – одержала победу над Россией. По Парижскому договору 1856 г. Дунайские княжества были поставлены под совместное покровительство европейских держав и России с признанием суверенитета султана. Вместе с потерей Южной Бессарабии и права иметь военный флот на Чёрном море Россия теряла преимущества влияния на Балканах, к которым шла так долго. Правда, к 70-м годам Россия восстановила свои позиции на Чёрном море.

События в Османской империи развивались своим чередом. В 1858 г. добилась независимости Черногория. В 1859 г. при активном участии России Дунайские княжества создали единое го-

сударство Румынию. В 1861 г. Сербия провозгласила полную автономию во внутренних делах. В 1875-1876 гг. происходят два восстания в Болгарии. В 1875 г. вспыхивают восстания в Боснии и Герцеговине, которые в 1876 г. открыто поддержали Сербия и Черногория.

Если всмотреться поглубже в суть восточного вопроса, непременно можно заметить парадоксальность ситуации: Англия, Франция и Австрия своими действиями замедляли процесс распада Османской империи, поддерживали султана в его борьбе против национально-освободительных восстаний черногорцев, греков, сербов, хорватов. Тем самым державы как бы сдерживали, замедляли естественный ход событий, который был прогрессивен, – народы империи были уже готовы отпочковаться, выйти из рамок Османской империи и образовать собственные независимые государства. Россия же, будучи «жандармом Европы», как её предпочитали называть в европейских столицах, страна с крепостным правом, поддерживала национально-освободительные движения народов Балкан, тем самым содействуя распаду Османской империи. Россия, таким образом, была на стороне исторического прогресса. Всё дело было в том, что успехи России на военном поприще – отторжение от Османской империи Крыма, северного Причерноморья, победы на Кавказе – сделали свое дело. Европейские державы и султаны Османской империи стали считать Россию главной угрозой их интересам и целям и делали все для того, чтобы не дать ей усиливать влияние на Балканах и продвигаться к проливам и Средиземному морю.

Но к 70-м годам XIX века Англия заметно «охладевает» к «Восточному вопросу», **так же, как и её союзницы.** Они отказываются от прежней политики поддержания статус-кво и начинают разрабатывать планы раздела Османской империи, поскольку убеждаются в том реальном факте, что укрепить Османскую империю не удаётся и сохранить её целостность не представляется

возможным. Более того, англичане захватывают Кипр, потом прибирают к рукам Египет, тем самым они принимают реальное участие в дележе османских территорий.

После очередной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия вернула Южную Бессарабию, признала независимость Румынии, Черногории и Сербии. На карте Европы появилось новое государство – Болгарское. Эта война нанесла смертельный удар турецкому владычеству на Балканах. А в последней четверти XIX века распад имерии приобрел необратимый характер и все большую роль и влияние в Османской империи приобретает Германия. Проанглийская и профранцузская ориентация османских правителей сменяется на прогерманскую. Прогерманская ориентация младотурецких правительств приводит империю к поражению в Первой мировой войне и окончательному распаду Османской империи. Европейские державы бросаются делить территории рухнувшей империи, а в 1923 г. признают появление на карте нового государства – Турецкой республики. «Восточный вопрос» – если его рассматривать как вопрос об османском наследстве – был, таким образом, решён.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как долго существовал «Восточный вопрос»?
2. Почему Британия поддерживала целостность и неделимость Османской империи?
3. Какую роль играл российский фактор в выборе такой позиции?
4. Какую эволюцию претерпели позиции Англии, Франции, Австро-Венгрии в «Восточном вопросе»?
5. Каковы были цели России по отношению к Османской империи?
6. Когда был решен «Восточный вопрос»?

Тема 3. РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

С конца XVIII века и почти весь XIX век в Османской империи проводились реформы, с помощью которых правители империи пытались приостановить ее распад, укрепить свою власть, модернизировать властные, экономические, политические институты. Реформы проводились на фоне неумолимо сокращавшейся, как шагреневая кожа, территории Османской империи.

Эпоху реформ в Османской империи начал султан **Селим III**, который взошёл на трон в 1789 г., в год Французской революции. В 1791 г. империя потерпела очередное поражение в войне с Россией. Османская империя в это время все еще продолжала владеть большей частью своей территории, потеряв только Венгрию и Трансильванию, Крым и Азов. Селим III назвал свои реформы термином, заимствованным из Французской революции, – «**новый порядок» («низам-и-джедид»)**.

Поскольку армия была главной опорой, стержнем империи, Селим III начал свою реформаторскую деятельность **с военной реформы.** Ему нужны были высокодисциплинированные вооруженные силы для поддержания порядка внутри империи, для сохранения единства перед лицом внешних угроз и претворения в жизнь других реформ самого Селима. На султана произвёл большое впечатление пример Петра I, который с новой армией, обученной по западным образцам, разбил своих врагов и дома, и за рубежом.

Султан направил двух человек для сбора информации о состоянии военных дел в Европе. В 1792 г. он получил подробный отчёт о военных системах европейских государств. Французский опыт показался ему самым подходящим, и он выписал французских офицеров, которые должны были обучить и подготовить новый военный корпус. Чтобы мусульмане подчинялись «неверным», французским офицерам пришлось принять ислам. Заимствование

европейского вооружения подкреплялось цитатой из Корана: «Одерживайте победы над неверными тем же оружием, которым они побеждают вас».

В 1793 г. Селим III издал указ о **создании нового пехотного корпуса** численностью **в 12 тыс. человек**. Были открыты новые школы – общевойсковая и военно-морская для подготовки артиллеристов, специалистов по фортификациям, навигации. Было открыто Сухопутное инженерное училище. Французский язык стал обязательным предметом, была создана библиотека с книгами на французском языке.

Когда янычарское войско получило приказ надеть новую униформу и начать осваивать боевую технику европейского образца, оно взбунтовалось и отправилось в Стамбул, переворачивая по традиции свои походные котлы в знак того, что они больше не примут пищу от султана. Противники реформ – сановники, духовенство – заявляли, что проводимые реформы нарушают установки Корана и шариата. Они использовали янычар в своем заговоре против султана. **В 1807 г. началось восстание янычар**. Сторонники реформ были окружены, многие из них были убиты, и головы семнадцати реформаторов торжественно пронесли перед главарями янычаров. Селим III отрёкся от престола, а вскоре был задушен.

Хотя реформы Селима III столкнулись с мощной реакцией протеста и сам он был убит, дело реформ продолжил его преемник **Махмуд II**.

Первым актом деятельности нового двадцатитрехлетнего султана был приказ уничтожить всех, кто был причастен к убийству Селима III. Ч. Макфарлен описывает это так: «В тот день, когда Махмуд взошёл на престол, у ворот сераля (дворца) были выставлены тридцать три головы, среди которых красовалась изуродованная отвратительной гримасой голова начальника чёрных евнухов. Она лежала на серебряном блюде. Сан этого придворного почитался даже после его казни. Офицеров-ямаков удавили и броси-

ли в Босфор, а женщин сераля, которые открыто выразили свою радость при известии о смерти Селима, зашивали в мешки и топили у башни напротив сераля».

Махмуд II проявил себя как решительный и последовательный реформатор. Он любил видеть себя Петром Великим Османской империи. Махмуд-Реформатор, как его назвали, счёл нужным, правда, **выждать 17 лет**, прежде чем осуществить на практике очередную программу реформ. За эти годы он укрепил свою власть, поставил на высшие посты в государстве людей с государственным мышлением, разделявших его взгляды.

Махмуд был убеждён, что главным источником разрушения империи были янычары. Не было смысла проводить реформы, пока такая армия существовала. Махмуд дождался удачного момента, когда можно было раз и навсегда покончить с корпусом янычар. Такой момент наступил в **1826 г.** Султан издал указ о создании новых воинских соединений, которые должны были готовиться и оснащаться по европейским образцам. Махмуд уточнил, что новые войска должны обучаться не христианами и иностранцами, а подготовленными офицерами-мусульманами. Корпус янычар сохранялся, но янычары должны были пройти обучение.

Как и предвидел султан, янычары продемонстрировали нежелание делать это. Они толпами устремились к дворцу султана, шумно требуя голов его главных министров. Но султан подготовился к встрече. Его войска и артиллерия в момент, когда янычары заполонили узкие улицы, ведущие к сералю, открыли огонь со стен дворца, выкашивая янычаров, гибнущих под разрывами крупной картечи. Янычары повернули вспять, забаррикадировались в казармах. Тяжелая артиллерия обрушила на казармы град снарядов, вызвав пожары, и в скором времени – за полчаса – казармы были превращены в руины, в которых погибло семь тысяч мятежников. В провинциях были убиты еще десятки тысяч человек. **В тот же день султан упразднил корпус янычар**. Само их

название было объявлено вне закона, а их знамёна были уничтожены. Так султан расправился с янычарской вольницей, что было названо реформаторами «счастливым событием». Янычары сотни лет держали в страхе не только население империи, но и самих султанов и их окружение. Теперь страна была избавлена от войска, которое стало неуправляемым. Источник смуты и противодействия любым новшествам был ликвидирован. Современник этих событий А.С. Пушкин откликнулся на них стихами:

От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи.
Треща в объятиях пожаров,
Валились домы янычаров.
Окровавленные зубцы
Везде торчали, угли тлели;
На кольях, скорчась, мертвецы
Окоченелые чернели.
Аллах велик – тогда султан
Был духом гнева обуян.

Британский посол С. Каннинг свидетельствовал: «Вход в сераль, берег под окнами султана и само море усеяно мертвыми телами – многие из них обезображены и частично обглоданы собаками».

Военная реформа, последовавшая после расправы с янычарами, определила **срок службы** в реорганизованной армии **в 12 лет**. Прусская армия была избрана в качестве образца для подражания. Молодой немецкий лейтенант Гельмут фон Мольтке был назначен советником по вопросам обороны империи, боевой подготовке и организации войск. **Кавалерия сипахов была ликвидирована**. Новое реорганизованное 50-тысячное войско представляло собой по-европейски обученную, но все еще экзотическую, на взгляд европейца, армию. Вот как её описывает Мольтке: «В результате по-

явилась армия европейского образца – в русских мундирах, турецких шальварах, с татарскими сёдлами и французскими стременами, с английскими саблями, французскими уставами и иностранцами изо всех стран. Блестящий вид, роскошные вооружения, безрассудная храбрость прежних османских полчищ несколько сошли на нет, но вопреки этому новая армия обладала качеством, которое ставило её выше всех бесчисленных орд, некогда имевшихся в Порте, – она подчинялась».

Махмуд II явился автором новой государственной идеологии – **османизма**. Это было реакцией на греческие события. Пример Греции, отделившейся от империи и ставшей самостоятельным государством, показывал, к чему идет дело – Османская империя разваливалась на глазах. Чтобы затормозить этот процесс, сплотить разнородное население, сохранить империю, Махмуд выдвинул **идею общего отечества (ватан)** для людей разных национальностей и религий. Османизм должен был стать своего рода скрепой, объединяющей идеологией: все люди, населяющие Османскую империю, прежде всего и главным образом являются отныне османами, а не греками, турками, армянами, болгарами и т.д. Объединяющим началом должно было стать равенство всех перед законом. Махмуд говорил: «Я вижу отличие своих подданных мусульман в мечетях, христиан в церквях, евреев в синагогах, во всём остальном между ними нет никакой разницы».

В сердцевине османизма лежала **идея зарождавшегося гражданского равенства вместо религиозного единства** каждой отдельно взятой конфессии, как это было в тогдашней реальной жизни.

Массовое сознание, особенно мусульманское, плохо воспринимало новую идеологию. Чувство религиозного единства было гораздо сильнее ощущения гражданского единства. Несмотря на первоначальную реакцию отторжения новой идеологии, Махмуд проявил настойчивость, заставляя людей как можно чаще использовать слово «осман» в повседневном общении, деловой перепис-

ке, официальных документах. Османизм прижился и оставался официальной идеологией империи вплоть до её развала.

Затем Махмуд II взялся за второй потенциальный источник оппозиции высшей власти султана – **ограничение власти духовенства**. **Началось отделение религиозной власти от гражданской, светской.** Шейх-уль-ислам как главное духовное лицо государства должен был отныне заниматься сугубо религиозными делами. Сфера деятельности улемов сокращалась: школы перешли в ведение министерства образования, вся юриспруденция была передана министерству юстиции. Махмуд поставил под контроль государства институт вакфа – они ранее находились под надзором улемов (как администраторов и сборщиков податей) и являлись источником экономической мощи религиозных институтов.

В области **административной реформы** Махмуд поделил полномочия великого везира (или садразама) между двумя министрами – министром иностранных дел и министром гражданских дел (впоследствии возникло министерство внутренних дел). Над ними стал великий везир, называвшийся теперь премьер-министром, который осуществлял связь между султаном и правительством (правда, титул великого везира потом восстанавливался). Появились министерства финансов, торговли, сельского хозяйства, промышленности. Был создан совет министров. Старое чиновничество стало сменяться новым поколением гражданских чиновников, которое было более образованным. Султан пошел даже на реорганизацию служб своего двора: сократил расходы на содержание двора, уменьшил число придворных.

Махмуд **отменил военно-ленную систему**. Тимары и зеаметы, которые когда-то были владениями, данными за военную службу, стали сдаваться в аренду как государственные земли, а сбор налогов перешел в руки государства.

Махмуд-Реформатор попытался разделить светское и духовное начала и в области **правовой системы**. Появился свод законов вне

шариата. Возникло чёткое размежевание между уголовным и гражданским, секулярным и религиозным, частным и публичным правом. Верховная власть отказывалась от немотивированных конфискаций имущества подданных и произвольных наказаний. Чиновники становились государственными служащими, несущими ответственность не перед султаном, а перед законом. В законы были включены суровые штрафы за взяточничество, подкуп и другие формы коррупции. Жёсткие наказания грозили чиновникам, которые пренебрегали своими служебными обязанностями, были невнимательны и высокомерны к посетителям. За недопоставки продовольствия и обмундирования армии следовало увольнение со службы. Махмуд настаивал на гласности судебного разбирательства должностных преступлений, и несколько таких судебных заседаний было проведено для острастки чиновничества. Но традиционная практика волевых смещений, тайной перестановки лиц, замещения важнейших должностей по семейно-клановым связям продолжала оставаться в силе.

В личной жизни людей священный закон ислама и связанные с ним традиции оставались нерушимыми. Никаких изменений не произошло в законах, касающихся брака и разводов, собственности и прав наследования, статуса женщины и рабов. **Шариат оставался главным законом**. **В домашней жизни люди по-прежнему жили в традиционном обществе**.

Произошли изменения в области **образования.** В 1824 г. Махмуд сделал начальное образование обязательным, но оно оставалось в религиозных рамках. Медресе (религиозные школы) сохраняли монополию. **Высшее образование было по сути военным образованием** – новая, реорганизованная армия нуждалась в образованном, компетентном офицерстве. В 1827 г. в Париж отправились небольшие группы студентов для обучения военному делу. Была основана Школа военных наук, образцом для которой стала военная академия Сен-Сир, созданная Наполеоном. Преподавате-

лями были французы и немцы. Императорская музыкальная школа была создана для подготовки музыкантов (барабанщиков и трубачей) для военных оркестров. В ней работал Доницетти-паша, брат великого итальянского композитора, который написал османский национальный гимн. Была открыта государственная школа по подготовке врачей для новой армии. В медицинском училище в курс обучения были включены занятия по вскрытию трупов и анатомированию, т.е. студенты впервые начали изучать анатомию на человеческих трупах, а не на восковых муляжах, как это практиковалось раньше. Это был вызов исламской традиции.

В Стамбуле был построен и открыт первый оперный театр.

В **области дипломатии** тоже наступили перемены. Начиная с 1834 г. стали учреждаться посольства империи в главных европейских столицах. Дипломаты набирались только из турок-мусульман.

При Махмуде II появилась **первая газета** на турецком языке с версией на французском. В 1834 г. была введена **почтовая служба**.

Турецкий образ жизни тоже подвергся вестернизации. Махмуд не поощрял ношения длинных бород и внёс существенные коррективы в костюм. Реформы принесли в Стамбул западный образ жизни. Особенно это было заметно при султанском дворе. Махмуд одевался скорее как европейский, а не восточный монарх, появляясь на важных государственных и религиозных праздниках в брюках, черном сюртуке и красной феске (фетровый берет), а не в халате и тюрбане.

В армии были введены мундиры европейского покроя, бриджи и ботинки. Привыкший к свободным туфлям, широким шароварам и рубахе, турецкий солдат видел поначалу в этой плотно облегающей фигуру военной форме что-то «неверное», считал её неприличной. Вместо тюрбана на голове и у солдата, и у чиновника теперь красовалась феска. Средневековые одежды и тюрбан остались «униформой» духовных лиц.

Султан-реформатор **поощрял проникновение иностранного капитала** и товаров в империю. Были установлены низкие таможенные пошлины на ввозимые товары – **5%** от их стоимости.

Державы по-разному относились к реформаторской деятельности Махмуда II – Англия поддерживала и направляла реформаторов, ибо была заинтересована в сохранении её статус-кво и полагала, что реформы укрепляют империю, а официальная Россия безапелляционно заявляла: «Мусульмане не хотят реформ. Турками они были, турками и останутся».

Махмуд II сделал попытку перевести своих подданных из одного глубоко укоренившегося за многие века образа жизни в другой, европейский. Он произвёл изменения, которые должны были стать отходом от традиционных норм и институтов и переходом к европейским нормам и институтам. Это давалось с большим трудом, но модернизация делала свое дело.

В **1839 г. Махмуд II скончался**, конец султана ускорило его пристрастие к алкоголю – у него обнаружили цирроз печени. Его трон унаследовал 16-летний сын **Абдул-Меджид**.

Юный султан был преисполнен желания продолжить курс реформ своего отца. Но он был не столь энергичен, как отец, поэтому предпочёл довериться людям, которые хотели и могли реформировать страну дальше. Особое влияние на Абдул-Меджида оказывал британский посол С. Каннинг, который установил с Абдул-Меджидом близкие личные отношения. Влияла на него, а следовательно, и на дела империи, и его мать-султанша.

Человеком, которому он доверил проводить реформы, стал **Мустафа Решид-паша**. Это был профессиональный дипломат, работавший в Париже и Лондоне, занявший ещё при Махмуде II пост министра иностранных дел. Он уже принадлежал к новой османской бюрократии, которая считала реформы единственным способом спасения и упрочения империи. Новая серия реформ была необходима, чтобы противостоять всё большей зависимости

Османской империи от европейских держав. Решид-паша решил показать и доказать Европе, что империя сама может создать современное управление и учредить законы, по которым она будет жить. Он разработал программу реформ, которая явилась началом **танзимата** («реформы») – под таким названием вошли в историю реформы, проводившиеся с 1839 по 1871 г.

Накануне, в ночь перед провозглашением первого указа о реформах, Решид-паша признался другу: «Эфенди, ты даже не знаешь, в каком я нахожусь положении: завтра я подвергнусь такой опасности, что не уверен, доживу ли до вечера». 3 ноября **1839** года в торжественной обстановке, в саду у павильона Гюльхане (Дом роз), с соблюдением всех исламских ритуалов был объявлен первый указ султана о реформах, который стал известен как **Гюльханейский священный указ**. Впервые на подобной церемонии присутствовали иностранные дипломаты.

Это была, по сути, хартия юридических, политических и социальных прав для подданных империи. **Указ гарантировал свободу и неприкосновенность жизни, чести и достоинства, а также собственности** подданных империи независимо от их национальности и вероисповедания. Упорядочивалось взимание налогов, **отменялась** разорительная для населения **откупная система** налогообложения. Приводилась в порядок система набора рекрутов в армию и устанавливался **пятилетний срок службы в армии**. Объявлялось о недопустимости наказаний без приговора суда. Указ гарантировал права и свободу всем подданным – мусульмане и немусульмане, турки и нетурки могли теперь обучаться в военных и гражданских училищах, поступать в армию и на работу в государственные учреждения. Немусульмане теперь становились военнообязанными, от чего раньше откупались, платя джизье. Это ставило их перед неприятной перспективой сражаться в будущих войнах против христиан других стран. Мусульмане же были поставлены перед неприятной для них перспективой сражаться бок о

бок с христианами в одном ряду, да еще, возможно, под началом офицеров-христиан.

Страны Запада скептически отнеслись к возможности осуществить на деле эти реформы. Российский представитель заявил, что это «театральный приём» а европейцы назвали реформы «простым обновлением витрины».

Большинство же мусульманского населения было возмущено свободой, полученной «неверными», это нарушало их традиционное представление о превосходстве ислама и мусульман над другими религиями и народами. Мусульмане не рассматривали немусульман как равных себе и не были готовы к нововведениям султана. Вскоре Гюльхане, или Дом роз, стали называть Гюльхан, что означало «пыльная дыра».

Появилась **новая дипломатическая служба**. Османская империя стала первой страной Востока, которая включилась в европейскую политическую систему и дипломатические отношения. Послы империи довольно быстро становились самостоятельными, могли проявлять инициативу. Дипломатическая практика показала, что турецкие дипломаты умели удачно использовать противоречия между державами в интересах своей империи.

В 1841 г. Решид-паша подготовил **новый торговый кодекс**, за основу которого был взят французский образец. Юристы-мусульмане усмотрели в нем пренебрежение к шариату, поскольку там речь шла о векселях, банкротстве и т.д. Когда Решид-паша представил кодекс Высшему совету, ему задали вопрос, соответствует ли он священному закону. Решид ответил, что священный закон не имеет никакого отношения к этим вопросам. Улемы закричали: «Позор!», и кодекс был отклонен. Активное сопротивление реформам духовенства и старой бюрократии привели к тому, что султан, уступив улемам, уволил Решид-пашу, который уехал послом в Париж.

Его преемник **Риза-паша**, являвшийся главнокомандующим, провёл **реорганизацию армии**. Он разделил армию на два вида войск:

активное войско, в котором служили пять лет, и резервное, в котором служили еще семь лет после возвращения домой. Это была **мусульманско-турецкая армия**, **в которую**, **вопреки указу Решида-паши, христиане не набирались**. Смешение в одной армии мусульман и христиан сравнивалось с попыткой смешать масло и воду, или, как выразился лорд Пальмерстон, было «более похоже на то, как если бы закрыть кошку и собаку в одном ящике». Немусульмане опять стали платить налог, откупавший их от армии. **Но христиан брали на флот.**

В **1845 г.** Риза уступил свое место главного реформатора снова **Решиду-паше**, который по возвращении из Парижа (не без давления Франции и Британии) был назначен великим везиром. Он стал осуществлять грандиозный проект создания целой сети начальных и средних школ, училищ, Османского государственного университета. Фундамент под здание университета был заложен, но из-за отсутствия средств работы были приостановлены. Реформирование системы образования шло очень медленно, так как **не было учителей и учебников для светской школы**.

В 1847 г. были созданы **смешанные гражданско-уголовные суды**, в которых заседало равное число турецких и европейских судей. Этот суд действовал уже не по шариату, а на основе нового уголовного законодательства. В 1851 г. был обновлен и вступил в силу **уголовный кодекс**, который был призван укрепить гарантии прав личности, обеспечить законность и ликвидировать административный и судебный произвол. Был введен отвергнутый раньше **торговый кодекс**, из-за которого Решид-паша вынужден был уйти в отставку. Этот кодекс защищал и содействовал коммерческим сделкам иностранцев, шире открывая ворота турецкой экономики для Запада. Был создан **коммерческий суд**, который решал коммерческие споры между турками и европейцами.

После принятия этих нововведений иностранные коммерсанты освободились от ограничений, получили свободу экономического проникновения в империю. Торговля заметно возросла, началось

создание торговых компаний, банков, страховых компаний. Иностранные товары облагались крайне низкими ввозными пошлинами. Они освобождались от внутренних пошлин. На протяжении жизни одного поколения главные города государства увеличились в три-четыре раза. Теми, кто в империи получал выгоду от банковского дела и промышленного развития, были не турки-мусульмане и даже не греки, армяне и евреи – ими стали европейцы. Укрепление же экономических позиций европейцев позволяло им серьёзно влиять на политический климат в Османской империи. Управление финансами оказалось не по силам османским правителям – **начиная с 1858 г. они всё больше полагались на иностранные займы**, попадая во всё большую зависимость от европейцев.

После окончания Крымской войны **с 1856 г. начинается второй период танзимата**, который длился до начала 70-х гг. XIX в. Лорд Стретфорд разработал «Хартию реформ для Османской империи». Два активных представителя новой османской бюрократии – **Аали-паша и Фуад-паша** – были сподвижниками Решид-паши и после его кончины занимали посты великого везира и министра иностранных дел. Их реформы продолжали, углубляли те реформы, которые были проведены их предшественниками. Было, например, увеличено количество светских судов, светских школ.

В **1856 г.** англо-французским капиталом был учрежден **Оттоманский банк**. Он получил все права и преимущества государственного банка империи. Английские и французские предприниматели получили право приобретать концессии на строительство железных дорог, на банки, на разработку природных ископаемых.

Был создан Государственный совет, задачей которого была подготовка законов и важнейших государственных постановлений. В его состав были допущены 13 (из 41 члена Совета) представителей немусульманских подданных. В 1860-е гг. были созданы министерства – юстиции, просвещения, общественных работ, по делам вакфов. Продолжала реорганизовываться армия.

Чтобы компенсировать расходы по ведению Крымской войны, Порта взяла займы у Британии и Франции. Национальный долг продолжал расти. **К 1876 г. Османская империя заключила 14 внешних займов и ее внешний долг составил 277 млн лир (более 6 млрд франков**). В конце концов империя стала занимать деньги у иностранных государств, чтобы выплатить только проценты по займам. Половина денежных ресурсов государства уходила на обслуживание долга. Выплата долга обеспечивалась передачей иностранным банкам в полное распоряжение части государственных доходов. Султанское правительство постепенно и неуклонно утрачивало контроль над финансами страны. Дефицит бюджета был огромным и продолжал увеличиваться.

К началу 1870-х гг. реформаторская деятельность затухает.

Насколько реформы изменили жизнь в Османской империи? Их **результаты были двойственны**. С одной стороны, началась медленная **секуляризация** османского общества. Светское начало быстрее всего возросло в миллетах. Именно жители миллетов стремились получить образование не в религиозных школах, а в появившихся светских. Они овладевали новыми, незнакомыми прежде в империи профессиями – становились врачами, судьями, преподавателями, журналистами. Экономическими свободами, полученными от реформ, жители миллетов – греки, армяне, евреи – воспользовались быстрее и лучше, чем мусульманское, турецкое население. Почему так произошло?

Дело заключалось в том, что **греческая буржуазия** контролировала **50%** капитала в производстве, ремесле и торговле и более 40% всех внутренних финансовых операций. **Армянская буржуазия** контролировала **25%** производства и торговли. Вслед за ними наиболее активными предпринимателями были **евреи, арабы и славяне**. Собственно **турецкая буржуазия** держала монополию только в скотоводстве и ковроделии. Турок и мусульман в целом среди недовольных реформами было больше всего – они считали танзимат серией вредных уступок христианам, данных им под

давлением европейских держав. Они считали недопустимым предоставление столь широкой экономической самостоятельности нетурецкому, особенно христианскому населению. Они негативно оценивали усиление финансовой зависимости империи от Запада и винили в этом европейцев, правительство, греков, армян и евреев.

Османское общество разделилось на «новых» и «старых» турок. «Новые турки» – скоро их начнут называть «новые османы» – надеялись на продолжение процесса реформирования Османской империи во всех направлениях, а «старые турки» хотели притормозить этот процесс. Танзимат, таким образом, значительно опережал устремления турок и мусульман, с одной стороны, и разочаровывал медлительностью и недостаточностью реформ христианское, еврейское, в целом нетурецкое население империи – с другой.

Двойственность результатов реформ проявлялась в том, что отныне одновременно действовали и законы шариата, и новые, светские правовые кодексы. Продолжали сосуществовать медресе, т.е. традиционное образование, и светское образование с его «западными науками». Дихотомия наблюдалась и в системе налогообложения, и в структуре политической системы. **Традиция и традиционные институты были ещё очень сильны.** Механизм отторжения нововведений продолжал действовать. Оказалось, что усваивать чужой опыт и чуждые формы экономики в динамичном темпе, как это делали японцы например, для османских правителей было делом невозможным.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как изменилась армия в период реформ в Османской империи?
2. В чем суть идеологии османизма? Зачем она понадобилась?
3. Какие изменения произошли в области права за годы реформ?
4. Что препятствовало реформе образования? Что удалось сделать?
5. Какую роль играли державы в реформировании империи?
6. Почему и в чём результаты реформ оказались двойственными?

Тема 4. ЗАРОЖДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В период реформ в Османской империи появилась прослойка молодой, светски и европейски образованной интеллигенции, которая уже не удовлетворялась узкими, как ей казалось, рамками реформ и жаждала побороться за создание в империи конституционного строя.

Летом **1865** г. на даче, в пригороде Стамбула, под видом пикника внук великого везира с пятью приятелями решили создать тайное общество, которое вскоре стало известно как **«Общество новых османов»**. Это была нелегальная политическая организация, куда вошли 245 человек. В целях конспирации она была разбита на группы по семь человек. Среди членов тайного общества были гражданские и военные чиновники, литераторы, писатели, журналисты. В 1867 г. наиболее активные новые османы, которые издавали либеральные газеты и журналы, вынуждены были эмигрировать в Европу. Их издания власти закрыли. Другая группа членов общества предпочла метод заговора против правительства. Но заговор был раскрыт, последовали аресты нескольких десятков членов общества. В результате «новые османы» были вынуждены эмигрировать в Европу, где начали издавать на турецком языке свои газеты.

Именно на страницах этих газет была сформулирована **главная цель** «новых османов» – **превращение Османской империи в конституционную монархию и созыв парламента**. Права султана должны быть ограничены, правительство должно нести ответственность перед законом.

Газеты критиковали правительство за неудачи реформ. «Новые османы» хотели сохранить единство империи – они пропагандировали доктрину османизма, по которой все подданные султана – «османы», «дети одной родины». Они надеялись, что конституци-

онное правление обеспечит стабильность внутри страны и национально-освободительное движение, против которого они резко выступали, само собой затихнет.

Самым известным деятелем среди новых османов стал **Намык Кемаль**. Он был выходцем из среды высшего турецкого чиновничества, работал политическим журналистом. Его главная идея была та, что властные полномочия правительства должны быть получены от тех, кем оно управляет. Политические права граждан должны уважаться. Как истинный мусульманин, Кемаль пытался стихами из Корана оправдать принцип представительной формы правления. «Моделью мира» он считал форму правления в Англии. Находясь в Лондоне и Париже, Кемаль продолжал заниматься журналистикой. В 1870 г. он вернулся на родину. Британский посол докладывал, что в это время слово «конституция» в империи было уже у всех на устах. Деятельность «новых османов» подготовила почву для практического осуществления конституционной реформы.

К 1876 г. условия для продвижения конституционной реформы в жизнь созрели. Этому способствовали и такие события, как случившаяся в 1873 г. в Анатолии **засуха**, повлекшая за собой страшный голод, продолжавшийся до 1875 г. Отсутствие кормов вызвало массовый падеж скота. Вспыхнула **эпидемия холеры**. Зима выдалась настолько суровая, что в пригородах Стамбула появились волки, нападавшие на людей. Кроме всего прочего, наступил **полный финансовый коллапс** – денег в казне не было, всё уходило на оплату долгов. **Ашар перестал быть десятиной – он был повышен с 10 до 12,5%**.

Начался новый взрыв народного возмущения в разных районах империи. **Крестьянские восстания** в **1875 г.** прокатились по **Боснии и Герцеговине**. Мощное восстание вспыхнуло **в Болгарии**. Оно было подавлено неимоверно жестоко – дотла спалив множество деревень, турки-каратели не различали ни возраста, ни пола,

убив за один месяц около 12 тыс. христиан. Произошли **волнения в Македонии**, в Салониках были убиты консулы Франции и Германии. Британский посол в Стамбуле высказался по этому поводу так: «Мы поддерживали то, что было лишь полуцивилизованной нацией», имея в виду Османскую империю. Возникла реальная угроза вмешательства европейских государств во внутренние дела империи.

В таких условиях сторонники конституционной реформы активизировались. Их возглавил председатель Государственного совета и великий везир **Мидхат-паша**. Он был единомышленником «новых османов». Абсолютная власть султана, полагал он, узурпировала права народа и тем самым нарушала священный закон ислама. По священному закону послушание народа не полагалось правителю, который игнорировал интересы государства.

В мае 1876 г. состоялся государственный переворот – тогдашний султан Абдул-Азиз был свергнут на основании «умственного расстройства, уклонения от решения политических вопросов, использования доходов государства на личные цели и поведение, в целом опасное для государства и общества». Вернувшийся на родину Намык Кемаль получил пост личного секретаря нового султана Мурада. Но Мурад заболел острым нервным расстройством, и его место должен был занять его младший брат **Абдул-Хамид**. Мидхат-паша ознакомил будущего султана с проектом конституции и заручился его обещанием обнародовать конституцию.

Став султаном, Абдул-Хамид II назначил Мидхат-пашу великим везиром и выполнил свое обещание – **обнародовал конституцию в декабре 1876 г.**, которую в дальнейшем стали называть «конституцией Мидхата». Торжественная церемония провозглашения конституции состоялась 23 декабря 1876 г. Она была приурочена к открытию международной конференции шести держав в Стамбуле, которая должна была рассмотреть проект автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии (незадолго до этих событий Сер-

бия и Черногория объявили войну империи, поддержали повстанцев Боснии и Герцеговины). Провозглашение конституции создавало возможность отклонить этот проект держав и продемонстрировать самостоятельность империи в решении своих внутренних проблем. Когда раздались звуки салюта в честь провозглашения конституции, турецкий представитель на конференции держав заявил: «Господа, эти выстрелы означают милость султана, даровавшего конституцию, которая гарантирует всем гражданам империи равные права и конституционные вольности. Я полагаю, что ввиду этого великого события наши труды становятся излишними». Конференция стала бессмысленной но продолжила свою работу, и теперь турецкие представители стали решительно отвергать все предложения держав.

Конституция 1876 г. делала Османскую империю конституционной монархией. Она провозглашала целостность и неделимость Османской империи. Подданные империи объявлялись османами, официальным языком – турецкий, ислам – государственной религией. Конституция объявляла личность султана священной и неприкосновенной, она подтверждала титул султана как халифа всех мусульман-суннитов. Султан наделялся широкими полномочиями – мог назначать и сменять министров, заключать договоры с иностранными державами, объявлять войну и заключать мир, утверждать законы, принятые парламентом, и прекращать их действие, созывать и распускать парламент. Конституция гарантировала неприкосновенность личности и имущества, свободу печати, объявляла равенство всех подданных перед законом без различия вероисповедания. Провозглашалось введение в стране парламентской системы: предусматривался двухпалатный парламент – сенат из пожизненно назначаемых сенаторов и палата депутатов, которые избирались на основе высокого имущественного ценза.

Истинное отношение султана к провозглашённой им конституции выразилось в том, что он запретил печатать в газетах поздрав-

ления по случаю принятия конституции. А как только конференция держав в Стамбуле закончила свою безуспешную работу и европейские державы отозвали своих послов из Стамбула, он сместил Мидхат-пашу с поста великого везира без объяснения причин. Мидхата на яхте султана отправили в изгнание в Италию (три года спустя, по возвращении на родину, он подвергся пыткам и был приговорён к смерти. Приговор был заменен на пожизненное заключение в одной из арабских крепостей, где он был убит в 1884 г.). Вместе с ним и другие активные сторонники конституции были высланы за пределы империи. В 1878 г. султан распустил палату депутатов на неопределенный срок (парламент не созывался на протяжении последующих 30 лет), хотя парламент стал послушным орудием султана, прозванным в народе «эвет, эфенди!» («да, господин», т.е. «слушаюсь, господин»). Конституция формально не была упразднена, но она и не «работала».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Кто и для какой цели создал «Общество новых османов»?
2. Какие идеи проповедовал Намык Кемаль?
3. Какие предпосылки ускорили конституционное движение в империи?
4. Какова была позиция великого везира Мидхат-паши?
5. Что собой представляла конституция 1876 г., провозглашенная Абдул-Хамидом?
6. В чём и как проявилось истинное отношение Абдул-Хамида к конституции и парламенту?

Тема 5. РЕЖИМ АБДУЛ-ХАМИДА II (1876–1909 гг.)

Абдул-Хамид II принадлежал к той категории восточных правителей, которые приходили к власти ради самой власти. Он понимал дело так, что народ должен нести ответственность перед

султаном, а не султан перед народом. Как быстро выяснилось, он использовал «новых османов» и конституционалистов в целом, чтобы обещанием провозгласить конституцию укрепить свои позиции во власти. Он фактически был на стороне так называемых «старых турок». Его приход к власти и его политика стали откатом к жёсткому деспотизму. Это была реакция на реформы той части населения турецкой империи, которая не принимала никаких изменений и нововведений и которая фактически отстаивала традиционные институты и нормы.

В империи установилась абсолютная власть султана Абдул-Хамида.

Немаловажным фактом было то, что султан страдал хроническим нервным расстройством, он испытывал иррациональный страх за свою безопасность, не доверял никому из своего окружения. Как и многие восточные деспоты, он мучился манией величия и манией преследования. Он превратил свой дворец в крепость и окружил себя армией шпионов, секретной полицией и осведомителями. Жители империи в эти годы говорили, что одна половина населения занималась тем, что шпионила за другой половиной. **Османская империя стала полицейским государством**. Султана интересовали слухи, распространявшиеся на базарах и в кофейнях Стамбула. Он не расставался со специальным журналом, куда заносилась информация о подслушанных разговорах. Турецкий автор свидетельствовал: «Темные улицы Стамбула застыли от страха. Шпионы, шпионы… Все боялись друг друга, отцы – детей, мужья – жён… Из изменников вербовались слуги, из воров – министры. На грудь, в которой не было ничего, кроме грязи, цеплялись ордена с драгоценными камнями, негодяям давали высокие посты».

В учебных заведениях **выросло религиозное влияние**. Лекции преподавателей контролировались: специальные инспекторы ходили не только на лекции по богословию, литературе и истории, но даже на спецкурсы по техническим дисциплинам. История, ко-

торую изучали в колледжах и училищах, свелась к краткой истории ислама и династии Османа. Запретили книги Руссо, Вольтера, Шиллера и Шекспира, Гюго и Золя, Толстого и Байрона. **Свирепствовала цензура**. В газетах разрешали печатать материалы только о драгоценном здоровье Его Величества, об улучшении экономики за последние годы, об успехах внешней политики. Запрещались слова «конституция», «республика», «тирания», «забастовка». Нелегально распространявшийся юмористический журнал «Молла Насреддин» писал в это время: «Правительство Его Величества турецкого султана запретило своим подданным даже чихать на улице». Репрессивный, реакционный режим, который установился в империи, жители империи стали называть **«зулюм»** (гнёт).

Во время правления Абдул-Хамида Османская империя окончательно «потеряла» Болгарию и признала особый статус Британии в Египте. В Европе от Османской империи осталась только Македония, самый центр Балкан. Султан хотел сохранить оставшуюся часть империи. Отношения с европейскими странами при нём были напряженными, как никогда ранее.

Надо сказать, что несмотря на разгул цензуры и репрессий, который инициировал султан, он, к удивлению европейских наблюдателей, продолжил дело реформ в области образования, завершил создание профессиональной государственной службы. При нём распространение просвещения привело к тому, что число врачей, журналистов, профессиональных коммерсантов и промышленников значительно выросло. Способствуя увеличению числа образованных людей в империи, султан тем самым способствовал и росту оппозиционных настроений среди появившейся мыслящей и активной военной и гражданской интеллигенции.

В империи были построены телеграф, железные дороги, типографии. Жестокий тиран открывал дверь в модернизированное будущее народов, населявших империю, вовсе не желая этого. То, чего он на самом деле желал – это **восстановить сильный, тра-**

диционный исламский режим. Молодёжи, обучавшейся в современных колледжах, внушалось, что европейская цивилизация заимствовала из ислама и свою конституционную систему, и науки – алгебру, химию, физику. Современные изобретения – компас, черный порох, литературу – европейцы тоже заимствовали из исламского мира. **Панисламизм стал самой распространенной идеологией в империи**.

В 1881 г. Абдул-Хамид своим указом объявил о создании **Администрации оттоманского долга**. В Администрацию вошли представители Англии, Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии и Оттоманского банка. Они получили право собирать налоги и пошлины с целью обеспечить выплаты по громадному внешнему долгу империи. Теперь они распоряжались доходами от табачной и соляной монополий, сбором от спирта, гербовым сбором, сбором десятины – ашара. Администрация стала инструментом установления иностранного контроля над экономикой и финансами империи. Это свидетельствовало о полном превращении Османской империи в полуколонию держав. Во всей империи в это время был один-единственный турецкий банк – Сельскохозяйственный. Долговая удавка стягивалась все сильнее – с 1886 по 1908 г. империя взяла 11 займов. Державы получали новые концессии, выгодные заказы, иногда землю.

В конце XIX в. в империи резко возросло присутствие и влияние **Германии**. Германия стала единственным надежным союзником султана и Порты. В 1898 г. германский кайзер Вильгельм II посетил Османскую империю. Он объявил себя покровителем мусульман. Вильгельм хотел добиться того, чтобы Османская империя стала главной сферой германского влияния в стратегическом и экономическом смысле. Главным инструментом закрепления германских позиций в империи должна была стать Багдадская железная дорога, которая соединила бы Берлин с Персидским заливом. Абдул-Хамид был тоже заинтересован в строительстве этой и дру-

гих железных дорог, которые бы связали провинции империи, способствуя тем самым экономическому развитию государства, и заодно позволили бы лучше контролировать происходящее на окраинах империи. Армия была поставлена под контроль немецких инструкторов. Султан стал ориентироваться на Германию и во внешнеполитических делах.

В 1894–1896 гг. произошли кровавые погромы армянского населения в двадцати районах восточной части Османской империи. Два с половиной миллиона армян было рассредоточено в этих провинциях, являясь религиозным меньшинством среди мусульман. Исполненные чувства национального самосознания и достоинства, образованные армяне стали добиваться улучшения своего положения: они писали петиции на имя султана, обращались за помощью к христианским державам, создавали политические организации. В 1881 г. была создана организация «Защитники отечества». В Женеве и Лондоне появились революционные партии, в Тифлисе в 1890 г. была создана Армянская революционная федерация, или Дашнакцутюн, члены которой стали известны как дашнаки. Это были националисты, социалисты, анархисты. **«Армянин больше не жалуется. Он теперь требует с оружием в руках»**, – с удовлетворением говорили о себе армяне. Политическая активность армян вызывала всё большее раздражение султана.

В 1893 г. армянские революционеры подняли **восстание в Анатолии** против деспотического правления султана. Затем они выступили против двойного обложения налогами – со стороны племён курдов, которые требовали платы «за защиту», и обычных налогов. Это стало предлогом для начала в 1894 г. кровавой кампании массовых убийств армян, развязанной по указанию султана. В Стамбуле армяне устроили демонстрацию, чтобы вручить правительству петицию с требованиями реформ. Помимо вмешательства полиции, мусульмане-фанатики устроили десять дней террора и насилия. Лавки и магазины армян разграблялись, затем сжигались.

В 1896 г. группа армянских террористов захватила Османский банк, превратив 150 служащих банка в заложников, двое из которых погибли. В этом же году было совершено **покушение на самого Абдул-Хамида.** Взрывом бомбы было убито 20 охранников султана, сам он не пострадал. После этого султан санкционировал погромы армянского населения в Стамбуле, в результате которых погибло свыше десяти тысяч армян.

Погромы были официальной кампанией с применением оружия. Каждая операция проходила по одному и тому же сценарию – сначала в намеченный для погромов город (всего таких городов было 13) вводились турецкие войска, затем курдские племена, из которых Абдул-Хамид приказал сформировать специальные отряды головорезов и которые прозвали «хамидской кавалерией». Начинались резня, поджоги, прочесывание местности. Мужчин закалывали штыками, женщин насиловали, их детей разбивали о камни, деревни сжигались дотла. Нередко массовые убийства приурочивались к пятницам, когда мусульмане были в мечетях, и среди них пускали слух, что армяне замышляют убить их во время молитвы. Мусульмане высыпали на улицы, чтобы расправиться с армянами. При этом мусульманам говорили, что согласно священному закону присвоение имущества мятежников не является грабежом, а если они сопротивляются – их надо убивать. Карателям ставили цель безжалостного сокращения численности армянского населения и экспроприации их земель в пользу турок-мусульман. **Было уничтожено около 300 тыс. человек**.

Представители шести держав выразили протест и потребовали немедленно прекратить бойню. Они пригрозили Абдул-Хамиду лишить его трона. Британия в лице Гладстона заклеймила султана как «Абдула Великого Убийцу», Франция в лице Клемансо назвала его «Кровавым султаном». В 1897 г. державы созвали конференцию, целью которой было навязать империи реформы, которые в том числе должны были разрешить и армянский вопрос, но она

провалилась из-за отсутствия единства и нерешительности самих европейских держав.

Если в первое десятилетие правления Абдул-Хамида II казалось, что оппозиционные настроения в империи подавлены полностью и окончательно, то в последнее десятилетие выяснилось, что конституционное движение не только не заглохло, но продолжало развиваться в труднейших условиях зулюма.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как переводится «зулюм»?
2. Чем можно объяснить откат от реформ к деспотическому режиму?
3. В каких сферах жизни Абдул-Хамид продолжил реформаторскую деятельность?
4. Какая идеология стала самой распространенной в империи и почему?
5. Чем занималась Администрация оттоманского долга и кто туда входил?
6. Какие причины побудили султана к армянским погромам?
7. Как отреагировали державы на армянские погромы?

Тема 6. МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1908–1909 гг.)

В **1889 г.** несколько молодых людей – курсантов, обучавшихся в военно-медицинском училище Стамбула, объединились в законспирированную группу с целью начать борьбу с режимом «кровавого султана». Тайное общество насчитывало 20–25 членов. Оно установило связи с другими учебными заведениями столицы, где тоже были созданы тайные группы. В это же время в Париже группа эмигрантов, покинувших империю в знак протеста против режима Абдул-Хамида II, создала центр оппозиции.

В **1894 г.** возникло подпольное политическое общество под названием **«Единение и прогресс». Главными целями члены общества считали: неделимость империи, невмешательство держав в её дела, продолжение реформ**. Важнейшей практической задачей они считали восстановление в правах конституции 1876 г. За границей издавался журнал под названием «Молодая Турция», и европейцы стали называть членов общества «Единение и прогресс» **младотурками**.

В 1896г. стамбульские младотурки предприняли неудачную попытку государственного переворота. Военный трибунал приговорил к ссылке 80 человек. После этого младотурки переместились в Париж, Женеву и Каир. Отдельные группы младотурок действовали в Румынии, Болгарии и Албании.

В **1902 г. в Париже состоялся первый съезд младотурок,** на который приехали турки, армяне, греки, арабы, евреи, курды, албанцы, черкесы. Младотурки обсуждали **вопрос о власти,** вопрос **о месте и роли европейских держав** в судьбах империи и **национальный вопрос**. Съезд выявил острые разногласия по всем поднимавшимся на съезде вопросам. «Все были согласны насчёт того, что надо разрушить, но мало представляли себе, что надо построить вместо разрушенного», – заявил один из участников съезда. Младотурки не пришли к единому мнению по вопросу о том, как надо поступить с Абдул-Хамидом – оставить его у власти, если он восстановит конституцию, или сместить его; пресечь деятельность европейских держав в империи или поощрять ее; предоставлять свободу национальным окраинам империи или сохранять неделимость империи.

Русская революция 1905 г. активизировала оппозиционные настроения в Османской империи. Начались волнения в армии и на флоте, выступления с требованием отменить целый ряд налогов, сместить особо ненавистных населению чиновников. Антиправительственные настроения ширились и среди учащихся воен-

ных и гражданских учебных заведений. Младотурки распространяли свои нелегальные газеты и журналы среди населения.

В 1907 г. младотурки собрались на второй съезд. Поскольку разногласия по вопросам о власти и роли европейских держав еще не были преодолены, младотурки решили их сознательно обойти и не поднимать. Хотя турецкое этническое ядро партии младотурок насмерть стояло за сохранение неделимости империи, турки понимали, что революцию можно поднять только при активном участии нетурецкого и немусульманского населения. Поэтому было достигнуто устное незафиксированное каким-либо письменным соглашением решение предоставить после революции свободу тем народам, которые хотят отделиться от империи. Сама **революция (вооруженное восстание) была намечена на 1909 г.** Была предусмотрена активная агитация в армии и на флоте в пользу восстановления конституции Мидхата и созыва парламента.

Революция, как ожидалось, должна была начаться скорее всего в Македонии. В Салониках младотурки, заручившиеся поддержкой организованных групп свободных масонов, евреев и донме (т.е. евреев, обращенных в ислам), были настроены более решительно, чем парижские. **Город Салоники стал центром деятельности младотурок**. К тому же в Македонии мятежные настроения среди офицерского состава – элиты турецкой армии – распространялись очень быстро и активно. В 1908 г. начались открытые выступления.

То, что революция вот-вот начнется – она витала в воздухе, понимали и европейские державы. Летом 1908 г. в Ревеле состоялась встреча русского царя Николая II и английского короля Эдуарда VII, которые договорились ввести в Македонию войска с целью «поддержания порядка», т.е. они намеревались задушить революцию в зародыше. Младотурки расценили это событие как реальную угрозу иностранного вмешательства в события в Македонии и угрозу её отделения от империи, поскольку державы были намере-

ны предоставить ей автономию. Младотурки направили консулам держав протест против вмешательства иностранных держав во внутренние дела Македонии и против решений, принятых в Ревеле. Революция началась на год раньше намеченного срока, чтобы державы не успели ввести войска в Македонию.

Два молодых майора **Энвер-бей и Ниязи-бей** во время утренней молитвы увели своих солдат в горы – так началась младотурецкая революция. Другие офицеры последовали примеру Энвера и Ниязи и тоже увели своих солдат в горы. Там был организован военный лагерь, куда окрестное население стало доставлять самодельное оружие – всё колющее и режущее, что изготовляли ремесленники. В лагере была установлена суровая дисциплина – никаких грабежей не допускалось. Повстанцы отрастили волосы, бороды и усы – дали себе зарок не стричься и не бриться до победы. Султан попытался отправить верные ему части против повстанцев, но они ему не подчинились. Повстанческие отряды стали бескровно брать в свои руки власть в городах Македонии, начиная с Салоников.

Летом 1908 г. партия младотурок отправила султану телеграмму-ультиматум с требованием в 24 часа восстановить конституцию. В противном случае младотурки угрожали султану заменить его наследником и предпринять поход на Стамбул. В это же время султан получил десятки посланий от местных властей, которые просили его восстановить конституцию, чтобы не спровоцировать гражданскую войну. Совет министров единодушно проголосовал за восстановление конституции. Султан уступил требованиям младотурок и собственных министров – он послал телеграмму в Македонию о том, что конституция вновь вступила в силу, и поклялся в том на Коране. Абдул-Хамид спас свой трон.

Эйфория охватила Стамбул. Обросшие люди в овечьих шкурах спустились с гор и всюду слышались возгласы: «Да здравствует конституция!», «Долой шпионов!», «Да здравствует султан!». Не-

сколько дней праздновалась победа революции. Энвер-бей заявил: «Впредь мы все братья. Больше нет болгар, греков, румын, евреев, мусульман; под одним для всех голубым небом мы все равны, мы родимся быть османами». Люди, обнявшись, шли на христианские кладбища, чтобы помянуть жертв армянской резни. Освобождались политзаключенные. Была распущена 30-тысячная тайная полиция. Отменялась цензура.

Младотурки, отпраздновав победу, не пошли во власть. Они не стали формировать правительство, заявив, что будут стоять на страже конституции и бдительно контролировать ситуацию. На съезде в 1908г. было принято решение о преобразовании общества «Единение и прогресс» в политическую партию. Младотурки надеялись, что теперь султан будет править, опираясь на конституцию. Но довольно скоро иллюзии революционеров относительно Абдул-Хамида рассеялись.

Реакция перешла в наступление. «**Общество единения мусульман»** стало политическим центром притяжения тысяч недовольных уволенных шпионов, чиновников, офицеров, дворцовых слуг, не говоря о массе духовных лиц, которые были мусульманскими фундаменталистами. «Общество» выступало за то, чтобы в империи правил священный закон ислама – шариат, и против любых реформ.

Весной 1909 г. был поднят контрреволюционный мятеж в Стамбуле. Подняли мятеж солдаты стамбульского гарнизона, руководимые офицерами, уволенными из армии младотурками. Мятежники – их было около 30 тыс. человек – потребовали восстановления действия священного закона, религиозные экстремисты кричали **«Долой конституцию!», «Долой младотурок!»**. Они разгромили стамбульский центр партии младотурок и редакции их газет. Фанатично настроенные студенты медресе, вместе с военными, ворвались в здание парламента и разогнали депутатов. Депутаты-младотурки, которых было большинство в парламенте, бе-

жали, двое были убиты. Абдул-Хамид принял требования мятежников и объявил об амнистии всем им. Одновременно произошло массовое убиение нескольких тысяч армян.

Как только известие о контрреволюционном мятеже достигло Салоник, войска двинулись в Стамбул и за пять часов подавили мятежников. Многие из них были повешены на площадях города. Около 10 тыс. их было выслано из столицы. По улицам Стамбула провели длинную процессию, растянувшуюся на полкилометра, состоявшую из шпионов, поваров, евнухов, невольников и обезоруженных офицеров султана.

Всем стало понятно, что **именно Абдул-Хамид стоял за спиной мятежников.** Парламент принял решение сместить султана. Шейх-уль-ислам выпустил фетву о его низложении как недостойного власти. Жизнь султану была сохранена. Он был отправлен в Салоники. Македонские войска арестовали свыше шести тысяч сторонников низложенного султана. Новым султаном был провозглашен брат Абдул-Хамида Мехмед V.

На этот раз младотурки пошли во власть. Они сформировали правительство. Парламент внес **новые статьи в восстановленную конституцию 1876 г.** Существенным образом ограничивались права султана: он больше не назначал и не увольнял министров, не созывал и не распускал парламент. Заключать договоры он мог только с одобрения парламента. Было аннулировано право султана отправлять в ссылку неугодных. Любые действия султана отныне должны были согласовываться с парламентом. Как конституционный монарх, он царствовал, но не правил. Правительство несло ответственность перед парламентом, а не перед султаном.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Кого стали называть младотурками?
2. Какие вопросы обсуждались на I и II съездах младотурок?

3. Почему султану пришлось согласиться на восстановление конституции?

4. После какого события Абдул-Хамид был низложен?

5. Чем отличалась Младотурецкая революция от Синьхайской в Китае и Иранской революций?

6. Какие новые статьи были внесены в конституцию?

Тема 7. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Младотурки очень быстро отошли от призывов к братству и единению народов империи. В своей идеологической политике они опирались на **национализм**, который принимал формы **османизма, панисламизма и пантюркизма**. Османизм, как его понимали на данный момент младотурки, точно определил тогдашний британский посол: «Осман неизбежно означает «турок», и их теперешняя политика «османизации» является политикой измельчения нетурецких элементов в турецкой ступке». Турецкий язык навязывался арабам, албанцам и другим нетурецким мусульманам. Были закрыты клубы и общества греческих, болгарских и других меньшинств на Балканах. Таким образом, османизм оказался лишенным своего содержания. Концепция панисламизма – мечта о единой мусульманской Азии – оставалась за пределами реальности в силу своей несбыточности в обозримом будущем, но тем не менее оставалась достаточно популярной.

Пантюркизм предполагал единение всех тюркоязычных народов Центральной Азии и живущих также в Монголии, Китае, России, Европе. Турки были доминирующей этнической группой в партии «Единение и прогресс». Они стали, вдогонку народам Балкан, давно ощутившим себя нациями, вырабатывать собственное осознание своей идентичности, ощущение себя как нации. В **1912 г.** появились так называемые «**Турецкие очаги»**, занимавшиеся национальным просвещением.

Практическая национальная политика младотурок проявила себя в закрытии оппозиционных газет и журналов арабских политических организаций, в карательных расправах с курдскими повстанцами, с албанцами, которые стремились к национальной независимости, в разжигании вражды между курдами и армянами.

За десятилетний период правления младотурок **сменилось 14 правительств**.

Младотурки были настолько заняты своей внутрипартийной борьбой, что оказались совершенно неподготовленными к войне с Италией, которая в 1912 г. подписала мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика – две африканские провинции Османской империи – становились колонией Италии под названием Ливия.

Буквально на следующий день началась первая Балканская война, которую инициировала против империи коалиция балканских государств (Балканский союз) – Болгария, Греция, Сербия и Черногория. Причиной войны был отказ младотурок предоставить автономию Македонии и Фракии. Эта война тоже застигла турок врасплох. Турецкая армия, терпя одно поражение за другим, продержалась всего шесть недель. В 1913г. по Лондонскому миру почти все европейские территории империи были поделены между странами-победительницами. Албания стала самостоятельным княжеством.

Вскоре началась вторая балканская война за передел уже поделённых территорий. Эта война продолжалась всего месяц. По Бухарестскому миру Болгария уступила каждому из своих соседей часть территории и утратила свое ведущее положение на Балканах.

Убийство оппозиционными силами великого везира в 1913 г. привело к объявлению вне закона всех политических партий в империи. Теперь младотурки правили без оппозиции и установили столь же абсолютную власть, каковой была недавняя власть Абдул-Хамида. **Страной стал править триумвират: Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша**.

Во внешней политике младотурки попытались предложить Британии и Франции союз, но все попытки (их было шесть) закончились неудачей. Поэтому триумвирату не осталось ничего, кроме **ориентации исключительно на Германию**. Энвер-паша был в восторге от силы и эффективности германской военной системы и пытался внедрить ее методы в турецкой военной системе. По его просьбе из Германии прибыла новая и многочисленная военная миссия со значительно расширенными полномочиями – сорок человек во главе с генерал-майором Лиманом фон Сандерсом. Немцы контролировали армию и военное ведомство.

Вильгельм II разработал план создания «Великого германского рейха», который включал и контроль над Османской империей. Становилось все более очевидным, что Германия планировала в конечном счете установить контроль над проливами, которые были ключом к Востоку. По инициативе Энвера в начале августа 1914г., в первые дни Первой мировой войны, был заключен секретный союз между Турцией и Германией. По его условиям правительство младотурок брало на себя обязательство вступить в войну на стороне стран Тройственного союза в случае, если Россия вмешается в австро-сербский конфликт.

В октябре германский адмирал повел мощную турецкую эскадру в Чёрное море. Секретный приказ Энвера был таков: «Найдите русский флот и атакуйте его на месте, без объявления войны». Турецкий флот без предупреждения подверг бомбардировке Одессу, Севастополь и Новороссийск и потопил ряд русских судов. 5 ноября Британия, Россия и Франция объявили войну Османской империи.

Мустафа Кемаль, на тот момент военный атташе в Болгарии, как и очень немногие другие среди военных и младотурок, решительно возражал против союза с Германией, так как считал, что если Германия выиграет войну, она превратит остатки империи в своего сателлита, а если проиграет – в чем он был уверен – тогда империя потеряет всё. Министр финансов Джавид-бей вышел из

правительства младотурок, заявив: «Если даже мы победим, мы окажемся на развалинах».

На кавказском фронте турецкую армию спасла от поражения Февральская революция в России. Близость расселения армян к кавказскому фронту, где действовала русская армия, стала удобным предлогом преследований армян **в 1915 г.** Их стали выселять и убивать в масштабах, которые превзошли зверства времён Абдул-Хамида II. **Из миллиона армян более половины либо погибли, либо бежали**.

Османская империя вступила в последнюю фазу своего упадка и окончательной гибели. Багдад пал, британские войска двинулись во внутренние районы Ирака. Арабы подняли революцию во имя арабской независимости, которая распространилась на все арабские земли и оказала большое влияние на исход войны и ее последствия. Осенью 1918 г. войска союзников захватили Иерусалим. Британцы выметали турок из Сирии, как писал арабский историк, «подобно чертополоху под напором ветра». Мустафа Кемаль командовал остатками турецких войск, которые обороняли территорию собственно Турции – земли Анатолии – родового гнезда развалившейся империи.

30 октября 1918 г. было подписано перемирие между Британией и Турцией. «Больной человек Европы», наконец, скончался. Лидеры младотурок сбежали в Европу, оставив страну на произвол судьбы. Союзники заняли Стамбул и стали уточнять планы расчленения бывшей империи и её колыбели – Анатолии. Мустафа Кемаль сумел сохранить турецкую государственность, возглавив национально-освободительное движение и против султана, и против держав, пошедших на гражданскую войну против Турции. **В 1923 г. державы на Лозаннской конференции признали Турецкую республику**, провозглашённую Кемалем 29 октября 1923 г. Вместо Османской империи на политической карте мира появилось самостоятельное турецкое государство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1500–1800 гг. в мире господствовала азиатская, а не европейская экономика. В 1750 г. население Азии, составлявшее 66% мирового, производило 80% мирового валового продукта, а 20% европейского населения производило менее 20% мирового продукта. Доходы на душу населения в Азии, особенно в Китае, тоже были выше, чем в Европе. Единственным товаром, который европейцы могли поставлять на мировой рынок в это время, было серебро. Китай был крупнейшим «резервуаром» накопления серебра.

После 1800 г. начинается расцвет Запада и упадок Востока – Азия и Европа поменялись местами в мировой экономике. На вопросы о причинах начавшегося «отставания» стран Азии от динамично развивавшегося Запада, а также месте и роли стран Азии в новом раскладе сил отвечает изучение истории этих стран в период от XVII до начала XX столетия.

С XVII в. по конец Первой мировой войны народы Азии прошли определённый этап своего исторического пути. XVII – середина XIX столетия – это время полновластного господства традиционного общества. Середина XIX века – время, когда внешний – экзогенный – фактор начинает оказывать доминирующее влияние на дальнейшие судьбы азиатских государств. Вместе с превращением подавляющего большинства азиатских государств в колонии и полуколонии начинается и процесс их включения в складывавшуюся мировую капиталистическую систему, в международное разделение труда, в процесс модернизации.

Начавшаяся модернизация стала мучительным, болезненным процессом ломки, перестройки, трасформации традиционных экономических, политических, социальных институтов в соответствующие институты индустриального общества. Сложившееся

традиционное равновесие всех структур общества, существовавшее в течение многих столетий, было нарушено, и азиатские общества вступили в длительный процесс переходного состояния, когда бок о бок сосуществовали традиционные и современные институты, частью автономно, частью взаимопроникая и сливаясь друг с другом, частью полностью заменяя друг друга.

Буржуазные институты и отношения, привнесённые и инициированные западными державами, к началу XX столетия постепенно становились органической частью жизни азиатских обществ. Капитализм «доразвивался» до одного из укладов многоукладной экономики. Уже не традиционная, но ещё не индустриальная экономика азиатских стран начала преобразовываться в не похожие на классическую модель генезиса капитализма специфические, переходные модели развития.

Политическая система тоже видоизменилась – появились заимствованные у Запада конституция, парламент, политические партии. Изменился общественно-политический строй азиатских государств – они стали конституционными монархиями, республиками.

Социальная структура претерпела существенные изменения – исчезли традиционные сословия, появились национальная буржуазия, рабочие, интеллигенция. Обретались новые профессии – юриста, журналиста, инженера, преподавателя и т.д.

Обширный традиционный сектор сохранялся. Традиционные институты – каста, племя, большая семья, землячество, религия – продолжали оказывать своё воздействие на формирующееся индустриальное общество. Маятник массового сознания в этот период чаще качался в сторону традиционализма. Пример Тайпинской крестьянской войны показал, как попытка кардинальной переоценки ценностей путём приобщения к христианству не удалась, поскольку в головах самих тайпинов оставалось много элементов традиционного сознания, а идея равенства, столь привлёкшая их в христианстве, соотносилась с древними китайскими идеями «да-

тун» и «тайпин». Восстание ихэтуаней – пример воинствующего традиционализма, когда восставшие с ненавистью разрушали всё, что пришло с Запада. Такие примеры можно найти и в истории этого периода других азиатских стран.

Самой «оторвавшейся» от традиционного мировоззрения частью населения азиатских стран стала народившаяся интеллигенция, которая прошла за изучаемый нами период непростой путь переоценки ценностей, сложившихся представлений традиционного общества. В их европейски образованных головах разрушалась традиционная модель мира. В их душах чувство ущербности перемежалось с чувством превосходства. Именно в этой среде зрела идея необходимости обрести свободу от колониального порабощения, строились планы, какими методами лучше всего этого достичь.

Страны Азии прошли к окончанию Первой мировой войны только часть пути к освобождению от колониализма. Это была начальная часть пути, сложная, противоречивая, болезненная, но она была пройдена.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Документы

Документы по истории японской деревни. Часть 1, конец XVII – первая половина XVIII в. М., 1966. 144 с.

Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. 327 с.

Практикум по истории стран зарубежного Востока (Индия, Иран, Турция) : учеб. пособие для вузов / Н.А. Акимкина, М.А. Люксембург. М. : Высшая школа, 1963. 170 с.

Синьхайская революция : сборник документов и материалов. М., 1968. 349 с.

Тайпинское восстание 1850–1864 гг. : сборник документов. М., 1960. 336 с.

Основная литература

Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М. : Дрофа, 2010. 541 с.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. М. : ИВ РАН – Крафт+, 2004. 648 с.

Васильев Л.С. История Востока : в 2 т. М. : Высшая школа, 2001. Т. 1. 512 с.; Т. 2. – 560 с.

История Востока в 6 т.: Т. 3 : Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М. : «Вост. лит.» РАН, 1999. 696 с.; Т. IV : Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Кн. 1. М. : «Вост. лит.» РАН, 2004. 608 с.; Кн. 2. М. : «Вост. лит.» РАН, 2005. 574 с.; Т. 5: Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М. : «Вост. лит.» РАН, 2006. 717 с.

История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 736 с.

История Японии : учеб. пособие : в 2 т. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. Т. 1 : С древнейших времен до 1868 г. 659 с.; Т. 2. 1868–1998. 703 с.

Кей Дж. История Индии. М. : Астрель, 2011. 761 с.

Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии XX в. М. : КРАФТ, 2009. 528 с.

Новая история Индии. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 834 с.

Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX вв. : в 3 ч. / под ред. А.М. Родригеса. М. : ВЛАДОС, 2010. Ч. 1. 400 с.; Ч. 2. 463 с; Ч. 3. – 511 с.

Дополнительная литература

Брендон Пирс. Упадок и разрушение Британской империи. 1781–1997. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 957 с.

Дейноров Э. История Японии. М. : АСТ, 2008. 767 с.

Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М. : ИВ РАН, 1998. 240 с.

Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720–1830. М. : Наука, 1972. 206 с.

Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М. : КРОН-ПРЕСС, 1999. 696 с.

Льюис Рафаэла. Османская Турция. Быт, религия, культура. Смоленск : Русич, 2004. 400 с.

Мак-Клейн Джеймс Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М. : АСТ Астрель, 2011. 895 с.

Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М. : ГИВЛ, 1991. 261 с.

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М. : Наталис: Рипол Классик, 2006. 736 с.

Мещеряков А.Н. Стать японцем. М. : Эксмо, 2012. 432 с.

Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М. : «Вост. лит.» РАН, 1999. 320 с.

Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М. : Ин-т востоковедения, 2005. 712 с.

Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю : в 3 т. М., 1977. Т. 2. 504 с.

Неру Джавахарлал. Открытие Индии : в 2 кн. М. : Полит. лит., 1989. Кн. 1. 460 с.; Кн. 2. 507 с.

Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М. : Наука, 1978. 203 с.

Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М. : Наука, 1990. 187 с.

Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX – начало XX в.). – М. : Наука, 1988. 244 с.

Прасол Александр. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. М. : Астрель: CORPUS, 2012. 526 с.

Турция в XX веке : сб. ст. М. : ИВ РАН, ИСАА, 2004. 352 с.

Уолперт С. Индия: История, культура, философия. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 319 с.

Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. 496 с.

Фрили Джон. Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004. 399 с.

Цивилизации. Вып. 5 : Проблемы глобалистики и глобальной истории / отв. ред. акад. А.О. Чубарьян. М., 2002. 239 с.

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ «СТРАНЫ АЗИИ НА ПУТИ ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ (XVII – начало XX в.)»

Введение

Данная учебная дисциплина входит в раздел «Б.3. Профессиональный цикл; вариативная часть» ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 030600 – История.

Для изучения дисциплины необходимы компетенции, сформированные у обучающихся в результате освоения дисциплины «История древнего Востока» и «История стран Азии и Африки в период средневековья».

Цель освоения дисциплины – овладение базовыми знаниями о ходе исторического процесса в странах Востока, общности их судеб и особенностях развития каждой страны.

Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины (модуля)

В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать:

– существенные черты понятий «колониализм», «традиционное общество», «индустриальное общество», «колония», «полуколония», «доминион», «концессия», «стратагемное мышление», «ранняя буржуазная революция» и др.;

– основные события, определившие ход дальнейшего развития той или иной страны, основные имена исторических деятелей;

– общие и специфические черты развития стран Азии и Африки.

Уметь:

– анализировать и критически осмысливать проработанный материал лекций и учебной литературы;

– осуществлять самостоятельный поиск информации, используя различные ресурсы, включая глобальные компьютерные сети;

– представлять результаты своей образовательной и исследовательской деятельности.

Данная дисциплина способствует формированию компетенций, предусмотренных ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 030600 – История:

а) общекультурных (ОК):

– способен совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень (**ОК-1**);

– способен к адаптации к новым ситуациям, к изменению научного и научно-производственного профиля своей профессиональной деятельности, социокультурных и социальных условий деятельности, переоценке накопленного опыта (**ОК-3**);

– готов к принятию ответственности за свои решения в рамках профессиональной компетенции, способен принимать нестандартные решения, разрешать проблемные ситуации (**ОК-6**);

б) профессиональных (ПК):

– способен использовать знания в области гуманитарных, социальных и экономических наук при осуществлении экспертных и аналитических работ (**ПК-1**);

– способен самостоятельно приобретать и использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой деятельности, расширять и углублять своё научное мировоззрение (**ПК-3**);

– способен применять современные методы и методики исследования (**ПК-5**);

– способен к критическому анализу собственной научной и прикладной деятельности (**ПК-8)**;

– способен использовать в исторических исследованиях тематические сетевые ресурсы, базы данных, информационно-поисковые системы (**ПК-14**);

– способен к подготовке аналитической информации (с учетом исторического контекста) для принятия решений органами государственного управления и местного самоуправления (**ПК-21**);

– способен к использованию баз данных и информационных систем при реализации организационно-управленческих функций (**ПК-22**).

Объем дисциплины и виды учебной работы – 3 зачетные единицы, 96 часов.

Тематический план (разделы дисциплины, темы занятий, количество часов)

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, часы			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям)
				В том числе			
				Лекции	Практические занятия	СРС	
1	Предмет и задачи курса	5	1	2			
	Вводная лекция. Хронологические рамки и содержание курса. Обеспечение курса учебной литературой				2		
	Колониализм и его роль в развитии стран Запада и Востока		2	2		2	
	Китай под властью маньчжурской династии Цин в XVII–XIX вв. ---------- (Традиционное общество в период правления Цинов. Внешнеполитическая доктрина и политика Цинов. «Опиумные» войны Британии и Франции. Становление отношений с Россией. Крестьянская война тайпинов. Политика «самоусиления». Движение за реформы 1895-1898 гг. Синьхайская революция). Китай в годы Первой мировой войны		3 6 ---	10 -------	2 -------	2 ---	----------
	Япония в XVII – XIX вв. (Традиционное общество Японии. «Закрытие» страны. Становление отношений с Россией. «Открытие страны». Мэйдзи Исин. Реформы. Промышленный рывок Японии. Агрессивная внешняя политика Японии в конце XIX – начале XX в. Японо-китайская война 1894–1895 гг. Война с Россией 1904–1905 гг. Япония в период Первой мировой войны)		7 – 8	10		2	
2	Индия в XVII – начале XX в.	10			6		
	(Община и каста в Индии. Индуизм. Распад империи Моголов. Покорение Индии английской Ост-Индской		9 –				

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, часы			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям)
				В том числе			
				Лекции	Практические занятия	СРС	
	компанией. Превращение Индии в колонию Британии. Национальное (сипайское) восстание 1857–1859 гг. Создание Индийского Национального Конгресса. Революционный подъём в Индии в 1905–1908 гг. Индия в период Первой мировой войны)		11				
	Иран в XVII – начале XX в. (Традиционное общество Ирана. Роль шиитского духовенства. Политическая история Ирана в XVII – XVIII вв. Восстание бабидов. Попытка и неудача реформ. Борьба Британии и России за Иран. Превращение Ирана в полуколонию. Табачный бунт 1891 г. Иранская революция. Иран в годы Первой мировой войны)		12 – 13	2	4	4	
	Османская империя в XVII – начале XX в. (Традиционное общество. Возникновение национального вопроса. Роль армии. «Восточный вопрос». Реформы Селима III, Махмуда II. Танзимат. Кровавый режим (зулюм) Абдул-Хамида II. Младотурецкая революция)		14–16		4	4	
	Африка в новое время. Обзорная лекция.				2		
	Самостоятельная работа студентов по ходу слушания лекций – написание рефератов, побуждающих их к самостоятельным размышлениям и умозаключениям (такие темы нельзя скачать в готовом виде):					6	Рефераты в течение семестра
	Тематика рефератов: 1. Общие и отличительные черты реформ, проводимых в XIX в. в Китае, Иране, Османской империи. Их достижения и неудачи.						

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, часы			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям)
				В том числе			
				Лекции	Практические занятия	СРС	
	2. Восстания середины XIX в. в Китае (тайпины), Индии (сипаи), Иране (бабиды): сравнительный анализ причин, движущих сил, идеологии и результатов. 3. Переход от традиционного общества к индустриальному в странах Востока: что осталось незыблемым и что существенно изменилось к периоду Первой мировой войны? 4. Почему Япония не стала ни колонией, ни полуколонией западных держав? 5. Революции эпохи «пробуждения Азии» (Синьхайская, Иранская, Младотурецкая): что они изменили и что осталось без изменений? 6. Почему оказалось возможным покорение Китая маньчжурами? 7. Почему оказалось возможным покорение Индии британцами? 8. Как повлияли религиозные и философско-этические учения народов Востока на их политическое и социальное развитие?						

Образовательные технологии

В ходе обучения студенты реализуют свои исследовательские проекты по предложенной тематике. Для организации текущего контроля используется технология портфолио, которая предполагает подготовку студентами набора продуктов образовательной деятельности, отражающих уровень освоения образовательных компетенций.

Основанием для выделения блоков программы является выделение этапов организации исследовательского проектирования: рождение замысла исследовательского проекта, разворачивание инициативы через

консультации по поводу поиска литературы, в которой можно найти соответствующий материал, презентация инициативы и последующего оформленного результата (реферата).

Блок 1. Актуализация имеющихся знаний и личностного опыта для проявления исследовательской инициативы

Образовательная задача – обретение самостоятельного опыта разработки исследовательского проекта.

Образовательный результат – участие в обосновании актуальности обсуждаемых проблем и проявление замысла исследовательского проекта с указанием проблемы, цели и предполагаемых результатов.

Содержание образовательной деятельности:

– самостоятельный поиск ответа на вопросы, содержащиеся в избранной студентом проблеме;

– консультации с преподавателем;

– обоснование результатов проекта, их оценка

Блок 2. Вовлечение студентов в проектную деятельность через разворачивание инициативы в учебном процессе

Образовательная задача – исследование образовательного содержания, результатов проектной деятельности; реконструкция этапов становления проектной компетентности.

Образовательный результат:

– умение формировать цели и задачи своего исследовательского проекта и выбирать пути их достижения;

– конкретизация темы для реализации своего проектного замысла;

– определение формы предъявления результата исследовательского проекта.

Блок 3. Презентация исследовательского проекта и рефлексия

Образовательная задача – организация презентации проекта и исследования содержания образовательного проектирования.

Образовательный результат – освоение концепции образовательного проектирования:

– овладение умениями отстаивать свое мнение и самопрезентации;

– рефлексивный анализ своих проблем и достижений.

Содержание образовательной деятельности:

– презентация проектной работы;

– обсуждение презентации результатов проекта.

– исследование проектирования как особого типа деятельности; определение различий задуманного исследования и получившегося результата.

Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

Оформление проспекта замысла проектной работы:

1) фамилии студента и номер студенческой группы;

2) описание замысла работы – интересующий вопрос, возможные направления поиска ответа, планируемые тематические и хронологически рамки исследования;

3) список литературы и источников.

Требования по содержанию и оформлению проектной работы (реферата): выполненная работа должна являться попыткой самостоятельного поиска и анализа доступной литературы, чтобы приобрести опыт творческого, нетривиального подхода к исследуемой проблеме. Оформленная проектная работа должна иметь следующую структуру:

– титульный лист;

– четкое изложение сути поставленной автором проблемы;

– изложение самостоятельно проведенного анализа поставленной проблемы;

– выводы, обобщающие авторскую позицию по поставленной проблеме;

– список использованной литературы и источников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Раздел 1. Колониализм и его роль в развитии стран Запада и Востока 12
Раздел 2. Китай под властью маньчжурской династии Цин в XVII–XIX вв. 26
Раздел 3. Япония в XVII – начале XX в. 150
Раздел 4. Индия в XVII – начале XX в. 256
Раздел 5. Иран в XVII – начале XX в. 327
Раздел 6. Османская империя в XVII – начале XX в. 390
Заключение 445
Рекомендуемые источники и литература 448
Программа дисциплины «Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.)» 451

Учебное издание

Тамара Александровна Бычкова

СТРАНЫ АЗИИ НА ПУТИ ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ (XVII – начало XX в.)

Учебное пособие

Редактор К.Г. Шилько
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано к печати 26.03.2014 г. Формат $60\times84^{1}/_{16}$.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 26,7.
Тираж 100 экз. Заказ № 90.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28

ISBN 978-9462-1436-0

